

В. А. ЛАВРОВ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
МОСКВА • 1950

В. А. ЛАВРОВ

Член-корреспондент Академии архитектуры СССР

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ

(С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
МОСКВА — 1950

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средняя Азия, на территории которой расположены Узбекская, Таджикская, Туркменская, Киргизская и частично Казахская советские социалистические республики, сыграла в древности и в средневековье огромную, еще полностью не оцененную роль в истории человечества; она хранит на своей территории памятники мирового значения — развалины крупных городов, древних крепостей, прекрасных зданий и следы оросительных систем.

Вопросы среднеазиатского градостроительства обширны и мало исследованы. Предлагаемая работа не претендует на их исчерпывающее изложение, представляя собой ряд очерков, характеризующих архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих в их историческом развитии с древнейших времен до включения Средней Азии в состав Российского государства в середине XIX века.

Дореволюционное русское востоковедение оставило в области изучения исторической топографии среднеазиатских городов некоторое наследство. Наиболее ранней по времени и в то же время наиболее обстоятельной работой является В. Жуковского о Старом Мерве, которое было издано в трудах Академии наук.

Большой вклад в дело изучения истории среднеазиатских городов внес академик В. Бартольд, научная деятельность которого началась в дореволюционное время и была продолжена в советский период.

В своих капитальных работах («История орошения Туркестана», «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Улугбек и его время», «История культурной жизни Туркестана» и др.) академик В. Бартольд, на основе большого фактического материала, наметил историческую концепцию развития среднеазиатского города, главным образом в средневековый, феодальный период его существования.

Продолжением и углублением положений В. Бартольда в области изучения исторической

топографии среднеазиатских городов явились работы члена-корреспондента Академии наук СССР А. Якубовского. Начиная с 1926 года им обследованы и изучены такие контрастные по своей структуре и значению города, как Шахриязб — родина Тимура, с его замечательными памятниками, и Сыгнак — столица Белой орды в XIII—XV веках, — интересный тем, что он лежал на границе земледельческих оазисов и кочевой степи в нижнем течении реки Сыр-Дарья.

Одновременно внимание исследователей привлекает хорезмская проблематика. В 1928—1929 годах А. Якубовским изучены развалины средневековой столицы Хорезма — Ургенча и небольшого города Миздахкан, лежащего близ Ургенча.

Эти работы конкретизировали ряд вопросов исторической топографии среднеазиатского города в важнейших районах страны и дали возможность нарисовать общую картину планировочной структуры средневекового города Средней Азии.

Районы Самарканда и Бухары постоянно привлекали внимание специалистов. Большое значение для выяснения структуры домонгольского раннефеодального города имела экспедиция, проведенная в 1934 году под руководством А. Якубовского, в древний Бухарский район. В результате были обследованы остатки оборонительной стены Кампыр-дувал и множество городов — селений оазиса.

Постоянное внимание советских исследователей было обращено также на район древнего Термеза, одного из крупнейших городов на берегу Аму-Дарьи, на границе с нынешним Афганистаном. Здесь, начиная с 1926 года, производились серьезные и тщательные работы по изучению сложного Термезского городища, начатые Музеем восточных культур под руководством Б. Денике и Б. Засыпкина и продолженные комплексной экспедицией под руководством М. Массона.

После некоторого перерыва вновь, с 1937 года, продолжалось изучение древнего Хорезма экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством проф. С. Толстова. В результате этих работ открыты различные типы поселений огромного исторического периода. Особенно богато представлены городища античного времени (IV в. до н. э.—III в. н. э.), до сих пор мало изученные, и города раннего средневековья (V—VIII вв.).

Открытия хорезмской экспедиции внесли ясность в ранний, недостаточно изученный домонгольский период среднеазиатского градостроительства и обогатили советскую науку ценным материалом.

Наконец, следует упомянуть о работах А. Бернштама в Семиречье (долина рек Талас, Чу, Или). Материалы этой экспедиции открыли широкие перспективы для решения вопроса о культурном взаимодействии кочевой степи и оседлых земледельческих районов и выявили специфические для этой окраины Средней Азии типы городищ и населенных мест.

Кроме того, группой специалистов-историков, этнографов, искусствоведов и архитекторов в течение ряда лет ведется изучение народного жилища различных районов Средней Азии.

Таков очень краткий и далеко не полный перечень работ советских ученых по вопросу о городах Средней Азии, дающих возможность подойти к созданию целостной концепции развития среднеазиатского градостроительства. Все эти работы, прерванные войной, были вновь возобновлены с 1945 года. Послевоенные годы отмечены еще более энергичной работой по историко-археологическому исследованию Средней Азии. Каждый год дает все новые и новые материалы, свидетельствующие о высоком уровне градостроительной культуры страны.

Наша работа целиком опирается на перечисленные материалы в той степени, в какой они были доступны для изучения, ознакомления и использования.

Совершенно естественно, что в работах историков-востоковедов и археологов давался подробный разбор преимущественно исторической топографии города, вопросы же планировочно-композиционные оставались в стороне.

Нами сделана попытка осветить именно эти последние вопросы постольку, поскольку на нынешнем уровне знаний возможно проследить

зарождение и формирование среднеазиатских национальных градостроительных традиций.

Первый раздел посвящен древнему периоду, когда на территории Средней Азии появились крупные государственные образования и началось сооружение больших ирригационных систем. Хронологические рамки первого раздела можно ограничить VIII—IV веками до н. э. Главнейшие области Средней Азии этого времени входили в состав ахеменидского государства. В этот период происходил процесс образования рабовладельческого общества на местной основе.

Второй раздел охватывает период высшего расцвета античного рабовладельческого общественного строя в Средней Азии.

Для этого времени характерна большая общность форм культуры основных частей Средней Азии, проявившаяся, в частности, в сходных градостроительных приемах.

Хронологические рамки второго раздела — IV век до н. э. — III век н. э. В последние два века этого периода Средняя Азия входит в состав Кушанского государства. Конец периода характеризуется все усиливающимся кризисом рабовладельческого общества и освободительными восстаниями рабов.

Города и городская жизнь этого периода находятся в полном расцвете, но его конец отмечается распадом городской общины и перемещением центра общественной жизни в деревню, где появляется сильная землевладельческая аристократия.

Третий раздел посвящен периоду перехода от античности к зарождению и постепенному формированию феодальных отношений раннего средневековья. Хронологические рамки этого раздела — IV—VII века. Его начало отмечено падением Кушанского царства под ударами кочевников-варваров, а конец — арабским завоеванием Средней Азии.

Этот период характеризуется упадком городской жизни, сокращением ремесленной деятельности и нарушением торговых связей с внешним миром.

Четвертый раздел охватывает время постепенного усиления и полной победы феодальных отношений (VII—XIII вв.). Начало этого периода отмечено систематическими набегами арабов, закончившимися в первой половине VIII века завоеванием Средней Азии. Арабское завоевание существенно отразилось на социально-экономической, политической и культурной жизни Средней Азии. Оно привело к изменению внешнеполитических и торговых

связей. Однако не следует преувеличивать влияние этого завоевания на социально-экономический строй, изменение которого было предопределено внутренним развитием страны.

Конец периода был ознаменован монгольским завоеванием, оказавшимся катастрофическим для значительной части Средней Азии и приведшим к упадку и разрушению обширных ирригационных устройств, вследствие чего были подорваны производительные силы страны.

В этот период города переживают коренные изменения. Полностью отживают древние города, связанные с античной цивилизацией. Новые города развиваются как предместья-рабады у стен укрепленных замков. К концу периода, когда установилась удельная система при господстве караханидских правителей, этот процесс формирования пригородов-рабадов и включения их в систему городского плана был закончен. Города получили облик, сохранявшийся в некоторых случаях почти до последнего времени.

Пятый раздел охватывает период наивысшего расцвета феодализма в тимуридовское время (XV в.). К этому времени трудящиеся массы Средней Азии отчасти восстанавливают земледельческое хозяйство, сильно пострадавшее во время монгольского нашествия, однако ирригационные устройства были возобновлены далеко не в прежнем объеме.

Вновь воздвигались разрушенные города. Создавались предпосылки для нового расцвета культурной жизни. Но строительные работы производились за счет безжалостного ограбления населения, а плодами культуры могли пользоваться лишь господствующие классы.

Переход власти от тимуридов к шейбанидам в XVI в. не сопровождался сколько-нибудь значительным изменением общественного строя Средней Азии. Феодальный гнет тормозил развитие производительных сил. Страна находилась в состоянии экономической отсталости, что обуславливало застойный характер разлагавшейся феодальной системы, переплетавшейся с остатками патриархальных и рабовладельческих отношений.

В середине XIX века Средняя Азия была включена в состав Российской империи^[1].

Материал каждого раздела группируется вокруг трех тем: а) архитектурно-планировочные особенности города на том или ином историческом этапе его развития; б) жилая усадьба, квартал и жилой дом, как существенный градообразующий фактор; в) композиционные

приемы, выдвигаемые среднеазиатскими зодчими.

Далеко не все интересующие нас архитектурно-планировочные вопросы возможно объяснить для различных исторических периодов с одинаковой полнотой и обстоятельностью. Например, искусственное орошение в природных условиях Средней Азии имело огромное значение. Оно в известной степени предопределяло не только размещение населенных мест в том или ином районе, но и их планировку. Однако проследить взаимную связь планировочной организации населенного места с ирригационной сетью удается далеко не всегда, особенно для отдаленных времен, от которых сохранились лишь незначительные следы этих сооружений.

Не меньшие трудности возникают при изучении жилой застройки основных масс эксплуатируемого городского и сельского населения. История в своих вещественных памятниках почти не оставила материала для архитектурно-планировочной характеристики рядового массового народного жилища. От древнего времени дошли лишь ничтожные следы фундаментов, по которым с трудом можно представить себе общий облик жилой застройки и определить назначение отдельных помещений.

От более позднего времени сохранились лишь остатки, главным образом, капитально построенных жилых домов представителей правящих классов и зажиточных горожан. Жилые постройки неимущих, эксплуатируемых классов давно стерты с лица земли.

Поэтому, разбирая вопрос планировки жилой усадьбы, квартала и жилого дома как существенного градообразующего фактора, мы принуждены иметь дело преимущественно с жилищем относительно обеспеченных групп населения, ограничивая рассмотрение массовой городской застройки рамками жилых усадеб мелких ремесленников и торговцев, достаточно состоятельных, чтобы иметь собственную, хотя бы и небольшую усадьбу. Что касается беднейших слоев населения, то они иной раз не обладали даже примитивнейшим жилищем, проводя жизнь «под деревьями и в пещерах», как это отметил де-Клавихо — испанский посол при дворе Тимура — в своем обстоятельном описании Самарканда того времени^[2].

Эта ограниченность материала по рядовой, массовой жилой застройке крайне затрудняет всестороннее воссоздание подлинной картины древнего и средневекового среднеазиатского

города, где рядом с роскошными сооружениями деспотов-правителей и владетельных феодалов царила беспросветная нищета трудового населения.

Некоторую, но все же недостаточную, помощь в раскрытии социальных контрастов феодального города нам может оказать этнографический материал.

История среднеазиатского градостроительства менее всего похожа на непрерывный плавный поток. Смена исторических эпох происходила в обстановке классовой борьбы между отживающим и вновь нарождающимся, насыщенной драматическими событиями и сопровождавшейся гибелью многих культурных традиций. Но завоеватели и правители приходили и уходили, а народ оставался и на каждом последующем историческом этапе в какой-то степени подхватывал и продолжал прогрессивные черты предыдущего. Это помогает выделить то общее, что объединяет разнородные архитектурно-планировочные приемы и дает возможность понять в пределах каждой исторической эпохи развитие художественных традиций и постепенное формирование тех черт, которые, развиваясь, перерастали в новое качество, определяя каждый последующий период истории градостроительства народов Средней Азии.

Нынешние среднеазиатские народы — узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки — происходят не только от местных, но и от пришлых народов; взаимодействие между ними привело к окончательному формированию национальностей современной Средней Азии.

Древний Согд, впоследствии основное ядро государства саманидов, был территориальной базой консолидации таджиков, а затем и узбеков. На территории древнего Хорезма, средневекового государства караханидов и сменившего его государства тимуридов, происходил процесс складывания узбекской национальности. Массagetские племенные союзы древности, а затем западноузские объединения средневековья были основой туркменской национальности. Сакские племенные союзы, а позже восточнокипчакские (половецкие) объединения, занимали обширные территории нынешнего Казахстана.

Сложный процесс постепенного оформления среднеазиатских народностей в нации завершился только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда были положены пределы этнической раздробленности

племенных группировок, уничтожены пережитки феодализма, установлена территориальная общность, завершена выработка национальных языков и открылась широкая дорога политического, экономического и культурного возрождения страны.

В годы сталинских пятилеток, при братской помощи русского народа, осуществлен процесс социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, ликвидировавший хозяйственную и культурную отсталость народов Средней Азии.

Советская эпоха в корне изменила судьбу среднеазиатских городов, направив их по пути социалистического развития в соответствии с новыми требованиями социалистической жизни.

В Советском Союзе высоко ценятся заслуги и усилия каждого народа в развитии своей национальной культуры. «Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом смысле все нации — и малые, и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации» [3].

Перед советской архитектурной наукой, перед практическими работниками по реконструкции городов стоит задача — вскрыть в специфических условиях Средней Азии прогрессивные черты национальных градостроительных традиций и увязать их с современными задачами советского градостроения.

Мы должны помнить указание товарища Сталина о том, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, ибо искажение исторической правды притупляет критическое отношение к отсталым и консервативным чертам в наследии прошлого, приводит к смягчению классовых, идейных противоречий. Мы должны уметь отличать в наследии прошлого передовое, прогрессивное, от отсталого, реакционного, вскрыть их борьбу.

Эта задача может быть правильно решена только на основе марксистско-ленинского учения о национальной культуре, которое утверждает историческую преемственность культуры, требует решительной борьбы с идеями космополитизма, устанавливает изменение нацио-

нальных традиций вместе с переменами в условиях жизни и показывает сосуществование, в пределах единой национальной культуры прошлого, господствующей культуры эксплуататоров и демократической культуры эксплуатируемых масс. Национальные традиции, выработавшиеся в течение веков, не являются чем-то застывшим и неизменным, а изменяются вместе с условиями жизни.

В национальных традициях дорого все то, что воплощает исторические чаяния народа, его лучшие чувства, его сокровенные надежды, что способствует прогрессу и выражает художественные идеалы своего времени.

В обширном и разнообразном архитектурно-планировочном наследии среднеазиатских городов наше внимание должны привлечь наиболее жизнеспособные и самобытные черты. Они прежде всего проявились в органичности городского плана, в художественном качестве зданий, формирующих ансамбль, в особой системе пропорциональных отношений и в правильно найденном архитектурном масштабе. Большое значение в формировании архитектурного облика среднеазиатского города имеет его выразительный живописный силуэт. Строители монументальных зданий умели ценить и мастерски использовать цвет. На каждом историческом этапе развития среднеазиатских городов вопросы цвета получали своеобразное и органическое решение. Эти традиционные качества среднеазиатской архитектуры должны найти достойное продолжение в современности.

С одинаковым правом мы можем обращаться не только к феодальным памятникам мусульманской художественной культуры тимуридов и шейбанидов, сохранившимся лучше, чем другие, но также и к памятникам иных исторических периодов, например, рабовладельческого античного, развитие которого на территории Средней Азии имело свои локальные черты.

Круг известных нам памятников этого древнего периода развития среднеазиатской художественной и градостроительной культуры все более расширяется благодаря энергичной работе советских ученых — археологов, историков и искусствоведов.

После того как советская наука выявила много новых данных об историческом прошлом народов Средней Азии, с полной очевидностью выясняется, что их развитие шло своим путем, что они выработали самобытные культурные ценности на собственной материальной основе. Вместе с тем, культурное развитие каждого из народов Средней Азии, несмотря на различие их исторических судеб, находилось в постоянном взаимодействии. Это дает нам право считать, что, независимо от степени исторического вклада каждого народа в общую сокровищницу культуры, все среднеазиатское градостроительство до Великой Октябрьской социалистической революции можно рассматривать как архитектурное наследие, к которому вправе обращаться каждый из современных народов Средней Азии, независимо от того, какие именно древние сооружения сохранились в нынешних границах их республик.

Глубокое проникновение в прошлое среднеазиатского градостроительства, уяснение путей исторического формирования городов должно помочь советскому градостроительству. Старое должно быть поставлено на службу новому! Вот почему необходимо тщательно оберегать историю, материально выраженную в застройке городов и в остатках древних монументальных сооружений. Активное участие в социалистическом строительстве народных мастеров — хранителей древних традиций — также должно способствовать дальнейшему совершенствованию художественной культуры среднеазиатских советских республик, идущих по пути непрерывного расцвета и развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вопросы периодизации истории Средней Азии были обсуждены на пленуме Института истории материальной культуры А. Н. СССР в марте 1948 г. (см. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях». И. И. М. К., т. XXVIII, М. — Л., 1949).
2. Де-Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествий ко двору Тимура. СПб, 1881.
3. Речь товарища Сталина на обеде в честь финской делегации от 7/IV 1948 г. («Правда» от 13 апреля 1948 г.).

ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. Средняя Азия — «страна тысячи городов»

Античные историки, у которых мы находим первые более или менее обстоятельные письменные известия о Средней Азии, неоднократно упоминают о большом количестве существовавших там городов уже во второй половине I тысячелетия до н. э.

Наиболее древними являются свидетельства Ктесия о Бактрии, относящиеся к V веку до н. э., где он говорит о множестве неприступных укрепленных мест и о большом количестве крупных городов в Бактрии. Помпей Трог называет Диодота Бактрийского (середина I в. до н. э.) правителем тысячи городов. Легенду о могущественнейшем царстве тысячи городов в Бактрии повторяет Юстин. Наконец, значительно позже, во II веке н. э., о семидесяти больших и малых городах Ферганы рассказывает китайская хроника [1].

Древнейшие упоминания об основных областях Средней Азии — Согде, Маргиане, Бактрии и Хорезме — встречаются в священной книге зороастрийцев Зенд-Авеста.

Основную массу населения страны того времени составляли оседлые земледельческие общины, издавна умевшие пользоваться искусственным орошением, и кочевое население, которое занималось скотоводством.

Первое условие земледельческой оседлости в Средней Азии — это искусственное орошение почв. Поэтому места оседлости выбирались вначале в районах сравнительно малых рек или в верховьях крупных рек, где не требовалась сложная система оросительных каналов. Лишь впоследствии оседлое земледельческое население спускается из предгорий в долины больших рек. Орошаемые территории были густо заселены.

В степях и пустынях, окружавших земледельческие оазисы, кочевало население, занимавшееся скотоводством. Некоторая его часть занималась также ремеслом и торговлей и по-

степенно оседала в многочисленных городских поселениях, разбросанных вдоль границы оседлой полосы и кочевой степи.

В VI—V веках до н. э. оседлые районы Хорезма, Маргианы, Бактрии и Согда стояли на более высокой ступени общественного развития, чем области, занятые кочевниками. Особо выдающееся положение занимала Бактрия. Полулегендарные сведения рисуют Бактры крупным и сильным городом, центром значительного государства [2].

Долина Зерафшана, где обосновался истари союз согдийских племен, была одной из плодородных и густо населенных частей Средней Азии. Следы ирригационных сооружений в долине можно отнести к далекому прошлому. Главный город Согда — Мараканда (близ современного Самарканда) — был, повидимому, крупным центром уже в V веке до н. э. Многочисленные холмы на территории древнего Согда частично могут быть отнесены к укрепленным становищам родоплеменных групп, о которых неоднократно упоминается в произведениях античных авторов, называвших их городами.

Главный город Маргианы под названием Моуру упоминается в Зенд-Авесте. Раскопки 1936 года на территории городища Гяур-кала (древний Мерв) позволяют говорить о существовании здесь города в первой половине I тысячелетия до н. э. [3].

Густое земледельческое население имел Хорезм, один из древнейших культурных центров Средней Азии, умевший отстаивать свою независимость и ограждать себя от вторжения иноземных завоевателей.

Хорезмийцы имели выдающееся значение в формировании первоначальной самостоятельной культуры и политической жизни Средней Азии. Впоследствии Хорезм временно уступил культурное первенство Бактрии, через которую распространялись политические и торговые связи с Индией [4].

Дошедшие до нас остатки хорезмских городищ на правом и левом берегах среднего течения Аму-Дарьи и крупных арыков (например, Чермен-яб) дают представление о схеме плана укрепленных родовых поселений переходящего к оседлости и оседлого населения Хорезма VI—IV веков до н. э.

Это наиболее архаический тип из известных нам городов-поселений Средней Азии, относящийся, повидимому, к районам, переходящим к оседлости. Их можно назвать «городища с жилыми стенами».

Кроме «городищ с жилыми стенами», в различных районах Средней Азии отмечается и другой тип древних поселений — «городища со сплошной застройкой» (городища-«тепе»).

Если «городища с жилыми стенами» характерны для оседлого скотоводческого хозяйства, то «городища со сплошной застройкой» были заселены преимущественно патриархальными родовыми, а позже семейными общинами земледельческого населения. Подобные населенные пункты рассеяны повсеместно на территории Средней Азии и особенно по среднему течению Сыр-Дарьи, в Бухарском, Хорезмском и в Мервском оазисах.

Эти два типа группировки жилых помещений общинных домов можно отметить в странах Востока уже в глубокой древности. Например, во II тысячелетии до н. э. в Шумеро-Аккаде (будущей Ассирии-Вавилонии) определилось два типа жилищ — южный и северный.

Южный тип имел распространение на территории будущей Вавилонии. Его можно сравнить с хорезмскими «городищами с жилыми стенами». Северный тип был распространен на территории будущей Ассирии. Вариантом этого типа могут служить среднеазиатские «городища со сплошной застройкой» [5].

II. Общинные дома — «городища с жилыми стенами»

Хорезмские «городища с жилыми стенами» представляли собой замкнутые пространства, огороженные с четырех сторон оборонительными стенами. Вдоль них в несколько рядов шли жилые помещения. Защитные стены являлись одновременно и стенами наружного ряда комнат. Внутри незастроенное пространство предназначалось для общинного скота.

Прообразом этих жилых помещений в толще стены может послужить хорезмский длинный дом общинно-родового периода (стоянка Джанбас-кала № 7) (рис. 1). Сооружение бы-

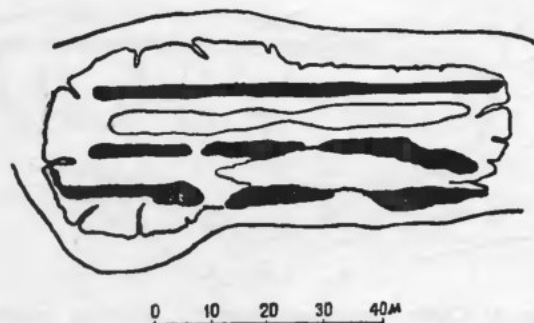

Рис. 1. Схема плана архаического «длинного дома» древнего Хорезма (Джанбас-кала № 7)

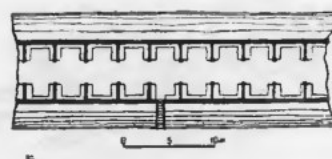

Рис. 2. Схема плана «длинного дома»-«пузбло» «строителей насыпей»

ло воздвигнуто на гребне песчаной дюны и представляло собой вытянутое прямоугольное помещение с поперечной стеной [6]. Нечто подобное, в силу стадильной общности, представляли собою «длинные дома» ирокезов, во всю длину которых, доходившую до 30 м, был проход до 2 м ширины, разделявший дом на два ряда помещений, выходивших в центральный коридор. На каждые четыре помещения, расположенные попарно, устраивался очаг, которым живущие в них пользовались сообща [7] (рис. 2).

Хорезмские «городища с жилыми стенами» — реальное отображение того мифического укрепленного поселения — «вара», которое описывается в Авесте. Культовый герой Авесты Йима-Джемшид «...построил «вара» длинной в лошадиный бег [8] по всем четырем сторонам жилищем для людей, «вара» длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиной в хатр (примерно 1,5 км). Там он построил жилище, дом, свод, двор, место, закрытое со всех сторон. В широкой части постройки он сделал 9 проходов, 6 — в средней части, 3 — в узкой... и сделал он вход и световое отверстие». Там же указано, что постройка имела «десять тысяч малых проемов, которые

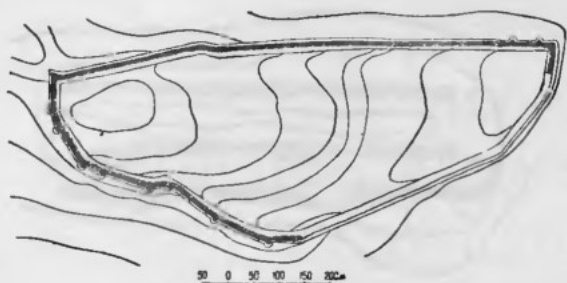

Рис. 3. Схема плана «городища с жилыми стенами» Кюзели-гыр в древнем Хорезме

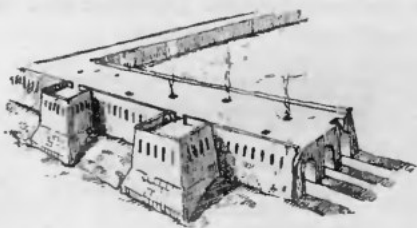

Рис. 4. Жилые стены городища Кюзели-гыр (реконструкция)

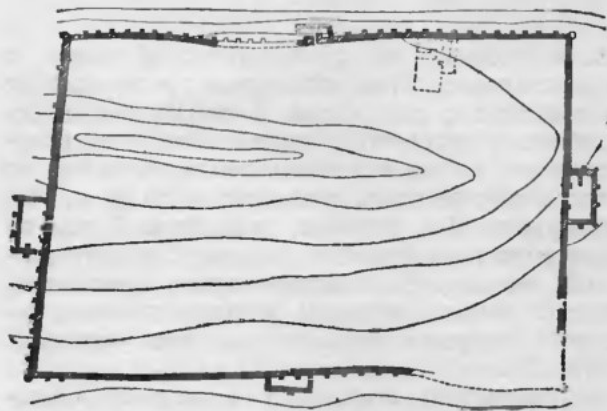

Рис. 5. Схема плана «городища с жилыми стенами» Калалы-гыр № 1 в древнем Хорезме

можно истолковать, как бойницы, тесными рядами покрывавшие стены этих городищ^[9].

В Хорезме в 1937 году археологической экспедицией были обнаружены на землях древнего орошения Ташаузской области остатки такого типа «городищ с жилыми стенами» — Кюзели-гыр и Калалы-гыр, относящиеся к VI—III векам до н. э.^[10]

Очертание стен городища Кюзели-гыр повторяет рельеф холма, на котором оно

расположено. Наибольшая длина стен 1000 м, средняя ширина 400 м (рис. 3, 4).

Городище Калалы-гыр — прямоугольник размером 1000 × 720 м. Кроме жилых стен, здесь имелись и нежилые постройки, назначение которых неизвестно. Близ северо-восточного угла Калалы-гыр расположено большое сложной планировки культовое здание — место погребения. Оборонительная система Калалы-гыр для своего времени довольно совершенна. Вдоль стен идут многочисленные башни. В центре каждой стены — входные ворота с предварительным сооружением в виде лабиринта (рис. 5).

Прямоугольные мощные сырцовые стены длиной до 12 км, имевшие в наиболее широких местах 9, а в наиболее узких 3 (как в Кюзели-гыр) параллельных коридорообразных помещений, служивших жилищем для людей и окружавших открытый двор (загон для скота), — такова картина, нарисованная в Авесте, целиком совпадающая с реальной действительностью.

Большие размеры архаических городов и укрепленных поселений в древней Средней Азии отмечаются историками походов Александра Македонского (Арриан, Курций, Страбон). Они исчисляют окружность стен различных городищ то в 32 стадия (5 км), то в 60 стадий (9 км), то в 80 стадий (12 км), то, наконец, в 150 стадий (более 23 км). Мараканда, крупнейший город Согды, имел (по Курцию) окружность в 70 стадий (11 км), включая во внешние стены цитадель. Обычно считают эти цифры преувеличенными, но они, в общем, соответствуют длине стен как «идеального города» Авесты (12 км), так и реального рядового города древнего Хорезма Кюзели-гыр (3 км)^[11].

Эти же свидетельства подтверждает расположение городищ на вершинах естественных возвышенностей. Можно провести аналогию между хорезмскими «городищами с жилыми стенами» и описанными Л. Морганом городищами-пуэбло «строителей насыпей» в бассейне реки Миссисипи.

Насыпи представляли собою монолитный земляной цоколь, высотой до 3—3,5 м, шириной в основании до 14—15 м, на котором располагалось собственно жилище-коридор шириной до 6 м с поперечными перегородками и сквозным широким проходом посередине.

Поселение-пуэбло состояло из семи «длинных домов» в виде неправильного прямоугольника, примерно 200 × 200 м. Вся группа пред-

ставляла собой механическое соединение отдельных домов вокруг обширного незастроенного двора [12] (рис. 6).

Эти сооружения в какой-то степени перекликаются с укрепленным поселением «вара» Авесты, где отмечено различное количество помещений-проходов вдоль каждой из стен постройки.

Эти общинные здания строились постепенно, из поколения в поколение. Пристройки возникали по мере надобности. Значительные размеры сооружений могут быть объяснены их ростом в течение долгого периода.

Планировочная система «городищ с жилыми стенами», этого наиболее архаического типа поселений, продолжает существовать долгое время на территории Средней Азии и проявляется в таких относительно более поздних сооружениях, как городище Гяур-кала на древнем арыке Чермен-яб (древний Хорезм), расположенное по склону небольшой возвышенности и окруженное стенами 425×140 м. Вдоль стен тянутся сплошной лентой однотипные комнаты в 2—4 ряда. Внутренняя площадь лишена каких-либо следов строений [13] (рис. 7).

Развитие этого типа в иных масштабах можно проследить в более позднем крепостном строительстве Средней Азии, например, в Хорезме.

Рис. 6. Схема плана общинного дома-пуэбло

Рис. 7. Схема плана городища Гяур-кала на арыке Чермен-яб в древнем Хорезме

III. Общинные дома — «городища со сплошной застройкой» (городища-тепе)

Одни из наиболее ранних остатков «городищ со сплошной застройкой», выполненных из сырцового кирпича, были обнаружены в нижних слоях северного холма Аннау (Туркмения). Они близки к древнейшему поселению у Персеполя, открытому в 1928 году [14]. Сюда же можно отнести большой укрепленный общинный дом в окрестностях Базар-кала (древний Хорезм), совершенно деформировавшийся от времени [15]. Эти же приемы сплошной застройки отмечаются позже в южном холме Аннау (конец III тысячелетия до н. э.), в городищах Ак-тепе (близ Ашхабада) и Намазга-тепе (близ Каахка) [16].

«Городища со сплошной застройкой» существовали на территории Средней Азии с теми

Рис. 8. Схема плана общинных домов ягнобцев в горном Таджикистане:

а) летний дом на пастбище;
б) зимний дом в селении

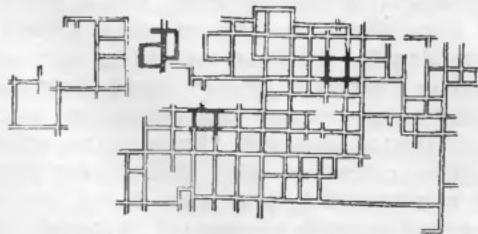

Рис. 9. Схема плана общинно-родового жилого дома восточной половины городища Джанбас-кала в древнем Хорезме

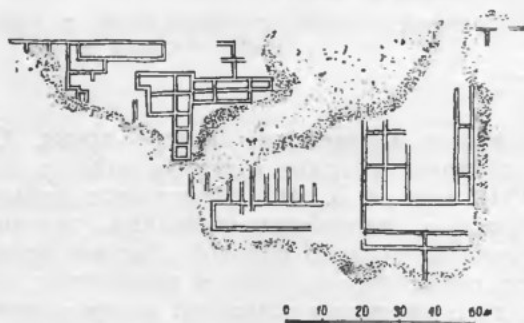

Рис. 10. Схема плана большесемейной усадьбы в районе Аяз-кала в древнем Хорезме

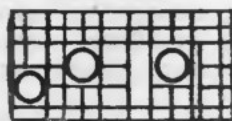

Рис. 11. Схема плана общинного дома-пуэбло в районе реки Чако

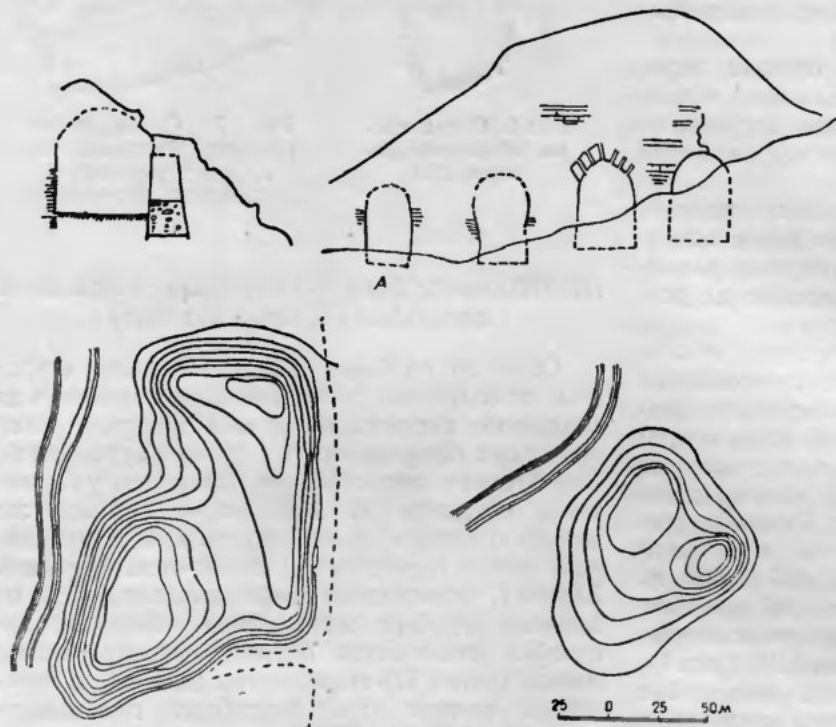

Рис. 12. Городище Каунчи-тепе близ Ташкента (план и разрез по жилому массиву)

Рис. 13. Городище Шаш-тепе близ Ташкента (план и разрез по жилому массиву)

СХЕМА ПЛАНОВ «ГОРОДИЩ-ТЕПЕ» С ОСНОВНЫМ ЖИЛЫМ МАССИВОМ СПЛОШНОЙ ЗАСТРОЙКИ И ПРИМЫКАЮЩИМ К НЕМУ ПОСЕЛЕНИЕМ РЯДОВЫХ ОБЩИННИКОВ

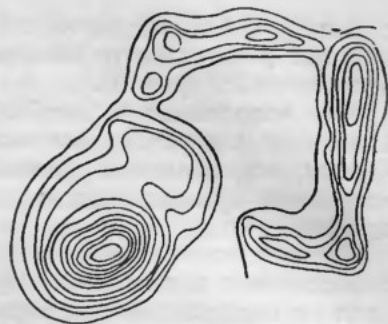

Рис. 14. Городище Ак-тепе в восточной Фергане

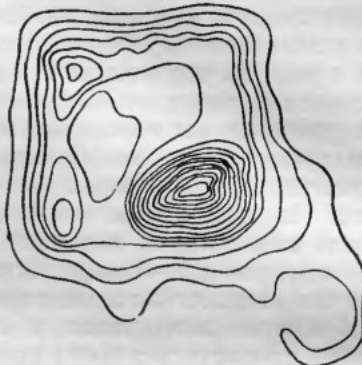
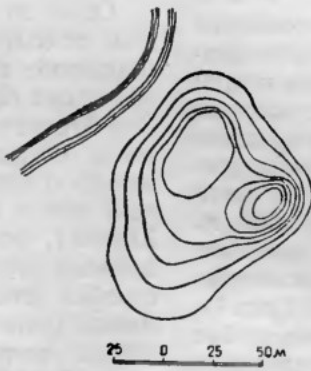

Рис. 15. Городище Кюль-тепе в восточной Фергане

или иными изменениями долгое время. Они наблюдались в глухих отсталых районах даже в VIII веке н. э., что объясняется большой стойкостью первобытно-общинных традиций. Архаические формы родовой общины продолжали существовать почти в неизменном виде наряду с расцветом городской жизни и углублением общественного разделения труда.

Мы не располагаем достаточными материалами, иллюстрирующими планы древнейших архаических «городищ со сплошной застройкой» на территории Средней Азии. В качестве этнографических параллелей можно привлечь общинные дома ягнобцев (горный Таджикистан), сохранявшиеся почти до последнего времени.

Эти дома образовывали поселения, принадлежавшие некогда одному роду, а впоследствии, при распаде родовой организации, разделившиеся на ряд кварталов-жилищ, засе-

ленных обособленными группами сородичей. Кварталы-жилища или разбросаны между пашнями, или представляют единый массив, разделенный узкими проходами. Такое сооружение — единая постройка со смежными жилыми и хозяйственными помещениями или (при сложном рельефе) ряд построек, расположенных уступами друг над другом.

Примером может служить дом-квартал селения Кули-Мион в долине реки Оби-Куль, притоке Ягноба, расположенный в два яруса на крутом склоне. Первый ярус составляют помещения для скота, вытянувшиеся в один ряд под общей кровлей. Во втором ярусе с некоторым отступом идут жилые помещения, также вытянутые в ряд под одной кровлей. Всю группу венчает общинный мужской дом — михман-хана.

Жители селения Кули-Мион уходили на лето в горы к пастбищам и там жили в специально

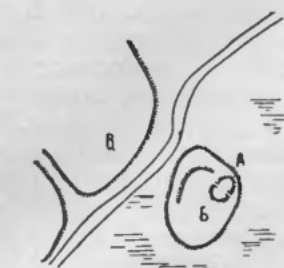

Рис. 16. Городище Ак-тепе близ Ташкента

Рис. 17. Городище Шаш-тепе близ Ташкента

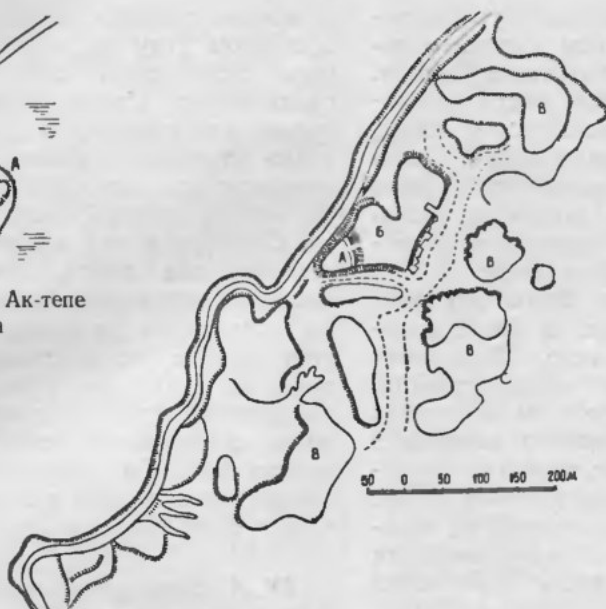

Рис. 18. Городище Каунчи-тепе близ Ташкента

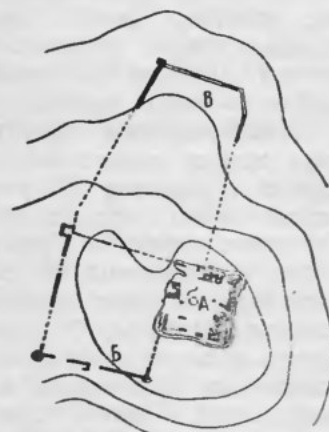

Рис. 19. Городище Думан-кала в Хорезме

А) основной жилой массив («городище со сплошной застройкой»); Б) поселение, примыкающее к основному жилому массиву; В) поселение вне основного жилого массива

СХЕМА ПЛАНОВ «ГОРОДИЩ СО СПЛОШНОЙ ЗАСТРОЙКОЙ» С ПРИМЫКАЮЩИМ К НИМ ПОСЕЛЕНИЕМ ВНЕ ОСНОВНОГО ЖИЛОГО МАССИВА

возведенных для летнего пребывания жилищ-летовках. Жилой дом-квартира летовки Кули-Мион представляет одну большую постройку, объединяющую девять хозяйств с девятью жилыми помещениями и тремя загонами для скота. Второй квартал летовки представляет такую же группу жилищ, но размещенных ярусами по склону. Поодаль у дсроги имелась и михман-хана — дом для гостей^[17] (рис. 8).

Здесь те же традиции, тот же планировочный тип жилища, только упрощенный и уменьшенный в размерах.

Чтобы получить представление о схеме плана «городищ со сплошной застройкой» в пределах древнего Хорезма, можно обратиться к одному из сравнительно поздних примеров — жилым группам-кварталам городища Джанбас-кала. Это — единый компактный массив жилых помещений. Из сплошной застройки выделяется лишь несколько открытых небольших дворилов. В массиве объединено 150—200 комнат, которые были заселены группой связанных между собой родов^[18] (рис. 9). Такова же большесемейная усадьба в западной части

района-рустака Аяз-кала в древнем Хорезме (рис. 10).

По своему архитектурно-планировочному принципу ряд общинных домов-пуэбло Мексики и Перу — этого американского Древнего Востока — можно сравнить с «городищами со сплошной застройкой»^[19] (рис. 11).

«Городища со сплошной застройкой» на территории Средней Азии дошли до нашего времени с различной степенью сохранности. В большинстве из них, особенно относящихся к сравнительно более позднему времени, можно проследить общую черту — разделение основного массива жилых комнат от повышенной части в одном из углов основного массива. Такова структура городищ Янги-Юльского района на р. Чирчик: Каунчи-тепе (рис. 12), Шаш-тепе (рис. 13), Ак-тепе, Алимбай-тепе и др.)^[20]. Таковы городища Хорезма (Думан-кала)^[21] и некоторые наиболее архаические «тепе» Бухарского оазиса (Дингиль-тепе и др.)^[22]. Таковы «тепе» северо-восточной части Ферганы: Ак-тепе (рис. 14), Кюль-тепе (рис. 15) и др.^[23].

Эта повышенная часть могла служить последним убежищем-укреплением для всего населения городища при нападении врага. Возможно предположить здесь место культового назначения и пребывания главы семьи, совмещавшего роль правителя и жреца. Наличие главного здания знаменует углубление имущественного неравенства, появление зажиточной привилегированной группы, выделившейся из среды рядовых общинников.

Планировочная структура основного массива жилых комнат различна. В более архаичных городищах (Каунчи-тепе, Шаш-тепе) использованы естественные возвышенности. Основные помещения расположены в недрах холма и исполнены из сырцового кирпича в виде параллельных сводчатых коридоров сравнительно небольшой ширины (1,70—2,30 м). Судить о плане всего жилого массива не представляется возможным из-за разрушенности сооружений. Обнаружены лишь фрагменты сводчатых галерей^[24].

В городищах Янги-Юльского района к главному сводчатому зданию иногда примыкают в виде полукольца жилые строения рядовых общинников. Вся жилая группа окружалась глинобитными стенами, и лишь поселения, расположенные в пойме рек, бывали лишены стен, так как окружающие болота достаточно защищали от вражеских нападений. Такого типа поселения, использующие естественные условия местности, — холмы, заболоченные низины и т. п., встречались и в других районах Средней Азии.

Некоторые городища с течением времени разрастались, и тогда появлялось второе поселение за пределами первого [например, Актепе (рис. 16), Каунчи-тепе (рис. 18), Шаш-тепе (рис. 17) и др.]. По данным раскопок 1934—1937 годов, выяснилось, что на территории этих вторых поселений жилищем служили пещеры, вырытые в лёссе землянки и шалаши, в то время как строения центральной части исполнялись из сырцового кирпича или комков глины, формованных от руки^[25].

Площади поселений различны; впрочем, их точное определение затруднительно, а часто и невозможно из-за сильной деформации городищ.

К типу «городищ со сплошной застройкой» на территории Хорезма можно отнести такие сооружения, как Думан-кала и др.

В Думан-кала площадь основного жилого массива равна 0,90 га (рис. 19). Наружные стены сильно разрушены и оплыли. Поэтому

их точные границы трудно определимы. В юго-восточном углу возвышаются остатки башенного сооружения. Внутри крепостных стен различаются следы планировки помещений, сильно разрушенных и деформированных. Частично площади, занятые помещениями, можно определить по вымосткам из сырцового кирпича. Вероятный главный въезд был в западной стене. С севера и юга к основному массиву примыкают два двора, обнесенные стенами. Северная пристройка площадью 1,7 га, вероятно, современна главному зданию; остатки ее стен крайне незначительны и наблюдаются лишь на отдельных участках. Южная, более поздняя пристройка, площадью в 3 га, расположена симметрично северной пристройке. Ее можно было бы сравнить в планировочном отношении с первым и вторым поселениями городищ Янги-Юльского района.

IV. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих древнего периода

Основными первичными формами поселений Средней Азии были общинные дома типа «городищ с жилыми стенами» и «городищ со сплошной застройкой».

«Городища с жилыми стенами» впервые намечают какой-то плановый распорядок в размещении построек, замыкая часть свободного пространства прямоугольником жилых помещений. Здесь еще нет архитектурного замысла, все диктуется лишь узко утилитарной необходимостью. Планировочная идея обстроеного двора получает свое более четкое архитектурное оформление лишь позднее, например, в крепостном строительстве кушанского периода.

«Городища с жилыми стенами» еще нельзя назвать городом, это, скорее, жилые дома, разросшиеся до громадных размеров. Их архитектурно-планировочная идея была использована при формировании среднеазиатского города античного периода и отразилась в структуре его защитных стен, совмещенных с жилыми помещениями.

«Городища со сплошной застройкой» (городища-тепе) на первых ступенях своего развития представляли сплошной массив однородных, однообразных, механически сочетавшихся между собой комнат. Более архаическая форма помещений — смежные узкие коридоры в толще холма, лишенные какой-либо архитектурно-планировочной мысли, появляющейся несколько позже, когда жилой массив приобретает четкие контуры.

«Городища со сплошной застройкой» еще менее, чем «городища с жилыми стенами», могут претендовать на название города. Это только большие дома, более или менее случайно обстроенные. Недаром проф. С. Толстов применяет для них термин «дома-массивы».

В дальнейшем эти городища объединяются внутри крепостных стен, образуя группы-кварталы, характерные для городов античного периода.

Уже на ранних ступенях развития градостроительной культуры можно говорить о формировании двух архитектурно-композиционных приемов — круглом и прямоугольном построении пространств. Они реализуются в первичных формах родовых жилищ глубокой древности — круглых и прямоугольных (например, «длинные дома») в плане, а также проявляются в первичных опытах группировки отдельных жилищ в целые комплексы-городища.

От древнейших жилых сооружений Средней Азии до нашего времени дошли только остатки фундаментов и отдельные участки стен,

по которым можно восстановить лишь начертание плана, но трудно судить об объемной форме сооружения. Вряд ли можно было бы ожидать от сооружений древнейших периодов каких-либо художественных замыслов. Все было подчинено узко утилитарным потребностям. Архитектурно-композиционные приемы разрабатываются значительно позднее, но уже с древних времен наметились два основных архитектурно-планировочных приема: застройка вокруг открытого двора и сплошная застройка смежными комнатами.

Примерами развития и совершенствования этих приемов могут служить в пределах древнего Хорезма городища Джанбас-кала и Аяз-кала № 1, которые целиком относятся уже к следующему, кангюйско-кушанскому периоду. Сооружения со смежными комнатами в виде сплошного массива получили свое четкое оформление в двух обширных жилых группах города-крепости Джанбас-кала. Группировка жилых помещений вокруг открытого двора представлена в крепости Аяз-кала № 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Древние авторы о Средней Азии». Хрестоматия. Тшк., 1940.
2. Баженов А. Народы Средней Азии в древние периоды. Тшк., 1938.
3. Бачинский Н. Древний Мерв (в книге «Архитектурные памятники Туркмении». М., 1939).
4. Бартольд В. История Туркестана. Тшк., 1922.
5. «Всеобщая история архитектуры», т. I. М., Изд-во Акад. архит., 1944.
6. Толстов С. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма («Вестник древней истории», 1946, № 1).
7. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934.
8. Мера в «лошадиный бег» приравнивается примерно к 2 английским милям (по Дармстетеру) или к 3 км.
9. «История СССР», т. I, часть I. Составлена научными сотрудниками И-та истории материальной культуры Академии наук СССР. М., 1939.
10. Толстов С. Древности верхнего Хорезма («Вестник древней истории», 1940, № 1).
11. Толстов С. Городища с «жилыми стенами» («Краткие сообщения И-та истории материальной культуры», вып. XVII. М.—Л., 1947).
12. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев.
13. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
14. «История СССР», т. I, ч. I. М., Гос. соц. эконом. изд-во, 1939.
15. Обнаружен хорезмской экспедицией И-та истории материальной культуры под руководством С. Толстова в 1939 г.
16. Букиннич Д. Некоторые новые данные об Ак-тепе и Намазга-тепе («Туркменоведение», 1929, № 5).
17. Кондауров А. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев (Труды И-та этнографии Академии наук СССР, т. III, вып. I. М., 1940).
18. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
19. Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских туземцев.
20. Григорьев Г. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г. Тшк., 1935. Проф. Толстов С. в своей рецензии «К вопросу о датировке культуры каунчи» («Вестник древней истории», 1946, № 1) оспаривает датировки, предложенные Г. Григорьевым.
21. Обследованы хорезмской археологической экспедицией И-та истории материальной культуры в 1940 г.
22. Шишкин В. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Тшк., 1940.
23. Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг. М., Соцэкгиз. 1935.
24. Григорьев Г. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г.
25. Там же.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

1. Раннеантичный город. Отражение дуальной организации в плане городов

«Городище с жилыми стенами» и «городище со сплошной застройкой», первичные формы жилищ-поселений, были характерны для той ступени родоплеменных отношений, когда наметилось классовое разделение внутри рода-общины, в процессе которого происходило формирование родовой землевладельческой аристократии. Этот процесс протекал трудно и медленно. Восточные общины, сплоченные и замкнутые, соединяющие ремесло и земледелие, существовали тысячелетиями, входя в состав различных государственных объединений.

Глубоко архаические первобытно-общинные традиции обнаруживали необычайную стойкость, сочетаясь с приходящей на смену первобытной военной демократии сильной централизованной государственной властью, одной из важнейших задач которой было создание и постоянное поддержание обширной ирригационной сети, необходимой в климатических условиях Средней Азии. Кроме того, период разложения родов связан с процессом их объединения, вызванным необходимостью защищать свою территорию.

С течением времени возникают оборонительные сооружения — стены и башни. Появляются предпосылки для создания поселений городского типа. «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен; громадный прогресс в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличивающейся опасности и потребности в защите». Эти слова Энгельса^[1] можно отнести и к Средней Азии.

Концентрации населения и образованию населенных мест способствовало также развитие ремесел и торговли, закрепляемое экономической связью с наиболее передовыми областями страны.

Уже в V—IV веках до н. э., по преданию, Кир основал в Средней Азии семь городов с большим населением. Главным из них был Курешата-Кирополис (Ура-Тюбе). Бактрия становится крупнейшим городом Ахеменидской монархии. Значительными населенными пунктами являлись Маргиана и Мараканда (будущий Самарканд). Это были города в подлинном смысле слова, с крепостными стенами, цитаделью и рынками.

Несколько древних городов сохранилось в руинах до нашего времени на территории Хорезма, который в IV веке до н. э. представлял собой самостоятельное государство, возглавляемое независимыми правителями. Культурная жизнь Хорезма носила черты яркого своеобразия и самобытности.

Небольшой город древнего Хорезма — Джанбас-кала — расположен на правом берегу среднего течения Аму-Дарьи. Он возник в кангуйско-кушанский период (IV в. до н. э. — III в. н. э.), но сохранил отчасти в своей структуре архаические элементы прежнего времени^[2] (рис. 20, 21).

Планировочная идея «городищ с жилыми стенами» отразилась здесь в структуре двойной крепостной стены; только пространство между наружной и внутренними стенами, где в архаический период были жилые помещения, заложено и стена представляет сплошной монолит. Верхняя двойная часть выложена из большемерного кирпича (40 × 40 × 9 см). Бойницы расположены в два яруса, чередуясь в шахматном порядке. Расстояние между ними около 1,2 м. Через определенные промежутки — от 40 до 60 м — размещены тройные бойницы: две боковые направлены по диагонали в стороны, а центральная — прямо. Это зародыш будущих башен. Двойные стены по высоте между бойницами были разделены на два яруса плоским, очевидно основанным на деревянных балках, перекрытием. В северо-западной стене находился вход — лабиринт (рис. 22, 23).

Планировочная идея «городищ со сплошной застройкой» получила свое четкое отражение в двух общинных жилых группах-кварталах, примерно равных, разделенных проездом-проходом, ведущим от входных ворот-лабиринта в противоположный конец города к «дому огня».

Жилой квартал — единый массив жилых помещений. Незастроенными остаются лишь несколько небольших дворики. Каждый массив состоит из значительного количества сравнительно небольших комнат (150—200), сообщающихся между собой.

Можно предположить, что каждый жилой массив был заселен родственно связанными между собой группами, отличными от групп родов противоположного массива. В этом отражается дуальная организация, т. е. разделение племени на два первоначальных рода [3]. Сохранились свидетельства, относящиеся к X веку и отмечающие разделение некоторых городов Средней Азии и Ирана того времени на две части, население которых находилось в ритуальной вражде между собой. В них упоминается о Гургане, Мерве, Нисе, Абиверде. Такое же явление отмечается в Самарканде и Балхе. В Нишапуре и Серахсе ритуальная борьба получила новое выражение соревнования между двумя мусульманскими сектами [4]. Китайские источники говорят об этом же явлении в Фергане. Пережитки дуальной организации были отмечены и в структуре туркменских племен [5].

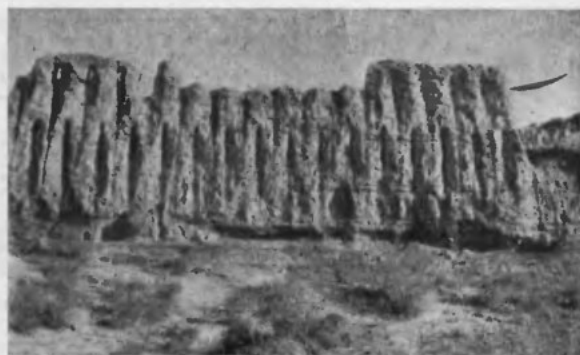

Рис. 20. Крепостные стены города Джанбас-кала

Деление на две равные части можно проследить в ряде дошедших до нас городов. На левом берегу Аму-Дарьи, у хвостовой части древнего арыка Чермен-яб, расположилось городище Куня-уаз, современное Джанбас-кала (рис. 24). Внутренней стеной его территория делится на две части. Это разделение в виде пережитка сохранилось и в некоторых городах феодального периода. Примером тому может служить городище Югон-тепе — Дефенгагент (Янги-Юльский район) (рис. 25) и Дарган (древний Хорезм) (рис. 26).

Югон-тепе — прямоугольное городище площадью до 16 га со стенами, ориентированными по странам света. Его территория разделена пополам стеной, обращенной на восток [6].

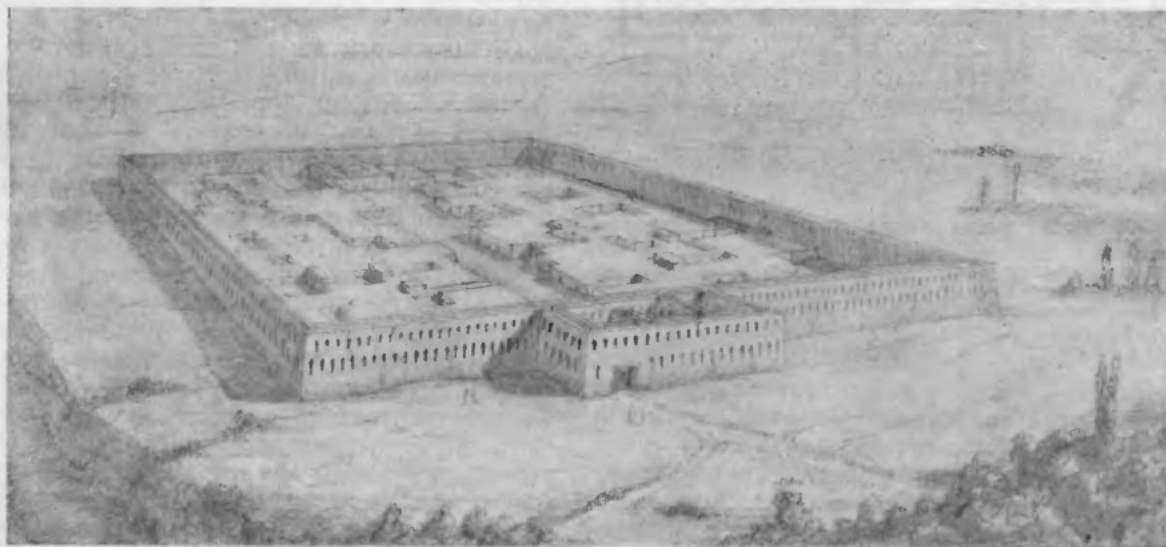

Рис. 21. Общий вид города Джанбас-кала (реконструкция)

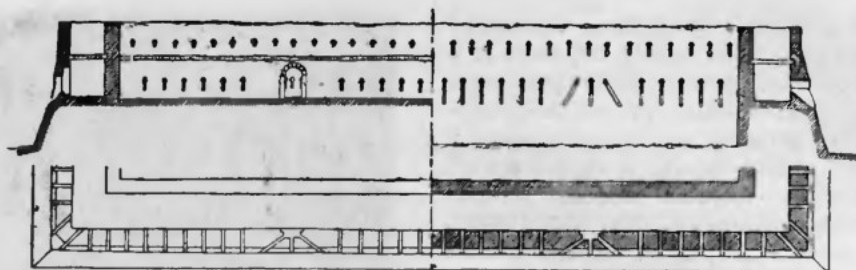

Рис. 22. Крепостные стены города Джамбас-кала (вид снаружи и изнутри)

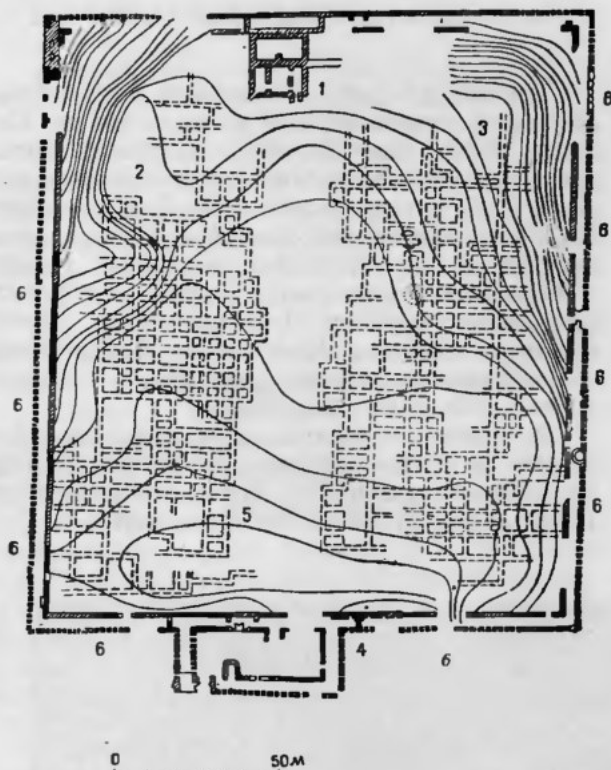

Рис. 23. Схема плана города Джамбас-кала (древний Хорезм):

- 1) дом огня, 2) жилая группа № 1, 3) жилая группа № 2, 4) крепостные ворота, 5) проход между жилыми массивами, 6) тройные бойницы в оборонительной стене

Дарган—город на левом берегу Аму-Дарьи, упоминаемый арабскими географами в IX—XI веках. Его общая площадь достигала 8 га. Вдоль наружных стен—более 20 сохранившихся прямоугольных и круглых башен. Внутренней стеной город разделялся на две почти равные части. В восточной половине города, предположительном местожительстве феодальной и

торговой знати, возможно, была соборная мечеть, упоминаемая Макдиси (X век) [7].

Деление города на две части стеной или проездом — местное явление, характеризующее глубокий архаизм и стойкость первобытно-общинных традиций. Этим отмечается своеобразная особенность ряда среднеазиатских городов. В феодальную эпоху в такого типа городах роль цитадели играла та или другая половина города (например, в Югон-тепе — западная, в Даргане — восточная).

Однотипным и одновременным с Джамбас-кала является городище Калалы-гыр № 2, расположенное на левом берегу Аму-Дарьи в системе арыка Чермен-яб (рис. 27 и 28). Рельеф местности заставил срезать один из углов крепости, и ее конфигурация приблизилась к треугольной. В отличие от Джамбас-кала, у входа в крепость расположено культовое здание, круглое в плане. Разбивку жилых групп проследить не представляется возможным [8].

Общие черты мы находим и в других известных нам античных городах Средней Азии (главным образом Хорезме).

Гяур-кала в предгорьях Султан-уиз-даг имеет ту же структуру двойных стен с часто расположенными башнями и сплошной лентой бойниц. Внутри стен сохранились незначительные остатки сооружений, в которых намечаются две группы зданий, возможно, отражающих дуальную организацию [9] (рис. 29).

Гульдурсун — небольшой город, основанный в античный период, сильно переделан в средние века и по своему внешнему виду и формам укреплений относится целиком к XII веку. Но планировочная основа, характер старых сохранившихся остатков крепостной стены, следы какого-то, видимо, общественного здания, расположенного у стены, противоположной входным воротам, позволяют предположить существование в прошлом центрального

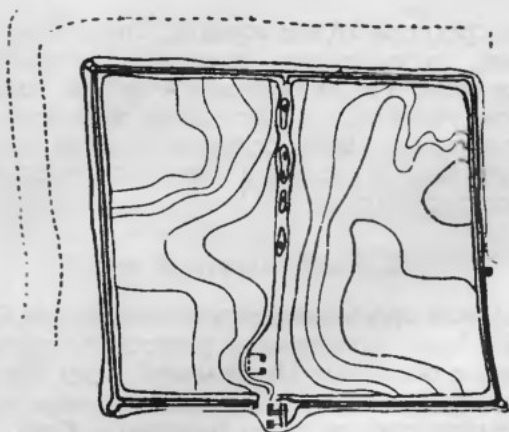

Рис. 24. Схема плана города Куния-уаз (древний Хорезм)

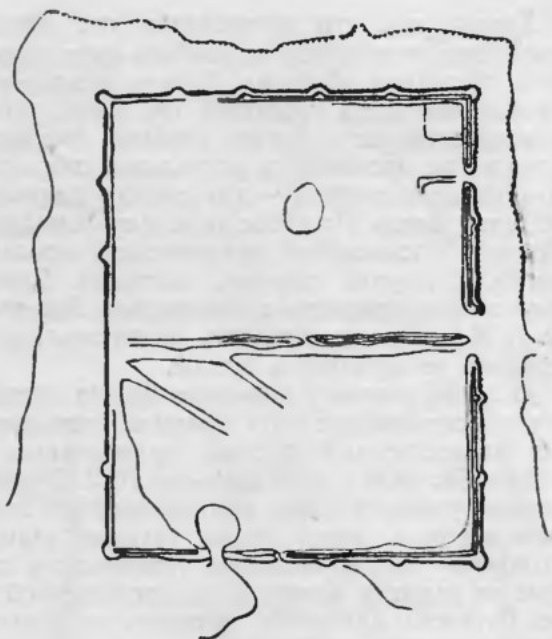

Рис. 25. Схема плана городища Дефенг-акент (Югон-тепе) близ Ташкента

проезда-прохода и дают типическую картину города античного времени^[10] (рис. 30).

Крепость Шах-Сенем, далеко вынесенная в пески Кара-кум, возникла в кангюйско-кушанскую эпоху. Ее планировочная схема несколько напоминает схему города Базар-кала, о котором речь идет ниже. Так же, как и там, крепость имеет цитадель в северном углу, вблизи от входных ворот, а по оси входа стоит монументальное здание, причем в Шах-Сенем здание находилось в центре крепости, в то время как в Базар-кала оно отодвинуто к противоположной от входа стене. В средние века крепость была капитально переоборудована и долгое время служила для защиты границ Хорезма^[11] (рис. 31).

Среди античных городищ Хорезма выделяется своими размерами город Базар-кала (рис. 32 и 33). Его площадь — до 30 га. Угол занят цитаделью площадью до 1 га. Входные городские ворота находятся в середине южной стены, вход в цитадель — в западной стене. Крепостные башни, овальные в плане, расположены через 50 м. Стрельчатые бойницы непрерывной полосой опоясывают стены и башни, их форма и структура типичны для античной эпохи.

Следы строений внутри стен настолько незначительны, что по ним не представляется возможным восстановить хотя бы схему плана города. Выделяются только руины крупного здания в системе юго-западной стены, видимо, общественно-культового назначения. Оно разнесено напротив крепостных ворот, и, по аналогии с другими античными прямоугольными

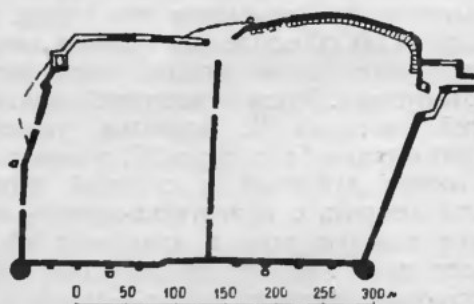

Рис. 26. Схема плана городища Дарган (древний Хорезм)

городами, можно предположить направление основной улицы города от ворот к этому зданию. Вероятно, в городе было объединено несколько родовых групп, которые постепенно распадались на большесемейные общины. Потому возможно предположить существование также и поперечных улиц-проходов, разделявших жилые группы-общины.

Примерно в центре городища обнаруживаются следы остатков гончарных мастерских; здесь, вероятно, и проживало ремесленное население^[12].

Характерно, что в цитадели нет следов значительных построек, и, вообще, вряд ли она была постоянно обитаема. Скорее всего — это укрепленная часть городища, где могло укрыться население в случае крайней опасности и где могли происходить ритуальные собрания. По роли и назначению — это своего рода развитой «дом огня» Джанбас-кала или коридоробразные помещения архаических городищ «тепе». С другой стороны, цитадель Базар-кала можно сравнить с крепостью Аяз-кала № 1. И тут и там крепость не заселялась, и середина ее оставалась пустой.

В плане города Базар-кала можно предположить совмещение двух приемов расположения общественных зданий, примененных и в Джанбас-кала и в Калалы-гыр № 2. В конце главной улицы, у стены, противолежащей входным воротам, расположено крупное здание, возможно — местопребывание правителя; в стороне от главных ворот, в непосредственной от них близости, находится цитадель и, видимо, место культовых собраний.

При сличении и сопоставлении различных порознь сохранившихся частей выясняется общая архитектурно-планировочная схема среднеазиатского города античного периода. В политическом отношении эти города представляются как обособленные общины, как центральные укрепленные пункты, возглавляющие районы-рустаки. Здесь — местопребывание правителей, которых В. Бартольд уподобляет древнегреческим базилевсам^[13], и власть которых носила духовный и светский характер. Можно говорить о правителях-жрецах, исполнявших главную роль в культовых обрядах. Во всех, даже наиболее примитивных городах, существовало главное здание — место культа, а часто и место пребывания правителя-жреца.

Район-рустак, возглавляемый городом, иногда был весьма обширен и защищен длинными стенами, охранявшими земледельческий оазис от кочевой степи, но в то же время эти стены имели ворота, через которые кочевники проникали внутрь для обмена и продажи своей продукции на земледельческую и ремесленную продукцию обитателей оазиса-рустака.

Среднеазиатский город этого времени развивался в значительной степени, как связующее звено между обоими главными отраслями экономики древней Средней Азии — скотоводческим хозяйством степей и земледельческим хозяйством оазисов^[14]. Этим объясняется исключительный расцвет торговли в дофеодаль-

ных среднеазиатских городах. Транзитная торговля, развившаяся позднее и занявшая в экономике среднеазиатских городов большое место, является в значительной мере лишь дополнением к этой основной отрасли обмена, обеспечившей расцвет и благосостояние среднеазиатских городов.

II. Позднеантичный город

После греко-македонского завоевания Средней Азии значительно разрослись торговые связи с областями Центральной Азии, Индией, а несколько позже и Китаем. Мировые торговые пути прошли через Бактрию и Согд.

Транспортировка товаров была перевалочной. Владелец каждого из караванов провозил товар лишь часть пути и перепродавал его следующему караванщику. Такой вид торговли неизбежно вызывал к жизни населенные места и оказывал немалое влияние на их рост.

Количество городов Согда и Бактрии увеличилось. Один из правителей селевкидов, Антиох I, основывает ряд колоний-городов, получивших его имя; например, Антиохия была основана в районе Мерва, а сам Мервский оазис был окружен стеной длиной до 200 км (Ал-Рай), защищавшей его от набегов кочевников.

Около 250 года до н. э. из монархии селевкидов выделились парфянское (на запад от Аму-Дарьи) и греко-бактрийское (между Аму-и Сыр-Дарьей) царства, а около 136 года до н. э. это последнее падает под ударами кушанов. На его месте образуется могущественное Кушанское царство.

Парфянское царство на западе от Аму-Дарьи и Кушанское на востоке знаменуют победу местных элементов над пришлыми греко-македонскими и являются результатом борьбы среднеазиатских народов с иноземными завоевателями. Период Кушанского царства — наиболее блестящая страница древней истории Средней Азии.

Прочные и своеобразные местные художественные традиции взаимодействуют с наследием греческой культуры. Наступает новая эра, создавшая благоприятные условия для развития городской жизни. Разрозненные племена Средней Азии объединяются в крупные политические организмы.

Города этого времени на примерах Греко-бактрийского царства могут быть охарактеризованы следующим образом: «В них существует, как и в других странах Востока, свободное

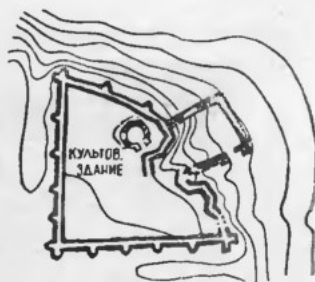

Рис. 27, 28. Общий вид и схема плана городища Калалы-гыр № 2 (древний Хорезм)

Рис. 29. Схема плана городища Гяур-кала (древний Хорезм)

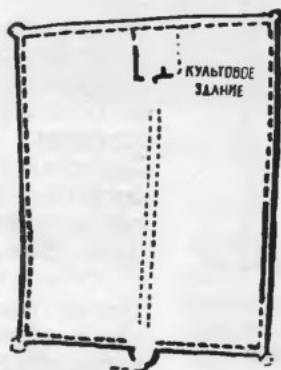

Рис. 30. Схема плана городища большой Гульдурсун (древний Хорезм) 7,6 га

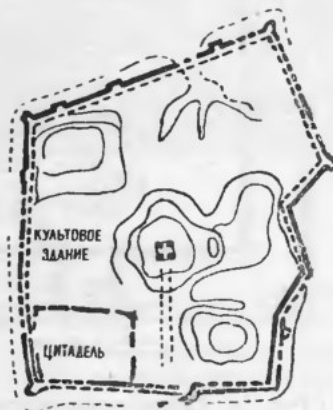

Рис. 31. Схема плана городища Шах-Сенем (древний Хорезм)

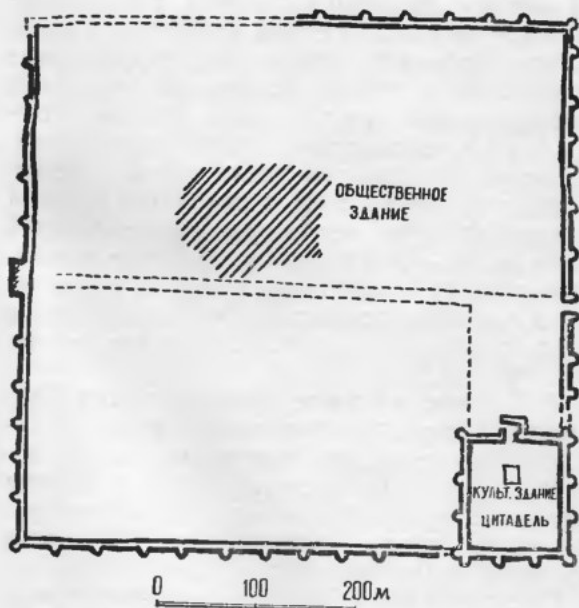

Рис. 32, 33. Схема плана и угловая крепостная башня городища Базар-кала (древний Хорезм)

27,8 га

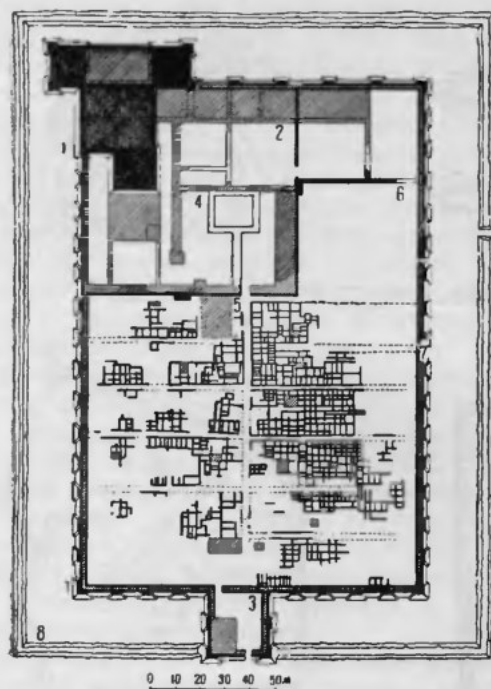

Рис. 34. Схема плана города Топрак-кала (древний Хорезм): 2,8 га

- 1) цитадель, 2) сводчатые помещения близ цитадели, 3) крепостные ворота, 4) храм огня, 5) колонное сооружение перед входом в храм огня, 6) незастроенная территория (предположительно рыночная площадь), 7) крепостные стены и башни, 8) крепостной ров

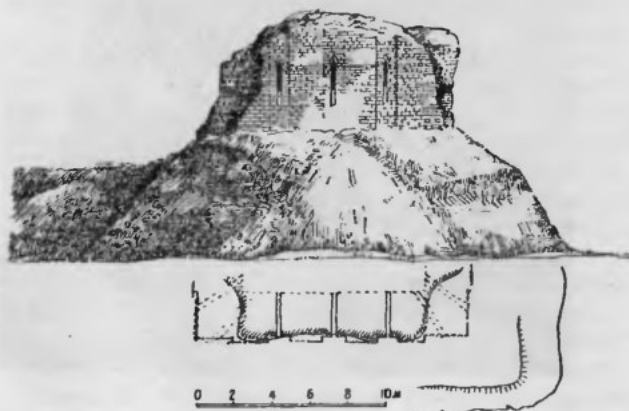

Рис. 35. Угловая северо-восточная башня крепостной стены Топрак-кала (современное состояние)

земледельческое население; существуют и рабы, преимущественно военнопленные. Ремесло в городах развито и дифференцировано. Основная масса ремесленников была, видимо, свободной. Военнопленные ремесленники, которые поселялись целыми колониями, находились, вероятно, на положении рабов. Часть войска (по крайней мере в царстве Менандра) состояла из воинов, рожденных от рабов в знатных домах. Шесть знатнейших родов (при дворе Менандра) держали в своих руках основные должности по управлению страной» [15].

О планировочных приемах, применявшихся жителями этих городов, можно составить лишь общее представление. Большинство городов разрушено, погибло и стерто с лица земли. Так, например, мы не имеем сведений о плане и о постройках древних Бактр — «матери городов». Известно лишь, что со времени Александра Македонского город, одно время носивший название Александрии, был обнесен мощными стенами и славился своими базами. Здесь находился храм огня [16].

О высоком хозяйственном и культурном уровне городского населения того времени свидетельствуют остатки старого Самарканда-Афрасиаба [17].

В античных источниках (П. Трог) упоминается город-крепость Дарра (район Каахка) — одно время столица Парфии. Вторая древняя парфянская столица, Ниса (близ Ашхабада) — довольно крупный город, расположенный на холме и обнесенный крепостной стеной. На его территории обнаружены терракотовые архитектурные фрагменты, близкие к античной художественной культуре, но с сильным местным оттенком: капители с ионийскими волютами, листья аканфа, пальметки, зубчатое завершение стен. Часть этих деталей относится к расположенной на территории города родовой усыпальнице — квадратному зданию с массивными стенами и колоннами в виде пучка из четырех стволов. Проследить общую схему плана города с должной полнотой до сих пор не удалось [18].

О Таксиле, на месте древнего города Такшашила («город, высеченный из камня»), сохранились упоминания современников (Филострат). Город был в незначительной степени укреплен стенами, улицы были узкими и неправильными, дома — одноэтажными. В городе был храм и царский дворец [19].

Представление о плане таких иррегулярных городов парфянского времени может дать Хатра (Малая Азия), один из значительных горо-

Рис. 36. Современное состояние городища Топрак-кала

дов этого времени, возникший вокруг дворца^[20]. Однако идеалом этого времени был все же правильно спланированный город. Это видно из описания крупного торгового города греко-индийского царства Шакала-Евтидемии в философском трактате Милинда-Паньха.

Здесь даются сведения о планировочных приемах, которые должен применять искусный

архитектор, приступающий «по всем правилам» к постройке города; указывается на необходимость проведения подготовительных работ — выравнивания территории, удаления камней, выкорчевывания пней и т. д. Далее говорится о разбивке территории города на кварталы, устанавливается очертание стен со сторожевыми башнями, увенчанными зубцами,

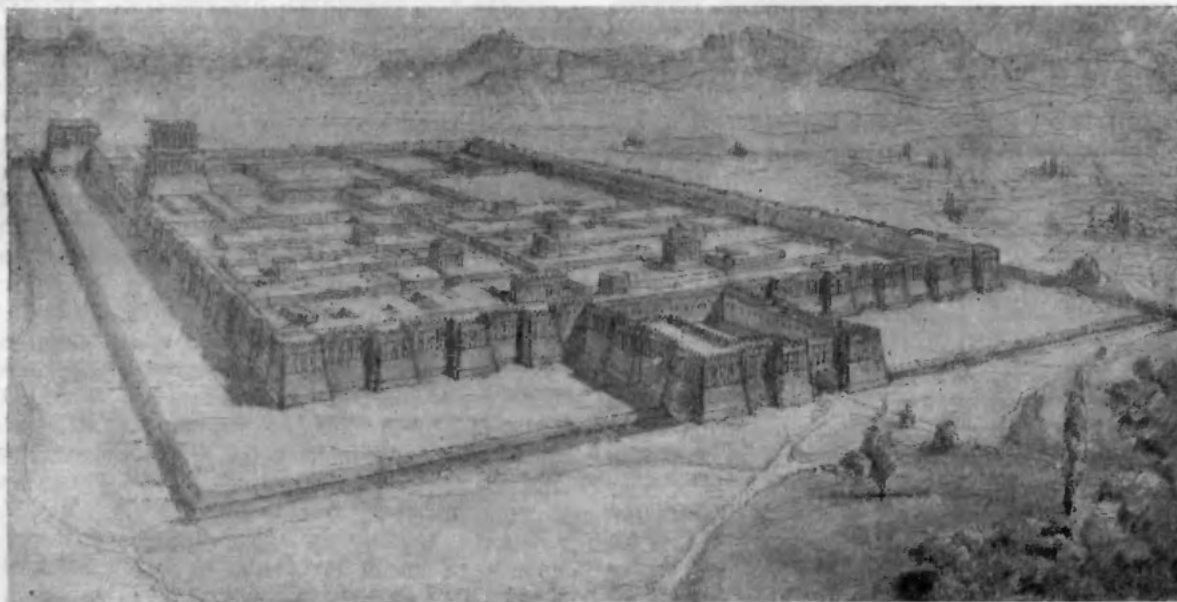

Рис. 37. Общий вид города Топрак-кала (реконструкция)

Рис. 38. Общий вид городища Эрес-кала (древний Хорезм)

с крепкими воротами; выбираются места для площадей с рядами открытых лавок, устроенных на перекрестках улиц, для парков, садов, прудов и храмов почитаемых богов [21].

Можно предположить, что в трактате дано несколько идеализированное описание города, но историческая подоснова несомненна. В этом убеждает план реального, дошедшего до нашего времени позднекушанского города Топрак-кала (древний Хорезм) (рис. 34—37).

В плане — это правильный прямоугольник площадью более 12 га.

Северный участок города (около $\frac{1}{3}$ его территории) выделен внутренней стеной. Здесь в северо-западном углу располагалась мощная цитадель-замок, местопребывание правителя. Она состояла из трех башен со сводчатыми помещениями и центрального массива парадных, жилых и хозяйственных комнат, чередующихся с внутренними дворами. Непосредственно к замку примыкали жилые помещения, также перекрытые сводами, вытянувшиеся вдоль крепостной стены. Неподалеку находился большой прямоугольный двор храма огня. Остальные $\frac{2}{3}$ города были заняты жилыми постройками горожан.

Примерно с юга на север шла центральная улица шириной в 7—9 м, разрезавшая жилую часть города на две равные части. Улица началась у предвратного лабиринта-входа и подводила к воротам храма огня. По обе стороны улицы размещалось 10—12 жилых домов-

кварталов. Кроме главной улицы, они разделялись поперечными проходами шириной около 4 м. В каждой половине жилой территории намечается примерно по три таких прохода. Каждый дом-квартал состоял из большого количества однородных комнат в виде сплошного массива с разбросанными кое-где открытыми дворами.

Дома возглавлялись башенными сооружениями, дошедшими до нашего времени в виде плоских размытых холмов со сплошной кирпичной вымосткой, обильной керамикой и группами хумов-корчаг. Здесь были помещения общественно-хозяйственного назначения — вероятное местопребывание главы семьи. Это — большесемейные домовые общины, пришедшие на смену общинно-родовому жилищу (как, например, в Джанбас-кала), но в значительной степени сохранившие архаические черты прежнего общественно-бытового уклада [22].

В пределах Хорезма примером позднеантичного города могут служить, наряду с Топрак-кала, городища Эрес-кала (рис. 38), Кырк-кыз-кала, Курганчи-кала, по своим размерам, планировочной структуре и типу соответствующие Топрак-кала [23]. Разница здесь только в конфигурации плана. Если Топрак-кала и Курганчи-кала прямоугольны, то Эрес-кала приближается к кругу, подобно сирохеттскому городу Самаль (Сенджирли), который был обнесен круглой в плане крепостной стеной в X—VIII веках до н. э.

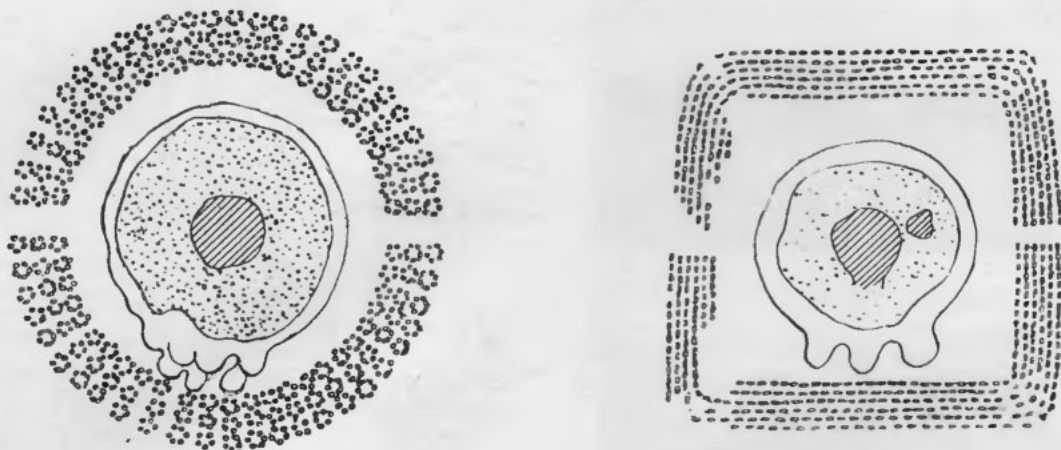

Рис. 39. Схематические планы курганов Берккаринского могильника (Семиречье)

Позднеантичные города Средней Азии, подобно городам древнего Востока, являлись носителями традиций косного общинного уклада, сочетавшихся с развитой городской жизнью сложившегося государства рабовладельческой аристократии.

Интересной интерпретацией формы плана городов этого времени может служить Берккаринский могильник (Семиречье) кочевников-кангюйцев, относящийся к III—I векам до н. э.

Это целая серия курганных насыпей, окруженных каменными выкладками. Они отличаются друг от друга по величине и богатству, что указывает на отношение могильников к стадии разложения первобытно-общинного строя. Курганная насыпь состоит из концентрических колец, опоясывающих края насыпи и могильную яму. Снаружи устраивались различные обкладки из кварцевого камня с двумя расположенными на оси разрывами для прохода [24].

Эти курганные насыпи с обкладками имитируют структуру плана города в двух основных вариантах его конфигурации, прямоугольном и круглом, и по своим размерам в плане (60—70 м) в известной мере соответствуют величине рядового города-крепости этого времени (рис. 39).

III. Сельскохозяйственный район-рустак

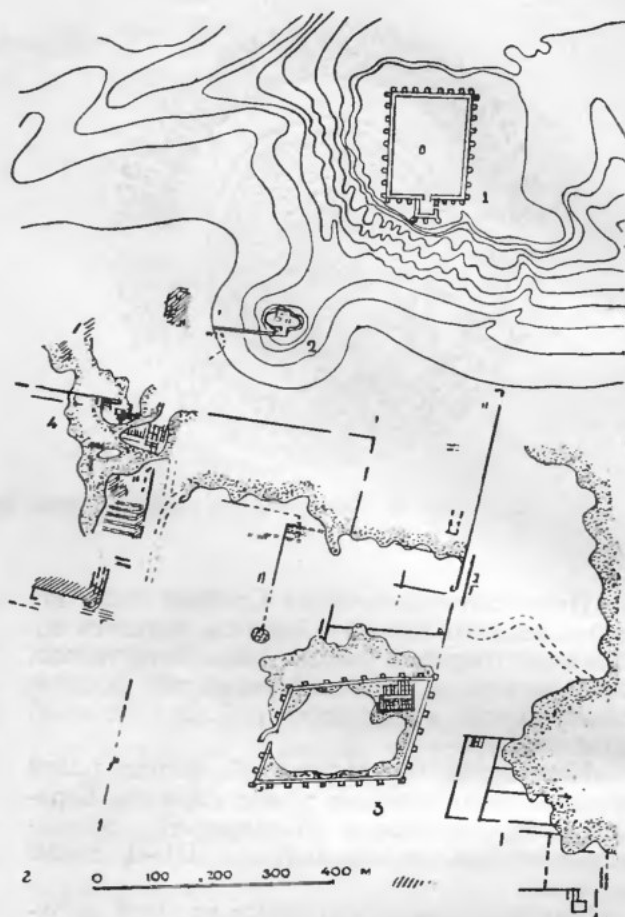
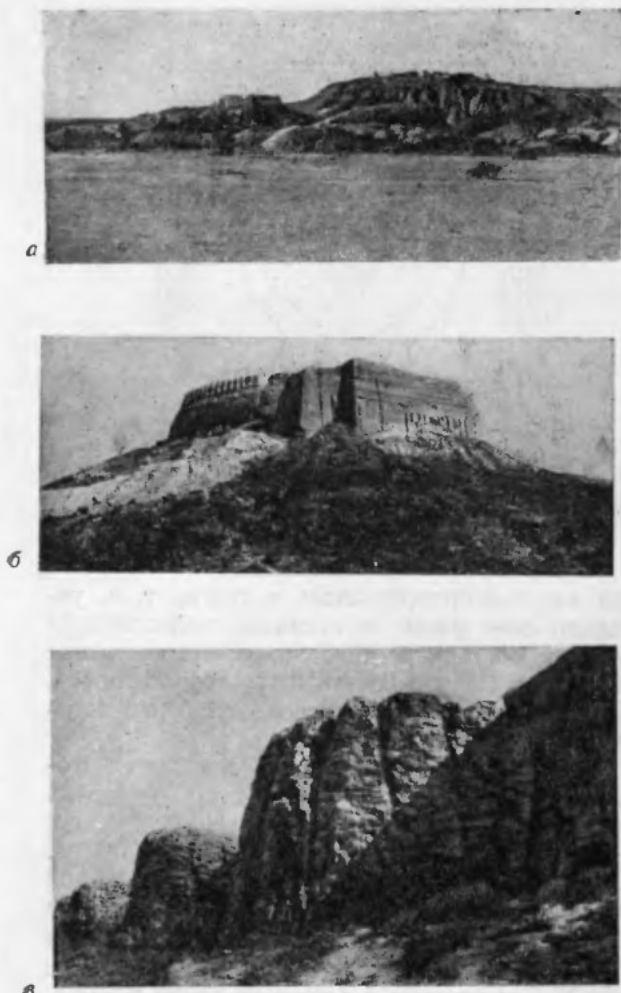
Параллельно с поселениями, окруженными четырехугольником крепостных стен, к которым приложимо название города в том смысле, что

село как бы превращалось в город, т. е. укрепляло себя рвом и стенами, существовали большие общинные деревни, представлявшие собой совокупность обширных дворов-усадеб, обнесенных стенами и непосредственно примыкавших друг к другу.

Примером такого сельского поселения может служить группа Аяз-кала (древний Хорезм) [25] (рис. 40—43).

Средний размер усадьбы составляет 0,9 га. Внутри стен усадьбы — многокомнатное жилое здание, примыкающее к одной из стен. Среди рядовых усадеб выделяются по величине и монументальности три укрепленные усадьбы — № 2, № 3 и усадьба в западной части района, видимо, принадлежавшие наиболее могущественным и богатым семьям. Район Аяз-кала является жилой группой, характерной для того периода, когда из родовой общины выделялись отдельные большие семьи, которые размещались в самостоятельных изолированных усадьбах, пока еще в непосредственном соседстве друг с другом.

Все усадьбы возглавляет крепостное сооружение Аяз-кала № 1, воздвигнутое на холме. Его мощная оборонительная двойная стена с часто расположенными полуциркульными башнями и сплошной цепочкой бойниц представляет собой сводчатую галерею, разделенную на отдельные жилые и хозяйственные помещения-казематы, где располагался гарнизон крепости. Внутренний двор оставался незастроенным и, видимо, был рассчитан для временного размещения окрестного населения при нападении врага.

1) крепость. 2—4) крупные жилые усадьбы

Рис. 40—43. Сельскохозяйственный район-рустак Аяз-кала в древнем Хорезме:

а) общий вид района. б) общий вид укрепленной усадьбы № 2. в) часть крепостной стены. г) план района

Крепость Аяз-кала № 1, занимавшая важное стратегическое положение на подступах к Хорезму, охраняла целый район. Об этом свидетельствует, в частности, далеко вынесенная вперед сторожевая башня.

IV. Жилой квартал, усадьба и жилой дом

Об архитектуре и плане жилых кварталов кушанского города можно сказать немного. От обнаруженных и предварительно обследованных жилых групп-кварталов городищ Джанбаскала и Топрак-кала остались лишь незначительные, иногда трудно различимые следы. Единственное, что с достоверностью выявляет-

ся, — это общий характер их планировки. Жилой квартал представлял собой монолитную группу жилых и хозяйственных комнат, чередующихся с открытыми дворами.

В кварталах Топрак-кала, более развитого и позднего по времени города, можно выделить среди рядовых помещений также центральное сооружение, где, повидимому, обитал глава рода-семьи и где хранилось наиболее ценное имущество (рис. 44).

Более полное представление о планировке, размерах и назначении жилых помещений этого типа дает группа укрепленных усадеб Аяз-кала, где три крепости и крупное поселение, состоящее из обширных дворов-усадеб, обнесенных

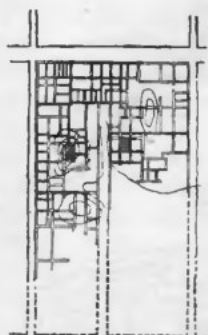

Рис. 44. Жилая группа города Топрак-кала (древний Хорезм)

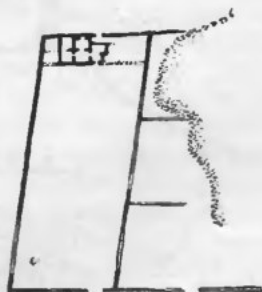

Рис. 45. Жилая усадьба № 1 района-рустака Аяз-кала

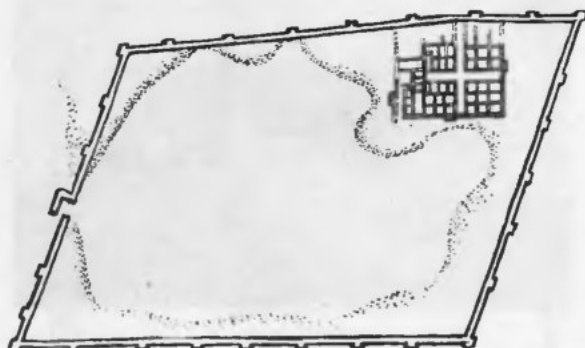

Рис. 46. Жилая усадьба № 3 района-рустака Аяз-кала

оборонительными стенами, вплотную примыкают друг к другу.

Каждая усадьба принадлежала большой патриархальной семейной общине. Усадьба № 1 имеет многокомнатное здание, примыкающее к северной стороне огражденного участка (рис. 45).

Стены здания сохранились на высоту до 1,40 м; они были сложены из сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ см. Из пяти вскрытых раскопками комнат одна служила хозяйственным хранилищем. Здесь были обнаружены следы хумов-корчаг и большого количества хозяйственной и бытовой посуды. Два следующих помещения — обычные жилые комнаты. Далее располагалась комната коллективных трапез со следами костра в центре и большой суфой у одной из стен. Последняя из обследованных комнат — своего рода парадная комната с почетным местом у одной из стен в виде ниши, обработанной с боков двумя кирпичными пилястрами. Помещения были перекрыты, видимо, сводами^[26].

Семейный дом представлял собой сооружение, составленное из одинаковых по величине смежных комнат. Намечающееся их различие по назначению крайне невелико и почти не отражается на внешнем виде помещений.

Среди усадеб, принадлежавших к большим патриархальным семейным общинам, выделяется Аяз-кала № 3, жилой дом которой, примыкающий к северной части крепостной стены, представлял собой крупное здание 60×40 м. Два взаимно перпендикулярных коридора разделяют его на четыре части, разбитые, в свою очередь, на небольшие комнаты, количеством до 40 (рис. 46). Основанием здания является естественный песчаный бархан, обложенный по

контуру и сверху комьями глины. На нем были заложены фундаменты стен. На высоте 1,45 м от основания стен устроены полы, также имеющие в основании песчаную засыпку с уплотнением и глиняной обмазкой поверхности^[27].

Судить о наружном виде этого здания из-за его плохой сохранности затруднительно. Можно предположить, что оно имело глухие массивные вытянутые по горизонтали стены. Единственным украшением были башенные выступы, прямоугольные в плане, посередине каждой из трех стен (четвертая примыкала вплотную к наружной крепостной ограде). Выступающие посередине стен квадратные башни — характерный признак архитектуры того времени, получивший отражение и развитие в целом ряде дошедших до нас укреплений-жилищ Хорезма (например, Кызыл-кала).

Параллельно с типом смежных комнат продолжают существовать жилые помещения с коридорообразными комнатами. Они встречаются повсеместно и в Хорезме, и в Согде, и в районе Термеза. Так, например, в цитадели Топрак-кала сохранились помещения вдоль крепостных стен, идущие параллельно и перекрытые эллиптическими сводами. Такие же коридорообразные сводчатые помещения были, вероятно, и в трех башенных выступах цитадели.

Близ города Топрак-кала находится укрепленный пункт Кызыл-кала, относящийся к кушано-афригидской эпохе (V—VII вв.). Помещения для гарнизона и жителей крепости находились, подобно башням цитадели Топрак-кала, в цокольной части крепости. Это был сплошной массив параллельно идущих узких и длинных комнат, разделенных, повидимому,

Рис. 47. Городище Джильдык-кала (современное состояние)

Рис. 48. Городище Джильдык-кала (реконструкция)

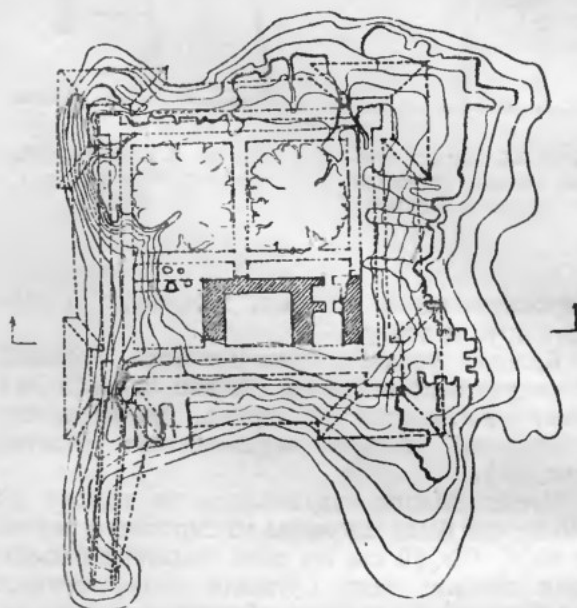
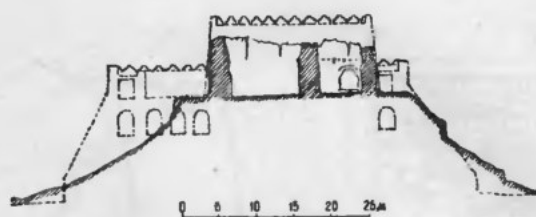

Рис. 49. Городище Джильдык-кала (древний Хорезм), план и разрез

на две группы центральным коридором. Такого же типа крепость Кюнерли-кала (левобережье Аму-Дарьи). Здесь не сохранилось внутренней планировки жилого массива, но зато есть остатки башенного сооружения, типологически связывающего хорезмские городища с Янги-Юльскими, о которых речь шла выше.

Городище Джильдык-кала древнего Хорезма, нуждающееся в раскопках для уточнения его планировки, представляет по внешнему виду усеченную пирамиду, сильно деформированную размывами и обрушениями, с остатками стен на верхней площадке. Городище представляет собой, видимо, родовое поселение-крепость.

По материалам предварительного осмотра, произведенного в 1940 году хорезмской экспедицией Академии наук СССР, можно предположить следующую его структуру: в основании — песчаная площадка, на которой возведены фундаменты стен вышележащих помещений

из сырцового кирпича. По контуру песчаная подушка была обложена кирпичом и укреплена контрфорсами, что и придавало нижней части сооружения вид усеченной пирамиды. По границам шли, вероятно, малые помещения прямоугольной формы, в центре — большие помещения и башенное сооружение. Все помещения, повидному, объединялись обходным коридором вдоль наружных стен (рис. 47, 48, 49).

В согдийском городище Тали-Барзу существовали в кушанский период сводчатые коридорообразные помещения; только позднейшие своды имели не циркульное, а стрельчатое начертание [28].

Этот прием параллельного расположения помещений прослеживается и в монументальных дворцовых сооружениях. Показательный пример — большой и малый дворцы парфянской столицы Хатры (Малая Азия). Здесь, при высококачественной и пластически тщательно про-

работанной архитектуре, начертание плана очень просто. Композиционным центром является полуциркулярная ниша-айван для торжественных приемов (рис. 50). По бокам айвана — крытые небольшие комнаты, в которые можно попасть частью снаружи, частью из айвана. Позади айвана находится квадратное в плане сооружение с внутренним обходом, может быть, сакрального характера. Малый дворец Хатры в более упрощенном и уменьшенном виде повторяет эту же плановую схему (рис. 51).

Вся усадьба большого дворца разделена стенами на две неравные части. На территории меньшей части, в свою очередь разделенной пополам (северный и южный дворы), находятся дворцовое сооружение и некоторые другие монументальные здания. Большая половина застроена лишь по границам. Посередине можно предполагать озелененные участки. Два пересекающихся под прямым углом прохода-проезда подводят к четырем воротам крепостной стены [29].

Эта схема планировки усадьбы в какой-то мере может подсказать характер планировки больших усадеб Хорезма, например Аяз-кала № 3, на площади которых не сохранилось никаких следов построек, кроме главного здания.

Более сложную схему имеет парфянский дворец в городе Ассуре, расположенном недалеко от Хатры (рис. 52). Здесь типичная жилая ячейка, состоящая из айвана, обстроенного жилыми комнатами, четырежды повторенная, окружает открытый прямоугольный двор. Четыре айвана подчеркивают его продольную и поперечную оси. Вся группа усложнена дополнительными малыми открытыми дворами (один из которых входной), проходами и различного размера комнатами [30].

Общинный жилой дом Аяз-кала № 3 и парфянский дворец в Ассуре, при всем их различии, в какой-то степени могут быть сближены по планировочному типу. И тут и там все внимание уделялось разработке внутреннего пространства. И тут и там мы видим довольно четкую систему плана с двумя перпендикулярными сквозными осями, разбивающими его на четыре изолированные части, вписанные в общий объединяющий квадрат с замкнутыми изолированными помещениями, самостоятельность которых подчеркивалась сводчатыми перекрытиями (не сохранившимися до нашего времени). Это — выработанная система плана.

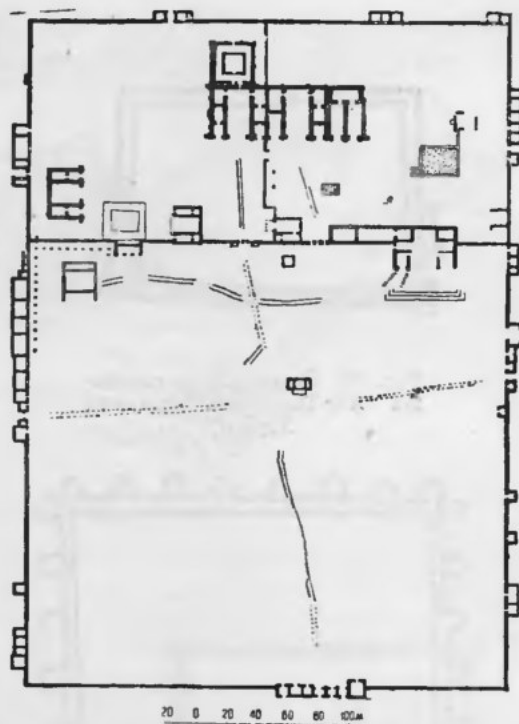

Рис. 50. Схема плана большой дворцовой усадьбы в Хатре (Малая Азия)

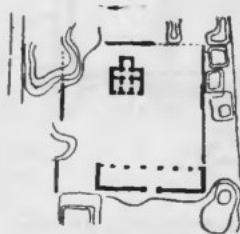

Рис. 51. Схема плана малой дворцовой усадьбы в Хатре (Малая Азия)

Рис. 52. Схема плана дворцовой усадьбы в Ассуре (Малая Азия)

Здесь характерен переход от сплошного жилого массива к дифференцированному.

План с крестообразными коридорами, оказавшийся удобным и жизненным, удержался в Средней Азии на протяжении многих веков. Законченный и развитый вид он получил, например, в здании Кырк-кыз (Сурхан-дарьинская группа руин древнего Термеза), относящемся к VI веку, и в целом ряде других сооружений этого же периода.

Рис. 53. Схема плана городища Ата-Тюрк-кала (древний Хорезм)

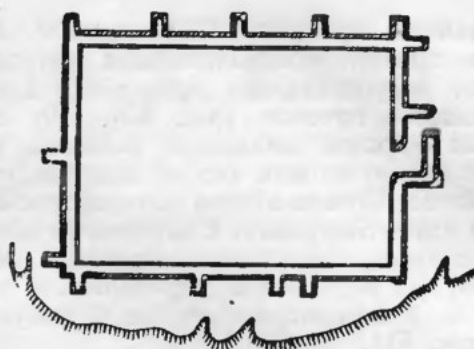

Рис. 54. Схема плана городища Кургаши-кала (древний Хорезм)

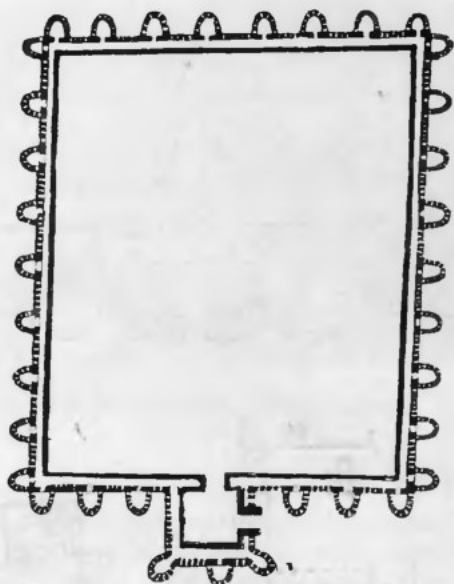

Рис. 55. Схема плана городища Аяз-кала № 1 (древний Хорезм)

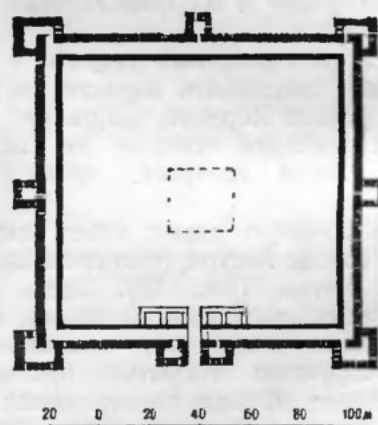

Рис. 56. Схема плана городища Ангка-кала (древний Хорезм)

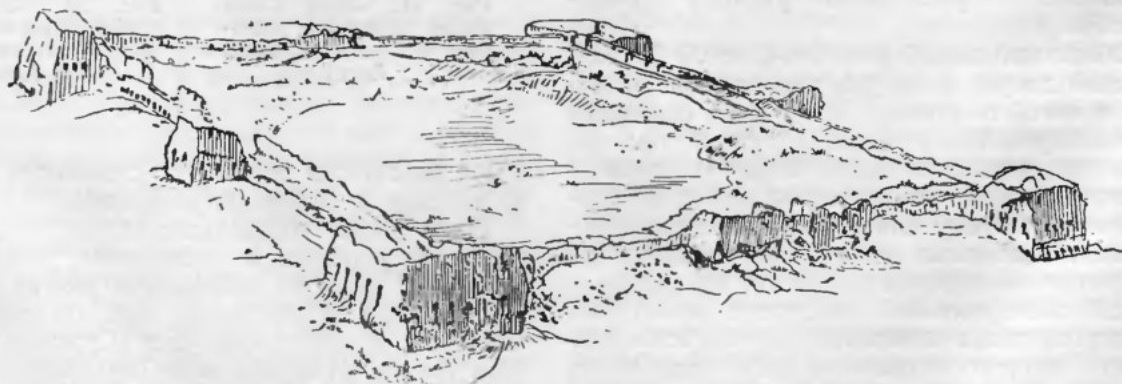

Рис. 57. Общий вид городища Ангка-кала

Рис. 58. Общий вид городища малая Кават-кала

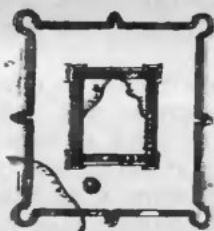

Рис. 59. Схема плана городища малая Кават-кала (древний Хорезм)

Рис. 60. Схема плана городища Кой-крыглан-кала (древний Хорезм)

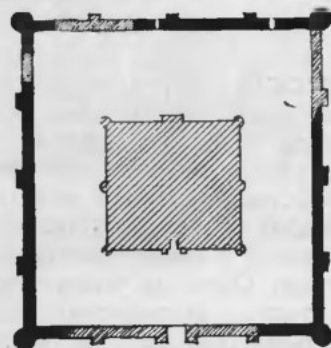

Рис. 61. Схема плана городища Тахирия (Дая-хатын)

V. Крепости—центры сельскохозяйственных районов-рустаков и крепости-рибаты

Крепости типа Аяз-кала № 1, в новых условиях реализующие традиции «городищ с жилыми стенами», с размещенными вокруг них усадьбами сельского населения, сохранились в различных частях древнего Хорезма. Им свойственны общие планировочные черты. По ним можно проследить усовершенствование оборонительной техники, меняющее внешний облик крепости при сохранении в продолжении столетий планировочного типа. Изменения и усовершенствования касаются формы бойниц, размещения и устройства боевых башен, в

частности угловых, устройства предвратного лабиринта.

Наиболее примитивна крепость Ата-Тюрк-кала на левом берегу Аму-Дарьи (рис. 53). Двойные стены сложены из сырцового кирпича. Ширина внутрстенного помещения-коридора равна 3 м. Бойницы расположены сплошной лентой. Боевые башни отсутствуют. Здесь даже нет тех тройных бойниц, предшествующих появлению башен, как в Джанбас-кала. Входные ворота сдвинуты к одному из углов, а предвратное сооружение представляет собой два массивных прямоугольных выступа. Крепость настолько деформирована, что восстановить ее внешний облик невозможно^[31].

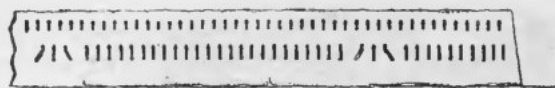

Рис. 62. Крепостная стена города Джанбак-кала (древний Хорезм)

Рис. 63. Крепостная стена города Базар-кала (древний Хорезм); реконструкция

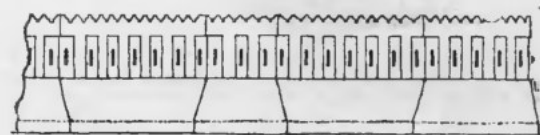

Рис. 64. Крепостная стена города Топрак-кала (древний Хорезм); реконструкция

Крепость Кургашин-кала демонстрирует поиски более совершенных фортификационных устройств (рис. 54). Появляются башни, но их расположение еще не подчинено единой закономерности; расстояние между ними различно по каждой стене. Делаются пробы различных комбинаций в расположении башен для защиты углов. Один из углов вовсе лишен их, — здесь только архаическая диагональная бойница. В другом углу две башни соседних стен сближаются, оставляя все же угол свободным, и, наконец, в третьем углу башни сдвинуты вплотную, образуя в плане «ласточкин хвост».

Башни Кургашин-кала прямоугольны в плане; этим они похожи на башни Топрак-кала, также прямоугольные в плане, но еще более плоские^[32].

В Аяз-кала № 1 башни полуциркульные в плане. Они часто расположены. Форма «ласточкина хвоста» на углах прочно вошла в обращение. Новшеством является лишь диагональное расположение угловых башен предвратного сооружения (рис. 55). Это диагональное расположение угловых башен является уже правилом, а «ласточкин хвост» — исключением, введенным лишь в углы цитадели, да и то только в те, к которым примыкают стены города и где поэтому диагональная постановка башен невозможна.

Отсюда один шаг к специальной форме угловых башен, отличной от форм фронтальных

башен. Этот прием осуществлен в крепостных стенах Топрак-кала и Ангка-кала^[33].

В Топрак-кала башни воспринимаются, как выступ стены. Бойницы сплошным непрерывным поясом охватывают и стены и башенные выступы.

Иную картину дает структура крепостной стены Ангка-кала. Башни сильно выдвинуты по отношению к плоскости стены. Средние башни меньше угловых, последние же охватывают угол стены, далеко выдаваясь вперед подобно волнорезам (рис. 56, 57). Такая структура башен знаменует еще шаг вперед в деле усовершенствования оборонительных сооружений.

Своеобразной планировочной разновидностью крепостей-жилищ древнего Хорезма являются малая Кават-кала (рис. 58, 59) и Кой-крыглан-кала (рис. 60), которые можно отнести к переходному периоду от античности к средневековью^[34]. В их основе лежит небольшой укрепленный дом, представляющий в плане прямоугольник или круг. Жилые помещения идут вдоль стен, как, повидимому, было в малой Кават-кала, или представляют сплошной массив, как в Кой-крыглан-кала. Характерными для этих крепостей являются вторые внешние стены.

Эти типы крепостей близки по своему плану к пограничным крепостям, для которых характерна тесная связь двух функций — защитной и торговой. Они с легкостью превращались из военных форпостов в центры торговли и обмена, а в случае отодвигания границ или долгого периода мирной жизни превращались в караван-сарай. Примером может служить Тахирия (Дая-хатын)^[35], где на месте крепости-форпоста, возникшей около VI века, появился в XII веке караван-сарай (рис. 61).

VI. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих античного периода

Город Средней Азии античного периода, насколько можно судить по дошедшим до нашего времени руинам, прошел длительный путь развития, выработал прочные и своеобразные традиции.

Первичные формы населенных мест, «городища с жилыми стенами» и «городища со сплошной застройкой», несмотря на их обширность, нельзя называть городами. Это лишь большие дома-усады. Городом условно можно назвать, например, поселение, где хотя бы два жилых массива-усады были

объединены под защитой крепостных стен около общественно-культового сооружения. Возникновение здесь проезда-прохода между домами-кварталами, общественно-культового здания и входных крепостных ворот-лабиринта определяет узловые композиционно-планировочные точки города.

В архаических городищах были и стены, ограничивающие городище (иногда довольно совершенные, как в Кюзели-гыр), намечались и общественные здания, но внутреннее пространство, ограниченное стенами, было инертно, пусто и никак не организовано. Это лишь огромный загон для скота без планировочной организации. Единственный структурный смысл заключался в стенах — жилых помещениях, но их протяженность не находилась в каком-либо планировочном соотношении с окруженным ими пространством.

К городищам-«тепе» еще в большей степени приложимо название жилой усадьбы. Основной массив — это сумма примыкающих друг к другу помещений, в большей или меньшей степени организованных разделяющими их на части проходами. Поселение вне основного многокомнатного дома или случайно по конфигурации и расположению, или представляет собой не более чем двор при основном жилом массиве.

На среднеазиатский город античного периода за все время его существования сохранился взгляд, как на своего рода обширный жилой дом. Отсюда и исходили принципы его планировки, устойчиво продержавшиеся долгое время. В его план были перенесены те приемы, которые намечались или разрабатывались в большесемейных жилых усадьбах-домах. Например, что такое жилища часть города Джанбас-кала, как не сплошной жилой массив, разделенный пополам центральным проходом и оконтуренный сквозным проходом вдоль крепостных стен? Несмотря на усложнение плана Топрак-кала, его планировочная схема остается принципиально той же.

Возможно, что сочетание продольных и поперечных коридоров, разделявших жилой массив не на две, а на четыре части, тоже можно было бы обнаружить в некоторых архаических городах, и лишь небольшое количество сохранившихся городов Средней Азии этого времени (и то лишь относящихся к Хорезму — району с несколько более своеобразными и архаическими традициями) не позволяет утверждать это с полным обоснованием. Эти

5 В. А. Левр. в

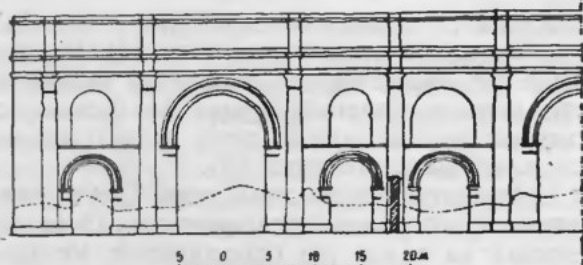

Рис. 65. Часть главного фасада большого дворца в Хатре (Малая Азия); реконструкция

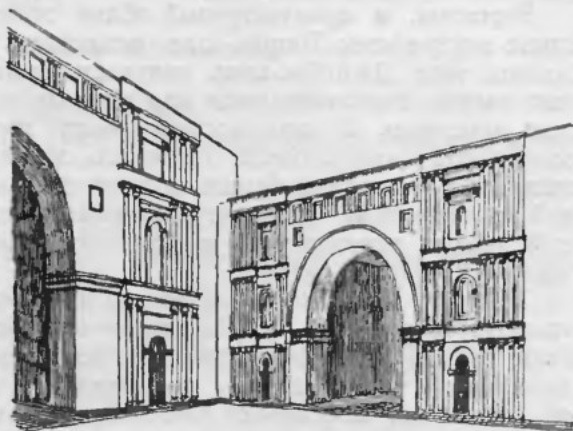

Рис. 66. Внутренний двор дворца в Ассуре (Малая Азия); реконструкция

архаические черты объясняются тем, что в Средней Азии общинные порядки мешали развитию рабства. Рабство на Востоке продолжало оставаться «домашним рабством», т. е. труд рабов находил применение в сфере обслуживания домашних нужд крупных землевладельцев, купцов, сановников и царского двора.

Важнейшей чертой рабовладельческого строя у древневосточных народов является длительное сохранение пережитков родового строя в виде большесемейной, а позже сельской общины, в отличие от более быстрого и полного развития рабовладельческого строя в античных обществах Греции и Рима.

Архитектура рядовых сооружений древней Средней Азии носила преимущественно утилитарный характер. Стены города-крепости Джанбас-кала однообразны и гладки. Монотонность стеной поверхности подчеркивается бесконечным рядом расположенных вразбежку бойниц. Этот метрический ряд изредка раз-

нообразится тройными бойницами — прообразом будущих боевых башен (рис. 62). Видимо, такое же впечатление однообразия оставляли стены жилых зданий города Базар-кала, от которых до нас дошли лишь незначительные следы фундаментов (рис. 63).

Архитектура крепостных стен Топрак-кала, почти не сохранившихся, очевидно, была построена на таком же однообразном метрическом ряде башенных выступов и бойниц, проходящих по стенам и башням бесконечным поясом. Возможно, что стены и башни были увенчаны зубцами (рис. 64).

Вероятно, и архитектурный облик жилых групп внутри стен Топрак-кала отличался от жилищ типа Джанбас-кала наличием башенных частей, возвышавшихся над каждым жилым массивом. В противопоставлении горизонтальной протяженности основного массива жилища и вертикали башни обозначается какой-то первичный архитектурно-композиционный прием, применяемый в большесемейных жилищах Средней Азии.

Такая же простота характерна и для капитальных сооружений Топрак-кала — его цитадели и прилегающих арочных помещений (насколько можно судить по сохранившимся остаткам). Наряду с лаконичностью наружных форм внутренние дворы и парадные помещения дворца-цитадели были украшены, как это установлено раскопками хорезмской экспедиции Академии наук СССР, монументальными статуями и богатой стеной росписью, свидетельствующими о зрелом и оригинальном художественном мастерстве античного Хорезма.

Несколько большее представление о разработке мотива аркады дает расположенная недалеко от Топрак-кала позднекушанская крепость Кзыл-кала. Частично сохранившиеся фрагменты декора наружной стены крепости дают возможность произвести предварительную схематическую реконструкцию. Простота и структурность, композиционная ясность и архитектурность характеризуют это сооружение кушанов-хорезмийцев.

Эти же черты можно отметить и в рядовых, и в дворцовых сооружениях. Например, Филострат говорит, что дворец царя в Таксиле мало отличался от дворцов богатых граждан. Стены дворца были возведены из бута и облицованы камнем, из которого выполнены и колонны. Наряду с этим сохранились указания о больших размерах и роскоши дворцов греческих царей и эпархов в Бактрии [36].

О богатом декоре дворцовых зданий говорят также руины парфянских дворцов Хатры и Ассура (Малая Азия), где широко разработаны арочные мотивы (рис. 65, 66). Скульптурные рельефы покрывали их стены, арки и карнизы.

В этой связи нельзя обойти молчанием прекрасный айртамский фриз, обнаруженный в районе Термеза, с изображением музыкантов и гирляндоносцев среди листьев аканфа. Фриз принадлежит какому-то общественному или культовому зданию, от которого до нас дошли незначительные остатки [37].

Следует вспомнить также руины монументального мавзолея в одной из парфянских столиц Ниса (на территории нынешней Туркменской ССР) с четырьмя колоннами в центре в виде пучков и полуциркулярными пилонами вдоль стен [38]. Здесь были найдены терракотовые фрагменты в виде античных пальметок и розеток, части капителей с волютами, фрагменты зубчатого завершения стен и т. д.

На территории Средней Азии обнаружено, как видим, очень немного материала, по которому можно составить более или менее полное представление о композиционно-художественных приемах среднеазиатских зодчих древнего периода. Приходится оперировать главным образом крепостными сооружениями Хорезма с его локальными чертами, не всегда распространенными на другие районы страны.

Общественные сооружения были велики по сравнению с жилыми домами, причем они обычно сознательно ставились в такие условия, которые подчеркивали их значительность. Ничто не соперничало с ними и не нарушало их цельности и значимости (например, трехбашенная цитадель Топрак-кала, дворцовая группа Хатры и т. д.).

В этот период уже обнаруживаются два основных приема архитектурной обработки стеной поверхности — арочный и гофрированный, — которые получили широкое развитие в более поздних сооружениях Средней Азии.

Арочный мотив проявляется с полной силой в таких сооружениях, как дворец Хатры с его грандиозными открытыми айванами (прообраз порталов-пиштаков более позднего времени). Он же, в качестве декоративной обработки наружной стены, применен в хорезмской крепости Кзыл-кала.

Начало мотива гофрированной обработки стены можно усмотреть в метрически повторяющихся лопатках крепостных стен. В ином ха-

рактуре этот мотив звучит при сближении полуколонн в группы, обрамляющие нишу айвана, как это сделано во внутреннем открытом дворе парфянского дворца Ассура.

Однако архитектурная форма не замаскировывала конструкцию. В сооружениях, даже сильно насыщенных декором, конструкция не исчезала под его изобилием, декоративные детали были неотделимы от строительной формы,

а отделочные работы—от основного строительного процесса. Поэтому в немногих дошедших до нашего времени городах среднеазиатской античности так покоряет единство композиционных приемов и в простейших сооружениях типа Джанбас-кала, и в богато украшенных общественно-культовых и дворцовых зданиях типа Хатра, Айртама, Топрак-кала и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Партиздат, 1932, стр. 164.
2. Толстов С. Древнехорезмские памятники Кара-Калпаки («Вестник древней истории», 1939, № 3).
3. Толстов С. Древности верхнего Хорезма («Вестник древней истории», 1940, № 1).
4. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», ч. I. М.—Л., Академия наук СССР, 1938—1939.
5. «Проблемы истории докапиталистического общества», № 9—10, М., 1935.
6. Григорьев Г. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе, Тшк., 1934.
7. Ершов С. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи («Вестник древней истории», 1940, № 1).
8. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
9. Там же.
10. Городище обследовано хорезмской экспедицией Ин-та истории материальной культуры под руководством С. Толстова в 1940 г.
11. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
12. Городище обследовано хорезмской экспедицией Ин-та истории материальной культуры в 1939—1940 гг.
13. Бартольд В. История культурной жизни Туркестана. Л., Изд-во Академии наук, 1927.
14. Толстов С. Тирания Аброя («Исторические записки», 1939, № 3).
15. Тревер К. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., Академия наук СССР, 1940.
16. Там же.
17. Вяткин В. Афрасиаб—городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926.
18. «Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института», Ашх., 1935, I.
19. Тревер К. Памятники греко-бактрийского искусства.
20. «Архитектура античного мира (материалы и документы)». М., 1940.
21. Тревер К. Памятники греко-бактрийского искусства.
22. Толстов С. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма («Вестник древней истории», 1946, I).
23. Городища обследованы хорезмской экспедицией Академии наук СССР в 1938—1939 гг. и в 1945 г.
24. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
25. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
26. Там же.
27. Там же.
28. Григорьев Г. Городище Тали-барзу («Труды Отдела Востока». Л., Гос. Эрмитаж, 1940, II).
29. André W. Hatra, 1909.
30. Pore A., Ackerman Th. A survey of persian art, I, 1938.
31. Ершов С. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи.
32. Толстов С. Древнехорезмские памятники Кара-Калпаки.
33. Там же.
34. Там же.
35. Ершов С. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи.
36. Тревер К. Памятники греко-бактрийского искусства.
37. Массон М. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. (Материалы Узкомстари, Тшк., 1933, I).
38. Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института, Ашх., 1935, I.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Усадьбы-крепости

В III—IV веках могущественное Кушанское царство приходит в упадок и, наконец, перестает существовать под ударами кочевников-завоевателей, сначала эфталитов (V в.), а затем тюрков (VI в.). Античная Средняя Азия с ее развитой культурой не избежала общего кризиса рабовладельческого мира и, подобно Римской империи на западе, пала под ударами варварских племен.

Средняя Азия, прежде объединенная под единой властью кушанов, распадается на отдельные части — Хорезм, Фергана, Шаш (долина Чирчика), Илак (долина Ангрена), Осрушна (район между Джизаком и Ходжентом), Согд (район верхнего Зерафшана), Маймург (юго-западная часть Самаркандской области), Кушания (район Катта-кургана), Бухара, Вардана (район западнее Бухары), Кеш (Шахриязб), Нашхеб (Карши), Чаганиан (район Сурхан-Дарьи), Термез и др. Обширный Мервский оазис со своей столицей Мервом включается в состав Сасанидского государства. Согд и отчасти Хорезм подпадают под власть тюрков. Но старые связи продолжают жить, ссылаясь, например, в систематических съездах и совещаниях правителей этих владений в трудные времена, как это не раз случалось в эпоху арабского завоевания в VII—VIII веках^[1].

Центром каждого владения является резиденция правителей. Их титулы различны. В Хорезме и Термезе — шахи, в Бухаре, Вардане, Чаганиане — худаты, в Согде — ихшиды, в Фергане и Осрушне — афшины, в Ходженте — дикханы и т. д.

В этих условиях городская цивилизация античной Средней Азии приходит в упадок. Сокращаются площади городов и численность их населения. Приходит в движение застойный общинный быт деревни. К власти выдвигаются новые слои господствующего класса землевла-

дельцев-рабовладельцев. Первенство города и городской культуры отпадает. Деревня в результате новых социально-экономических сдвигов развивается. В этом проявляется закономерность, характерная для перехода от античного строя к феодализму, выражавшаяся в перенесении центра общественной жизни из города в деревню^[2].

Представление о типе укрепленной усадьбы этого времени дает Якке-парсан в древнем Хорезме. В центре располагался жилой замок-кёшк владельца усадьбы, поднятый на мощный стилобат (рис. 67). На одной из сторон кёшка имелся выступ-башня, являвшийся входной частью замка. Сюда был перекинут мостик с входной башни стен, окружавших кёшк. Кёшк-башня была окружена тремя рядами concentрических стен. Первая стена отстояла примерно на 20 м и имела башни полуovalной формы по бокам и в середине каждой стены. Вторая укрепленная линия отстояла на 10 м от первой. И, наконец, на расстоянии 40—45 м сохранились незначительные следы третьей стены (рис. 68, 69).

В кёшке и в пределах первой стены были жилые помещения владельца замка и членов его семейства. В пределах второй стены располагались жилища слуг, и, наконец, третья стена ограничивала хозяйственный двор.

Эта же планировочная схема повторяется в двух соседних замках, сильно разрушенных, объединенных под общим названием Кош-парсан (рис. 70).

Существование такого типа укрепленных жилищ засвидетельствовано и письменными источниками. Ал-Бируни рассказывает о резиденции Африга, основателя династии хорезмшахов (V в.) в следующих выражениях: «И построил (Африг) свой замок внутри Ал-Фира в 660 году после Александра (Македонского), и ведут летоисчисление от него и потомков его. Был этот Ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и

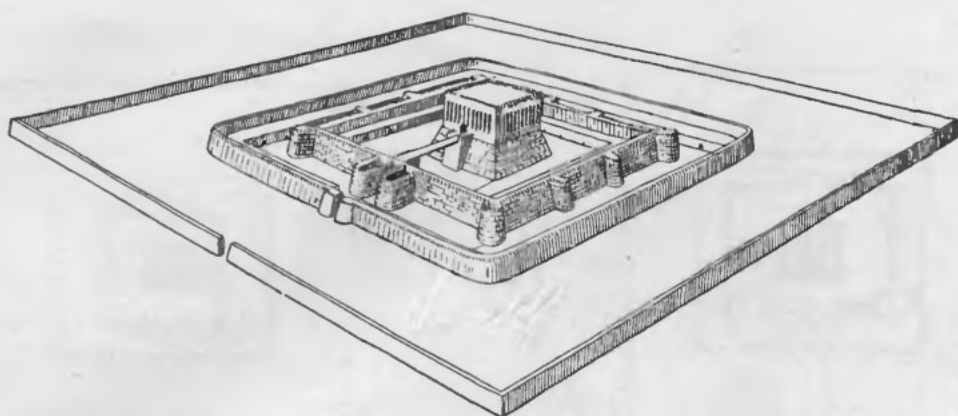

Рис. 67. Общий вид усадьбы Якке-парсан (реконструкция)

сырцового кирпича тремя стенами одна внутри другой и следуя друг за другом по высоте и превосходил все их замок царей» [3].

Такого рода укрепленные жилища-замки не были локальной особенностью Хорезма. Они встречались и в других частях Средней Азии, например, в Согде. В Бухарском оазисе сохранились руины Тававис (Шахри-Вайрон) — пограничного города в системе крепостной стены Бухарского оазиса Кампыр-дувал (рис. 71). Замок, ставший позже цитаделью города, имел три ряда стен и жилую башню-кёшк в центре. Площадь, занятая кёшком, 20×20 м; размеры дворов последовательно: 120×140 , 180×180 и 200×200 м, т. е. общие размеры соответствуют хорезмским жилым замкам. Вход находился в северо-восточном углу. Восточная стена шла параллельно Кампыр-дувалу.

Издавна в городе был большой торг, видимо, между земледельцами и кочевниками, на который приезжали издалека. Нершахи подчеркивал, что рост богатства города происходил не столько за счет земледелия, сколько за счет торговли. Истахри сообщает, что в X веке цитадель города была уже в развалинах [4].

Цитадели Тавависа очень близка по характеру цитадель Арбинджана — города, расположенного на большой караванной дороге Бухара — Самарканд у берега Нарпая, одного из древних каналов Согда. Кёшк имеет размер 26×26 м, следующая стена 125×125 м. Внешний ограничивающий вал сильно размыт и деформирован [5] (рис. 72).

Приведенные примеры показывают, что такого рода поселения-замки были распространены в главнейших областях Средней Азии.

Повсюду происходил один и тот же процесс — города растворялись в массе сельских поселений. Центр экономической жизни переносился в сельскохозяйственную округу. Вместо городов появлялись замки.

Сельские поселения с непосредственно примыкающими друг к другу стенами (как, например, Аяз-кала) распадаются на отдельные изолированные усадьбы. Происходит изменение общего вида всего населенного района-оазиса. Появляются новые типы поселений, выражающие своим внешним видом наступление новых отношений, связанных с постепенным отмиранием рабовладельческой системы производства и возникновением в зачаточных формах феодальных отношений.

Жестокая внутренняя война, связанная с общим кризисом рабовладельческого мира, борьба общинников с зарождающимися эле-

Рис. 68. Цитадель-кёшк жилой усадьбы Якке-парсан (древний Хорезм)

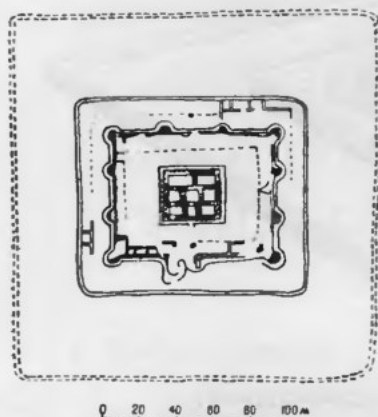

Рис. 69. Схема плана жилой усадьбы Якке-парсан

Рис. 70. Схема плана жилой усадьбы Кош-парсан № 2 (древний Хорезм)

ментами феодализма — вот основная причина появления сильно укрепленных несколькими рядами стен усадеб-крепостей. Жилой дом-замок владельца поднимается на высокий массивный цоколь. Попасть туда можно лишь по перекидному мостику из предвратной башни.

Период завоевания страны кочевниками эфталитами и тюрками в V—VI веках, арабами в VII—VIII веках вызвал к жизни эти громоздкие, сильно укрепленные усадьбы, наложившие отпечаток на весь архитектурно-планировочный облик страны. Оазис Беркут-кала в древнем Хорезме дает исключительно яркий пример такого раннесредневекового поселения [6].

II. Жилой район-рустак

Беркут-кала представляет собой район-рустак площадью в 9 км^2 , застроенный несколькими группами мелких укрепленных жилищ-замков вокруг более крупных усадеб, расположенных друг от друга на расстоянии 100—200 м. Вся группа тяготеет к центральному оросительному каналу; поэтому в плане весь район имеет вытянутую форму [7] (рис. 73).

Население группируется в большесемейные коллективы, среди которых выделялись аристократические слои землевладельцев-рабовладельцев и купцов.

Замок-усадьба такого купца-землевладельца более крупная по размерам, господствовала в районе, являясь центром притяжения для мелких замков-усадоб (рис. 74, 75).

Крупные замки-усадьбы обычно размещались близ головных ответвлений каналов.

Крайним южным пунктом оазиса являются замки-усадьбы Кум-Баскан-кала и № 41. Далее следуют группы, объединенные укрепленной усадьбой Тешик-кала и № 52, затем самый крупный замок Беркут-кала, контролирующий несколько ответвлений второстепенных каналов; еще дальше идет ряд относительно крупных безыменных замков с окружающими их мелкими усадьбами, и, наконец, с севера вся группа замыкалась большим замком Уй-кала, связанным с левым ответвлением основного канала. Таким образом, в планировочной структуре района-рустака намечается известная соподчиненность: отдельные укрепленные усадьбы объединялись в группы вокруг крупного замка-усадьбы.

Такого рода рустики были основным планировочным типом расселения этого времени. До нас дошли высказывания Ал-Магдиси (X в.) о 12 000 укрепленных замках вокруг Миздахкана (древний Хорезм) [8]. Большая группа укрепленных усадеб группировалась вдоль Чирчика (Янги-Юльский район) [9]. Между Самаркандом, Зерафшаном и хребтом Агалык-тау, на площади около 200 км^2 зарегистрировано несколько десятков городищ, представлявших в плане прямоугольный двор с центральным сооружением на высоком цоколе посередине двора [10].

Истахри насчитывает только на трех (из двенадцати) арыках Бухарского оазиса до 4000 укрепленных усадеб (2000 — по город-

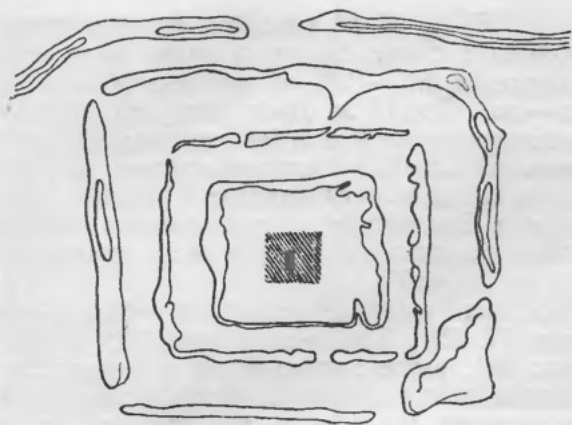

Рис. 71. Схема плана цитадели города Тававис (Шахри-Вайрон); Бухарский оазис

скому арыку Фашидизе, 1000 — по арыку Джуйбар и 1000 — по арыку Рабах). Якут в небольшой области Осрушна упоминает о 400 укрепленных усадьбах. Нершахи говорит о 700 замках, построенных в окрестностях Бухары переселившимися туда из города в кушанский период купцами^[11]. Наконец, поселения такого рода создаются в Семиречье (по долинам рек Талас и Чу) согдийскими колонистами.

Согдийцы проникли в Семиречье в V—VII веках н. э.^[12] Их поселения имелись повсеместно в этом окраинном районе Средней Азии. Достаточно яркую картину характера согдийских поселений дает Краснореченское городище (в древности г. Сарыг) близ г. Фрунзе. Это — группа из нескольких десятков укрепленных домов-усадьб отдельных семейств на территории до 10—15 км². Каждая усадьба — самостоятельное замкнутое хозяйство патриархальной семьи^[13].

Археологические исследования последнего времени позволили определить примерные границы распространения согдийских поселений. Начинаясь у Сайрама-Исфиджаба, они простирались по всей Таласской части Чуйской долины. Крайней границей распространения согдийских поселений был г. Баласагун^[14].

В противоположных концах Средней Азии — Хорезме и Семиречье — мы видим те же принципы организации населенных мест, тот же тип укрепленных усадеб.

Население усадьбы-кед состояло из главы дома «кедхуда», членов его семейства и родственников, живших в центральном жилом доме-кёшке, «кедиверов» — клиентов и «чакиров» — рабов. Хозяйственные постройки нахо-

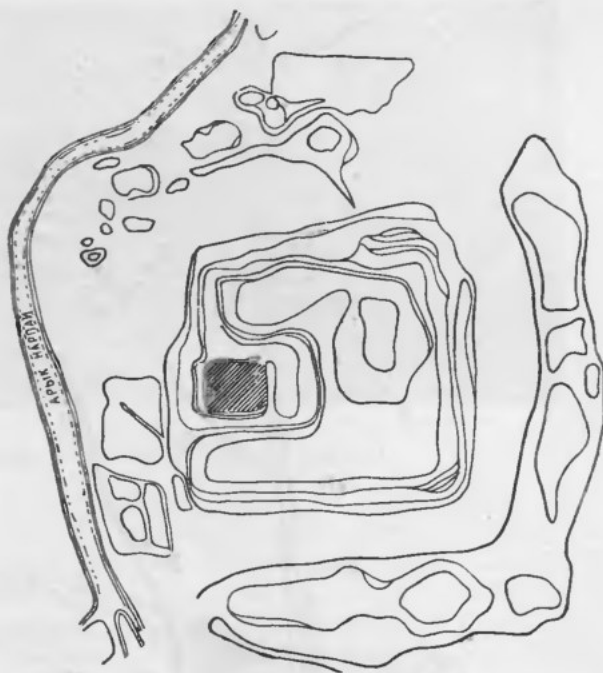

Рис. 72. Схема плана цитадели города Арбинджан (на караванной дороге Бухара — Самарканд)

дились внутри стен усадьбы, окружавшей кёшк. Тут же размещалось и семейное кладбище.

Этот тип расселения определялся извечным конфликтом кочевой степи и оседлых земледельцев. Обширная торговля с кочевниками содействовала расцвету ремесла, которое концентрировалось, естественно, в населенных пунктах. Но эти мирные торговые отношения всегда могли перейти в вооруженный грабеж мирного населения, что вызывало необходимость укрепления каждой усадьбы.

III. Укрепленная усадьба-кед и жилые здания

Что же собой представляли укрепленные усадьбы-кед раннесредневекового времени в архитектурно-планировочном отношении? Сохранившиеся до нашего времени усадьбы Хорезма и других областей Средней Азии позволяют восстановить их облик.

Усадьба разделялась на две части: 1) центральное укрепленное жилое сооружение — кёшк-донжон и 2) примыкающий к нему двор с жилыми и хозяйственными постройками.

Первичная планировочная форма жилого замка была показана выше, — это кёшк-донжон, окруженный тремя рядами стен.

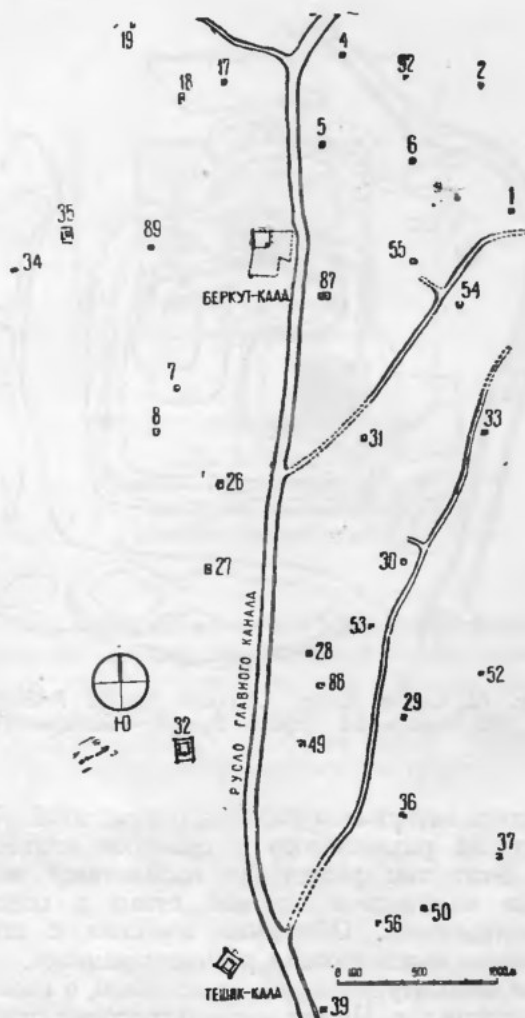

Рис. 73. Схема плана южного участка района-рустака Беркут-кала (древний Хорезм)

Центральное расположение кёшка в плане укрепленной усадьбы-кед сохранилось в ряде случаев и, видимо, является наиболее ранним приемом. Его предположительно можно отнести к цитадели Бухары и Афрасиаба, которые зародились как укрепленные усадьбы. Кёшк Тали-Барзу, так же как и некоторых других городищ этой группы (например, Кафыр-кала, Джиль-тепе, Каварзор-тепе и др.), находятся в центре стен, ограждавших двор усадьбы [15].

Таково же положение кёшка и в некоторых рядовых усадьбах оазиса Беркут-кала, среди которых можно насчитать до 15, где ясно прослеживается центральное положение кёшка-донжона. Это, прежде всего, усадьбы № 4, 6,

10, 11, 15, 16, 65, 82 (рис. 76). Все они прямоугольны в плане. Площадь двора колеблется в пределах 0,15—0,30 га, площадь жилого дома — до 15 × 15 м. Двор застроен жилыми помещениями слуг и хозяйственными постройками. В наиболее сохранившихся усадьбах видны следы их фундаментов и изредка остатки стен. Эти постройки шли главным образом вдоль защитных стен, а иногда занимали и середину двора [16].

Кёшки крупных усадеб Кум-баскан-кала (рис. 77, 78), Тёшик-кала (рис. 79) и № 32 (рис. 80), ранее примыкавшие к середине наружной стены усадьбы, впоследствии, после расширения усадьбы и уничтожения старой стены, очутились в центре усадьбы.

Несколько чаще встречаются примеры, когда кёшк примыкает к середине наружной стены цитадели. Его асимметричное положение ясно выражено в цитадели Арбинджана. Еще более отчетливо оно видно в хорезмских городищах. В Хиве холм Акших-баба (рис. 81) включен в систему северной стены арка-цитадели; ряд замков оазиса Беркут-кала дает примеры такого же асимметричного расположения кёшка. Можно насчитать не менее 15 рядовых усадеб в районе Беркут-кала, достаточно сохранившихся, где кёшк из центра усадьбы переходит к середине стены. Это — усадьбы № 7, 8, 14, 22, 30, 31, 40, 51 и др. (рис. 86). Дворы их застроены так же, как и в других усадьбах, упоминавшихся выше.

В некоторых крупных усадьбах, например, Уй-кала и № 60, кёшк также расположен в середине наружной стены (рис. 82, 83, 84). Укрепленная усадьба Кум-кала (древний Хорезм), начавшая развиваться в небольшой городок, целиком воспроизводит эту же схему расположения кёшка-донжона.

Наиболее предпочтительным, в конце концов, оказалось расположение кёшка в одном из углов, образованных наружными стенами усадьбы или цитадели. Примеры этого варианта можно видеть в различных районах Средней Азии: в Бухарском оазисе — Варахша, Катта-ходжа-ишан, Дингиль-тепе (рис. 85); в Ташкентском оазисе — Харашкет-ханка, в Хорезме — Пиль-кала (рис. 87), наконец, Муг-кала — в верховьях Зерафшана. Оазис Беркут-кала дает опять-таки ряд красноречивых примеров расположения кёшка в углу, образуемом наружными стенами усадьбы. Это прежде всего центральная усадьба, давшая имя всему оазису, и рядовые усадьбы № 21, 26, 35 и 55 и др. (рис. 88).

Рис. 74 Крепостные стены жилой усадьбы Беркут-кала (древний Хорезм)

Рис. 75. Общий вид укрепленной жилой усадьбы Беркут-кала

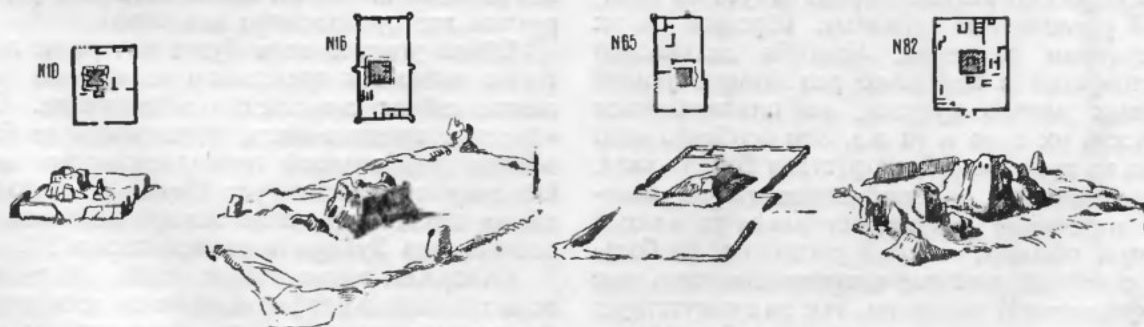

Рис. 76. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 10, 16, 65 и 82 района Беркут-кала.
(Жилой дом-кёшк расположен в центре укрепленной усадьбы-кед)

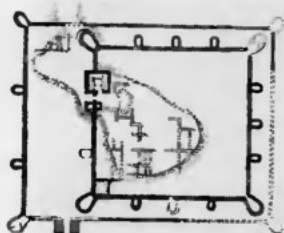

Рис. 77. Схема плана жилой усадьбы Кум-баскан-кала (район Беркут-кала)

Рис. 78. Общий вид жилой усадьбы Кум-баскан-кала

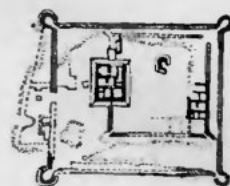

Рис. 79. Схема плана жилой усадьбы Тешик-кала (район Беркут-кала)

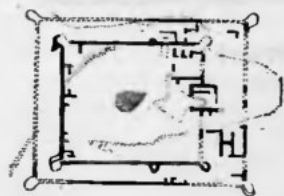

Рис. 80. Схема плана жилой усадьбы № 32 (район Беркут-кала)

Рис. 81. Схема плана цитадели Кунья-арк в Хиве

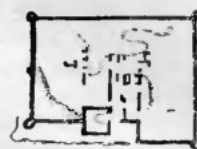

Рис. 82. Схема плана жилой усадьбы Уй-кала (район Беркут-кала)

Рис. 83. Схема плана жилой усадьбы № 60 (район Беркут-кала)

Рис. 84. Общий вид жилой усадьбы Уй-кала

Рис. 85. Схема плана городища Дингиль-тепе (Бухарский оазис)

Все рассмотренные варианты усадеб-цитаделей различаются главным образом по их абсолютным размерам. Усадьбы дехканской аристократии в несколько раз больше усадеб рядовых членов рустака, но планировочная сущность их одна и та же. Это особенно ясно видно на примере района-рустака Беркут-кала. В иерархическом делении замков можно усмотреть отражение расслоения когда-то единой родовой общины, которая распалась на большие семейные домовые общины. Но здесь еще нет феодальной иерархии, так как отсутствует ее основа — крепостная деревня. Дехкане — землевладельцы и рабовладельцы — еще не противопоставлены рядовым членам общины,

как антагонистический класс, хотя уже формируются все предпосылки для этого.

Образ усадьбы-кеда будет завершен лишь тогда, когда мы представим ее зеленое окружение, сейчас совершенно исчезнувшее. Сад-«бустан», цветник-«баг», фруктовый сад были обычно необходимой принадлежностью кед. Об этом свидетельствует Нершахи, описывая кешки дехкан, выселившихся при арабском завоевании из Бухары в ее окрестности [17].

Считалось желательным, чтобы «баг» окружал главный жилой дом-кешк со всех сторон, что называлось «чор-баг». Этот термин впоследствии получил широкое распространение, выходящее за пределы его первичного смысла.

Рис. 86. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 40, 8, 20, 73 района Беркут-кала. (Жилой дом-кёшк примыкает к середине наружной стены усадьбы-кел)

Например, центральная загородная улица Исфгани XVII века получила это наименование [18].

IV. Центральное жилое сооружение — кёшк

Планировка и архитектура кёшка исходит из традиции общинно-родовых жилищ — «городищ со сплошной застройкой». Такие древнехорезмские городища, как Кюнерли-кала, Джильдык, Аяз-кала № 3, — непосредственные предшественники кёшков. Но наряду с чертами сходства намечаются и черты различия. Они сказываются прежде всего в величине сооружения, в его внутренней планировке, в устройстве основания.

Прежние дома вмещали целый род, позднейшие рассчитаны только на пребывание главы большой семьи и его ближайших сородичей. Жилой дом поэтому значительно уступает прежнему в размерах. Например, жилой дом кушанского периода имеет в плане 2400 м² (Аяз-кала № 3), 750 м² (усадьба № 1 Аяз-кала), до 500 м² (малый дворец в парфянском городе Хатра). Кёшки Беркут-кала имеют размер в плане от 450 м² (Тёшик-кала) до 200 м² (замок № 4).

Существенным отличием ранних жилых домов (V—VI вв.) от более поздних (VI—VIII вв.) является структура их основания. Жилые многосемейные дома раннего периода (Аяз-кала № 3, Кзыл-кала и др.) основаны на сплошном цоколе, сравнительно небольшой высоты. Генетически с ними связаны такие кёшки Беркут-калинского оазиса, как № 72, 85, 69, 87, основание которых совпадает с уровнем земли (рис. 89), согдийский замок Краснореченского городища, замок на горе Муг в верховьях Зерафшана и замок в рабаде древнего Термеза. Они имеют сплошную застройку

первого этажа, иногда повторяющую план второго. В иных случаях цоколь был более мощным и высоким, а основные жилые помещения, представлявшие систему сводчатых коридоров, находились в недрах этого цоколя (например, Кзыл-кала и, предположительно, Джильдык). Верхний этаж — это площадка плоской кровли, оконтуренная коридором или помещением-казематами для бойцов. Иногда на крыше появляется постройка, занимающая некоторую ее часть (например, Ак-тепе близ Ташкента).

На следующем этапе (VI—VII вв.) все помещения размещены во втором этаже, а первый превращается в сплошной монолитный цоколь. Например, в оазисе Беркут-кала жилые помещения, за редким исключением, целиком переносятся во второй этаж, возведенный на сплошном массивном цоколе в несколько метров высоты.

Таким образом, жилища-замки, в зависимости от времени и места их возведения, ме-

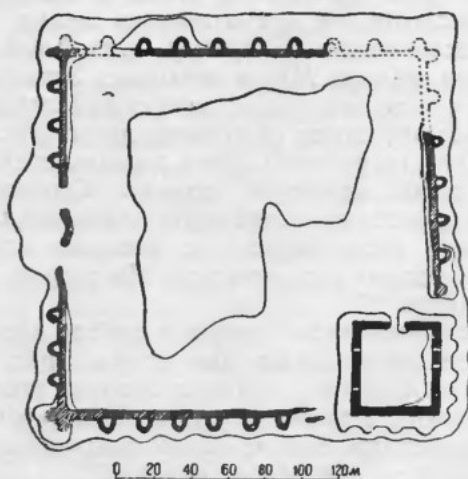

Рис. 87. Схема плана городища Пиль-кала (древний Хорезм)

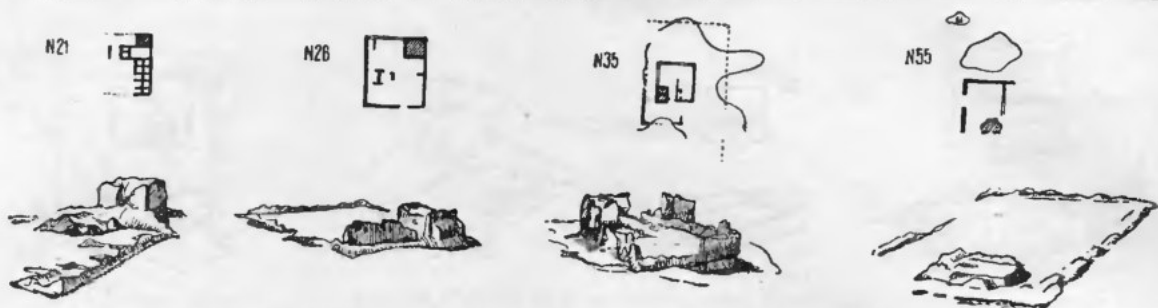

Рис. 88. Схемы планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 21, 26, 35 и 55 района Беркут-кала. (Жилой дом-кёшк расположен в углу, образуемом наружными стенами усадьбы)

няли свою фортификационную структуру, но сохраняли единый планировочный принцип^[19]. В пределах этого единого принципа происходили композиционные изменения и усовершенствования. В жилом доме-кёшке намечается, а затем все более четко вырисовывается, усложнение в распределении внутренних помещений, вызванное, повидимому, бытовыми потребностями внутри коллектива большой семьи.

Наиболее примитивная планировка ранне-средневекового жилого дома — расчленение его массива на узкие коридорообразные помещения. Этот древнейший прием определялся простейшим способом устройства перекрытия. Он существовал весьма долго и еще в VIII веке держался в Согде, а в наиболее отдаленных и трудно доступных районах (например, горные районы Северного Ирана) существовал до последнего времени.

В качестве примеров приведем целый ряд домов с коридорообразной планировкой в различных районах Средней Азии. В каждом из них, несмотря на примитивность плана, есть свои особенности. Например, согдийский жилой дом на горе Муг в верховьях Зерафшана имеет четыре комнаты с поперечным проходом вдоль задней стены со стороны двора (рис. 90). Передняя (наружная) стена, видимо, представляла собой открытую аркаду. Сооружение имело два этажа одинаковой планировки. Сохранился лишь первый, о наличии второго можно только догадываться. На второй этаж вел пандус^[20].

«Гофрированное» здание в рабаде древнего Термеза имело также два этажа (рис. 91). Комнаты-коридоры разрезал пополам поперечный проход. Наружные стены были украшены полуколоннами. Здание сильно разрушено и не поддается точной реконструкции^[21].

В противоположном конце Средней Азии, в Семиречье, был раскопан согдийский жи-

лой дом близ древнего города Сарыг (рис. 92). Здесь та же система параллельных низких комнат, пересеченных перпендикулярно идущим коридором; только коридор этот более изолирован от комнат, чем в термезском здании^[22].

Реконструированный сасанидский жилой дом отличается от предыдущих тем, что коридорообразные комнаты здесь разделены еще поперечной стеной. Кроме того, один из торцов дома представляет собой открытую галерею^[23] (рис. 93).

Этот сасанидский дом является по начертанию плана как бы переходным от однотипных коридорообразных помещений к зданиям с более сложным планом, где можно обнаружить выделение входного помещения, соединительных коридоров и разделение комнат по величине и назначению.

Такова небольшая крепость Ганч-хана-тепе в системе оборонительной стены Бухарского оазиса Кампыр-дувал (рис. 94). В южной оконечности крепости видны следы башни, сейчас совершенно бесформенной. Жилая часть состоит из группы коридорообразных галерей и квадратных комнат, сохранившихся крайне фрагментарно, но по ним можно составить суждение о схеме всего плана. Эти небольшие угловые квадратные помещения, выделенные из общей системы коридорообразных комнат, служат прообразом угловых башен, которые в развитом виде существовали в укрепленных усадьбах, караван-сараях и ханака этого времени^[24]. Такого большинство кёшксов Беркут-калинского оазиса. Из них наиболее подробно обследованы усадьбы № 4 (рис. 95), 34 (рис. 96), 36 (рис. 97) и Тёшик-кала^[25] (рис. 98—100).

Сопоставим кёшк рядовой усадьбы № 4 и крупной усадьбы Тёшик-кала. В первой из них четко виден входной коридор, направо — ком-

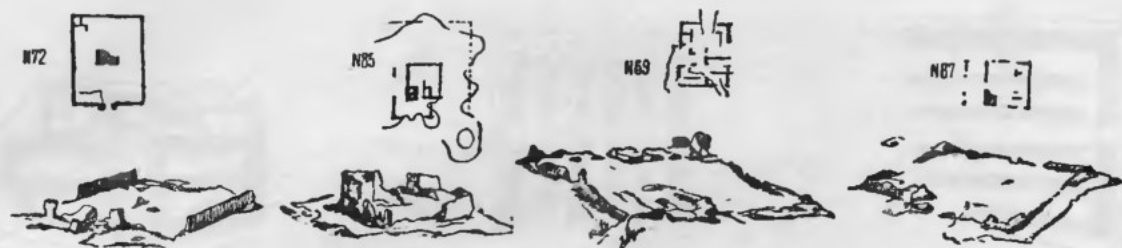

Рис. 89. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 72, 85, 69 и 87 района Беркут-кала. (Жилой дом-кёшк расположен на уровне земли и не имеет массивного цоколя)

ната для прислуги и охраны, прямо — главное помещение, выделяющееся своими размерами, налево — боковой коридорчик, из которого можно попасть в кладовые и комнату женской части обитателей кёшка. Таково предположительное распределение комнат. Нечто подобное можно обнаружить и в кёшке усадьбы № 8, менее сохранившемся и не подвергавшемся тщательному обследованию (рис. 101).

Кёшк усадьбы Тёшик-кала более обширен. Его план четко проработан. Входной коридор имеет три двери: левая ведет в помещение прислуги и вооруженной охраны, правая — в приемную комнату хозяина, с нишей, обрамленной двумя пилонами, видимо, представлявшей собою почетное место с орнаментальным фризом поверху; через третью дверь посетитель попадал в центральное квадратное помещение, вокруг которого группировались внутренние комнаты. Часть из них были жилыми, остальные — хозяйственного назначения.

Примерно по этому же типу были распланированы комнаты в кёшке Якке-парсан, более разрушенном и менее подробно изученном (рис. 102). Здесь, пожалуй, можно отметить большую значимость центрального помещения. План кёшка складывается из двух элементов — центрального квадратного купольного помещения и сгруппированных вокруг него прямоугольных сводчатых комнат различной величины.

Якке-парсан — типичный повсеместно распространенный среднеазиатский кёшк, существовавший в течение нескольких столетий почти без изменений. В районе древнего Мерва сохранился ряд зданий — жилых замков, распланированных по этому принципу; например, здание № 5 (малая Кыз-кала) по общим размерам и распределению помещений почти тождественно с Якке-парсаном. Здесь то же центральное купольное помещение, те же пря-

моугольные комнаты вокруг него, но в расположении больше упорядоченности. Угловые и средние комнаты подчеркивают две взаимно перпендикулярные оси плана. Этот прием особенно четко виден в здании № 1 древнего Мерва [26].

Наряду с жилыми и хозяйственными комнатами кёшк иной раз включает и помещения культового характера. Например, замок № 36 Беркут-калинского оазиса усложнен специальной одноэтажной купольной пристройкой, которую проф. С. Толстов, обследовавший сооружение в 1938 году, определил, как культовое помещение, связанное с зороастрийским погребальным обрядом [27].

Более органичное включение купольного помещения в систему рядовых прямоугольных комнат мы обнаруживаем в сырцовом здании № 5 присураханской группы руин древнего Термеза [28] (рис. 103). Это полуразрушенное здание представляет собой, судя по начертанию плана, ханака, т. е. дом для приезжих, в котором обычно останавливались богомольцы около мест поклонения. Его купольная часть, сдвинутая несколько с геометрического центра плана, окружена подсобными помещениями и составляет вместе с ними компактную группу. Особо выделяется входной коридор, ведущий от наружной двери к главному помещению. Развитием этого же типа плана является караван-сарай Таш-рибат, расположенный в противоположном конце Средней Азии — предгорьях Тянь-Шаня, на пути из Семиречья в Кашгар [29] (рис. 104).

По сравнению с термезским зданием здесь увеличено количество прямоугольных помещений вокруг центрального купольного. Можно говорить даже о двух группах помещений. Первая — это жилые комнаты-худжры по сторонам центрального входного коридора, примыкающие к боковым коридорчикам, на-

Рис. 90. Схема плана жилого дома-кёшка на горе Муг (Таджикистан)

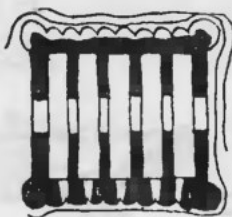

Рис. 91. Схема плана «гофрированного» здания на городище древнего Термеза

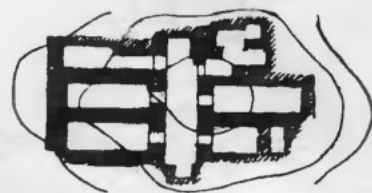

Рис. 92. Схема плана жилого дома-кёшка близ города Сарыг

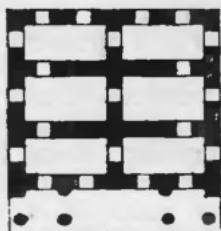

Рис. 93. Схема плана сасанидского жилого дома

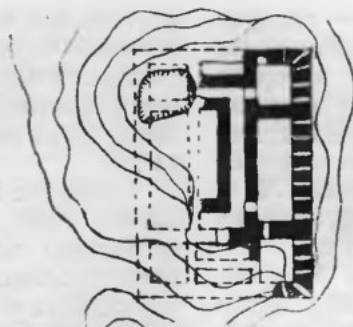

Рис. 94. Схема плана крепости Ганч-хана-тепе (Бухарский оазис)

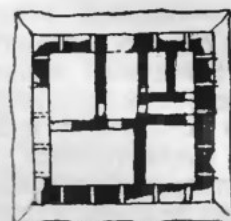

Рис. 95. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 4 райсна Беркут-кала (древний Хорезм)

Рис. 96. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 34 района Беркут-кала

Рис. 97. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 36 района Беркут-кала (цокольный и первый этаж)

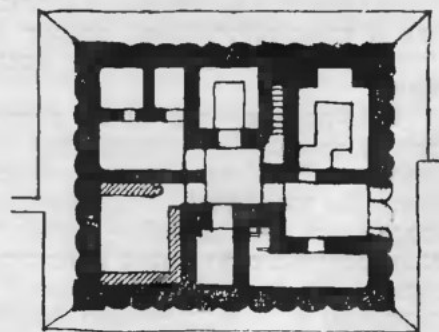
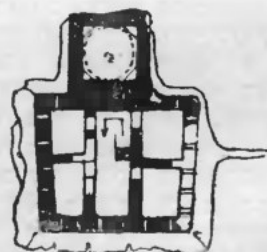

Рис. 98, 99. Общий вид и схема плана жилого дома-кёшка усадьбы Тёшик-кала в районе Беркут-кала

Рис. 100. Общий вид усадьбы Тёшик-кала

правленным перпендикулярно к основному. Вторая — это купольный зал с открытыми айванами, расположенными по перекрещивающимся осям с подсобными помещениями. В этом сложном построении зодчему приходилось решать планировочно-композиционную задачу сочетания в одном здании разнообразных помещений. Такой прием требует развитых соединительных коридоров, которые появляются в Таш-рибате. Один, продольный, ведет от входного портала к купольному помещению, другой, поперечный, разделяет группы комнат вокруг центрального помещения. При увеличении размеров здания появляется потребность, кроме разделяющих, также и в обходных коридорах.

Планировочный мотив обходного коридора, объединяющего жилые помещения и угловые крепостные башни, можно отметить в городище Ак-тепе (Янги-Юльский район). Суждение

о плане сооружения можно составить на основе археологических работ в 1940 году^[30] (рис. 106).

Жилой массив вписывается в прямоугольник со сторонами, ориентированными по странам света, и башнями по углам. Раскопками раскрыта только часть здания, и поэтому площадь его может быть определена лишь примерно в 0,45—0,50 га. К северо-восточной стороне дома примыкал двор в виде неправильного удлиненного прямоугольника 100×40 м, где обнаружены стены, видимо, жилых помещений, непосредственно у широкой крепостной стены, окружавшей двор.

Основное сооружение возведено на небольшом естественном возвышении и имеет два этажа. Верхний этаж в плане занимает не более $\frac{1}{4}$ площади первого этажа и сдвинут в юго-западный угол. Ограждающие верхние стены сильно размыты и деформированы. В нижнем этаже вдоль них шла обходная галерея

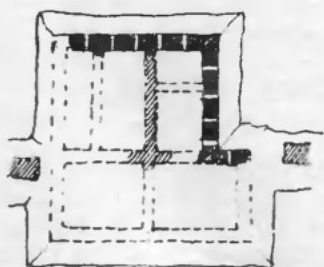

Рис. 101. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 8 района Беркут-кал

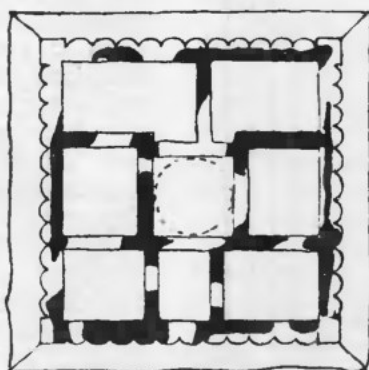

Рис. 102. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы Якке-парсан (древний Хорезм)

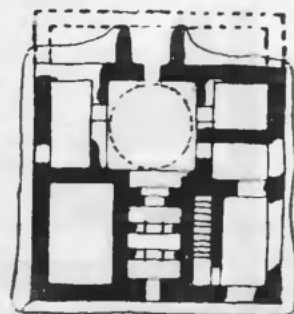

Рис. 103. Схема плана сырцового здания № 5 на территории древнего Термеза

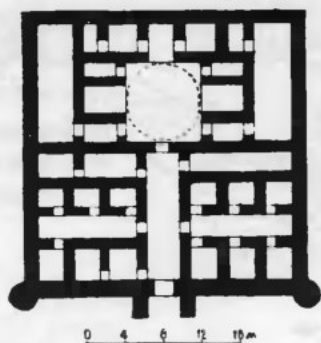

Рис. 104. Схема плана караван-сарая Таш-рибат (Северная Киргизия)

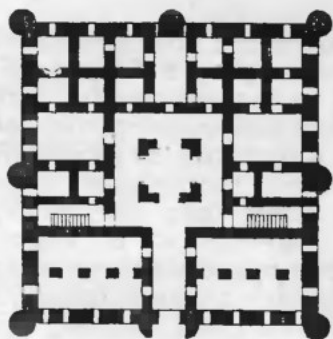

Рис. 105. Схема плана укрепленной арабской жилой усадьбы Ал-харани (Малая Азия)

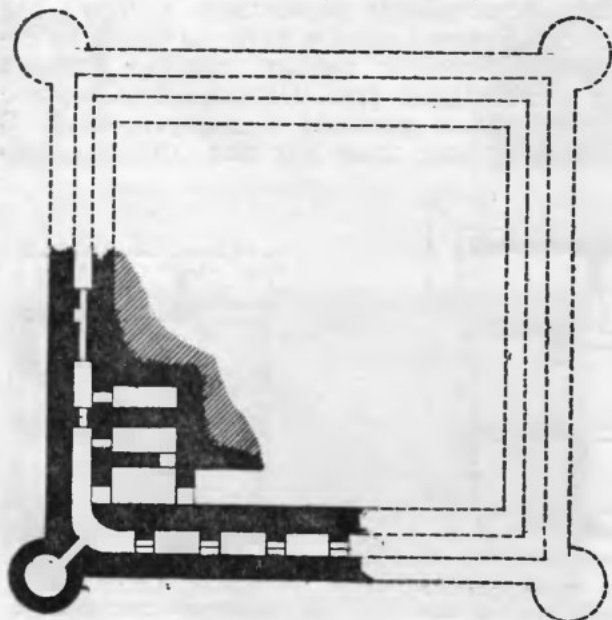

Рис. 106. Схема плана укрепленного замка Ак-тепе близ Ташкента

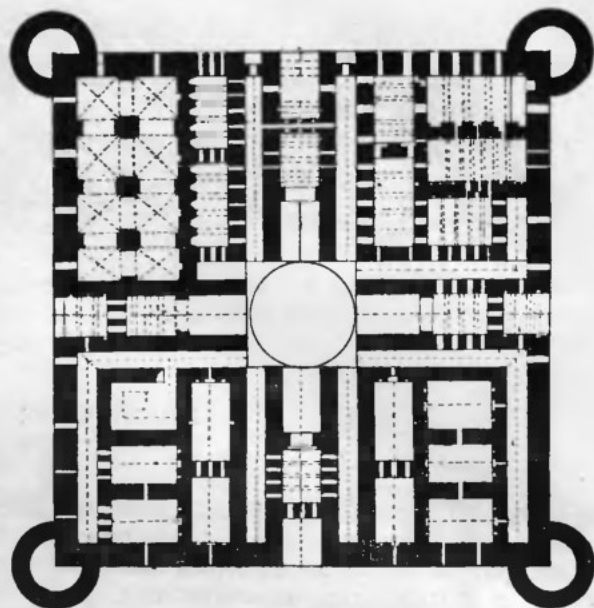

Рис. 107. Схема плана общежития-ханака Кырк-кыз в окрестностях древнего Термеза

рея, соединяющая сторожевые угловые башни и внутренние узкие жилые и хозяйственные комнаты. Расчищены три комнаты с массивными глинобитными стенами, сообщающиеся между собой проемами.

Наличие обходного коридора можно предположить и в городище Джильдык-кала (древний Хорезм) [31].

В ханака — караван-сарай Таш-рибат планировочная схема пересекающихся коридоров осталась несколько недоразвитой из-за того, что вторая половина сооружения занята купольным центральным помещением. Однако план с крестообразно идущими коридорами оказался удобен и жизненен для крупных зданий и удержался в Средней Азии на протяжении многих веков. Законченный и развитый вид он получил в зданиях типа Кырк-кыз (присураханская группа развалин древнего Термеза), относящихся к VI—VIII векам (рис. 107, 108).

Кырк-кыз древнего Термеза — ханака, представляющая в плане квадрат с глухими декоративными башнями по углам. В середине каждой из четырех стен имеются входы в виде ниш с арочными перекрытиями — прообраз портала-пиштака. Входные коридоры, ведущие в центральное купольное помещение, разделены на три части: наружную нишу, средний

Рис. 108. Общий вид здания Кырк-кыз

участок и внутреннюю нишу, раскрывающуюся в центральное помещение, по углам которого начинаются четыре пары внутренних коридоров, ведущих в комнаты. Коридоры имеют два яруса, остальные помещения — одноэтажные. Сводчатые перекрытия коридоров выполнены наклонными отрезками без кружал из сырцового кирпича размером $30 \times 30 \times 5,5$ см. Комнаты в большинстве прямоугольны, примерно одинаковых размеров, перекрыты сводами и освещены небольшими окнами, выходящими или на фасад, или во внутренние коридоры. Часть комнат совсем лишена окон. Одно из помещений юго-восточного угла представляет собою большой зал, перекрытый сомкнутыми сводами, опирающимися на стены и три массивных внутренних столба. Очевидно, это было помещение общественного назначения [32].

Внутренняя отделка крайне проста. Весь архитектурный смысл здания заключается в контрастном чередовании помещений, в использовании конструктивных эффектов перекрытий.

Наружный вид здания крайне непритязателен. Глухие массивы стен разнообразятся по осям углублениями входов и закрепляются по углам выступами башен. Оконные проемы размещены случайно, без всякой ритмической связи. Их количество и величина незначитель-

ны; в организации наружных стен они не играют никакой роли. Здание завершалось, возможно, зубчатым парапетом. Никаких его следов не осталось, но об его существовании можно предполагать, поскольку зубчатый парапет являлся необходимой принадлежностью оборонительных стен того времени. Не имея практического значения в данном случае, он мог быть введен из соображений образно-символических, придавая зданию характер крепости.

Наряду с центральными коридорами здесь имеются также и обходные, через которые можно попасть из главного купольного помещения в боковые комнаты. Четыре глубокие ниши по осям главного помещения по своему происхождению связываются с четырьмя айванами кушанско-парфянских дворцов.

Здания типа Кырк-кыз не одиноки. В группе загородного дворца домонгольского Термеза имеется древнее здание № 1, которое может быть условно отнесено к сооружениям этого типа. Оно сильно деформировано; его план может быть восстановлен только в результате специальных раскопок, но все же и сейчас определяется его сходство со зданием Кырк-кыз, почему руина и получила наименование малый Кырк-кыз [33].

Ряд укрепленных жилых доисламских домов-замков арабов близок по начертанию плана к термезскому Кырк-кыз. Таков замок Алхарани в Малой Азии, квадратный в плане, по площади несколько меньший, чем термезская ханака, и поэтому не столь сложный в плане. Центральное помещение арабского замка превращается в квадратный маленький открытый дворик, в который открываются два айвана [34] (рис. 105).

Открытый двор, обстроенный жилыми помещениями, является существенной частью планов монументальных жилых сооружений раннего средневековья, дворцов и караван-сараяв. Например, известный сасанидский дворец в Фирусабаде (Иран) состоит из трех частей: входа, представляющего открытый портал с боковыми помещениями, парадной приемной, перекрытой куполами, и открытого двора, окруженного жилыми комнатами (рис. 109).

Характерная черта дворцовых сооружений — развитой портал на главном фасаде, продолжающий традиции открытых айванов парфянских дворцов. Наиболее грандиозен портал ктесифонского дворца Так-и-кабр. План этого монументального сооружения сохранился весьма фрагментарно, и только тщательное исследование последнего времени позволило по ничтожным остаткам стен и фундаментов реконструировать истинный план здания, имеющих все типические черты доисламского жилого дома-дворца с центральным и боковыми помещениями, обходными коридорами и мощным порталом [35] (рис. 110).

Большой интерес представляет центрическое в плане здание, известное под названием Акыр-таш в Семиречье, в нескольких десятках километров от древнего города Тараза (теперь Джамбул) (рис. 111). Оно дошло до нашего времени в виде руин и, видимо, не было закончено постройкой. Это, вероятно, соединение караван-сарая, ханака и, быть может, культового здания.

Вся группа построек, заключенная в квадрат, раскинулась на обширной площади более чем в 3,5 га вокруг открытого двора с аркатурой и четырьмя расположенными накрест айванами. Основная группа зданий — это четыре расположенных попарно у входов сооружения, в каждом из которых комнаты размещены вокруг внутреннего открытого двора. По углам имеются группы коридорообразных помещений, видимо, складского и служебного назначения. Планы отдельных групп сооружений примитивны и архаичны, что можно,

видимо, объяснить его отдаленностью от культурных центров [36].

Таким образом, в эпоху раннего средневековья как в жилых домах Средней Азии, так и монументальных дворцах, караван-сараях и ханаках мы можем проследить все те же два основных приема застройки, истари определившихся в стране, а именно: прием сплошной застройки смежными комнатами и прием застройки вокруг открытого двора.

Эти планировочные схемы получили новое архитектурно-планировочное выражение на основе нового содержания, определяемого требованиями эпохи.

V. Зарождение города-шахристана

Около тех или иных удачно расположенных усадеб-крепостей, особенно лежащих на караванных путях, постепенно располагалось население, связанное с торгово-ремесленной деятельностью. Мало-помалу здесь возникали местные пункты обмена, привлекавшие ремесленников, заинтересованных в сбыте своей продукции не только окрестному населению, но и иногородным купцам.

Крепость-усадьба превращается в более сложный комплекс. Общественно-политическая жизнь выходит постепенно за пределы ее стен на вновь образовавшуюся заселенную территорию, которая, в свою очередь, окружается крепостными стенами. Постепенно оформляется и территориально и в организационно-планировочном отношении то основное ядро среднеазиатского города, которое получило название «шахристан» (рис. 112).

Вначале — это случайно очерченное пространство у стен укрепленной усадьбы крупного дехкана, заселяемое от случая к случаю. Следы постепенности видны в пристройках и обстройках хорезмских крупных усадеб Беркут-кала (рис. 113), Кум-кала (рис. 114) и бухарской крепости Хазара в системе Кампыр-дувала [37] (рис. 115).

В Беркут-кала заселение у стен цитадели, видимо, происходило в два приема. Впоследствии вся территория пригорода объединилась, сохранив в своей конфигурации следы постепенного образования. С двух противоположных сторон пристраивается пригород Хазары. Кум-кала — одно из городищ древнего Хорезма — четырежды расширяла свои стены, в результате чего получился сложный, но цельный комплекс, сохранивший свои геометрически правильные границы [38].

Крупные дехканские усадьбы Семиречья послужили основой для образования городов мавераннахрского типа с цитаделью, шахристаном, а впоследствии предместьем-рабадом. Примером такого крупного замка, переходящего в город, является Хамукат (нынешнее селение Май-тюбе в районе Таласа). Поселение это, видимо, не успело развиваться в значительный средневековый город, окончив свое существование не позже X века. Поэтому его планировочная структура носит архаический характер, представляя отдельные тепе-усадьбы, сгруппированные вокруг крупной усадьбы, перерастающей в недоразвившийся город^[39]. Вся группа усадеб была обнесена общей стеной. На это указывает Макдиси (автор X в.), отмечая наличие соборной мечети в шахристане и рынков в рабаде.

Для защиты зарождающегося шахристана используются естественные условия местности. Мы уже видели на примере чирчикских городищ использование поймы реки, постоянно заболоченной. Этот прием встречается нередко и в других районах Средней Азии.

В Бухарском оазисе поселение Тараб, расположенное недалеко от Бухары, имеет центральную часть в виде прямоугольника, поднятого над окружающей местностью на 10—12 м^[40] (рис. 116). Его размеры соответствуют типовым размерам больших замков-цитаделей (до 14 га). В заболоченной низине со стороны входа в цитадель выделяется небольшая территория в виде двух островков — зародыш будущего шахристана. Искусственно заболоченная низина, окружающая цитадель, и примыкающее к ней поселение, заменяют наружные оборонительные стены, представляя собой широкий ров, видимо, заливавшийся водой. Доступ в поселение был возможен по узкой насыпи, и только отсюда по такой же насыпи попадали к воротам цитадели-замка.

Заболоченной низиной было окружено находящееся в том же районе поселение Ходжа-Паранда, состоящее также из холма-цитадели и примыкающего к нему поселения. К этой группе можно отнести и небольшое поселение Катта-ходжа-ишан с такой же планировочной структурой цитадели-замка и поселения зародыша шахристана^[41] (рис. 117).

Прием строительства в заболоченной местности неоднократно применялся и в других районах Средней Азии, например, в Семиречье (цитадель и шахристан г. Кулана в пойме реки Карагат, замок Чуль-тепе, недалеко от г. Тараза в пойме речки Кара-су)^[42].

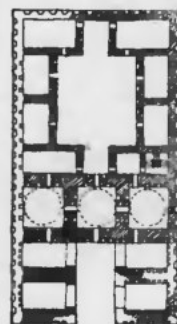

Рис. 109. Схема плана сасанидского дворца в Фирусабаде

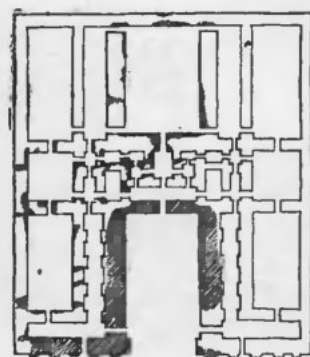

Рис. 110. Схема плана сасанидского дворца Так-икаср в Ктесифоне (реконструкция)

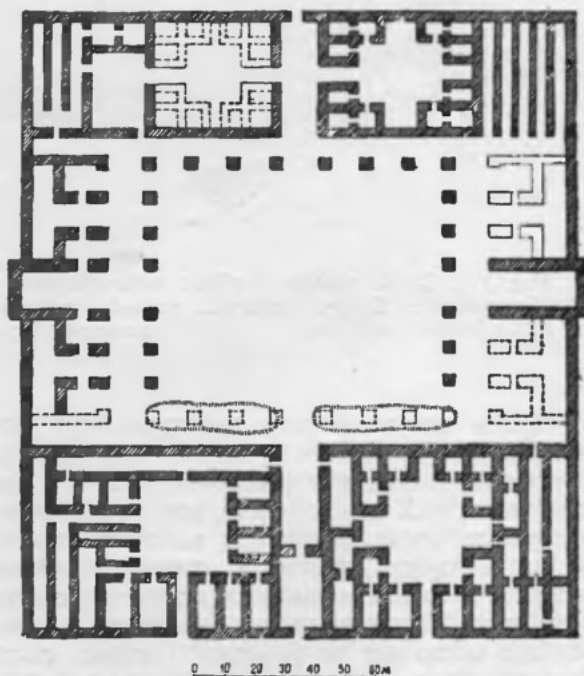

Рис. 111. Схема плана караван-сарая и ханака Акыр-таш (Северная Киргизия)

В Хорезме цитадель одного из древнейших городов страны, Хазараспа, расположена на полуострове в болотистой и низменной местности. Вход сюда только один — через ворота Дарбаза-Миршеб с южной стороны по искусственной насыпи. Другой город древнего Хорезма — Бадрикент — разместился на острове, видимо, также созданном искусственным путем^[43].

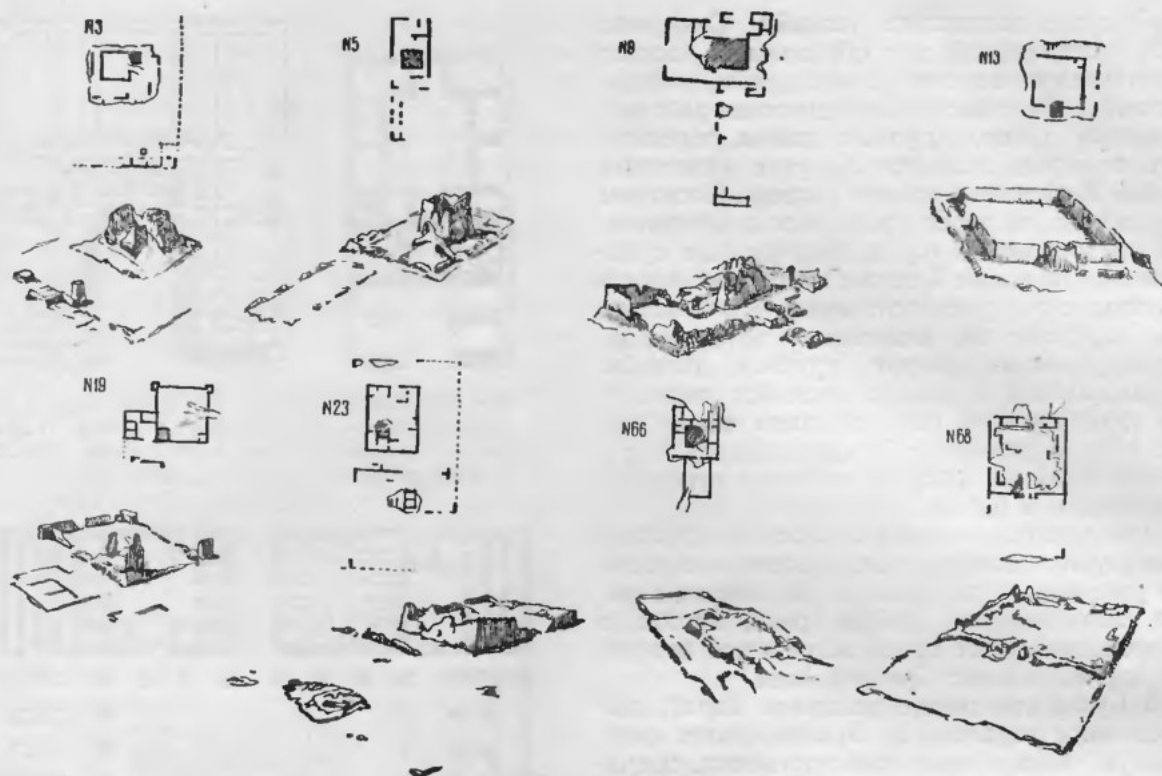

Рис. 112. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 3, 5, 9, 13, 19, 23, 66, 68 района Беркут-кала. Вокруг основной усадьбы расположены жилища слуг и ремесленников, образующие возможный зародыш шахристана

Прием искусственного заболачивания территории, окружающей цитадель, засвидетельствован и письменными источниками. У Ибн-ал-Фахыа (IX в.) в тексте, где описывается постройка города, говорится: «... потом он построил в городе для себя и своих подданных жилища и замки и выкопал вокруг него (города) ров. Потом он пустил туда воду, и через год это место все не замедлило снова стать большим болотом, одним из величайших болот. Он поместил там свою семью и ценное из своих имуществ, и он (город) стал укрепленнейшим из городов, построенных на вершинах гор или на ровной земле» [44].

Центром формирования городских поселений иногда были и культовые сооружения. Укажем на мечеть-мавзолей Наринджан в древнем Хорезме с хужрами для паломников и огромным кладбищем (рис. 118). Группа культовых и обслуживающих построек расположилась на холме, уподобляясь цитадели. К юго-восточной стороне холма примыкали городские стены со следами сооружений, отно-

сящихся примерно к IX—X векам. Площадь, окруженная стенами, равняется 4 га. Вскоре границы города стали тесны, и на юго-востоке образуется второе поселение, окруженное самостоятельной стеной, со следами построек, относящихся к XIII—XIV векам [45].

VI. Развитой город-шахристан

Из массы укрепленных замков и поселений выделялись по величине и значению те, которые находились на больших торговых путях.

В организации караванной торговли принимали деятельное участие землевладельцы-дехкане. Замок дехкана, торговая фактория, базар часто представляли единое целое. Так сочетались отдельные причины, стимулирующие образование населенных мест.

Завоеватели-кочевники, не оказывая сколько-нибудь значительного влияния на развитие культуры завоеванных ими оседлых народов, играли роль объединителей разрозненных городских общин, которые полностью сохраняли

Рис. 113. Городище Беркут-кала (древний Хорезм)

Рис. 114. Городище Кум-кала (древний Хорезм)

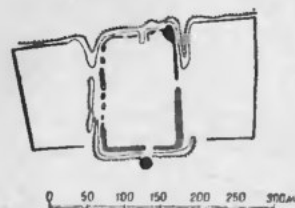

Рис. 115. Крепость Хазара в системе оборонительной стены Бухарского оазиса

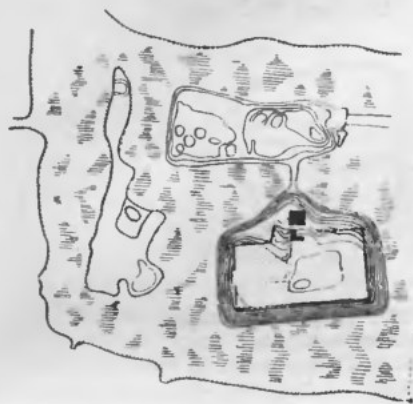

Рис. 116. Городище Тараб (Бухарский оазис)

Рис. 117. Городище Катта-ходжа-ишан (Бухарский оазис)

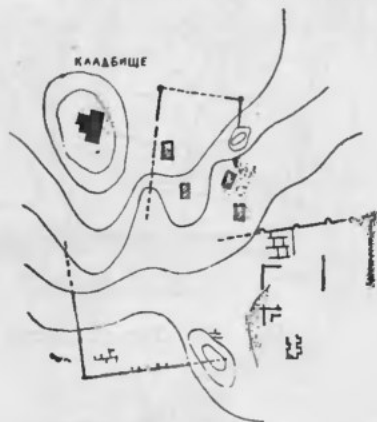

Рис. 118. Городище Наринджан (древний Хорезм)

СХЕМЫ ПЛАНОВ ЦИТАДЕЛИ И ЗАРОЖДАЮЩЕГОСЯ ШАХРИСТАНА

свое политическое устройство и обязаны были лишь уплачивать определенную дань.

Ко времени арабского завоевания (VII—VIII вв.) среднеазиатский город состоял из двух вполне оформившихся и определившихся частей: а) цитадели, б) шахристана — места пребывания власти, укрепленного центра города.

Высокая строительная и художественная культура отличала сооружения этих центров.

Общественно-политическая жизнь постепенно выносилась за пределы цитадели во вновь образованную заселенную территорию, которая защищалась крепостными стенами. Здесь вырабатывались свои архитектурно-планировочные приемы, сюда постепенно переходили из цитадели административные учреждения и культовые сооружения. У стен шахристана размещался рынок.

Что же представлял собой раннесредневековый город-шахристан Средней Азии? Обра-

тимся к свидетельству Нершахи, автору X века, дающему довольно подробную картину раннесредневековой Бухары. По его словам, «... в шахристане были кёшки, и некоторые кварталы далеко отстояли друг от друга, подобно селениям» [46]. Отсюда можно заключить, что доарабская Бухара представляла собой группу укрепленных усадеб дехкан, окруженную общей оборонительной стеной.

Размещение этих усадеб мало разнилось от загородного расселения. Едва ли не главными отличиями являлись степень густоты расположения построек, наличие ремесла, регулярной торговли и, наконец, та политическая роль, которую играла эта укрепленная группа усадеб, объединенная городскими стенами, по отношению ко всему остальному району-рустаку. Термины «город» и «деревня» в то время постоянно смешивались. Это и не удивительно, так как сходство между населенными пунктами очень велико. Например, по китай-

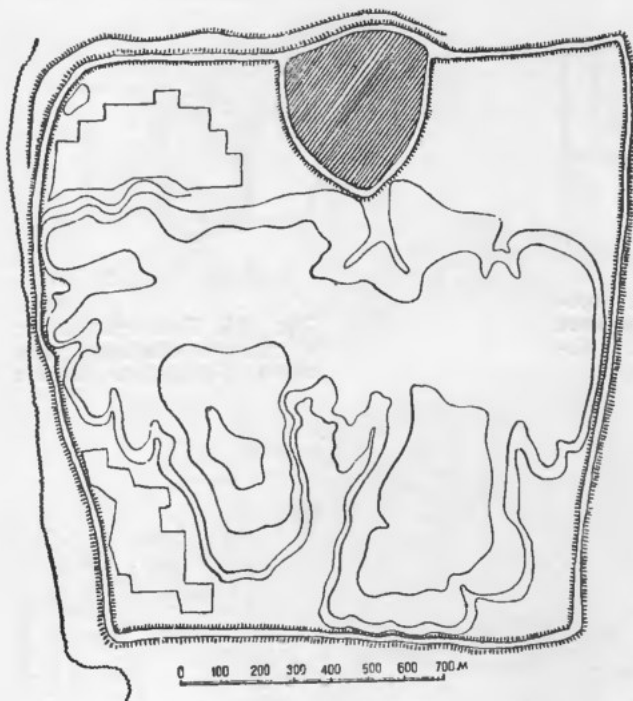

Рис. 119. Древний Мерв (Гяур-кала)

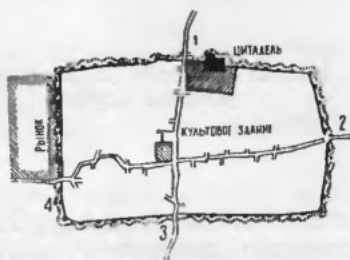

Рис. 122. Хива — Ичан-кала.
Названия городских ворот:
1) Ата-дарваза, 2) Бахча,
3) Палван, 4) Базарные

Рис. 124. Пейкенд (Бухарский оазис)

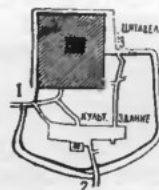

Рис. 125. Рамитан (Бухарский оазис)

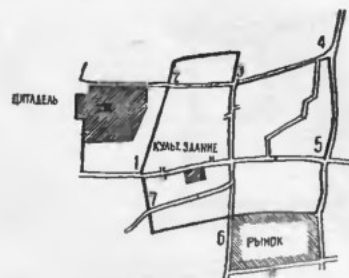

Рис. 120. Бухара.
Название городских ворот:
1) Мухре, 2) цитадели, 3) Нау,
4) Хаккрах, 5) шахристана,
6) Аттарон, 7) Садабад

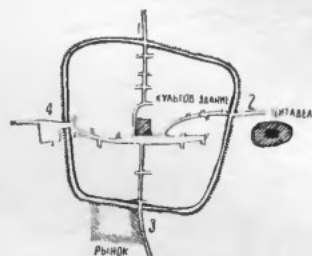

Рис. 121. Исфиджаб-Сайрам
Название городских ворот:
1) Беклик, 2) Карамурт, 3) Базарные, 4) Чимкентские

Рис. 123. Крепостная стена шахристана Хивы

Рис. 126. Самарканд-Афрасиаб

Рис. 127. Тараз (северная Киргизия)

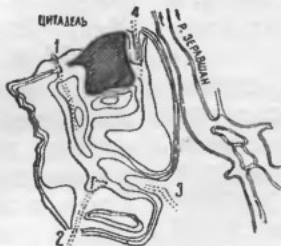

Рис. 128. Дабусия (между Бухарой и Самаркандом)

Рис. 129. Арбинджан (между Бухарой и Самаркандом)

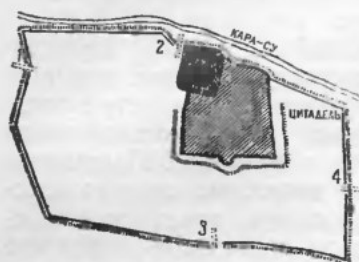

Рис. 130. Харашкет-Ханка (Ташкентский оазис)

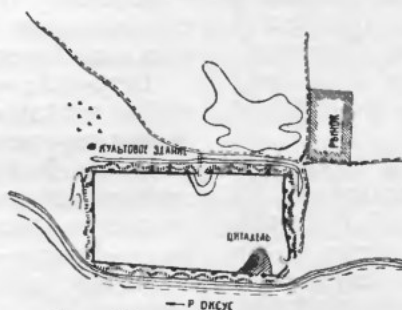

Рис. 131. Древний Термез

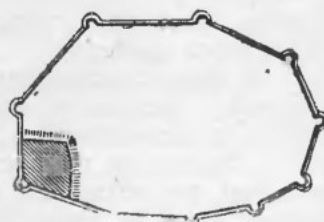

Рис. 132. Балх (северный Афганистан)

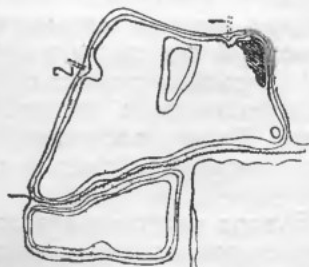

Рис. 133. Сарыг (Киргизия)

134. Варахша (Бухарский оазис)

Рис. 135. Отзар

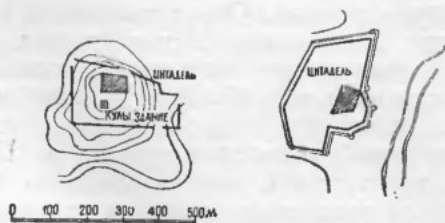

Рис. 136. Хазара (Бухарский оазис) и Чинакент-Чиназ (Ташкентский оазис)

СХЕМЫ ПЛАНОВ ГОРОДОВ-ШАХРИСТАНОВ

Рис. 137. Крепостная стена шахристана Термеза

источником в области Самарканда имелось 30 больших городов и 30 малых укрепленных поселений. В небольшой области Харкана — 20 городов и до 100 укрепленных поселений. В Фергане — 6 больших и до 100 малых городов [47].

Условием роста населенных мест, помимо их удачного расположения на мировых торговых караванных путях, являлось развитие ремесел. Город становился не только организатором торговых сношений, но и местом концентрации орудий производства. Это делало более прочным его положение как постоянного населенного пункта, расширяло состав населения, побуждало завязывать экономические связи отдельных населенных мест между собой. С развитием связей возникает производственная специализация отдельных городов. Свидетельства современников, относящиеся к X веку (например, Макдиси), указывают на глубокое развитие этого процесса.

Что же представляло ремесло и торговля в шахристане и как их развитие отразилось на планировочной организации города? Нершахи, описывая бухарский шахристан, нигде не говорит о том, что поблизости к его центру были базарные лавки и кварталы ремесленников. Базары и соответствующие им виды ремесла он помещает у стен шахристана или сейчас же за его пределами, на территории будущего рабада. Ремесленники, положившие начало предместьям-рабадам, были или рабы, или военнопленные. В литературе не раз отмечалось, какую огромную роль в деле создания города на востоке играли мастера, приводимые победителями из завоеванных областей. Кроме военнопленных, было некоторое количество свободных ремесленников. Повидимому, большая часть рабов была на положении вольноотпущенников и выплачивала своему дехкану оброк натурой и деньгами.

Средняя Азия непосредственно перед арабским завоеванием (до VII—VIII вв.) имела большое количество городов-шахристанов. Согдийские города — Самарканд, Кушания, Арбинджан, Дабусия, Кермине, Пенджикент — лежали в долине Зерафшана; Несеф и Кеш — в долине Кашка-Дарьи; Термез — на берегу Аму-Дарьи. В Бухарском оазисе находились Бухара, Вардана, Варахша, Рамитан, Тававис; в Хорезмском оазисе — Кят, Хива, Хазарасп, Змухшир, Ургенч; в Фергане — Касан, Ахси-кет и др.

По данным В. Бартольда, раннесредневековый доарабский Самарканд имел длину стен

не свыше 7 км. Длина стен Шаша — 3-4 км, Тараза — 3 км, Касана — 1,4 км, Пейкенда — менее 1,5 км. Бухарский шахристан занимал 30—35 га [48]. Самым большим городом был Мерв (Гяур-кала), площадь которого доходила до 100 га.

Шахристан Мерва — это городище Гяур-кала («крепость огнепоклонников»), обнесенное стенами до 30 м высотой и до 12 м шириной у основания. Заметны остатки башен из сырца. Почти в центре северной стены находилась цитадель неправильной кольцеобразной формы (рис. 119). Раскопки последнего времени обнаружили в центре цитадели платформу (видимо, досасанидскую), площадью до 150 м² и высотой до 10 м, на которой сохранились следы здания. Восточнее заметны следы другого, малого здания.

Гяур-кала — древнейший Мерв, перешедший к арабам от сасанидской эпохи, называвшийся ими внутренним городом. Он вместе с предместьями был окружен стеной, ограждавшей территорию до 4 км в диаметре. Предместья орошались четырьмя каналами, один из которых — Разик — проходил в город по искусственному водопроводу, наполняя городские водоемы [49].

Шахристан Бухары с южной и северной сторон обозначается и в настоящее время довольно ясно, благодаря рельефу местности, значительно возвышающейся над окружающей территорией (рис. 120). Западная граница проходила где-то между цитаделью и западной стеной соборной мечети Калян, восточная — вдоль нынешней улицы, ведущей к Самаркандским воротам.

Домусульманская Бухара представляла собой неправильный прямоугольник площадью в 30—35 га. Направление двух главных улиц, прорезавших шахристан с севера на юг и с востока на запад, в основном соответствует существующим улицам. Они подводили к воротам Мухре, Шахристана, Нау и Аттарон. Кроме того, в шахристане было трое дополнительных ворот (цитадели, Хаккрах и Садабан), к которым подводили второстепенные улицы. В юго-восточной части находится базар. Повидимому, значительная часть последнего была вынесена за крепостные стены на территорию будущего рабада, где он и закрепился до настоящего времени [50].

Граница шахристана Исфиджаба-Сайрама (близ нынешнего Чимкента), одного из значительных городов на стыке оседлой полосы и кочевой степи, прослеживается и сейчас благо-

даря рельефу местности. Сохранились и места ворот в середине каждой из четырех стен шахристана, а именно Беклик-дарваза (северные), Базарные (южные), Карамуртские (восточные) и Чимкентские (западные). Ворота эти соединяются двумя перпендикулярно направленными улицами, место пересечения которых отмечено соборной мечетью. Общая площадь шахристана до 30 га. Базар находился у южной стены. Цитадель, вероятно, была вне стен шахристана^[51] (рис. 121).

Шахристан Хивы и сейчас окружен крепостными стенами с четырьмя воротами. Их названия — Бахча-дарваза или Ургенчские (северные), Ата-дарваза (южные), Палван-дарваза или Хазараспские (восточные) и Куны-базар-дарваза (западные). Современное название части города в пределах стен шахристана — Ичан-кала (внутренний город).

Археологические данные позволяют утверждать, что шахристан в нынешних границах существовал уже в VI—VIII веках, сохранив до нашего времени в общих чертах свою планировку. Территория, обнесенная стенами, исчисляется в 26 га. С севера на юг и с востока на запад проходят две улицы, ведущие к городским воротам. Из них улица с востока на запад приобрела главенствующее значение и была обстроена наиболее крупными монументальными культовыми дворцовыми и торговыми зданиями. Древнейшее из этих зданий — Джума-мечеть — значительно переделана в XVIII веке с частичным сохранением старого плана. Цитадель-кухендиз (Куны-арк) находится у западных ворот в пределах территории шахристана. Базар вынесен за южные ворота^[52] (рис. 122, 123).

Шахристан Пейкенда (рис. 124), большого торгового города близ Бухары, складывался постепенно. Более древней была его восточная половина. К VII веку территория шахристана увеличилась почти вдвое и приняла существующие границы. Общая площадь города внутри крепостных стен около 20 га. В каждой из четырех стен были ворота: их местонахождение можно отыскать и сейчас по незначительным следам. Северные и южные ворота были вблизи внутренней поперечной стены шахристана, восточные — близ кухендиза. Кухендиз — площадью примерно в 1 га — находился в северном углу, несколько выходя за линию стены шахристана. Обнаружить следы улиц на самой территории не представляется возможным^[53].

В шахристане городища Афрасиаб обнаружены следы монументального сооружения, от-

мечавшего, видимо, перекресток главных улиц шахристана. Точно локализовать крепостные ворота и определить трассировку улиц затруднительно^[54] (рис. 126).

Такое же размещение соборной мечети в центре шахристана можно проследить и в маленьком городке Хазара, расположенном на левом берегу Зерафшана в системе укреплений оборонительной стены Бухарского оазиса Кампыр-дувал^[55].

Шахристан Рамитана, — древнейшего политического центра Бухарского оазиса, бывшего резиденцией правителей, — представляет собой неправильный прямоугольник площадью до 16 га (вместе с цитаделью) (рис. 125). Стены его неоднократно подновлялись. В нижних частях прослеживается кладка из крупного сырцового кирпича. В стенах шахристана имеется трое ворот. Современные улицы, вероятно, повторяющие в основном старые направления, дают типичное для шахристана пересечение с культовым зданием-мечетью, которая относится к более позднему времени, но, возможно, занимает место ранней мечети. Местоположение рынка определить затруднительно.

На примере Рамитана мы видим довольно часто встречающееся отклонение от типовой схемы шахристана: количество ворот сведено к трем. Это объясняется, повидимому, слишком большим местом, которое цитадель занимала на территории шахристана, и сравнительно небольшими размерами самого шахристана^[56].

Такова же схема шахристана Тараза на берегу реки Талас, близ границы оседлых районов и кочевой степи (рис. 127). Стены древнего Тараза разрушены, от них остались лишь небольшие следы, но общие контуры шахристана определить возможно. Цитадель целиком находится внутри его стен. Трое ворот в каждой из стен, кроме той, к которой примыкает цитадель, намечают крестообразное направление основных улиц, сохранившееся и в современном плане. Рынок, так же как и нынешний старый базар, находился, вероятно, у южной стены^[57].

Шахристан Дабусии (близ Кермине) — одного из городов саманидского периода на берегу Зерафшана — приближается к вытянутому прямоугольнику. Его территория равна 35 га. Здесь имеется четверо ворот, определяющих традиционное направление главных улиц^[58] (рис. 128).

Сильно разрушен шахристан Арбинджана в 25 км от Дабусии на берегу Нарпая, одного из древнейших каналов Согда. Очертания стен

можно определить только предположительно. Город, повидимому, занимал площадь до 60 га^[59] (рис. 129).

Шахристан Харашкет-Ханка (Ташкентский оазис) сохранился в сильно деформированном виде. Цитадель занимает значительную часть шахристана. Его площадь более 50 га. В стенах шахристана намечено четверо ворот. Внутренняя планировка не сохранилась, но, судя по положению ворот, существовали две главные улицы, пересекающиеся где-то близ угла цитадели^[60] (рис. 130).

В сходных природных условиях развивались шахристаны Термеза (рис. 131, 137) и Афрасиаба (рис. 126). Первый расположен на берегу Аму-Дарьи, второй — у обрывистых берегов Сиаба. Это сказалось на количестве ворот. Участки стен вдоль обрывистых берегов рек, естественно, не имели выходов. Эти города сильно разрушены, вследствие чего невозможно восстановить направление улиц^[61].

Так же плохо сохранились шахристаны Балха (рис. 132), Сарыга (рис. 133), Варахши (рис. 134), Отрара (рис. 135). Можно лишь говорить о размерах городищ, их общей конфигурации и местонахождении цитадели.

Цитадель Термеза находилась, видимо, в юго-восточной части шахристана. Здесь, над обрывом, до нынешнего времени сохранилось сооружение, выложенное из сырцового кирпича, неподалеку находятся руины крупного здания, возможно — дворца правителя. Дворец находится также у цитадели Варахши. От него остались отдельные части стен, украшенные величественной штуковой резьбой и росписью^[62].

В Балхе остатки стен возвышаются до 10 м. Окруженная ими территория доходит до 60 га.

В Сарыге (близ г. Фрунзе), сложном городище с двойным кольцом стен, цитадель находилась на возвышенности в юго-западном углу. Ближайший к цитадели ряд стен может быть определен, как стена шахристана.

В Отраре нельзя с достаточной точностью обозначить местоположение цитадели. Трое ворот определяются также условно.

Небольшие шахристаны незначительных городов Хазара и Чинакент (рис. 136) не превышают 3 га. Внутренняя планировка их, видимо, была предельно проста^[63].

В начале мусульманского периода, а может быть и ранее, был обычай разделять население по национальному и имущественному признакам. Типическая для шахристана планировочная схема: две пересекавшиеся магистрали, проходившие через весь город, расчленили его

Рис. 141. Схема плана оборонительной стены Бухарского оазиса Кампыр-дувал

территорию на четыре части, в каждой из которых группировались различные круги населения. Обычай этот внесли оседающие в городах кочевники, которые держались за свои роды и племена, иной раз враждебно настроенные друг к другу. Поэтому они стремились обособиться вплоть до сооружения защитных стен внутри города, вокруг своих кварталов.

Это явление можно проследить и в городах Средней Азии до сравнительно позднего времени. Например, в конце XVIII века в Ташкенте существовала рознь между четырьмя основными частями города — Шейхантаурской, Сибзарской, Бешагачской и Кукчинской, доходившая до открытых столкновений. Место битв близ центрального базара называлось Джангой, что значит «ручей сражений». Победителем в этих междоусобных войнах вышел Юнус-ходжа, создавший на короткое время независимое Ташкентское государство^[64].

Отдельные народности различных языков и вероисповеданий также объединялись в самостоятельные кварталы, разделенные стенами. Внутренние стены, разделяющие город на отдельные части, сохранились, подобно ташкентским, вплоть до XVIII века во многих городах восточного средневековья, так как эти стены одновременно служили средством для поддержания внутреннего порядка.

Таким образом, планировочный прием разделения города на четыре части двумя пересекающимися улицами, а иногда и стенами, применяемый в раннесредневековых городах-шахристанах, пережиточно существовал еще долгое время, когда шахристан, как самостоятельная часть города, уже давно отпал. Этот прием неизменно употреблялся в планировке пригородных парков-резиденций; он получил специальное наименование чор-баг, т. е. четыре

сада. Возникнув из чисто практических потребностей, прием этот, возможно, основывался на религиозно-космологических представлениях того времени, по которым мир делился на четыре части, разграниченные четырьмя великими реками.

Кроме того, четыре направления главных улиц, ориентированные по странам света, как бы символизировали значение города в качестве резиденции правителя, связанного со всеми концами его владений.

VII. «Длинные стены» пригородов и районов-государств

Раннесредневековый город, т. е. цитадель с шахристаном, обычно являлся центром целого района-рустака, иногда обнесенного оборонительными стенами («длинные стены»).

По показаниям современников, раннесредневековый Самарканд вместе с районом, окруженным стеной Дивари-Кыямат, занимал площадь до 400 га, а длина стен превышала 11 км [65].

Внешние крепостные стены Термеза окружали территорию до 900 га. Следы их в виде сплошных валов и остатков башен, выполненных из крупного сырцового кирпича, ясно прослеживаются в северной части и затем постепенно пропадают после резкого поворота на юго-восток [66].

Внешняя стена Балха лучше сохранилась на юге и частью на западе, причем южный участок относится к более позднему периоду. Западный участок — более древний, менее высок и имеет часто расположенные башни. На восток от цитадели — большое количество разрушенных строений, свидетельствующих о концентрации здесь основной массы населения в домусульманский период. Площадь города-района доходила до 750 га [67].

В середине IX века самаркандский правитель Нух-ибн-Асад завоевал район по реке Арысь и построил вокруг Исфиджаба стены. Ничтожные следы стен можно с трудом обнаружить в южной части оазиса. Ввиду плохой сохранности стен, а в иных местах и полного отсутствия их следов, территория города и района может быть определена весьма приблизительно в 5000 га [68].

Внешняя стена древнего Мерва (городище Гяур-кала) носила название Гилякин-Чильбурч. Ремесленно-торговая часть (Гяур-кала) и цитадель (Эрке-тепе) находились, подобно Исфиджабу, в центре района. Наиболее

сохранившиеся части стены, прослеживаемые и в настоящее время, находятся в северном и отчасти в юго-восточном участке. Вся площадь города-рустака доходит до 6000 га. Территория в пределах внешних стен во всех этих городах-районах была застроена далеко не полностью и в значительной части занималась посевами и сельскохозяйственными угодьями [69] (рис. 138).

Кроме внешних стен вокруг территории, непосредственно примыкающей к цитадели и ремесленно-торговому пригороду, строились «длинные стены», защищавшие от набегов кочевников целые районы со многими городами и пригородами.

Еще в III веке была построена стена для защиты Мервского оазиса (Ал-Рай), окружавшая территорию до 250 км². В X веке от этой стены остались лишь небольшие следы.

В V веке построена из жженого кирпича стена к востоку от Каспийского моря и к северу от реки Гюрген. Затем была построена стена по восточной окраине Мазендарана от моря до гор [70] (рис. 139).

Во второй половине VIII века были построены стены к северу от культурной полосы реки Чирчик, от Сыр-Дарьи до гор (рис. 140). Наконец, на VIII век и начало IX века приходится сооружение (скорее — восстановление) стенок вокруг Бухарского оазиса (рис. 141). Против набегов кочевников было решено «возвести вокруг Бухары такую стену, чтобы все бухарские волости-рустаки находились внутри этих стен, подобно Самарканду, чтобы турки не могли проникнуть в Бухарскую область». По словам Нершахи, «...для жителей это была тяжелая повинность, — каждый год для этой цели тратилось много денег и собиралось много людей» [71].

Шахризэбс и Китаб с некоторыми кишлаками и курганчами были также окружены стенами, остатки которых сохранялись до прошлого века [72].

Устройство «длинных стен», ограждавших оазисы, связано было с большими трудами и расходами. Стены эти обычно были не только простым ограждением-валом. Они включали целую систему крепостных сооружений, предназначенных для активной защиты оазиса, а также ряд торговых пунктов для организации и упорядочения товарообмена с кочевниками.

Такие сооружения, как городище Кзыл-тепе, свидетельствуют о том, что в пограничных рибатах жили не только защитники укреплений, но и ремесленники [73].

Эти длинные стены, вместе с тем, определяли границы среднеазиатских раннесредневековых городов-государств, включавших в свои границы ряд районов-рустаков. В китайских источниках упоминаются девять важнейших раннесредневековых среднеазиатских городов-государств, генеалогически связанных с кушанскими правителями. Это — Бухара, Кабуан, Ташкент, Маймург, Кушания, Хорезм, Кёш-Шахризябс, Самарканд и, предположительно, Вардана^[74]. Об их величине можно судить по территории Бухарского оазиса, окруженного стеной Кампыр-дувал и включавшего 15 районов-рустаков.

От поддержания «длинных стен» впервые отказался Измаил Саманид (X в.), заявивший: «Пока я жив, я буду стеной для Бухарской области». Эти слова знаменовали новый период в истории средневековой Средней Азии, означавший преодоление раздробленности и попытку организации централизованного государства.

VIII. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих раннего средневековья

Раннесредневековый доарабский город Средней Азии формировался в условиях зарождения феодализма. Основное планировочно-композиционное взаимное расположение цитадели и шахристана подчинялось определенным правилам так же, как соотношение кёшка и кеда. Цитадель, как и кёшк, сильно укреплялась и выделялась в самостоятельную часть города с тем, чтобы ее можно было защищать особо, даже в случае падения города-шахристана. Иногда, как, например, в Бухаре, цитадель даже отделялась от шахристана и не имела с ним общих стен. В Исфиджабе-Сайраме цитадель также находилась вне стен шахристана, если правильно предположение об ее местонахождении на холме Мариам-биби у восточных ворот. Цитадель Рамитана — крупного города Бухарского оазиса — также почти целиком вышла за пределы стен шахристана.

Все же в подавляющем большинстве городов цитадель включена в границы шахристана, но находилась у какой-либо его наружной стены. Почти во всех приведенных нами схемах доарабского города Средней Азии такое явление можно наблюдать, независимо от величины и значения города.

Наряду с этим бывали случаи центрального расположения цитадели, особенно в горо-

Рис. 142. Общий вид крепости Кзыл-кала (древний Хорезм)

дах-резиденциях правителей, где цитадель представляла собой укрепленный дворец. Пример такой композиции города можно найти уже в далеком прошлом, в странах Древнего Востока. Вспомним Вавилон и Бисиппу — прямоугольные в плане, с цитаделью-дворцом в центре, хеттские Хаттушаш и Самаль — круглые в плане, наконец, более позднюю парфянскую Хатру с ее центрально расположенной дворцовой усадьбой и наружными стенами по кругу. Раннесредневековый Герат (до X в.) также имел цитадель, расположенную в центре города, с четырьмя воротами, ориентированными подобно четырем воротам наружной стены. Даже названия каждой пары ворот совпадали. У наружных ворот были базары. Впоследствии цитадель передвинулась к северной наружной стене.

Эти примеры показывают общность планировочных приемов для городов данного периода. И в общей структуре раннесредневекового города, и в облике города-шахристана подчеркнуто его противопоставление внешней враждебной среде. Все, что расположено вне стен города, рассматривалось как местонахождение возможного врага, от которого надо защищаться всеми доступными средствами. Поэтому связь города с внешним миром ограничена и затруднена. Между загородной дорогой, ведущей из района, и улицей города нет непосредственной связи. Она разрывается крепостными воротами и предвратным сооружением со сложными защитными устройствами. Кушанская крепость типа Топрак-кала имела всего лишь один выход, тщательно укрепленный и замаскированный предвратным лабиринтом. Здесь налицо предельно допустимая изоляция внутреннего пространства города от окружающего его района.

Но, имея иной раз внешнее сходство в отношении размеров и начертания улиц, города раннего средневековья коренным образом отличались от городов античного периода.

Планировочная идея рядового города античного периода как бы отождествлялась с планировочными приемами архаического большесемейного дома. Идея правильности и регулярности в начертании плана отдельного дома переходит и в начертание плана всего города.

Не то в городах-шахристанах раннего средневековья. Между античным городом и оформившимся городом-шахристаном раннего средневековья лежит период окончательного распада родоплеменных отношений и выделения семьи в качестве основной ячейки общественной жизни. Эта семья живет в обособленном, укрепленном замке. Раннесредневековый шахристан и вырос, как ремесленный пригород одного из таких укрепленных замков, являвшегося центром притяжения для целого района. Он связан с районом, и эта связь отразилась в начертании улиц шахристана. Они направлены в четыре противоположные стороны, соединяя город-шахристан со всеми частями района-рустака, и лишь естественные препятствия или незначительные размеры самого шахристана уменьшают количество улиц.

Часто формирование сети улиц раннесредневекового города предшествовало застройке города, а застройка уже потом приспосаблилась к сложившимся ранее направлениям улиц. Дома постепенно пристраивались один к другому.

В иных случаях застройка шла в разрез с направлением улиц, нарушая их прямолинейность.

В застройке раннесредневекового города исключен тот подход, который рекомендовался в свое время в греко-индийском трактате Милинда-Паньха. Нет предварительной общей расчистки и выравнивания всей территории города. Каждый стремился поставить только свою усадьбу в наивыгоднейшие условия, подготавливая участок только для строительства своего дома, без согласованности и порядка во взаимном расположении зданий.

Неправильность и запутанность улиц средневекового города делают его прямой противоположностью в планировочном отношении античному регулярному прямоугольному городу.

Пересечение двух улиц шахристана в ряде случаев отмечается постановкой культового здания; при исламе это была соборная мечеть. Здание соборной мечети выделялось по своей внешней архитектуре. Оно было монументально-объемной отметкой перекрестка. Улица воспри-

нималась, как единое непрерывное русло движения, соединяющее два противоположащих конца города.

* * *

Усадьба-крепость — основной тип сооружений раннего средневековья Средней Азии. В этих зданиях вырабатывались архитектурно-композиционные приемы, характерные для эпохи. В дошедших до нашего времени жилищах-крепостях V—VI веков определились два приема архитектурной обработки стенной поверхности — арочный и гофрированный.

Прием арочной обработки стены (рис. 143). Сооружения с коридорообразными помещениями (типа замка Муг, отчасти цитадели Топрак-кала и др.) имели обычно один торец открытым. Снаружи оставались видными несколько арочных проемов, которые иной раз обрабатывались богатым растительным и геометрическим орнаментом. Поддерживающие колонны имели базы и капители.

Полноценных остатков этого вида архитектуры до нашего времени не дошло, и об ее характере и декоративных деталях можно лишь догадываться по изображениям на оссуариях, кувшинах, предметах домашнего обихода. Например, на одном из бия-найманских оссуариев в стилизованном виде дана пятипролетная аркада, поддерживаемая колоннами с утолщающимися книзу стволами, с шарообразными базами и сложного рисунка капителями. Над аркадой и у основания колонн проходят пояса с растительным геометризованным орнаментом. Все построение завершено зубчатым ларпетом. Такие же мотивы с различными вариантами орнаментации изображены на металлическом кувшине из собрания Эрмитажа [75].

Не всегда торцовые стены оставались открытыми. В иных случаях проемы закладывались, и на глухой стене мотив арок изображался рельефом. Один из предположительных примеров арочной обработки наружных стен — древнехорезмская крепость Кзыл-кала, относящаяся к V—VI векам. Здесь двойные плоские арки верхней части стен чередуются с филеками; этот мотив непрерывным поясом проходит и по стенам, и по выступам башен. В каждой арке заключена бойница на уровне крытого двора. Кроме того, имеется нижний ряд более крупных бойниц на уровне внутренних сводчатых помещений.

Другой, более поздний (относящийся к XII в.) образец арочного мотива, выполненный

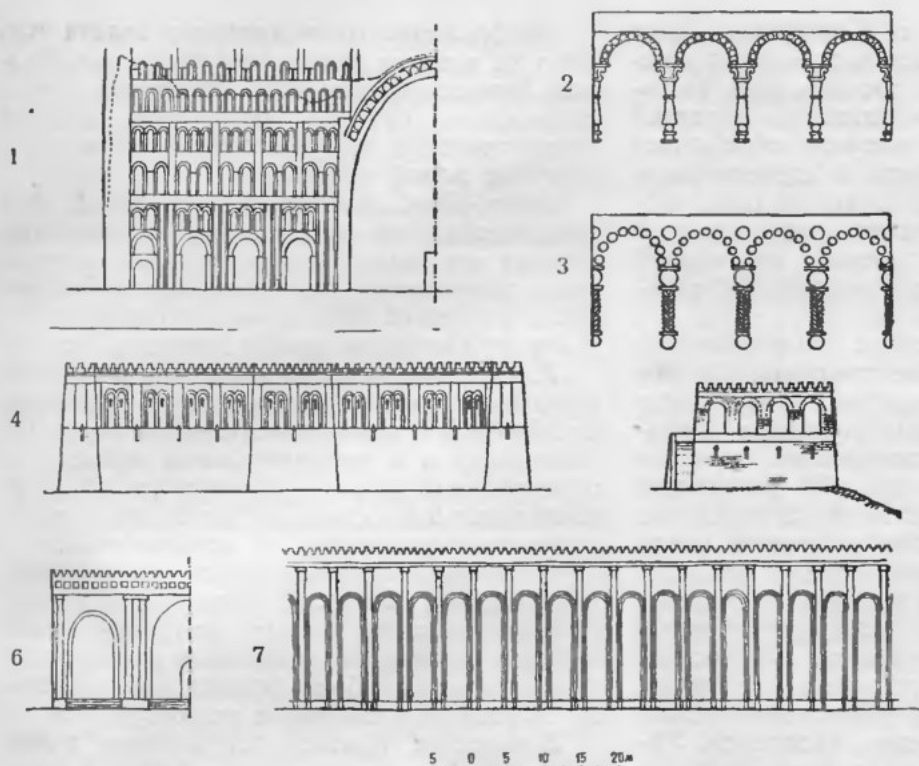

Рис. 143. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений аркадами:

1) Схема главного фасада дворца Так-и-касер в Ктесифане (реконструкция), 2) рисунок аркады на стенке бия-найманского оссурия (реконструкция), 3) рисунок аркады на серебряном кувшине из собрания Эрмитажа, 4) схема главного фасада крепости Кызыл-кала в древнем Хорезме (реконструкция), 5) схема фасада укрепленного жилого дома на горе Муг в Таджикистане (реконструкция), 6) схема главного фасада дворца в Сервистане (реконструкция), 7) схема бокового фасада дворца в Фирусбаде (реконструкция)

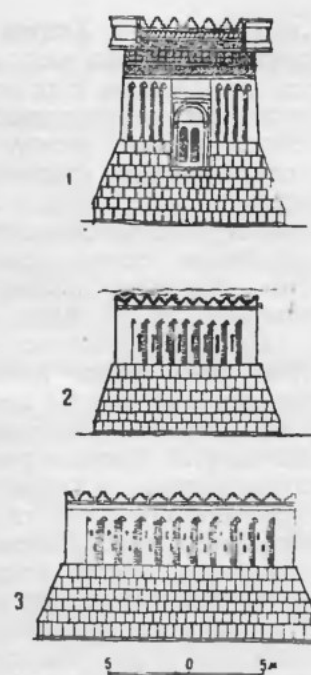

Рис. 144. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений полуколоннами:

1) изображение жилого дома-кейша на хорезмском блюде, 2) схема фасада жилого дома-кейша усадьбы Кум-кала (древний Хорезм), реконструкция, 3) схема фасада жилого дома-кейша усадьбы Тёшик-кала (древний Хорезм), реконструкция

плоским рельефом, мы видим в сырцовом здании № 1 древнего Мерва. Здание двухэтажное. Нижний этаж размещен в цоколе и лишен каких-либо световых проемов. Верхняя часть стены, соответствующая второму ярусу, обработана неглубокими арками, зажатými между лопатками.

Рассмотренные выше сооружения с арочным декором представляли собой укрепленные жилые дома-замки. Вход в них был невелик, составляя равнозначную часть общего метрического ряда декора.

В сооружениях общественно-жилого характера, в караван-сараях и общежитиях-ханак, например, Таш-рибат (Семиречье), Кырк-кыз (Термез) и др. Вход-ворота — существенный элемент композиции фасада.

Роль входной арки еще более увеличивается в дворцовых зданиях, где она приобретает

значение портала, более или менее развитого. Яркий пример — сасанидский дворец в Фирусбаде. Его входная арка исходит из традиций айванов парфянских дворцов. Помимо значительной величины, она еще сильно развита в глубину. Это — полноценный портал, но пока еще не выходящий из плоскости стены.

Несколько сходен с фирусбадским фасад ханака Кырк-кыз (древний Термез). Здесь значительно заглубленная входная арка-айван является организующим центром каждого из четырех фасадов.

В композицию ханака Кырк-кыз существенной частью входят угловые декоративные башни. Такие же башни имеются и в Таш-рибате (Семиречье), но приуроченные только к главному фасаду.

Наиболее грандиозной арочной композицией фасада с центральной аркой-айваном яв-

ляется дворец Хозроя в Ктесифоне. Здесь центральная арка развитого входа-айвана сочетается с рядами плоских арочных ниш, расположенных в несколько рядов по фасадной стене. Участки между нишами обработаны полуколоннами, сдвоенными и строеными в верхних рядах. Мотив этот может быть воспринят, как предшественник гофрированной обработки поверхности стены, получившей столь широкое развитие в домонгольской архитектуре Средней Азии.

Прием обработки стены полуколоннами (рис. 144) имеет давние традиции. Он мог развиваться из мотива крепостных стен с часто расположенными бойницами (например, Джанбас-кала). Близко расположенные высокие щелеобразные бойницы как бы расчленяли плоскость стены на отдельные вертикальные отрезки-лопатки. Понемногу у зодчего могла возникнуть мысль усилить стену, утолщая ее на участках между бойницами, а бойницу размещать в углублениях между двумя соседними выступами. Так появляется гофрированная стена с небольшим рельефом и с бойницами между выступами в раннесредневековых крепостях древнего Хорезма (например, Уй-кала, Кум-кала и т. д.). Для того, чтобы в завершающей части перейти к плоской стене, каждая пара выступов увенчивалась арочкой. Постепенно в мотив гофрированной стены вносятся декоративные элементы. Бойницы переходят на выступающие части, группируются в виде ритмического рисунка (например, Тёшик-кала в древнем Хорезме).

Изображение гофрированного здания сделано на древнем серебряном блюде из собрания Эрмитажа, вероятно — хорезмского происхождения (VI—VII вв.). Здесь показана осада крепости, представляющей собой двухэтажный жилой кёшк-замок.

Замок-кёшк, изображенный на блюде, дает представление об орнаментации и утраченных деталях тех жилых домов-крепостей, которые были характерны для афригидо-сасанидской эпохи в Средней Азии и частично сохранились в Беркут-калинском оазисе древнего Хорезма.

Мотив гофрированной обработки стен широко распространился повсеместно на территории Средней Азии вплоть до XII—XIII веков. Он применялся и в монументальных жилых и в общественных зданиях. Постепенно утилитарно-строительные основы уступают место архитектурно-декоративному их истолкованию.

В ранних гофрированных сооружениях (Якке-парсан, Уй-кала, Тёшик-кала и др.) рельеф полуколонн плоский, не превышающий четверти окружности; венчающие арочки малы и также плоски. В более поздних зданиях рельеф полуколонн значительно разнообразится.

В мервских зданиях полуколонны имеют граненую форму (например, большая Кыз-кала); в углублениях полуколонн вставляется специальная порезка, подчеркивающая вертикаль щели, образованной двумя соседними выступами. Иной раз эта порезка выносится на верхнюю грань полуколонн (здание внутри крепости Гяур-кала). Этот мотив достигает большого разнообразия и совершенства в сооружениях домонгольского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстов С. Древняя культура Узбекистана. Тшк., 1942.
2. Толстов С. Древнехорезмские памятники в Кара-Калпаки («Вестник древней истории». М., 1939, № 3).
3. Цитата приведена в изложении С. Толстова. См. «Новые материалы по истории Хорезма» («Вестник древней истории». М., 1946, I).
4. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция 1934 г. «Труды Отдела Востока». Л., Гос. Эрмитаж, 1940, II).
5. Там же.
6. Толстов С. Древности верхнего Хорезма («Вестник древней истории». М., 1940, I).
7. Там же.
8. Якубовский А. Городище Миздахкан («Записки коллегии востоковедов», V).
9. Григорьев Г. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе. Тшк., 1934.
10. Григорьев Г. Поселения древнего Согда («Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР». М., 1940, VI).
11. Нершахи М. История Бухары (пер. Лыкошина). Тшк., 1897.
12. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата. 1941.
13. Бернштам А. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1942.
14. Там же.
15. Григорьев Г. Поселения древнего Согда.
16. Городища обследованы хорезмской археологической экспедицией Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР в 1939 г. Схематические обмеры усадеб оазиса исполнены художником-археологом Н. Толстовым.
17. Нершахи М. История Бухары.

18. Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, I.
19. Толстов С. Древнехорезмские памятники в Кара-Калпакии.
20. Васильев А. Согдийский замок на горе Муг («Согдийский сборник». Л., 1934).
21. Засыпкин Б. Памятники архитектуры Термезского района («Культура Востока», т. II, 1928).
22. Бернштам А. Археологический очерк Северной Киргизии.
23. Benoît A. L'architecture l'orient.
24. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция 1934 г.
25. Толстов С. Древности верхнего Хорезма. Тереножкин А. Археологические разведки в Хорезме («Советская археология». М., 1940, № I).
26. Жуковский А. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.
27. Толстов С. Древности верхнего Хорезма.
28. Руины обследованы комплексной термезской археологической экспедицией под руководством М. Массона в 1938 г.
29. «Протоколы туркестанского кружка любителей археологии», год I, Тшк.
30. Тереножкин А. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г.
- Воронина В. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1940 г. («Известия Узфан». Тшк., 1941, № 3).
31. Городище обследовано и схематически обмерено хорезмской экспедицией Ин-та истории материальной культуры под руководством С. Толстова в 1940 г.
32. Засыпкин Б. Памятники архитектуры Термезского района.
33. Массон М. Городища старого Термеза и их изучение. («Термезская археологическая экспедиция». «Труды Узфан», Тшк. 1941).
34. «Kusejr-Amra», сборник I.
35. Reuter O. Sasanian architecture («A survey of persian art. I, 1938).
36. Калаур В. Поездка на Акыр-Таш и его окрестности. «Протоколы туркестанского кружка любителей археологии». Тшк., 1905.
37. Толстов С. Древности верхнего Хорезма. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция, 1934 г.
38. Городище обследовано хорезмской экспедицией Ин-та истории материальной культуры в 1940 г.
39. Бернштам А. Археологический очерк северной Киргизии.
40. Шишкин В. Археологические работы 1937 г. в Бухарском оазисе. Тшк. 1939.
41. Там же.
42. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины.
43. «Протоколы туркестанского кружка любителей археологии», год 12, протокол № 3, Тшк.
44. Волин С. Средняя Азия IX в. (цитата взята из книги А. Бернштама — «Памятники старины Таласской долины»).
45. Городище обследовано хорезмской археологической экспедицией Ин-та истории материальной культуры в 1940 г.
46. Нершахи. История Бухары. Тшк., 1897.
47. «История СССР», составленная Ин-том истории материальной культуры Академии наук СССР, 1939, II.
48. Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, II.
49. Жуковский В. Развалины старого Мерва. СПб., 1894.
50. Шишкин В. Архитектурные памятники Бухары. Тшк., 1935.
51. Массон М. Старый Сайрам («Известия Среднеазиатского комитета», т. III, Тшк., 1928).
52. Гулямов Я. Памятники города Хивы («Труды Узфан», Тшк., 1941).
53. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция 1934 г.
54. Бартольд В. Отчет об археологической работе в Средней Азии в 1897 г.
55. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция. 1934.
56. Шишкин В. Археологическая работа 1937 г. в Бухарском оазисе.
57. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины.
58. Зерафшанская экспедиция 1934 г.
59. Там же.
60. Массон М. Загадочное городище Ханка («Социалистическая наука и техника». Тшк., 1934, 10—11).
61. Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд. 1926.
62. Шишкин В. Археологические работы 1937 г. в Бухарском оазисе.
63. Зерафшанская экспедиция. 1934.
64. Маллицкий. Ташкент. Тшк., 1897.
65. Вяткин В. Материалы к исторической топографии самаркандского валайета («Справочная книжка Самаркандской области», 1902, VI).
66. Шишкин В. К исторической топографии старого Термеза («Труды Узфан», Тшк., 1941).
67. Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. Тшк., 1926.
68. Массон М. Старый Сайрам.
69. Жуковский В. Развалины старого Мерва.
70. Бартольд В. История Туркестана. Тшк., 1922.
71. Нершахи. История Бухары.
72. Бартольд В. История культурной жизни Туркестана. Л., Изд-во Акад. наук СССР. 1927.
73. Зерафшанская экспедиция. 1934.
74. Толстов С. Тирания Абруя (исторические записки», 1939. № 3).
75. Борисов А. К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях («Труды отдела Востока Эрмитажа». Л., 1940, II).

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

1. Возникновение и рост пригородов-рабадов

В VII веке происходит значительное событие, наложившее отпечаток на политическую, экономическую и культурную жизнь Средней Азии рассматриваемого периода. Это — арабское завоевание. Между первыми набегами арабов и окончательным завоеванием страны лежит около столетия упорной борьбы, в которую было втянуто все население. Период завоевания Средней Азии арабами совпал с переходом от старого рабовладельческого к новому феодальному строю, сопровождавшимся жестокой классовой борьбой между представителями старого порядка и приходящими им на смену феодальными кругами общества.

Политическое переустройство в стране сопровождалось всевозможными притеснениями. Эксплуатация трудового населения достигла небывалых размеров. Арабы, предусмотрительно оставив старые налоги, ввели много новых, причем система их взимания была разработана так искусно, что никому не удавалось от них избавиться.

События этого времени сказались не только на разрушении отдельных населенных мест, но и на упадке земледельческих областей. Некоторые районы в Хорезмском, Бухарском и других оазисах, покинутые жителями, превращаются в пустыни. Жизнь перемещается в другие места. Оплот старого дофеодального порядка — укрепленные усадьбы пустеют и разрушаются. В Хорезме запустел район-рустак Беркут-кала. В далекой согдийской колонии Семиречья — Сарыге — в VII веке начали отмирать усадьбы-кёшки за счет развития поселений городского типа, а брошенные места используются как кладбища.

Такие древние центры хозяйственной и политической жизни Бухарского оазиса, как Пейкент, Варахша, Вардана, Рамитан и др., уступают первенствующую роль Бухаре, которая

с тех пор становится главным городом оазиса и одной из столиц Мавераннахра.

За счет упадка соседних городов повышается значение Самарканда. Многие города, даже такие, которые ранее играли роль местных столиц, потеряли свое значение.

Сходят со сцены дехканы — крупные землевладельцы, теснейшим образом связанные с рабовладельческим укладом. Самый термин «дехкан» применительно к крупным землевладельцам исчезает после X века¹. Остатки общественного «полисного» строя, основанного на рабовладельческой системе хозяйства, еще не изжитые в IX—X веках, постепенно исчезают в конце X века, когда государство саманидов прекращает свое существование под ударами тюркских илек-ханов из династии караханидов.

Средняя Азия распадается на ряд уделов.

Удельная система, сменившая централизованную систему саманидов, означает утверждение феодальных отношений в Средней Азии.

Арабское завоевание ознаменовалось введением ислама, которому арабы-завоеватели придавали большое значение как крупной идеологической силе, способной объединить и завоевателей, и покоренные народы единым мировоззрением, общими нормами поведения.

Религиозный фанатизм арабов погубил величайшие культурные ценности, созданные учеными и художниками Средней Азии. Но завоевателям не удалось сломить дух народа. Несмотря на жестокий гнет, неизменно росло стремление вернуться к родному языку, литературе, искусству. Именно в это время появляется целая плеяда талантливых поэтов, творящих свои произведения на родном языке. В области архитектуры возникает такой шедевр, как мавзолей Исмаила Саманида

¹ История термина «дехкан» подробно рассмотрена в работе В. Бартольда — «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира» и в других его работах.

в Бухаре, в котором отразились самобытные местные традиции.

Наибольший успех ислам имел в городах, где оседала арабская администрация, где концентрировались крупные торговцы и связанная с торговлей землевладельческая аристократия, быстро понявшая выгоды арабского завоевания, открывшего широкие перспективы торговли с Ираном и Передней Азией.

Общее количество населенных мест резко сокращается, но города, находящиеся на великих торговых путях, не только продолжают свое существование, но растут и развиваются. Характерно, что арабы при завоевании Средней Азии уже застали процесс образования у шахристанов торгово-ремесленных предместий-рабадов. Именно VIII—X века и были временем их образования и превращения в целые махалля-кварталы. Жизнь из шахристана переходит в рабад. Ремесленно-торговое предместье становится наиболее оживленной и населенной частью города. Шахристан или вовсе отмирает (как в Мерве и Самарканде), или перестраивается, растворяясь в общем плане города, превращаясь в единое целое с рабадом (как в Бухаре).

Рабад окружается стенами и становится полноценным районом города. Здесь возникают лучшие постройки, сюда вслед за населением переходят главные культовые сооружения. Идет процесс сложения феодального города Средней Азии, происходит закрепление его основных структурных частей.

* * *

Рост городов идет различными путями. В одних случаях старая часть — шахристан — по каким-либо соображениям оказывается непригодной, изжившей себя, и отмирает; в других случаях старое ядро оказывается жизнеспособным и продолжает оставаться центром растущего города. Наконец, бывали случаи, когда старое ядро города отмирало, но жизнь вокруг него продолжала развиваться.

Передвижение города с одного места на другое происходило обычно в двух случаях: 1) старая часть города разрушена так основательно и пролежала в развалинах так долго, что восстановление города на старом пепелище теряет смысл, — город возрождается рядом с руинами или неподалеку от них; 2) существующий город был расположен на территории, не отвечающей новым требованиям. Например, ранние города средневековья — шахристаны — обычно занимали возвышенные места, приспособ-

ленные для самостоятельной обороны. Но это их положение затрудняло дальнейший рост города, его застройку и благоустройство, исключало возможность подвода достаточного количества воды или требовало для этого сложных технических устройств (например, свинцовая труба, доставлявшая воду в городище дотмуровского Самарканда). Поэтому новые части растущего города переходили на территории, более приближенные к перекресткам торговых магистралей и более приспособленные к размещению больших районов торгового города.

Цитадель и шахристан, вокруг которых размещались новые районы, сохраняли жизнеспособность, если город, как и встарь, продолжал оставаться политическим центром и местопребыванием власти (например, Бухара). Когда же город развивался исключительно как торгово-ремесленный центр, утрачивая свое политическое значение, его старое ядро покидалось жителями и постепенно превращалось в руины, а жизнь процветала на окружающих территориях (например, Тававис, Дабусия, Исфиджаб и др.).

Обратимся к примерам.

Старый МERV, городище Гяур-кала, неоднократно описанный арабскими географами, отмечавшими его красоту, «которая пережила многие века, нисколько не поддаваясь губительному действию времени» (слова Ибн-Хордадбега), все же на грани XII века был оставлен и перенесен на соседнюю территорию — Султан-кала (рис. 145). Этот упадок и новый, еще более блестящий, расцвет города был связан с крупными военными и политическими потрясениями, в результате которых город превратился в столицу новых завоевателей — турок-сельджуков. Впоследствии разрушенный дотла монгольскими войсками в 1221 году город, пролежав в развалинах около 200 лет, снова восстанавливается сыном Тимура Шахрухом опять на новом месте и в небольших масштабах (городище Абдулла-хан).

Подобную судьбу испытал Самарканд. Город долго находился на Афрасиабовом холме. Тимур, решивший сделать его мировой столицей, вывел город из тесной пересеченной местности на соседнюю равнинную территорию, позволявшую свободно развернуть необходимые планировочные и строительные замыслы (рис. 146).

Термез — древний город, издавна размещавшийся на берегу Аму-Дарьи, был передвинут после катастрофического монгольского на-

шества к берегам Сурхан-Дарьи — источнику водоснабжения города и местонахождению местной святыни — некрополя сейидов Султан-Саадат (рис. 147).

Бенакент — древний город Ташкентского района — после монгольского разорения передвигается вверх по Сыр-Дарье; он был восстановлен под именем Шахрухи сыном Тимура, давшим возрожденному городу свое имя.

Вместе с тем, не меньшее количество городов оставалось на одной и той же территории; они упорно восстанавливались на старом месте, несмотря ни на какие бедствия и разрушения.

Такова, прежде всего, Бухара — один из старейших среднеазиатских городов, неоднократно столица страны, иной раз стоявшая, казалось, на краю окончательной гибели, но вновь и вновь возрождавшаяся из пепла и развалин (рис. 148). Холм цитадели и сегодня еще господствует в городском силуэте. До сих пор можно проследить возвышенное плато шахристана. Рабад четырежды расширялся. Два кольца концентрических стен появились в эпоху саманидов (X в.); окончательные границы города установлены шейбанидами в эпоху последнего для феодального периода расцвета столичной Бухары (XVI в.).

Крупнейший город Бухарского оазиса — Пейкенд — не отставал в росте от своего столичного соседа (рис. 149). Дважды расширялись стены его шахристана. Границы рабада сейчас можно наметить лишь условно. Жизнь в городе процветала в домонгольский период, но уже в XIV—XV веках она совершенно замирает.

И тот и другой город развиваются строго концентрически. Это — классический пример роста средневекового феодального города. Но в иных случаях естественно-топографические условия или другие обстоятельства несколько нарушают строгую концентричность. Например, шахристан дотимуровского Самарканда (Афрасиаб) разместился на крутых обрывистых берегах Сиба. Рабад пристроился к основному ядру города лишь с южной стороны. Он трижды расширял свою территорию, охватывая полукольцом более старые части города (рис. 150).

Подобную же картину дает развитие города Харашкет-Ханка (Ташкентский оазис). Цитадель и шахристан разместились на берегу небольшой речки Кара-су. Дважды расширявшийся рабад ограничивался полукольцом стен, концы которых упирались в берега (рис. 151).

Несколько иную схему роста дает домонгольский Термез. Цитадель и шахристан города обосновались на берегу Аму-Дарьи, в месте, где река делает крутой поворот почти под прямым углом. Рост города мог происходить лишь в двух направлениях, из которых выбрано было направление, параллельное берегу Аму-Дарьи, в сторону Сурхан-Дарьи (рис. 152).

В эпоху арабского завоевания Средней Азии и последующие века значительно изменились размеры и планировочная структура города; отдельные города переходят на новые места, строятся совершенно заново, а если и остаются на прежней территории, то радикально меняют свой облик.

II. Архитектурно-планировочное устройство городов домонгольского периода

Источники благосостояния городов — развитая торговля и эксплуатация сельской округи.

Городская жизнь сосредоточивалась в относительно немногих (по сравнению с предыдущим дофеодальным периодом) поселениях, что позволяло производить крупные работы по благоустройству и застройке. Появлялись мечети, духовные школы-медресе, бани, базары, перевалочные пункты, склады товаров, ремесленные кварталы.

Районы Средней Азии к IX—X векам специализировались по освоению сельскохозяйственных и технических культур. В Мервском оазисе преобладали технические культуры и связанные с ним ремесла. Зерафшан и Кашка-Дарья представляли смешанное земледельческое хозяйство с преобладанием зерновых культур. В Фергане концентрировалась добывающая промышленность. В пограничных со степью районах (Ургенч, Исфиджаб) процветало кожевенное ремесло, сырье для которого поставлялось кочевниками [1].

Специализация вызывала значительный товарообмен между городом и сельской округой.

Население городов X—XII веков было неоднородно. Феодальную верхушку составляла купеческая аристократия, связанная с крупными землевладельцами и высшим мусульманским духовенством. Существенную группу городского населения составляли ремесленники. Между этими группами происходила ожесточенная классовая борьба, порой принимавшая широкие масштабы (например, в Бухаре в 1206—1207 гг.; в Самарканде в 1212 г. и др.).

В городах, по мере их развития, концентрировались население, ремесленное производство,

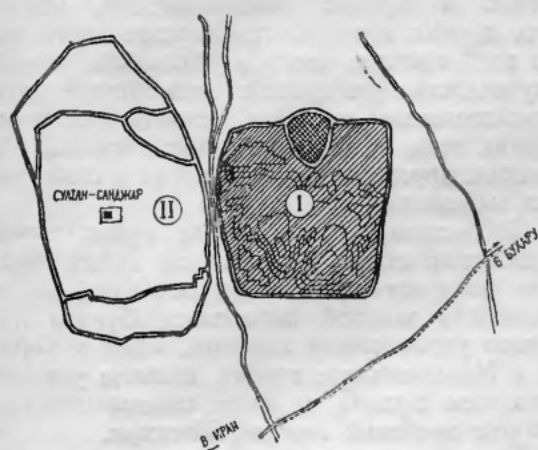

Рис. 145. Древний Мерв:

- I) территория города до VIII в. Гаур-кала,
II) территория города после VIII в.
Султан-кала

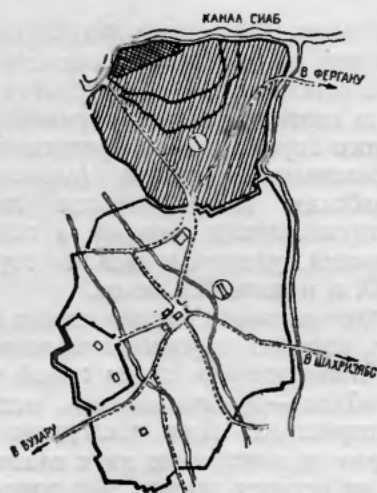

Рис. 146. Самарканд:

- I) территория дотимуровского города,
II) территория послетимуровского города

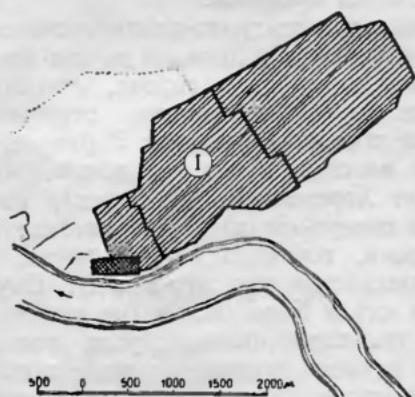
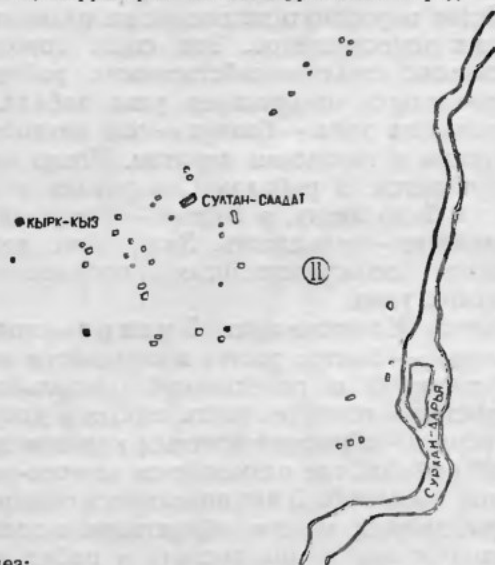

Рис. 147. Термез:

- I) территория города домонгольского периода, II) территория города послемонгольского периода

СХЕМА РОСТА ТЕРРИТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ
(город переходит на новое место, старая часть города отмирает)

торговля, административные учреждения — диваны.

Город этого времени — административно-политический и торгово-ремесленный пункт, средоточие аппарата власти, торговой и производственной деятельности, культурной и духовной жизни.

Ремесленное производство и торговля были неотделимы друг от друга. Мастерская являлась одновременно и торговым помещением.

Особняком размещались кварталы богатых купцов, связанных с караванной торговлей. Караван-сарай были местом их торговой деятельности.

Существовали также крупные мастерские — тираза, где работали ремесленники, находившиеся в зависимости от эмиров, халифов и богатых частных лиц. Такие мастерские в следующий, монгольский, период известны под названием «корхана».

Социальное содержание феодального среднеазиатского города домонгольского периода наложило отпечаток на его структуру.

Общую картину сложения среднеазиатского феодального города можно представить на основе письменных источников (главным образом арабская географическая литература X в.), сохранившихся городищ и планировочных традиций, удержавшихся в городах до конца XIX и начала XX веков.

Наиболее активной частью города становится рабад, бывшее торгово-ремесленное предместье. Планировочная схема новой части города — рабада — принципиально отлична от схемы шахристана. Для последнего типично крестообразное начертание двух главных улиц, ведущих от четырех крепостных ворот к центру города.

Характерной особенностью рабада является базар — место обмена продуктов сельского хозяйства окрестного населения на изделия городских ремесленников. Эта связь города с окрестными сельскохозяйственными районами подчеркивается начертанием улиц рабада. От центрального узла — базара — они расходятся радиусами к городским воротам. Число ворот увеличивается. В рабадах Самарканда и Термеза их было шесть, в Бухаре — одиннадцать, в Ташкенте — тринадцать. Загородные дороги являлись непосредственным продолжением городских улиц.

Города Мавераннахра. Б у х а р а — столица саманидов — быстро растет и становится центром торговой и ремесленной деятельности. Шахристан — основная часть города в доарабский период — обрастает плотным кольцом предместий-рабадов, где размещается торгово-ремесленное население. В них появляются обширные базары, дворцы, мечети, общественные здания. Переход жизни из шахристана в рабад, признание рабада равноправной частью города происходит в VIII—XI веках. За это время бухарский рабад успел расшириться и ко времени саманидов имел две стены — внутреннюю и внешнюю. Для определения границ внутренней — первоначальной — стены рабада мы не имеем данных. Остались лишь названия ворот, числом одиннадцать, упоминаемых арабскими географами [2].

Улицы саманидской Бухары отличались значительной шириной и были выложены камнем, что подтвердилось и археологическими исследованиями [3], но, несмотря на относительно широкие улицы, в городе, вследствие густоты населения, ощущалась теснота. Этот недо-

статок в Бухаре был заметнее, чем во всех прочих городах государства саманидов. По этой причине часто происходили пожары. Скученностью построек объясняются и другие отрицательные качества города (зловоние, дурная вода и пр.), о которых Макдиси и некоторые другие писатели говорят в самых резких выражениях [4].

Свободному росту города препятствовали крепостные стены. Окруженная тремя рядами стен (шахристанская и две стены рабада), обладающая мощной цитаделью, Бухара была сильно укрепленным городом. «Нет в Хорасане и Мавераннахре города, сильнее укрепленного, чем Бухара, и более многолюдного», — говорит арабский географ Истахри.

Город в течение своей многовековой жизни оставался на одном и том же месте, лишь концентрически расширяясь от столетия к столетию. Вследствие этого начертание плана города, по замечанию В. Бартольда [5], существенно не менялось. Городские центры, формировавшиеся в далеком прошлом, сохранились на тех же местах, направление улиц осталось прежним.

К таким архитектурно-планировочным центрам, сложившимся издавна и до сих пор определяющим композицию города, относятся перекресток улиц шахристана, отмеченный в XVI веке торговым куполом Заргарон, Регистанская площадь перед цитаделью-арком, откуда идет Хорезмская (на запад), Рамитанская (на северо-запад) и Вабкентская (на север) дороги, площадь у Ляби-хауза, откуда идут Хорасанская (на юго-запад), Науметанская (на юг) и Каршинская (на восток) дороги. Эти три планировочных узла города объединяла главная торговая улица, перекрытая на всем своем протяжении, с купольными сооружениями на перекрестках.

Сохраняя почти неизменное начертание плана, город сильно менялся в застройке. Неоднократно разрушались и вновь восстанавливались крепостные сооружения. Соборная мечеть — культовый и композиционный центр города — не раз перестраивалась, перемещаясь из цитадели в шахристан по мере расширения города. Первая мечеть была возведена в арке на месте храма зороастрийцев-огнепоклонников. Вскоре ее перенесли за границы арка, недалеко от шахристана. В 1123 году Мухаммед Арслан-хан переносит соборную мечеть в шахристан — новый административно-политический центр города, на то место, где она находится и теперь [6].

Рис. 148. Бухара:
I—II расширение шахристана,
III—IV территория рабада

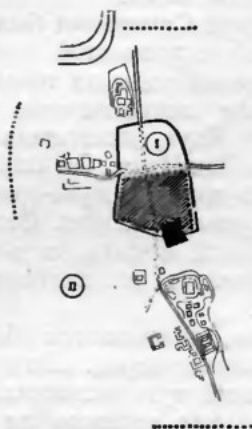

Рис. 149. Пейкенд
(Бухарский оазис):
I) расширение шахристана,
II) территория рабада

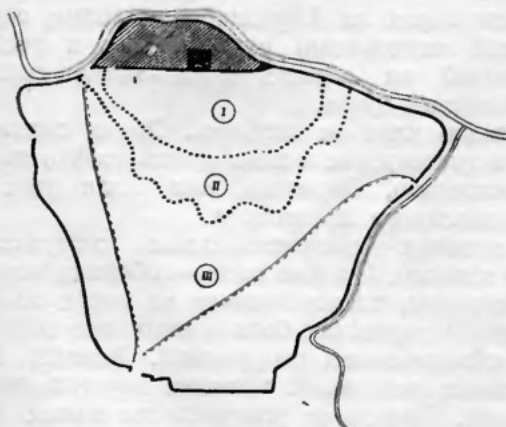

Рис. 150. Самарканд-Афрасиаб:

I—II) расширение шахристана,
III) территория рабада

СХЕМА РОСТА ТЕРРИТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ
(город развивается на прежнем месте, старая часть города срастается с новой)

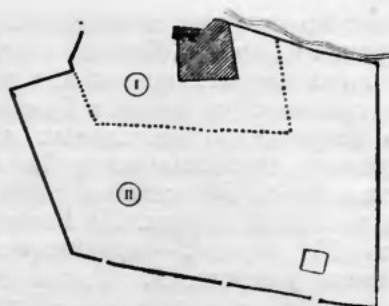

Рис. 151. Харашкет-Ханка (Ташкентский оазис):

I) расширение шахристана,
II) территория рабада

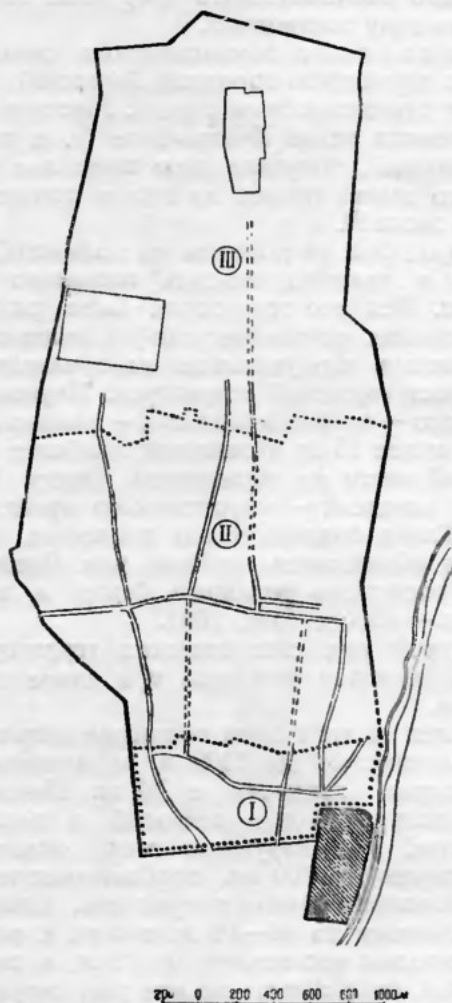

Рис. 152. Термез (территория домонгольского города):

I) расширение шахристана, II) территория рабада. III) пригородный район

Большинство построек возводилось из сырцового кирпича и дерева. Жженный кирпич употреблялся лишь для монументальных построек.

В домусульманскую эпоху в Бухаре было возведено немало монументальных построек. Кроме цитадели, дворцовые постройки саманидов размещались на Регистане и у крепостных ворот при выходе из города. На Регистане же находились 10 диванов — правительственных ведомственных учреждений. Таким образом, наиболее значительные сооружения группировались или вокруг правительственного центра у цитадели, или при выходе из города, где менее плотно застроенная территория позволяла свободно распланировать дворцовые сооружения по типу загородных.

Самарканд домонгольского времени занимал территорию городища Афрасиаб, к северу от существующего города. Местность эта, называемая ранее Хисари-болё (т. е. верхнее укрепление), получила свое нынешнее название по имени одного из героев среднеазиатского эпоса [7].

Город был расположен на холмистой местности и занимал площадь несколько менее 200 га. Вся его территория была разделена несколькими концентрически-увеличивающимися стенами, что указывает на последовательный рост городской территории. Первоначальное ядро — крепость-цитадель — занимало площадь менее 15 га в северной, наиболее возвышенной части на обрывистом берегу Сиаба. Холм цитадели — искусственного происхождения. Глина бралась у его подножия, отчего вокруг образовался глубокий ров. Вдоль стен было сооружено несколько башен и в двух местах — ворота (рис. 155).

Второй ряд стен окружал территорию в 50 га (включая цитадель) при длине стен до 1350 м.

Вслед за этим была построена третья стена, протяженностью до 2300 м, ограничивающая территорию примерно в 70 га. Наконец, к VIII веку возведен четвертый и последний ряд стен. Эти наружные стены опоясывают территорию до 200 га, приближающуюся по своей конфигурации к трапеции. Основание стен доходит до 10—12 м, высота с внутренней стороны составляет 10—12 м, а снаружи до 40 м, если считать от дна рва, окружавшего стены.

По свидетельству арабских писателей, в наружной стене было четверо ворот. На севере — Бухарские, на юге — Кешские, на востоке — Китайские и на западе — Железные.

Повидимому, наружные стены служили границей древнего Самарканда примерно с VIII века до перехода города на новое место. Три линии внутренних стен показывают последовательный рост города от цитадели к рабаду [8]. Очень плохая сохранность города позволяет лишь в самой общей форме восстановить его внутреннюю планировку и застройку.

Самарканд обильно снабжался водой. Чан-Чунь — китайский путешественник, посетивший город в 1222 году, — записал: «Самарканд построен на берегах каналов. Ни летом, ни осенью здесь не бывает дождей, поэтому люди отвели в город две реки и распределили воду по всем улицам так, что каждый дом может ею пользоваться».

Дотимуровский Самарканд был расположен на возвышенной и холмистой местности. Поэтому для доставки воды на территорию города нужны были искусственные сооружения. О них говорит Якут, посетивший город несколько позже Чан-Чуня. Он описывает большую свинцовую трубу (джу-и-арзис), по которой вода поступала в город. Она проходила частью по высокой насыпи, а в пределах города поддерживалась специальными каменными опорами [9].

Вместе с тем, упоминаются обширные сады и рощи, окружавшие город. «Вокруг города, — говорит китайский путешественник, — на протяжении нескольких десятков ли (ли — более 500 м) непрерывно тянутся, чередуясь, сады, рощи, цветники, акведуки, бассейны и пруды. Поистине Самарканд — прекрасный город».

Самарканд на Афрасиабовом холме, окруженный несколькими рядами стен и расположенный на обрыве, представлял сильно укрепленный пункт.

Следов улиц не осталось. Об их архитектуре и трассировке можно судить только предположительно. Вероятно, они были узки и криволинейного начертания.

Каменных монументальных сооружений было немного. Прежде всего — соборная мечеть с минаретом, расположенная на запад от цитадели [10], городская баня и некоторое количество общественных сооружений. Зданий, выстроенных целиком из жженого кирпича, почти не было. Обычно он употреблялся только для фундаментов и полов. Стены возводились исключительно из сырцового кирпича, или были каркасные и глинобитные, иногда оштукатуренные алебастром. Часто употреблялись ку-

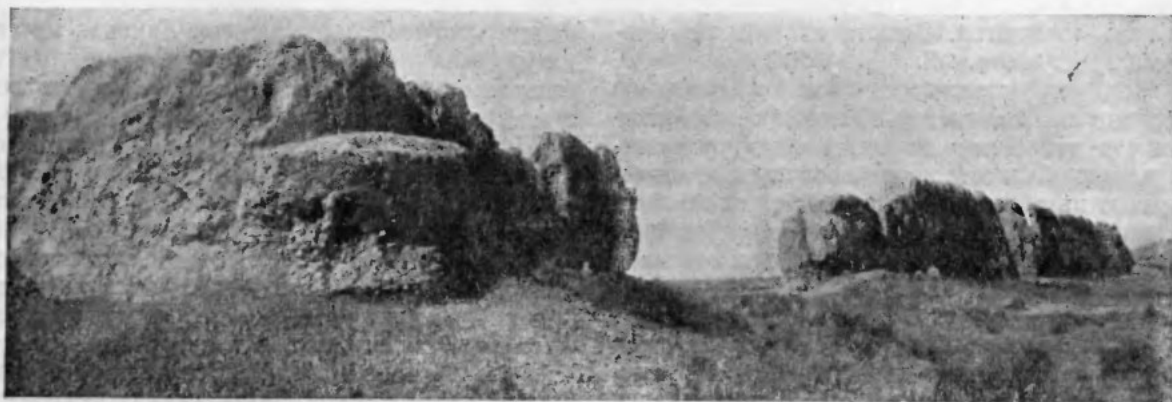

Рис. 153. Крепостные стены рабада домонгольского Термеза

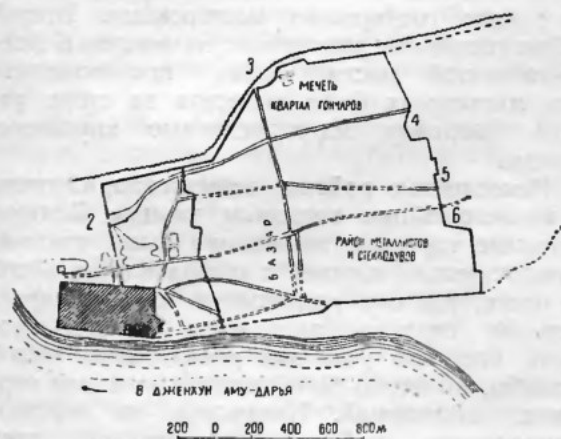

Рис. 154. Термез (1—6—местоположение крепостных ворот)

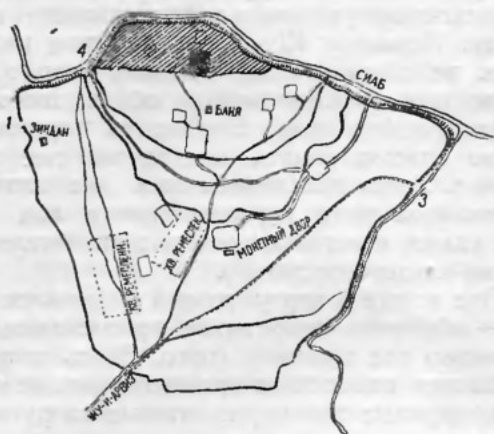

Рис. 155. Самарканд-Афрасиаб

Название крепостных ворот: 1) Наубехарские или Железные, 2) Кёшские или Большие, 3) Китайские, 4) Бухарские

Рис. 156. Баласагун

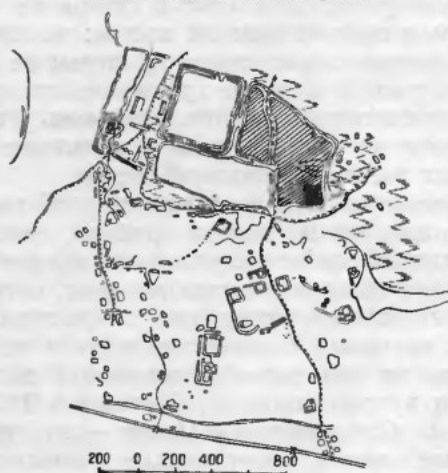

Рис. 157. Сарыг

СХЕМА ПЛАНОВ ГОРОДОВ-РАБАДОВ

польные перекрытия. Высота зданий не превосходила двух этажей.

Город представлялся, как живописное скопление на холмистой местности многочисленных и тесно поставленных одно-двухэтажных домов. Общественные сооружения, выделявшиеся на общем фоне городской застройки, вероятно, были лишены обильных украшений и облицовки, так как значительных их остатков на Афрасиабе пока найти не удалось.

Расцвет феодального Термеза относится к XI—XII векам. К концу IX века город имел развитой рабад, обнесенный стеной, и пригородную территорию, на которой размещался дворец (рис. 153, 154).

Город до VIII века занимал территорию обширного холма, окруженного стенами, где располагался кухендиз и первоначальный шахристан. Позже, в IX—X веках, город расширился на северо-восток, занимая территорию вытянутого прямоугольника, обращенного узкой стороной к реке. Эту часть территории можно рассматривать, как расширение шахристана. Здесь прослеживаются два главных направления улиц, пересекающихся под прямым углом, и остатки какого-то значительного здания на перекрестке [11].

Еще позже в черту города включился рабад — обширная территория, превосходящая в несколько раз прежний город. Здесь сосредоточивались ремесленно-производственные кварталы, крупные здания, культовые сооружения и базары.

В основе плана термезского рабада лежит довольно правильная сеть улиц, пересекающихся примерно под прямым углом. Выделяются две магистрали: одна идет с севера на юг, с некоторым отклонением на восток; начинается она у средних ворот северной стены; ее окончание в южной части не прослеживается; другая идет с запада на восток, начинаясь у северных ворот восточной стены и заканчиваясь у северных же ворот западной стены.

Пересечение этих двух магистралей, видимо, было важнейшим местом рабада, так как здесь группировались крупнейшие здания города, незначительные остатки которых, с трудом поддающиеся реконструкции, сохранились до нашего времени и были обследованы и описаны участниками термезской комплексной экспедиции под руководством М. Массона в 1936 году [12]. В большинстве случаев — это прямоугольные дворы, окруженные помещениями. Судить о назначении каждой постройки затруднительно. Вероятно, это были мечети, караван-

сарай, медресе и жилые дома. Крупная мечеть, датируемая началом X века, расположена на северном участке рабада, близ крепостной стены.

Базар и ремесленный район занимали значительную территорию рабада. Кварталы ремесленников были довольно велики по размерам — свыше 4 га. В Термезе, как и в других крупных городах, ремесленные кварталы заселялись отдельными группами по специальности, занимая районы, которые сейчас прослеживаются по остаткам металлического шлака и кускам стекловидной спекшейся массы в юго-западной части рабада. Здесь, очевидно, концентрировалось металлическое и стекольное производство. Вся юго-восточная часть города была занята гончарными мастерскими. Второй район гончарных мастерских находился в северо-восточной части. Часть производственных мастерских была вынесена за стены рабада, например, многочисленные кирпичные заводы.

Ремесленные районы, естественно, тяготели к магистральным торговым улицам. Видимо, основные торговые помещения были связаны с магистралью, идущей с севера на юг, в той ее части, где она разделяется на два параллельных отрезка, расстояние между которыми слишком узко для размещения жилой усадьбы, но могло быть достаточным для торговых помещений. Невдалеке от торгово-ремесленного района располагались дома богатей [13].

Общая структура плана рабада, — преобладание поперечных улиц, направленных с востока на запад, наличие лишь одной большой продольной улицы, направленной с севера на юг, — продиктована в значительной степени природными условиями. С юга город ограничивался рекой (Джейхун—Аму-Дарья). Городская территория развивалась вдоль реки. Параллельно реке трассированы и каналы, снабжавшие город водой. Вполне естественно, что рост города и пригородов происходил в направлении на восток. Но, вместе с тем, здесь в плане новой части города-рабада нельзя не видеть еще неизжитых традиций, идущих от планировочных приемов шахристана.

В 1220 году Термез был разгромлен монгольскими войсками. Город никогда уже не возобновлялся на старом месте; он расположился восточнее, на берегах Сурхан-Дарьи.

Города Хорезма. В 712 году Хорезм завоевывают арабы, и Ургенч (по-арабски Джурджания) становится столицей его север-

ной части. Город занимал выгодное положение на перекрестке дорог. Экономическое значение его росло. Торговые пути связывали Ургенч с главнейшими странами востока — с Хазарией и волжско-камской Болгарией, через Исфиджаб — с Монголией и Китаем и, наконец, со всеми главными городами Мавераннахра (Бухара, Самарканд и др.).

В X веке Ургенч становится столицей всего Хорезма. Он быстро рос. Его властители строили дворцы. Ургенч являлся одним из лучших городов Средней Азии и занимал второе место после Бухары — блестящей столицы саманидов.

В 1221 году город был разгромлен монголами. Войска Чингиз-хана после полугодовой осады уничтожили его. Однако Ургенч быстро, еще в XIII веке, восстановил свое былое культурное и торговое значение. Слишком велик был узел торговых путей, сходящихся здесь.

Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший восстановленный Ургенч в 1333 году, называл его в своем описании самым значительным городом. «У него, — говорит он, — красивые базары, широкие улицы и многочисленные постройки... этот город велик скоплением народа, так что днем там нельзя пройти».

Это суммарное и обобщенное описание характеризует Ургенч, как населенный торговый и культурный центр столичного масштаба. Город украсился многими монументальными сооружениями.

В 1388 году Ургенч был взят и разгромлен войсками Тимура, который вывез к себе на родину в Шахризяде и в свою столицу Самарканд все культурные ценности и ремесленное население. После разгрома город хотя и был частично восстановлен, но не смог уже вернуть себе прежнего значения.

Городище Ургенча занимает площадь, обнесенную стеной, сохранившейся до нашего времени в виде вала протяжением до 10 км, частично стертая с лица земли. Цитадель, известная сейчас под именем Ак-кала, находится в юго-восточном углу города, имея в окружности до 1 км. Цитадель была укреплена мощными двухметровыми стенами с башнями из сырцового кирпича. У южной стены крепости проходит старое русло Джейхуна — Аму-Дарья.

Наиболее старая (домонгольская) часть города занимала южную его половину, называемую сейчас Таш-кала. Город развивался на север и в былые дни, относящиеся к золотоордынскому периоду, занимал территорию, не только ограниченную валом, но и за пределами

его. Местонахождение и количество городских ворот неизвестно. Письменные источники называют трое ворот. Джувейни называет ворота мира и ворота Кабилан; Макдиси говорит о воротах Хаджадж. Эти же авторы описывают множество кварталов и дворцов, увеселительные сады в окрестностях, большой канал, пересекающий город. От всех этих устройств, относящихся к домонгольскому периоду, не осталось и следов.

От золотоордынского времени только частично сохранились культовые сооружения (мавзолеи, минареты, следы мечетей) и общественные здания, свидетельствующие о высокой строительной культуре хорезмийцев XIII—XIV веков^[14].

Миздахкан, большой хорезмский город, расположенный вблизи столичного Ургенча, был связан с последним не только соседством. В X веке он даже соперничал с ним. Вплоть до XIII—XIV веков продолжалась тесная культурно-экономическая связь этих крупнейших городов Хорезма.

Цитадель Миздахкана расположена на холме, видимо, естественного происхождения, более 1 км в окружности. Она известна под именем Гяур-кала. В углу цитадели расположен большой кёшк, площадью примерно 50 × 50 м. Гофрированные стены кёшка сохранились на высоте до 14 м.

Далее следует обширное пространство (до 1 км в поперечнике), являвшееся основной территорией города, которое замыкалось с востока огромным кладбищенским холмом с особо почитаемым мавзолеем Музлум-Сулу-хана.

Жизнь в цитадели, вероятно, прекратилась в X веке. На остальной территории города оживленная жизнь была прекращена навсегда в XIV веке тимуровским завоеванием Хорезма. Во всяком случае у исследователя городища А. Якубовского не вызывает сомнения факт существования здесь города в золотоордынский период, т. е. в XIII—XIV веках^[15].

Города Семиречья. Тараз саманидского периода становится одним из крупных центров мусульманского востока. Современники подчеркивают его торговое значение. Ибн-Русте (X в.) называет его городом купцов. Ибн-Хаукаль (конец X в.) пишет: «Тараз — место торговли мусульман с тюрками... его не проходит никто из (страны) ислама, потому что тот, кто пройдет его, входит в шатры (т. е. кочевье) карлуков»^[16].

Эти и многие другие свидетели подчеркивают торговое значение города, его тесную эко-

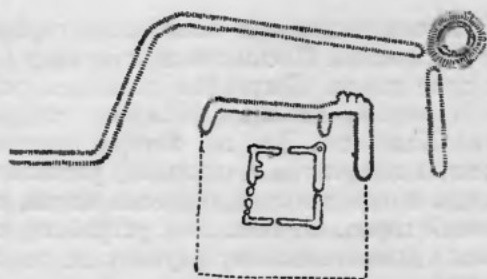

Рис. 158. Кзыл-тепе (Шах-шахитон) с прилегающей частью оборонительной стены Кампыр-дувал (Бухарский оазис)

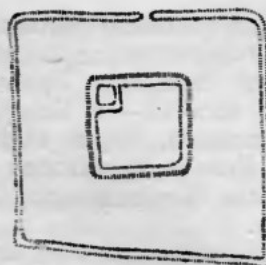

Рис. 159. Мийрам (нижнее течение р. Сыр-Дарьи)

Рис. 160. Балапан-тюбе (нижнее течение р. Сыр-Дарьи)

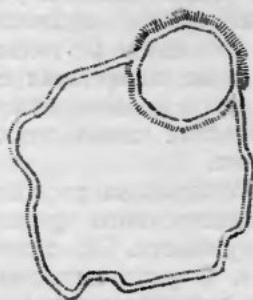

Рис. 161. Ак-курган (нижнее течение р. Сыр-Дарьи)

СХЕМА ПЛАНОВ ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ-РИВАТОВ

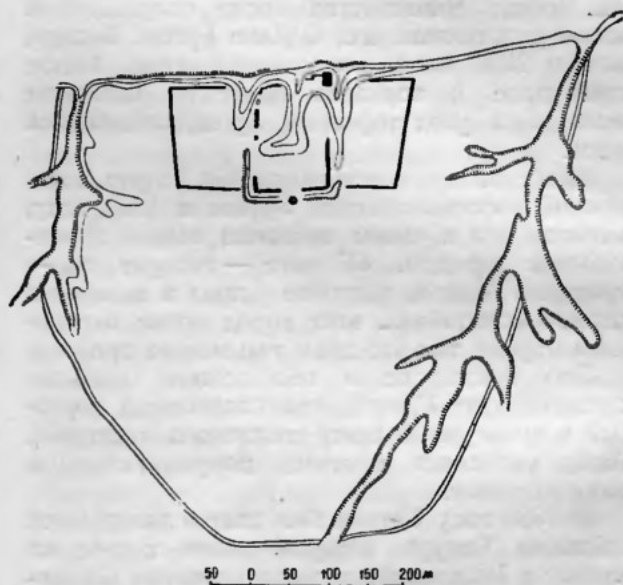

Рис. 162. Хазара (в системе крепостной стены бухарского оазиса Кампыр-дувал)

номическую и культурную связь с сельскохозяйственной округой. Тюрки-кочевники переходят к оседлой городской жизни.

Здесь, в Семиречье, города начали складываться еще в досаманидское время (IX—X вв). К этому времени Тараз имел не только цитадель и шахристан, но и оформляющиеся предместья-рабады.

В караханидское время город украшается монументальными зданиями с росписями стен. Раскопками обнаружен водопровод. Это был значительный столичный город феодального средневековья, и лишь военная катастрофа, связанная с нашествием монголов, прекратила его жизнь.

Тараз больше, чем другие города Семиречья, впитал в себя черты среднеазиатской культуры. Для мусульманской Средней Азии он был форпостом в среде кочевого мира и окраиной мусульманской Средней Азии^[17].

Чем дальше на восток, тем больше появляется местных особенностей в плане городов. Города в районе реки Чу по своему типу близки к таласским, но имеют некоторые отличия, обусловленные местоположением их на границе с кочевниками-тюрьками. В них мавераннахские традиции смешаны с местными тюркскими особенностями, отражая неизжитые бытовые навыки кочевников. Примером такого типа городов могут служить Баласагун

(рис. 157), дважды бывший столицей правителей тюркского каганата, и Сарыг (рис. 156).

Своего наибольшего расцвета городская жизнь Семиречья достигла в VIII—XII веках. Города этого времени в Чу-таласском междуречье многочисленны и занимают территорию основных оазисов; кочевники вытесняются в горные ущелья и долины.

Города Баласагун и особенно Сарыг представляют собой примеры населенных мест, возникших из старых согдийских поселений. Они соответствуют по своей архитектонике мавераннахским городам, имеют цитадель, шахристан и более или менее развитой рабад. Но эти города были также местом временного оседания кочевников и резиденцией-ставкой кочевых ханов, которые обосновывались не на территории старого центра—шахристана, а в окрестностях города, на новом участке прямоугольной формы в плане, обнесенном самостоятельной стеной, ориентированной углами по странам света, с мощными укрепленными воротами и боевыми башнями. Например, центром жизни Баласагуна в XII веке был, видимо, не старый шахристан, а территория к востоку от него, обнесенная защитным валом. Раскопками здесь был обнаружен буддийский монастырь.

Такая же прямоугольная, обнесенная стеной территория прослеживается в Сарыге, к западу от шахристана [18].

Пути образования городского типа поселений в долине реки Или — иные, чем в Чу-таласском междуречье. Они являлись продуктом внутреннего развития кочевого хозяйства, когда появились группы оседлых скотоводов и земледельцев. Эти поселения — зародыши городов — вначале были ставкой ханов-кочевников, представляя собой крепости-убежища на случай войны. Здесь же концентрировалось и ремесло. Особенности этих поселений — отсутствие цитаделей, ярко выраженного расчленения на шахристан и рабад и небольшие их размеры. Такого упрощенного типа города возникали повсюду на стыке кочевой степи и оседлых оазисов [19].

Часть среднеазиатских городов возникла «вдоль караванного пути из мусульманского мира в Китай» [20]. Это — Исфиджаб, Тараз и другие города Семиречья. Но одновременно возникали города из пунктов местных торговых связей между оседлыми земледельцами и кочевниками. Такими типичными рынками на границе кочевой степи и оседлой культурной полосы были Сыгнак, Отрар, Джэнд и дру-

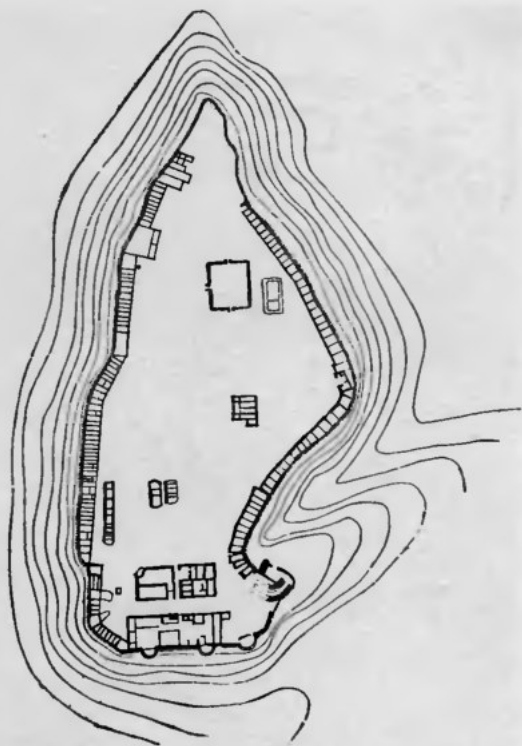

Рис. 163. Кыз-кала (правый берег среднего течения р. Аму-Дарьи)

Рис. 164. Джанпик-кала (древний Хорезм)

СХЕМА ПЛАНОВ ХОРЕЗМСКИХ
КРЕПОСТЕЙ-РИБАТОВ

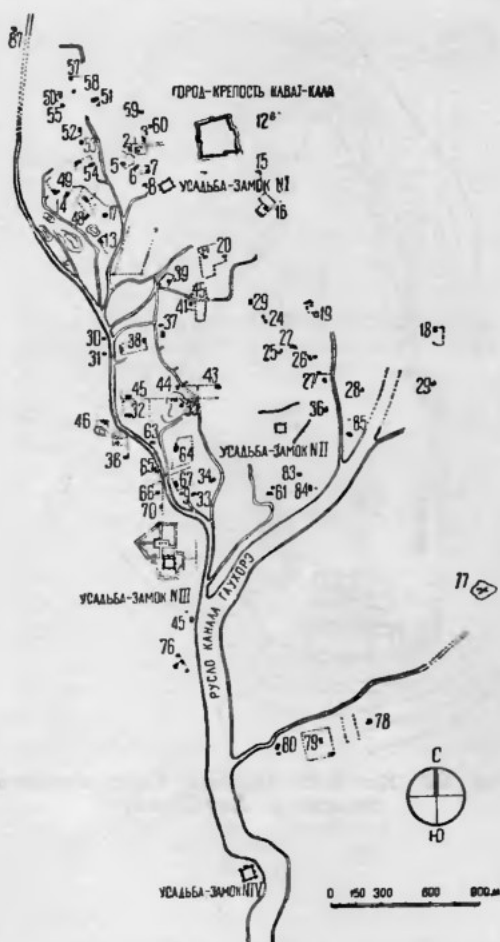

Рис. 165. Схема плана сельского района-рустака Кават-кала в древнем Хорезме

гие поселения, расположенные в низовьях Сыр-Дарьи.

Экономическая и политическая природа Сыгнака характеризуется исследователем развалин города А. Якубовским в следующих словах: «Возникнув как рынок на границе степи и культурной полосы, Сыгнак был, прежде всего, торговым центром. Однако, будучи укрепленным городом, он стал и политическим центром, где собирались военные силы кочевников как в целях нападения на культурные районы Мавераннахра, так и для защиты степей от захватнических стремлений хорезмшахов второй половины XII—начала XIII века» [21].

В 1219 году город был разрушен войсками Джучи — сына Чингиз-хана. Лишь в XIV веке

он стал столицей Белой Орды. Город строился и украшался. Впоследствии Сыгнак постепенно превратился в место погребения казахских ханов и знати.

Остатки Сыгнака представляют в настоящее время четырехугольник стен, общая протяженность которых доходит до 1100—1200 м. Северная стена несколько длиннее южной. Они сохранились довольно хорошо на всем протяжении. Высота их около 6 м. В южной стене видны следы крепостных ворот. В северо-западном углу видны руины большого здания. Вся территория, окруженная стенами, имеет остатки построек; прослеживаются даже улицы. На небольшом расстоянии от основных стен видны следы второй стены, частью сохранившейся в виде едва заметного вала и то лишь с трех сторон. По мнению А. Якубовского [22], это стены города домонгольского времени. Таким образом, город был восстановлен после монгольского разорения на том же месте, только его территория была несколько уменьшена.

Малые города. Выше мы сделали архитектурно-планировочную характеристику ряда крупных городов различных районов Средней Азии. Однако нужно тут же оговориться, что сделанные обобщения и выводы можно было бы отнести исключительно к большим городам, развивавшимся в течение длительного времени.

Не менее характерен для домонгольской эпохи небольшой провинциальный городок-шахристан, имевший обычно более или менее регулярную прямоугольную планировку и окруженный неукрепленными рабадами, расположенными довольно случайно и беспорядочно.

Примером такого малого города может служить хорезмское городище Дaudан-кала (на арыке Чермен-яб), однако мы обладаем пока что слишком незначительным материалом по малым городам этого времени для того, чтобы дать их обобщающую архитектурно-планировочную характеристику.

III. Пограничные укрепления-рибаты

Близкое соседство кочевников вызывало необходимость возведения большого количества сильно укрепленных крепостей-рибатов, каравансараев, валов, окружавших земледельческие оазисы.

Всякий крупный город на границе с кочевой степью был окружен целой системой та-

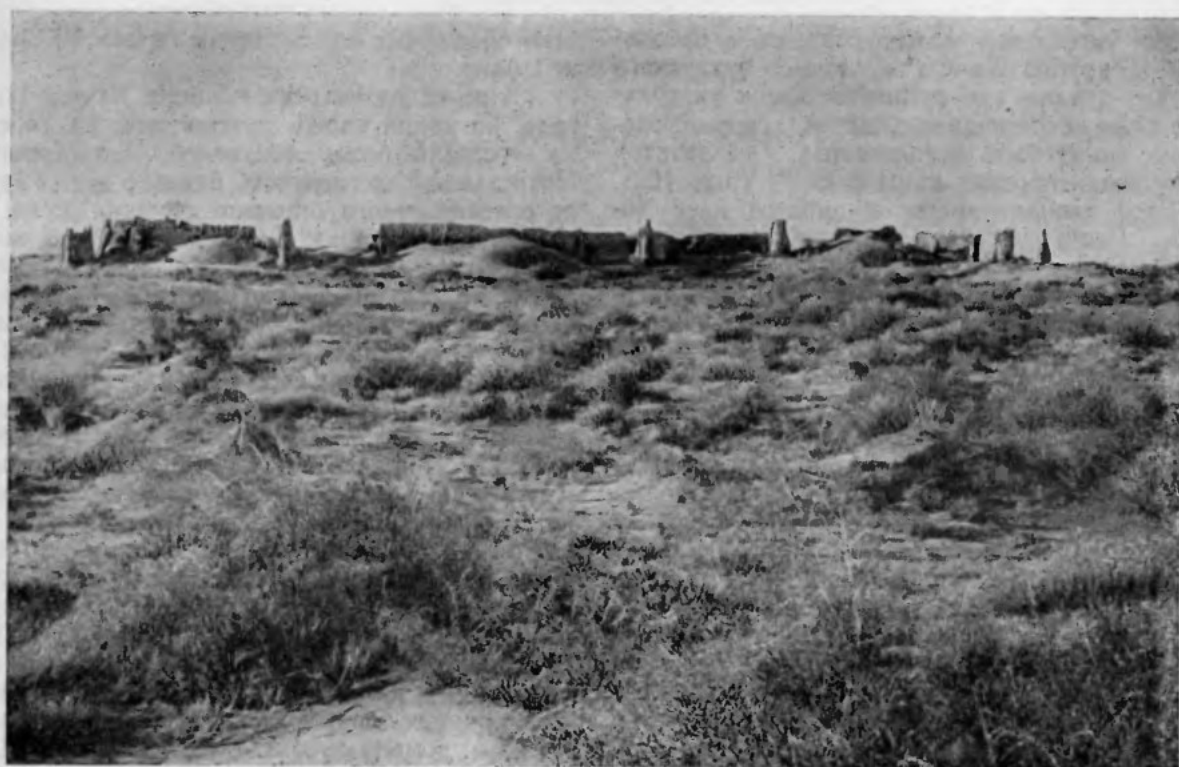

Рис. 166. Общий вид района-рустака Кават-кала

ких укреплений. К ним относились: а) рибаты, т. е. крепости с гарнизоном из местного населения, представлявшие собой прямоугольники с длиной сторон до 300—350 м, ориентированные по странам света; стены усилены башнями, входные ворота сильно укреплены; б) укрепленные каравансарай, прямоугольные в плане, с длинной стороной, достигающей до 100 м, со строениями вдоль стен, с открытым обширным двором; в) хисны — небольшие крепости, защищавшие подступы к городу [23].

В систему стены Кампыр-дувал, окружавшей Бухарский оазис, возникшей до арабского завоевания, были включены военноторговые рибаты, представлявшие собой укрепленные поселения, имевшие задачу не только защищать оседлое население от врага, но и торговать с кочевым населением степей в мирное время. Наиболее характерно городище Кзыл-тепе — укрепленный рибат под защитой Кампыр-дувала (рис. 158). Основное укрепление представляет собой квадрат 108×108 м, окруженный стенами, толщиной у основания до 3,5 м, с башнями по углам. Внутри стен видны

следы построек, гончарных печей и шлака. Вероятно, среди защитников крепости было немало ремесленников. Параллельно основному прямоугольнику стен идет второй ряд стен, наполовину стертый временем, окружающий площадь примерно в 300×300 м. Видимо, эти наружные стены защищали территорию, предназначенную для размещения окрестного населения во время вражеских набегов.

Общий размер рибата Кзыл-тепе соответствует типовым размерам рибатов Семиречья [24]. Такой же характер имеют рибаты по нижнему течению Сыр-Дарьи. Укрепление Мийрам (рис. 159) несколько крупнее; размеры его внутренних стен 140×140 м, а наружных до 400 м. Иначе выглядят укрепления Балапан-тюбе (рис. 160) и Ак-курган (рис. 161). Их основное ядро — круглый в плане холм, представляющий собой укрепление диаметром до 120 м, к которому примыкает некоторое отгороженное валом пространство неправильной формы, видимо, служившее местом убежища окрестного населения во время военных действий [25].

Эти укрепления можно сблизить с небольшой крепостью Хазара в системе бухарского Кампыр-дувала, где примыкающие к укреплению валы огораживают участки, которые, очевидно, могут быть истолкованы, как зачатки ремесленно-торговых поселений^[26] (рис. 162).

Свой вариант крепостей-рибатов дает Хорезм. Часть из них, относящаяся к эпохе хорезмшахов (XII в.), расположена вдоль Джейхуна — Аму-Дарьи. Обычно это небольшие, однотипные, четырехугольные в плане крепости.

Наиболее значительна по размерам и своеобразна по плану Кыз-кала (правый берег среднего течения Аму-Дарьи) (рис. 163). Крепость имеет неправильную форму, обусловленную конфигурацией вершины холма, который ею увенчивается. Основной массив сооружений, своего рода цитадель, сосредоточен в северо-западной части крепости, близ входных ворот. Жилые комнаты размещены вдоль крепостных стен (своеобразная интерпретация идеи «городищ с жилыми стенами») ^[27].

Подобный же характер носит крепость Джанпык-кала (рис. 164) в предгорьях Султануиз-дага. Главное здание — цитадель — поставлено так же, как и в Кыз-кала, у одного из торцов крепостной стены. Внутренняя планировка крепости почти не сохранилась^[28].

В хорезмских крепостях, упомянутых выше, цитадель или сооружение, ее заменяющее, сдвинуты к одной из наружных стен в противоположность некоторым сыр-дарьинским крепостям, где цитадель занимает середину укрепленного пространства.

Укрепленные пограничные поселения-рибаты для VIII—XII веков повсюду, — и в основных районах страны, и на ее далеких окраинах, граничащих с кочевой степью, — дают один и тот же планировочный вариант, разнящийся лишь в деталях. Применявшийся и ранее, в доарабский период, тип укрепленного поселения, состоящий из двух концентрических колец укреплений, остается прежним, лишь увеличиваясь в своих абсолютных размерах, что указывает, вероятно, на усиление и развитие торговых связей кочевой степи с оседлыми земледельцами и ремесленниками.

IV. Сельскохозяйственный район-рустак

В домонгольскую эпоху были густо заселены сельскохозяйственные оазисы. Это особенно можно отметить в Хорезме конца XI—начала XII веков, когда страна становится на

некоторое время политическим гегемоном Средней Азии.

«Я не видел никогда, — пишет Якут в 1219 году, во время своего путешествия по Хорезму, — страны более обитаемой, чем Хорезм. Непрерывная заселенность, близкие друг к другу селения, много отдельно стоящих домов и усадеб в его степях. Редко падает твой взор в его рустаках (районах) на невозделанное место. Здесь множество деревьев; большей частью это тутовые деревья и пирамидальные тополя. Они в них нуждаются для построек и кормления шелковичных червей, и нет разницы (в населенности), когда идешь по всем его рустакам и когда идешь по базарам. Я не думаю, что в мире есть область, превосходящая Хорезм по благосостоянию, и более населенная. Большинство населенных мест Хорезма — это города, имеющие базары, много жизненных благ и торговых помещений. Редко встречается селение, где нет базара. И все это при общей безопасности и полном спокойствии»^[29]. Это несколько идиллическое описание, вряд ли приложимое для всех областей Средней Азии того времени, дает нам картину сельских поселений домонгольской Средней Азии. Для Хорезма оно может быть дополнено описанием построек района-рустака Кават-кала^[30] (рис. 165).

По сравнению с прошлой (доарабской) эпохой здесь можно отметить значительно более плотное расселение. Если в доарабском районе-рустаке Хорезма Беркут-кала 100 усадеб были разбросаны на территории в 35 км², то в Кават-калинском районе это же количество усадеб занимает не более 9 км². Там каждая усадьба стоит изолированно; здесь они чуть ли не вплотную примыкают друг к другу. Там — однотипные усадьбы, разнящиеся только по величине, здесь — резкое различие усадеб не только в размерах, но и в типе плана и в характере архитектуры (рис. 166).

Район Кават-кала возглавлялся крепостью-резиденцией крупного феодала, площадью до 6 га, обнесенной крепостной стеной с боевыми башнями, с сильно защищенными воротами. К крепости тяготели четыре укрепленные усадьбы, состоявшие из жилища владельца усадьбы, представлявшего собой квадратный дом-замок площадью 45 × 45 м, с обширным открытым двором посередине, помещениями вдоль стен, хозяйственным двором с жилыми помещениями для слуг и подсобными помещениями, а также из сада с павильоном и парадным жилым зданием каптар-хана.

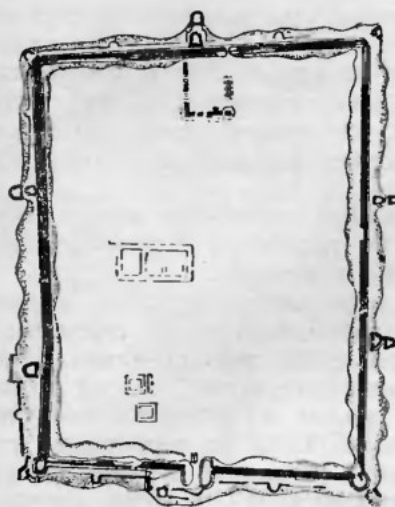

Рис. 167. Схема плана города-крепости Гульдурсун (древний Хорезм)

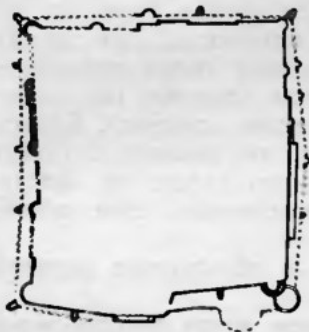

Рис. 168. Схема плана города-крепости Кават-кала (древний Хорезм)

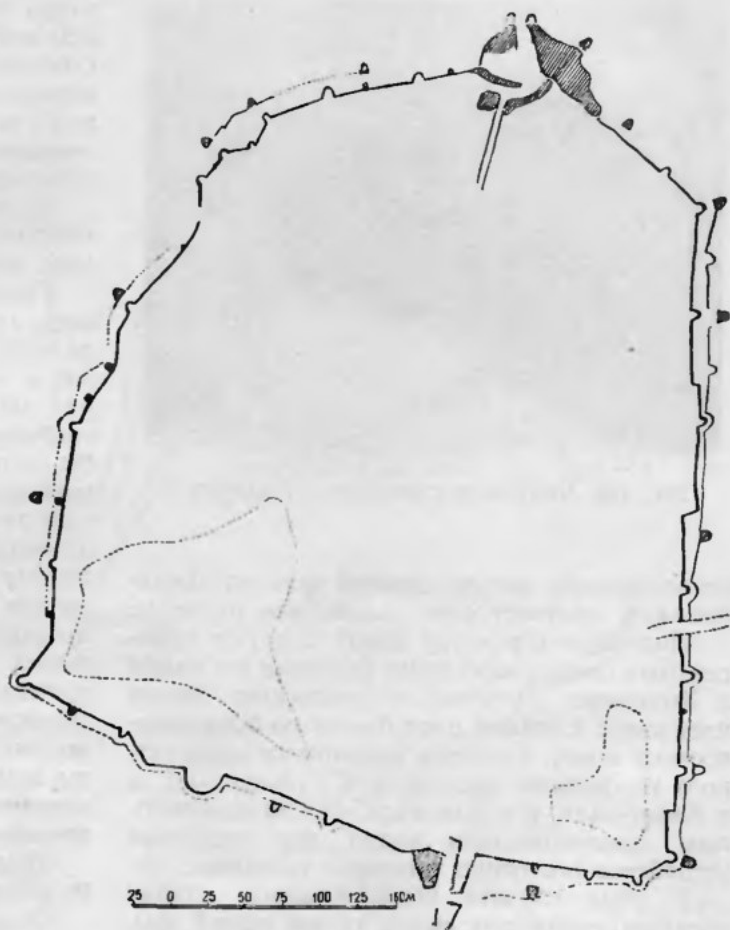

Рис. 169. Схема плана города-крепости Змухшир (древний Хорезм)

Вокруг этих усадеб группировались рядовые усадьбы, неукрепленные, огороженные только сырцовою стеной-дувалом, тесно примыкавшие друг к другу. Общий облик района-рустака говорит об установившихся феодальных порядках.

V. Крепости — центры сельскохозяйственных районов-рустаков

Широко раскинувшиеся поселения Хорезма типа Кават-кала с многочисленными усадьбами возглавлялись крепостями — центрами сельскохозяйственных районов-рустаков. Это — небольшие, сильно укрепленные городки-резиденции крупных феодалов, созданные для защиты подвластных рустак.

Фортификационные устройства упраздняются, превращаясь в декоративное ограждение

усадьбы. Зато совершенствуются государственные укрепления как на границах государства, так и на внутренней его территории. Из пограничных крепостей мы отметили уже Кыз-кала по среднему течению Аму-Дарьи, Джанпык-кала в предгорьях Султан-уиз-дага и др.

Среди небольших районных городков-крепостей, провинциальных резиденций отметим Змухшир (рис. 169), Гульдурсун (рис. 167, 170), Кават-кала (рис. 168) и др.^[31]. Внутри стен этих городков рядовые постройки исчезли. Зато вся сложная система фортификации достаточно сохранилась. Кроме основных стен и башен, здесь имеется второй ряд стен, вынесенный вперед со своей системой боевых башен. Особое внимание попрежнему уделяется входу. Идея «лабиринта», с которой мы

Рис. 170. Часть крепостной стены Гульдурсуна

познакомились еще по древней крепости Джанбас-кала, получает свое дальнейшее развитие.

Подобную структуру ворот с двумя вынесенными вперед воротными башнями мы видим в Змукшире. Дорога от выносных башен идет вверх к другой паре башен по бокам крепостных ворот. Сложная разработка предвратного укрепления сделана и в Гульдурсуне, и в Кават-кала, и в Кыз-кала. По разновременным напластованиям видно, что защитные устройства постоянно совершенствовались.

В ряде случаев использовались старые крепости, возникшие еще в начале нашей эры. Таков, например, Гульдурсун — типичный городок античного периода, покинутый, видимо, жителями во времена раннего средневековья и вновь возвращенный к жизни в XII веке. Крепость значительно перестраивалась, старая система укреплений модернизировалась в соответствии с новыми требованиями, наружная стена утолщалась пахсовой обкладкой, бойницы частью закладывались.

Среди декоративных ограждений усадеб, имитирующих крепостные формы, покрытых декоративной резьбой с вытянутыми изящными пропорциями, эти городки-крепости выделялись своими простыми, суровыми формами, в которых целесообразность и конструктивная необходимость довлели над красотой.

VI. Жилая усадьба, квартал и жилой дом

Центр жилой усадьбы сельскохозяйственного района-рустака — это замок-жилище ее владельца. Стены замка еще сохраняли види-

мость крепостных, но являлись простой оградой двора, на котором размещались жилые постройки. Жилые здания слуг и хозяйственные помещения были разбросаны по всей территории усадьбы, окруженной невысоким забором-дувалом, потерявшим всякое оборонительное значение.

В организации отдельной жилой группы произошли, по сравнению с прошлым временем, коренные изменения.

Прежде, в раннесредневековое, афригидо-сасанидское время, в Хорезме строились отдельные укрепленные жилища-замки. Позднее же, в хорезмшахское время, жилой замок и ряд мелких жилых и подсобных сооружений свободно размещались на территории усадьбы, окруженной невысокой оградой, не имеющей защитных функций, а лишь определяющей границы усадьбы. Жилой замок — это открытый двор в уровне земли, окруженный стенами с жилыми постройками вдоль внутренних стен. Вся группа потеряла свою громадность и массивность. Для жилых помещений употреблялся более легкий и менее прочный материал (поэтому они почти не сохранились до нашего времени). Единственным монументальным сооружением оставались стены замка, но и они далеко не всегда имели солидность и массивность стен афригидского времени.

Изменились и абсолютные размеры жилого дома.

В афригидское время употребление монолитного цоколя значительно увеличивало высоту сооружения. Последнее было компактно в плане и развивалось как бы по вертикали.

В хорезмшахское время размеры по высоте уменьшались, но зато здание распластывалось по горизонтали, а отсутствие оборонительных стен вокруг усадьбы позволяло более свободно разместиться подсобным сооружениям на ее территории.

Из крупных усадеб оазиса Кават-кала лучше других сохранилась усадьба № III (рис. 171). Во всяком случае здесь можно проследить, кроме основного жилого дома-замка и парадного помещения каптар-хана, очертания внешней ограды и незначительные остатки хозяйственных строений и жилых домов для слуг. Площадь усадьбы 3,5 га. Ее предположительная реконструкция представляется следующим образом: с трех сторон основное жилое сооружение-замок было окружено жилыми домами для слуг и хозяйствен-

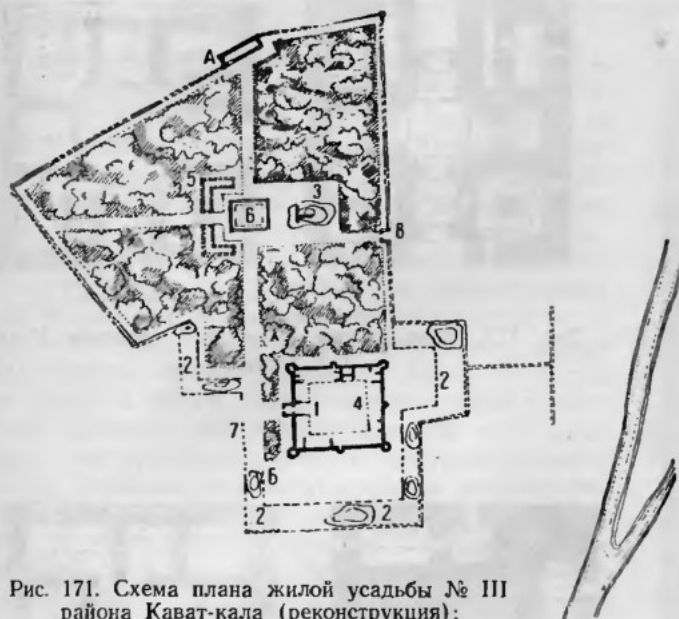

Рис. 171. Схема плана жилой усадьбы № III района Кават-кала (реконструкция):

А) сад, Б) хозяйственный двор, 1) жилой дом, 2) служебные и хозяйственные постройки, 3) садовый павильон, 4) каптар-хана, 5) садовые постройки, 6) хауз, 7) ворота, 8) садовые ворота

Рис. 172. Схема плана жилой усадьбы Ильгельды (Хорезм):

1) жилой дом, 2) садовый павильон, 3) мечеть, 4) загон для скота

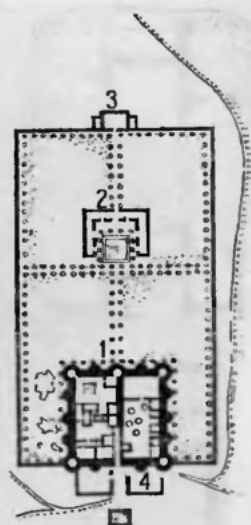
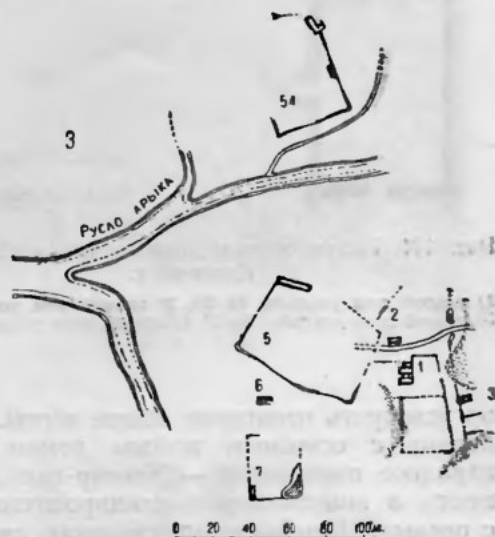

Рис. 173. Схема планов малых жилых усадеб района Кават-кала:

1) план усадьбы № 16-16-а, 2) план усадьбы № 12, 3) план группы усадеб № 1, 2, 3, 5, 6, 7 и 54

ными постройками. Четвертая сторона выходила в сад, в противоположном конце которого помещалось парадное жилое сооружение каптар-хана. Оба эти здания были соединены аллеей, разделяющей сад на две части. Середина аллеи, очевидно, прерывалась бассейном, окруженным садовыми постройками. Против бассейна располагался павильон, незначительные остатки которого дошли до нашего времени. Близ павильона были вторые садовые ворота. Конфигурация участка имела неправильную форму. Видимо, здесь сказалась относительная теснота окружающей застройки. Реконструктивные предположения основыва-

ются частью на остатках строений, частью на сравнении с более поздними сооружениями этого типа, в частности — с укрепленной усадьбой Хорезма Ильгельды^[32] (рис. 172). Такой же вид и размер могли иметь и усадьбы № I, II, IV, от которых ничего, кроме руин главных зданий, не сохранилось.

Рядовые усадьбы земледельческого населения невелики по размерам и просты по плану (рис. 173). Они крайне плохо сохранились. Территория, занимаемая ими (насколько это можно проследить по незначительным остаткам), колеблется от 0,09 га (усадьба № I) до 0,60 га (усадьба № 16). В их плане мож-

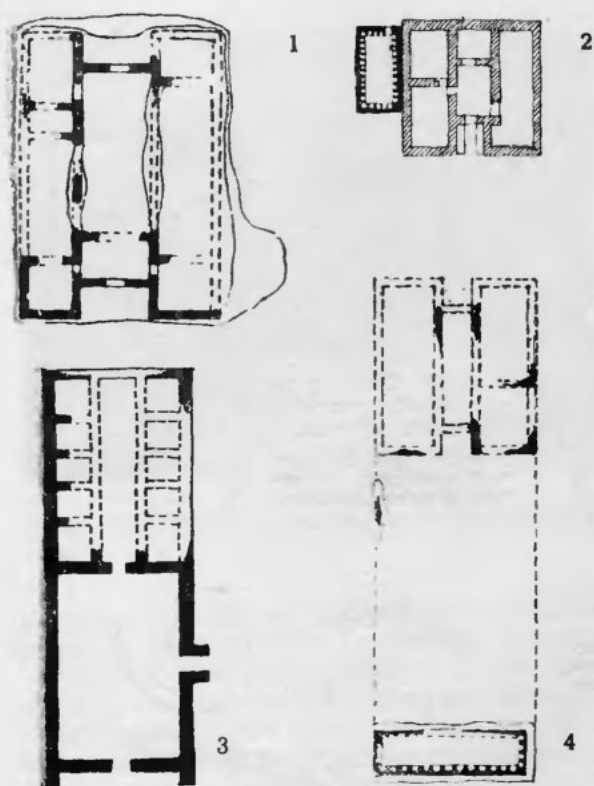

Рис. 174. Планы жилых домов малых усадеб района Кават-кала:

1) жилой дом усадьбы № 50, 2) жилой дом усадьбы № 1, 3) жилой дом усадьбы № 7, 4) жилой дом усадьбы № 16-а

но усмотреть некоторые общие черты. Обычно наряду с основным жилым домом имеется парадное помещение — каптар-хана, находящееся в композиционно-планировочной связи с первым. Наиболее примитивная связь — в усадьбе № 1, одной из самых незначительных по площади, где каптар-хана непосредственно примыкает к жилищу^[33].

В других усадьбах, № 7, 12, 16, эти два сооружения поставлены напротив, и между ними на свободном пространстве можно предположить небольшой сад, рядом с которым, по всей вероятности, размещался хозяйственный двор.

По сравнению с раннесредневековыми загородными усадьбами домонгольские усадьбы отличаются разнотипностью, контрастными размерами, различным внутренним устройством больших усадеб, принадлежавших крупным феодалам, и рядовых крестьянских усадеб, при некотором типологическом их сходстве.

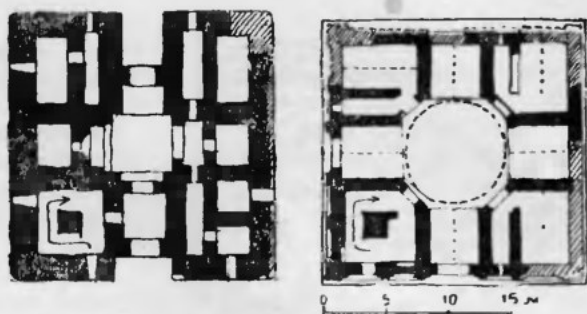

Рис. 175. План жилого дома № 1 древнего Мерва, 1 и 2 этажи

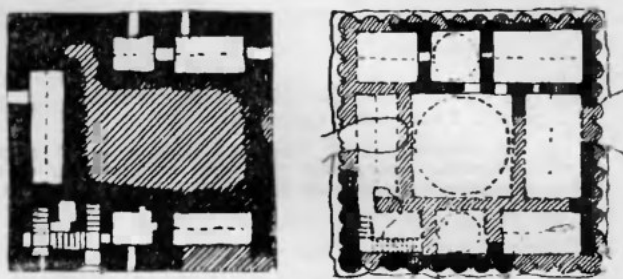

Рис. 176. Планы жилого дома № 5 (малая Кыз-кала) древнего Мерва, 1 и 2 этажи

Типы жилища этого времени можно проследить на рядовых усадьбах земледельческого населения Кават-кала и других районов Хорезма.

Разрабатываются два отмеченных уже ранее принципа построения плана: 1) сплошная застройка с чередованием закрытых и полузакрытых помещений, 2) расположение помещений вокруг центрального открытого двора.

Первый тип характерен для малых крестьянских усадеб (рис. 174). Это было жилище небольшой семьи. Здесь те же традиции и приемы построения плана, что и в древнем замке-кёшке раннесредневекового периода. Все помещения можно разбить на две группы: а) входной коридор, б) жилые и хозяйственные комнаты. Разница лишь в характере группировки, величине, значимости и взаимном расположении этих помещений.

План замка-кёшка и общежития-ханака симметричен, с ясно выраженными осями,

с развитым (особенно в ханака-мечети XVI—XVII вв.) центральным помещением. План малых жилищ-усадб района Кават-кала и более поздних рядовых жилищ Хорезма имеет и входные коридоры, и помещения общего пользования, и жилые и хозяйственные комнаты. Но этот план обычно лишен строгой симметричности; жилые и хозяйственные помещения различны по размерам, и расположение их поставлено в зависимость от повседневных хозяйственных нужд и удобств. Центральное помещение превращается в айван, а часто в двойной айван, почти сплошь перекрываемый крышей, возвышающейся над остальными помещениями. Иногда центром жилого дома становится просто крытый хозяйственный двор, освещенный через отверстие в крыше. В иных случаях входной коридор, увеличенный по длине, заменяет собой центральное помещение.

С распространением ислама началось разделение дома на мужскую и женскую половину. В пределах Хорезма план жилища в виде сплошной застройки участка с чередованием закрытых и полуоткрытых помещений получил распространение и удерживался без особых изменений до последнего времени.

Наряду с такого типа простейшим домом существовали и монументальные двухэтажные дома типа доарабских кёшков. В них были живы традиции раннесредневековых укрепленных жилищ; начертание их плана напоминало большие кёшки Беркут-калинского оазиса; лишь центрический характер плана получал более четкое выражение. Таковы жилые замки в районе древнего Мерва, например, план сырцового здания № 5 (малая Кыз-кала — XII в.), по общим размерам и распределению помещений почти тождественный с планом Якке-парсан (рис. 176, 177). Здесь то же центральное купольное помещение, те же прямоугольные комнаты вокруг него, но в их расположении больше упорядоченности. Угловые и средние комнаты подчеркивают две взаимно перпендикулярные оси плана, что особенно четко видно в здании № 1 древнего Мерва (рис. 175).

Мервские и термезские здания двухэтажные. Ранее, в VI—VII веках, в связи с суровыми условиями жизни, жилые помещения перемещались из цоколя на верхнюю площадку. Позже, в XI—XII веках, происходит обратный процесс. Усиление чувства политической безопасности позволяло жилые комнаты переносить в цоколь здания, сохраняя их и во втором

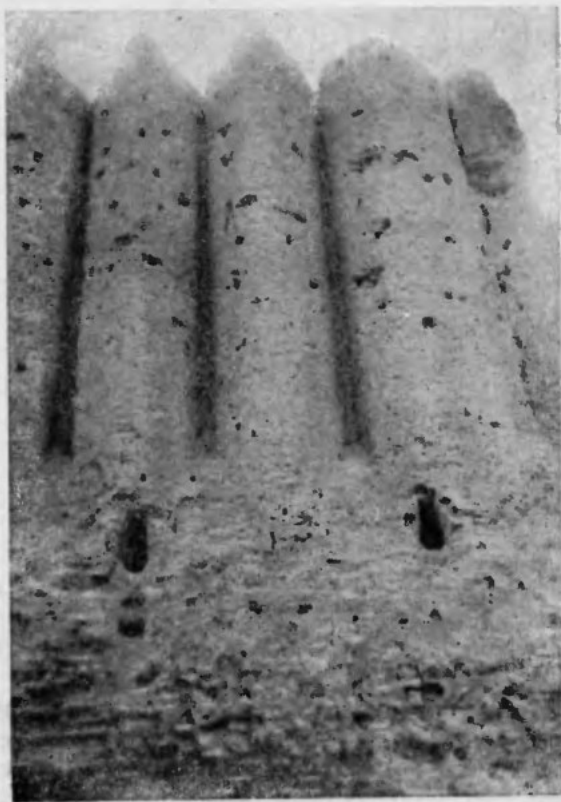

Рис. 177. Часть наружной стены жилого дома № 5 древнего Мерва

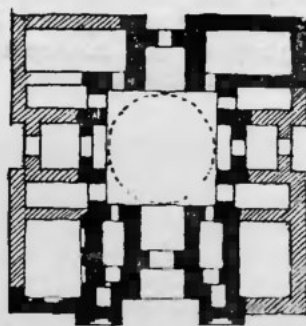

Рис. 178. План общежития-ханака при некрополе Султан-Саадат близ древнего Термеза

ярусе. Сообщение между этажами осуществлялось пандусом или лестницей в одном из угловых помещений [34].

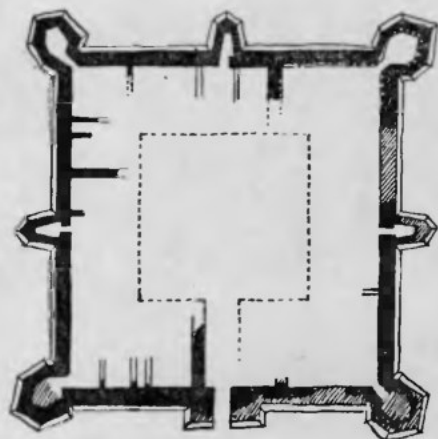

Рис. 179. План жилого дома усадьбы № II в районе Кават-кала древнего Хорезма

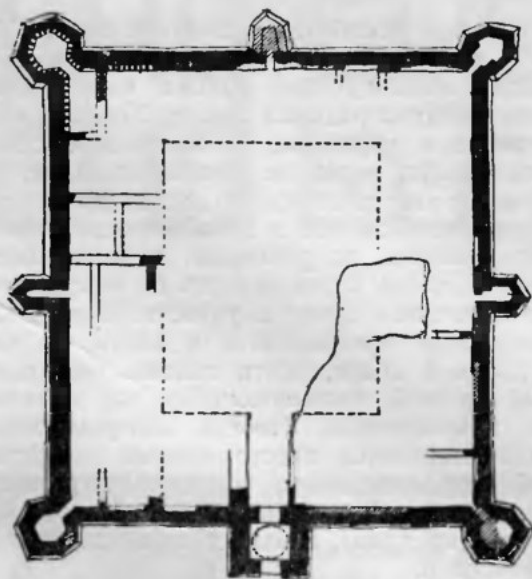

Рис. 180. План жилого дома усадьбы № III в районе Кават-кала

Прием планировки дома с центральным купольным помещением и расположенными вокруг него комнатами, группирующимися по двум перпендикулярным осям, постепенно закреплялось за одним из типов среднеазиатского жилого дома — общежитием-ханака. Примером может служить хотя бы ханака при некрополе Султан-Саадат в районе древнего Термеза (рис. 178). Центральное помещение предназначалось для общественных собраний и устройства праздничных трапез. Две взаимно перпендикулярные оси подчеркнуты специальными входными помещениями, по углам

симметрично расположены большие и малые жилые комнаты. В архитектуре ханака при комплексе Султан-Саадат намечился и новый мотив — развитой входной портал-пиштак, выделяющий главный фасад здания [35].

Прием плана с центральным купольным помещением, двумя парами входных помещений, расположенных на взаимно перпендикулярных осях, и угловыми комнатами-худжрами, расположенными обычно в двух ярусах, нашел свое продолжение и развитие в ханака XVI—XVII веков, преимущественно в Бухаре, ставшей к этому времени политическим и куль-

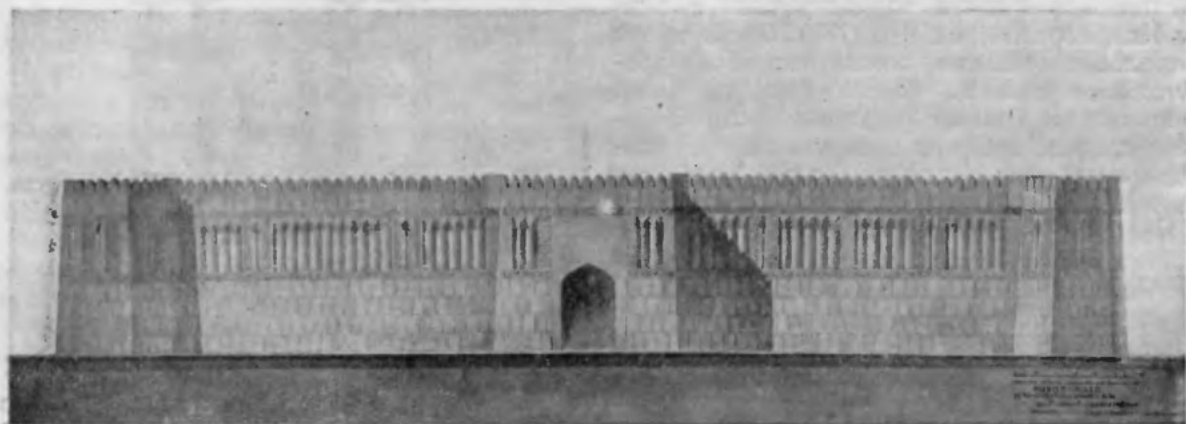

Рис. 181. Главный фасад жилого дома усадьбы № III (реконструкция)

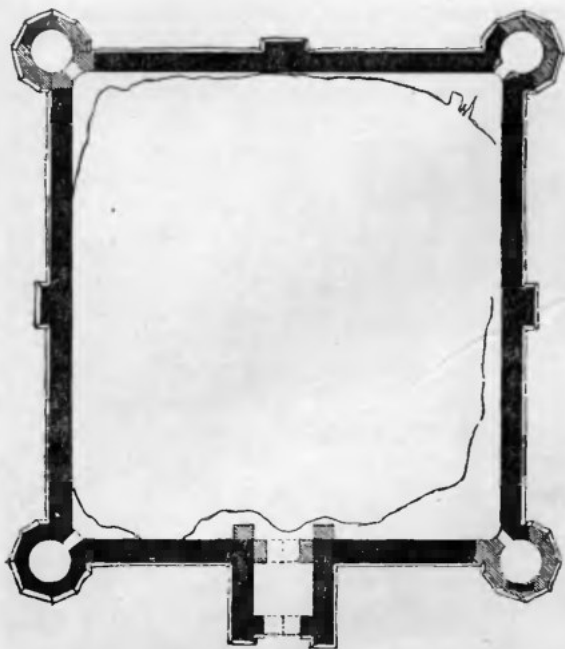

Рис. 182. План жилого дома усадьбы № IV в районе Кават-кала

турным центром Средней Азии и законодательницей архитектурных вкусов.

Наряду с принципом сплошной застройки в жилых сооружениях был развит прием обстройки комнатами открытых дворов. Его наглядным примером служат жилые дома-замки № I—IV района-рустака Кават-кала (рис. 179, 180, 181, 182, 184) и здание № 4 (большая Кыз-кала) древнего Мерва (рис. 183, 185). Здесь хорошо сохранились лишь

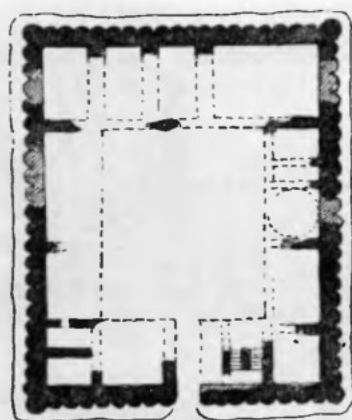

Рис. 183. План жилого дома № 4 (большая Кыз-кала) древнего Мерва

наружные стены. Строения внутри стен, видимо, исполненные не столь основательно, разрушены и почти стерты с лица земли.

Для того чтобы представить достаточно ясно характер внутренней застройки, обратимся к другим сооружениям, близким по типу и лучше сохранившимся. Это — небольшая крепость-форпост средневекового Хорезма Дэу-кала, вынесенная в пески Кара-Кум (рис. 186). Она сложена из дикого камня. Ясно прослеживаются стены внутренних построек. Основная часть помещений сходна с планом рядовых домов оазиса Кават-кала, упоминавшихся выше.

Более сложную картину представляет позднейшая хорезмская крепость Ильгельды (рис. 187). Ее внутреннее пространство делит-

Рис. 184. Общий вид жилого дома усадьбы № IV в районе Кават-кала

Рис. 185. Общий вид жилого дома № 4 древнего Мерва

ся на жилой и хозяйственный дворы, а в жилой части, в свою очередь, отделен чистый двор от служебного [36].

Замок-жилище хорезмшахского периода подобен монументальным караван-сараям, которые в этот период интенсивной торговой деятельности воздвигались в самых различных пунктах Средней Азии на больших торговых путях. В принципах построения плана, архитектурной композиции и декора они сходны с такими сооружениями, как замок № III (Кават-кала) и др.

Возьмем, например, два караван-сарая XII века — Дая-хатын (на большой караванной дороге из Хорезма в Хорасан и Мавераннахр вдоль берега Аму-Дарьи) (рис. 188) и Рабад-и-Малик (на дороге между Бухарой и Самаркандом). Их план представляет прямоугольный открытый двор, обстроенный помещениями и окруженный стенами с угловыми и средними башнями. В хорошо сохранившемся плане Дая-хатын намечаются особенности, получившие уточнение и развитие в последующую тимуридовскую эпоху. Две взаимно перпендикулярные оси, на которых снаружи

размещаются средние башни и входная арка, во внутреннем дворе также отмечены выступами и арками как в плане, так и в архитектурно-пространственном построении двора.

* * *

Примерно то значение, которое в афригидское время имел кёшк, в хорезмшахское время перешло к каптар-хана [37]. Это — одноили двухэтажное сооружение обычно вытянутой формы в плане. Внутренние стены сплошь покрыты небольшими нишками. Повидимому, каптар-хана — главное, может быть, парадное жилое помещение, одновременно использующееся как хранилище наиболее ценных хозяйственно-бытовых предметов, о чем свидетельствуют результаты раскопок (рис. 189).

Их различие наиболее ярко подчеркивает различие этих двух эпох. Афригидский кёшк прежде всего — главное хозяйственно-жилое сооружение, но вместе с тем он сильно укреплен. Это обстоятельство отражается на его плане и внешнем виде. Он расположен внутри укрепленных стен, массивен, поднят на стилобат и компактен в плане.

Хорезмшахская каптар-хана — также главное хозяйственно-жилое помещение, но надобность в военной защите отпала, и поэтому она выносится часто за пределы замка. Остаются все же признаки, связывающие эти два типа зданий. Внутри каждого замка есть каптар-хана, и помещается она обязательно в башне, преимущественно угловой. Это — воспоминание о башне кёшка. Если каптар-хана выносится за пределы замка, то она обычно устраивается двухэтажной, чтобы главенствовать по высоте над окружающими одноэтажными постройками.

Каптар-хана строилась более прочно и солидно, чем остальные строения, подобно тому, как кёшк-донжон был массивнее окружающих его построек (поэтому почти все каптар-ханы дошли до нашего времени, а обычные жилища разрушены).

Стены каптар-ханы, как и кёшка, украшались полуколоннами, самое здание было вытянуто (рис. 190, 191, 192). Здесь сказывается влияние хорезмшахских замков, а одинаковая ширина каптар-ханы во всех усадьбах, видимо, объясняется техническими возможностями простейшего деревянного перекрытия.

Нишки внутри помещений — декоративная интерпретация ниш, имевших утилитарное значение (рис. 193, 194). Такие нишки сохранились в среднеазиатских домах до последнего времени. Декоративное значение нишек, являющихся своеобразным приемом украшения стен парадных комнат, подтверждают свидетельства современников. Например, Ибн-Батута, посетивший Ургенч в 1333 го-

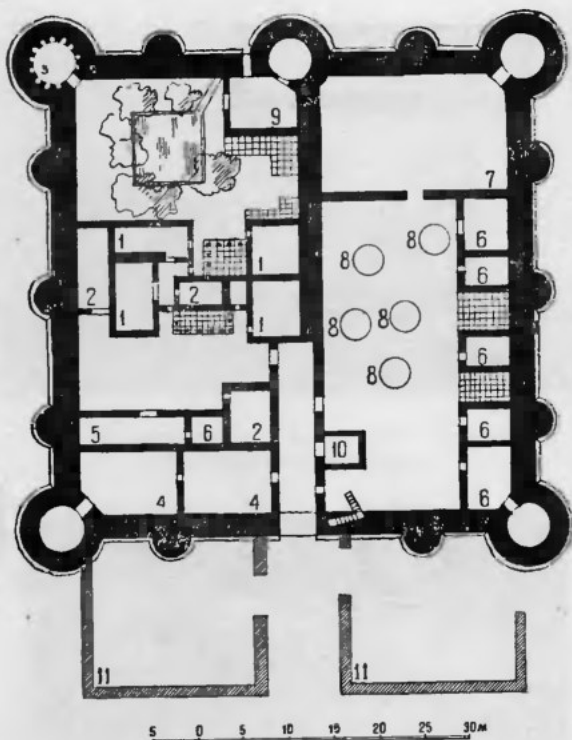

Рис. 187. План жилого дома хорезмской усадьбы Ильгельды:

- 1) жилые комнаты, 2) кладовая, 3) каптар-хана, 4) хлев, 5) канюшня, 6) помещения слуг, 7) склад хлеба, 8) юрты во внутреннем дворе, 9) мельница, 10) уборная 11) загон для скота

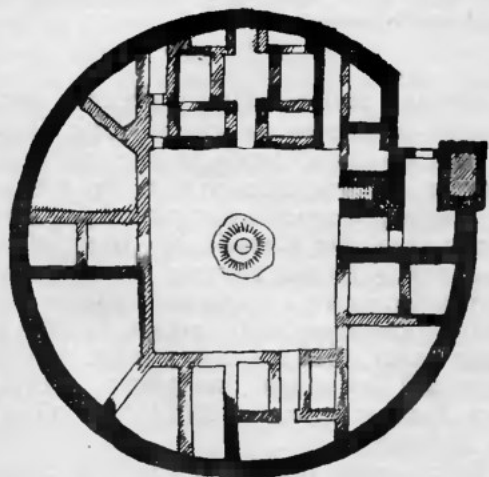

Рис. 186. План пограничной крепости древнего Хорезма Дэу-кала

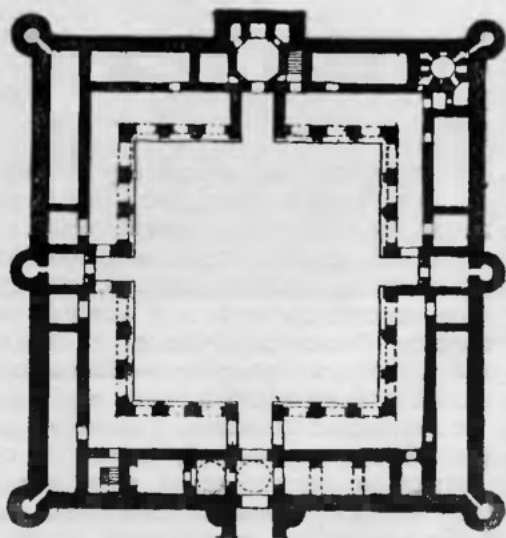

Рис. 188. План караван-сарая Дая-хатын (древний Хорезм)

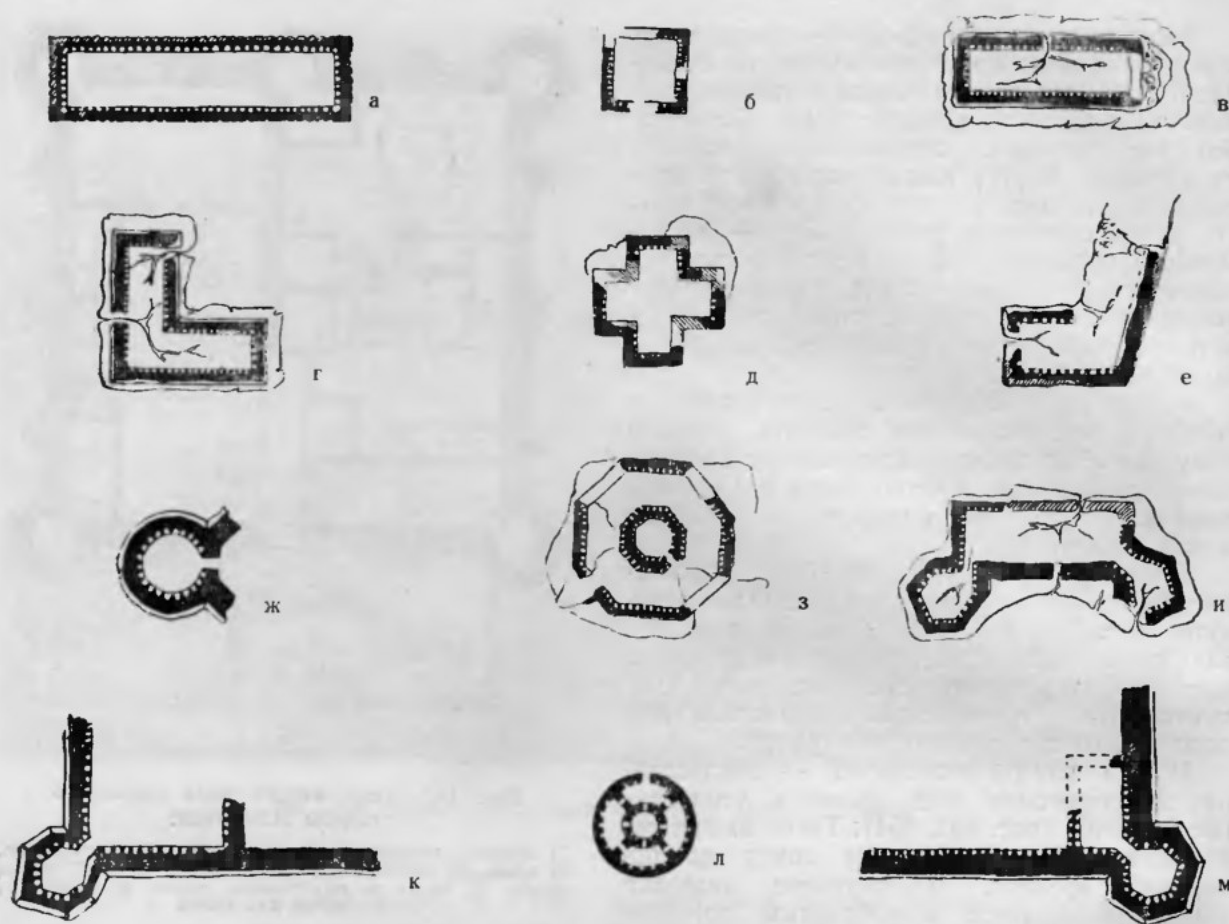

Рис. 189. План помещения каптар-хана:

а) в жилой усадьбе № III района Кават-кала; б) в жилой усадьбе Ильялы в древнем Хорезме; в) в жилой усадьбе № 79 района Кават-кала; г) в жилой усадьбе № 78 района Кават-кала; д) в жилой усадьбе близ Кюнерли-кала в древнем Хорезме; е) в жилой усадьбе № 13 района Кават-кала; ж) в хорезмской усадьбе Ильгельды; з) близ Кызылчи-кала в древнем Хорезме; и) в жилой усадьбе № 22 района Кават-кала; к) при жилом доме усадьбы № II района Кават-Кала; л) близ города Исфагана; м) при жилом доме усадьбы № III района Кават-кала

ду, описывает приемную комнату богатого горожанина в таких выражениях: «Вошел я с ним в его приемную, одну из прекраснейших приемных, в ней были разостланы великолепные ковры, стены ее убраны тканями, по стенам большое количество ниш, и в каждой из них поставлены были серебряные с позолотой сосуды и сосуды иранские — таков обычай у жителей этой страны украшать свой дом» [38]. Это свидетельство позволяет реконструировать внутренний вид помещений, известных сейчас под названием «каптар-хана», и решает недоуменные вопросы, возникавшие в связи с определением назначения этих зданий и ниш.

На парадный характер этих зданий указывает еще и стремление украсить их снаружи

по образцу жилых замков знатных феодалов. Приемы обработки наружных стен Каптар-хана разнообразны. Если здание прямоугольно в плане или изогнуто углом, его стены иной раз имеют гофрированную разделку (например, каптар-хана при усадьбе № III в районе Кават-кала); в других случаях каптар-хана снабжается башнями по образцу башен крупных замков (например, каптар-хана № 22 в районе Кават-кала), или все сооружение приобретает башенный характер (например, каптар-хана близ Кызылчи-кала и Кюнерли-кала в древнем Хорезме).

Такого рода парадные комнаты с внутренними стенами, украшенными сплошь нишками, бывали и в крупных жилых замках (напри-

мер, № I, II, III оазиса Кават-кала), обычно в одной из угловых башен.

Традиция украшать одну из угловых башен нишками пережиточно сохранилась и в дальнейшем, когда бытовое значение этого приема было забыто. Нишки часто использовались птицами (главным образом голубями) для устройства гнезд, отчего и самые здания получили свое нынешнее название каптар-хана, что значит голубятня. Примерами могут служить угловые башни Ильгельды в Хорезме и др. [39].

В более позднем жилом доме Средней Азии с каптар-хана в ее бытовом значении можно сравнить михман-хана — комнату для приема гостей, обычно богато украшенную и иной раз расположенную во втором этаже, т. е. выделенную из всех остальных комнат жилого дома.

* * *

Такова планировка больших феодальных усадеб хорезмшахского периода. По сравнению с предшествующим афритидо-сасанидским временем произошли значительные изменения. Кёшк переоформляется в каптар-хана, его планировка упрощается. Происходит изменение назначения помещений. Каптар-хана становится одной из рядовых комнат; рядовые комнаты вокруг открытого двора становятся главными. Вместо сплошного массива смежных комнат выдвигается иной тип здания — замок с открытым двором, обстроенный жилыми и хозяйственными помещениями.

Наряду с этим, в мелких хорезмшахских усадьбах сохраняется старый тип, т. е. жилая группа из нескольких помещений под одной крышей; только во внутренней планировке намечаются изменения, вызванные новыми жизненными условиями.

Внутренняя планировка мелкой хорезмшахской усадьбы приспособляется к потребностям небольшой семейной группы; отпадает нужда в строгой симметрической планировке с выделением центрального помещения. Общей осью служит соединительный коридор, откуда можно попасть в комнаты. Если в прошлую эпоху дома-усадьбы (оазис Беркут-кала) были тождественны по плану и различались лишь по величине, то теперь (оазис Кават-кала) дома-усадьбы крупных землевладельцев и торговцев отличны и по планировке и по величине, хотя отдельные элементы жилища повторяются и тут и там. Например, каптар-хана в различных видоиз-

12*

Рис. 190. Каптар-хана близ малого Гульдурсуна (древний Хорезм)

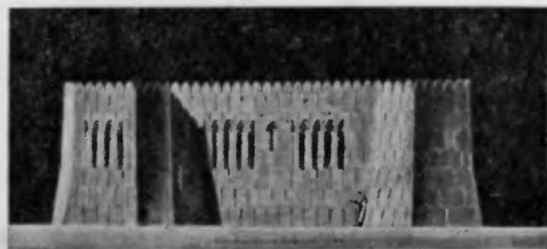

Рис. 191. Главный фасад каптар-хана усадьбы № 22 района Кават-кала (реконструкция)

Рис. 192. Декоративная обработка стены главного фасада каптар-хана усадьбы № III района Кават-кала

менениях имеется во многих домах, видимо, являясь признаком зажиточности и солидности.

Прием планировки жилого сооружения с обстроенным открытым двором широко распространяется в Средней Азии. В окрестно-

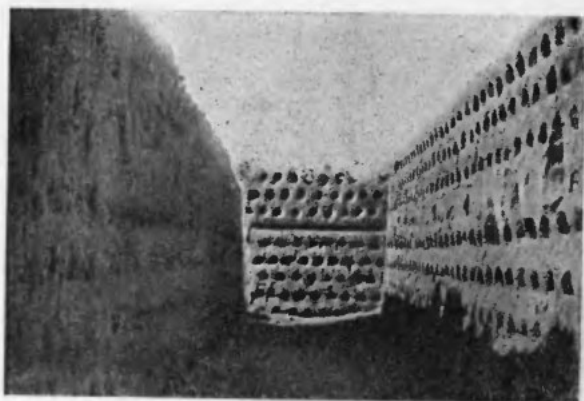

Рис. 193. Обработка декоративными нишками внутренних стен каптар-хана усадьбы № III района Кават-кала

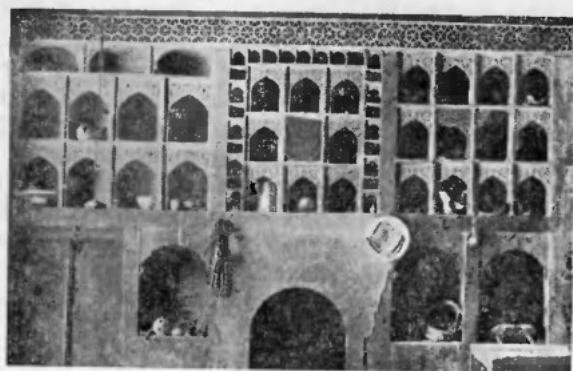

Рис. 194. Обработка декоративными нишками внутренних стен жилого дома в Маргелане

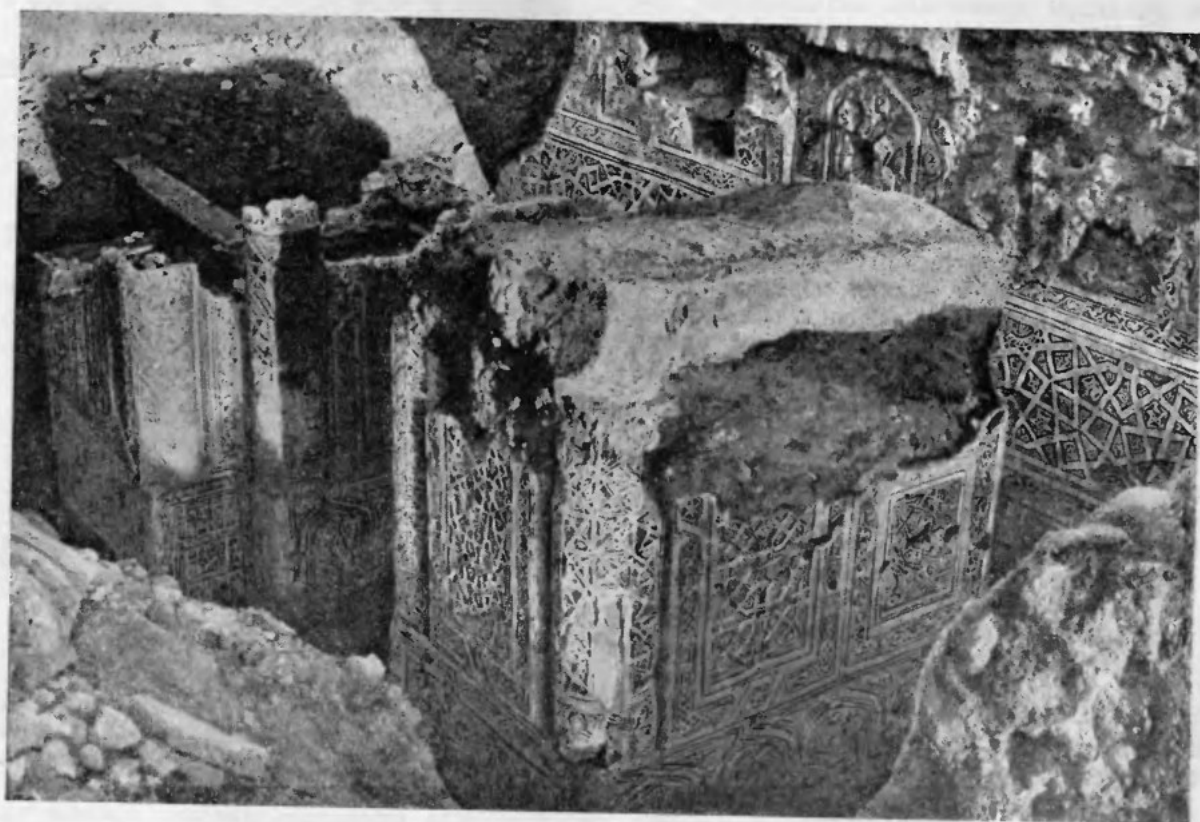

Рис. 195. Орнаментированные пилоны приемного зала загородного дворца в древнем Термезе

стях древнего Мерва, наряду с жилищем-замком, представлявшим собой один массив под общей крышей (например, здание № 1 или малая Кыз-кала), существуют одновременно здания с открытым обстроенным двором (например, большая Кыз-кала). В комплексе термезского дворца, примерно в этот же период (XI—XII вв.), возникает здание № 2 — приемный зал, представляющий собой обширный прямоугольный двор, окруженный со всех сторон помещениями, с тронным залом по главной оси (рис. 195, 196).

VII. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих домонгольского периода

В те четыре столетия (VIII в. — начало XIII в.), которые лежат между арабским завоеванием и монгольским нашествием, выработались и утвердились архитектурно-планировочные приемы, существенно не изменявшиеся и в последующее время. «В XI веке, при караханидах, — говорит В. Бартольд, — завершился намечавшийся со времени арабского завоевания процесс перехода жизни из старых шахристанов в пригороды, где находились базары, обращение прежних городов в предместья и предместий в города»^[40].

Расположенные в рабаде, в районе базара, кварталы-махалля были заселены ремесленниками какой-либо одной специальности. Здесь они жили, работали, здесь же и сбывали свой товар.

Отдельные участки главных улиц разделялись купольными сооружениями — торговыми пассажами — на перекрестках. Каждый отрезок был специализирован по видам ремесла и торговли. Время от времени улица расширялась, образуя подобие площади перед двумя стоящими напротив общественно-культурными зданиями. Эта парная постановка монументальных зданий — обычный прием в городах Средней Азии. Начиная с XII—XIV веков, его можно встретить и в Термезе, и в Самарканде, и в Бухаре, и в Хиве, и в других городах. При таком расположении монументальных сооружений четко выявляется принцип выделения главных фасадов, наиболее украшенных. Поставленные друг против друга два портала-пиштака этих зданий превращали участок улицы в небольшую городскую площадь.

В среднеазиатском городе в большинстве случаев площадь была простым расшире-

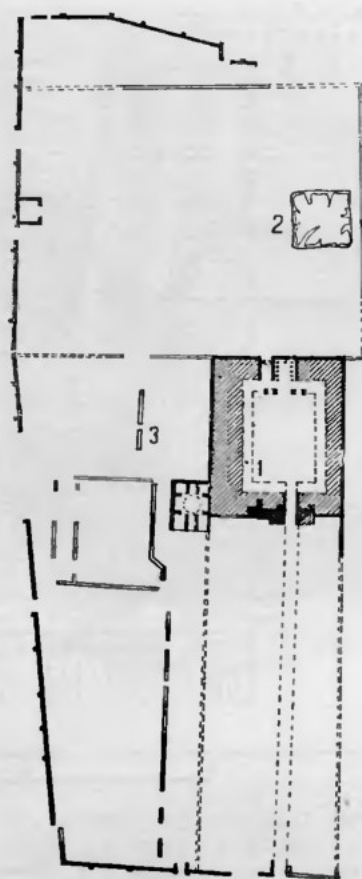

Рис. 196. Схематический план загородного дворца в древнем Термезе:

- 1) парадное здание и приемный зал,
- 2) руины старого дворца,
- 3) жилые и хозяйственные помещения

нием улицы. Даже при развитой площади ее пространство не имело самостоятельного значения. Началом, формирующим центральный городской ансамбль, было монументальное сооружение (или их группа), ради которого вся эта площадь существовала. Но наряду с открытыми площадями устраивались и замкнутые, повторявшие своим построением внутренние дворы общественных и культовых зданий.

Города домонгольской эпохи нуждались в запасах воды, иной раз доставляемой на территорию города при помощи искусственных сооружений. Крупные хаузы с водой составляли неотъемлемую часть городского пейзажа.

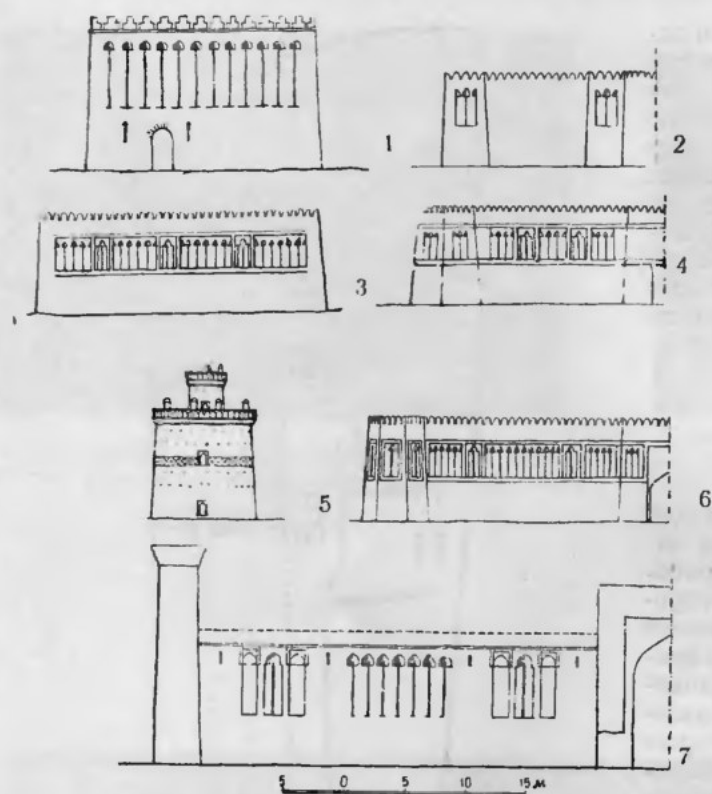

Рис. 197. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений полуколоннами:

1) схема фасада жилого дома № 5 в районе древнего Мерва (реконструкция), 2) схема фасада жилого дома усадьбы Буран-кала в древнем Хорезме (реконструкция), 3) схема главного фасада калтар-хана при усадьбе № III района Кават-кала (реконструкция), 4) схема главного фасада жилого дома усадьбы № III района Кават-кала (реконструкция), 5) схема фасада калтар-хана близ Исфагани, 6) схема главного фасада жилого дома усадьбы № III района Кават-кала, 7) схема главного фасада каравансарая Рабад-и-малик

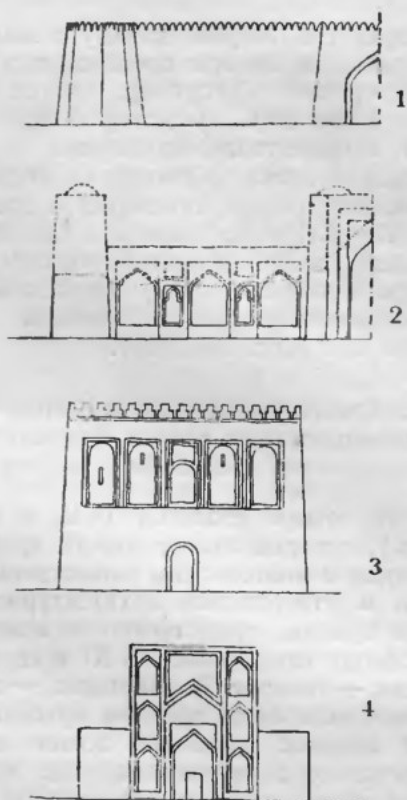

Рис. 198. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений аркадами:

1) схема главного фасада жилого дома усадьбы № IV района Кават-кала (реконструкция), 2) схема главного фасада каравансарая Даяхатын (реконструкция), 3) схема фасада жилого дома № 1 в районе древнего Мерва (реконструкция), 4) схема главного фасада общины-ханака при некрополе Султан-Саадат близ древнего Термеза (реконструкция)

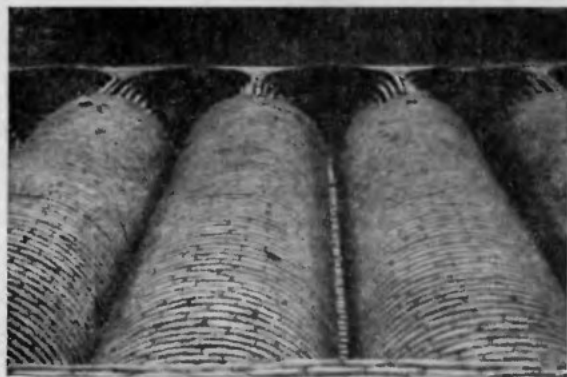

Рис. 199. Мотив полуколонн наружной стены каравансарая Рабад-и-малик

Рис. 200. Мотив декоративной арки наружной стены каравансарая Дая-Хатын

Вспомним хотя бы бухарский Ляби-хауз, остатки крупных хаузов на территории Афрасиаба, обширные хаузы у ворот шахристана Исфиджаба (Сайрама), сохранившиеся до нашего времени, и т. д.

Эти планировочно-композиционные черты можно найти в каждом из домонгольских городов Средней Азии. Но, наряду с общим для всех колоритом, города сохраняют свои индивидуальные черты.

Далеко не все крупные города сохранились в одинаковой степени. Только часть из них дошла до нашего времени. Позднейшее строительство наслаивалось на предшествовавшее, меняя облик города. Часть городов сравнялась с землей, и лишь незначительные остатки сооружений говорят о былом величии и значении города.

Сличая сохранившиеся городища, разгадывая черты старых традиций в современном строительстве, вчитываясь в письменные свидетельства современников, мы восстанавливаем своеобразие лица каждого города, выясняем типовые черты, позволяющие говорить о сложившихся своеобразных архитектурно-планировочных приемах Средней Азии домонгольского периода, на основе которых развернулось в последующее время строительство при тимуридах и шейбанидах.

* * *

Два основных приема обработки стенной поверхности жилых и общественных зданий — полуколоннами (рис. 197) и арочный (рис. 198), оформившиеся в предыдущий доарабский период, продолжают существовать и позже. Эту преемственность особенно ярко можно проследить в монументальной жилой архитектуре Хорезма. Но эти приемы уже оторваны от утилитарно-строительной основы и носят скорее образно-декоративный характер.

Вместо кирпича в хорезмшахских постройках употреблялись исключительно глинобитные блоки-пахса, из которых и выкладывались стены. Пахсовая стена — более податливый материал — дает больше возможностей для осуществления декоративной обработки сложного и разнообразного рисунка. При обработке стен полуколоннами их пропорции вытягиваются, в связи с чем они теряют свою массивность и структурность и уже не могут служить целям увеличения устойчивости стены, а скорее наоборот, ослабляют ее, так как полуколонны вырезаются в ее толще. Венчающие арочки остаются, но для пахсовых блоков они потеря-

Рис. 201. Угловая башня жилой усадьбы Наиб-кала (древний Хорезм)

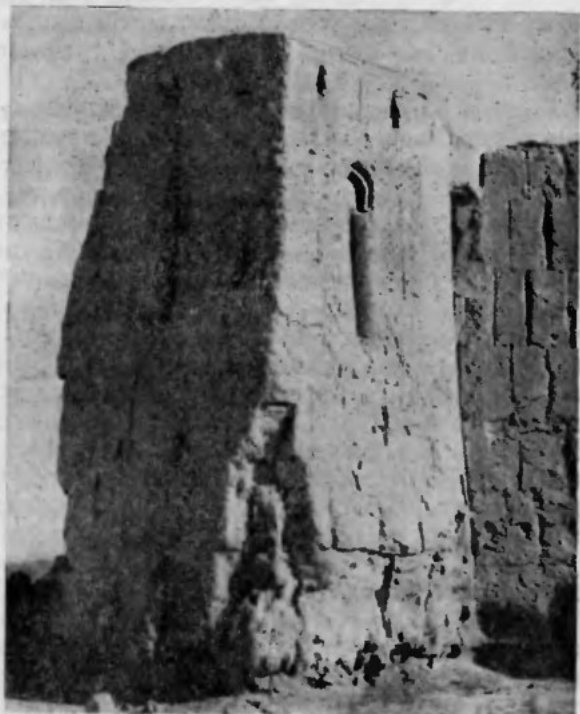

Рис. 202. Угловая башня жилого дома-усадьбы № III района Кават-кала

ли всякое конструктивное значение и остались как архитектурный мотив.

Боевые устройства — башни, зубцы стен, угловые смотровые башенки — постепенно теряли оборонительное значение. Башни были узки, не могли вместить достаточного количества бойцов и были неудобны для боевых действий; бойницы превращались в щелеобразные углубления. За всеми этими формами оставалась лишь архитектурно-декоративная роль. Своим присутствием они выделяли замок, жилище феодала среди жилищ рядового населения.

В архитектуре замков появляется фасадность. Полуколонны и орнамент покрывают лишь стену главного входа, остальные три стены остаются без украшений. Подчеркивается вход, который раньше, в афригидских замках, затушевывался. Теперь центральная входная башня значительно выступает вперед (например, замки № III и IV в районе Кават-кала). Это — прообраз будущего портал-пиштак тимуридовской эпохи. Выделение главного фасада осуществляется по-разному, например, в замке № II — путем гофрировки и орнаментации, в замке № IV — путем выделения башни главного входа. В замке № III, наиболее хорошо сохранившемся, использованы оба эти элемента — и декорировка орнаментом с полуколоннами, и выделение башни главного входа.

То, что элементы, в прошлом утилитарно-функциональные (бойница, зубчатый парапет, гофрированная обработка стен), в хорезмшахский период имели исключительно архитектурно-декоративный характер, доказывается их применением в сооружениях, совершенно не имеющих оборонительно-защитных функций, а именно — в каптар-хана. Например, наружные стены каптар-хана в усадьбе замка № III обработаны точно такими же полуколоннами, чередующимися с орнаментированными ложными бойницами, как и стены самого замка. Каптар-хана № 22 (район замка № II) имеет по углам два башнеобразных выступа, подражающих угловым башням замка. Ее средняя часть обработана полуколоннами. Строитель, применяя здесь элементы, принадлежащие укрепленному замку, хотел в символической и образной форме выразить идею значительности и доброкачественности здания типа каптар-хана, выделить его среди рядовых жилищ и хозяйственных построек.

Замок № III Кават-кала с наибольшей полнотой и законченностью характеризует феодальное жилище-усадьбу крупного землевла-

дельца хорезмшахского периода. Его архитектурные формы и декор исходят из сооружений предшествующей афригидской эпохи. Архитектура Тёшик-кала и Якке-парсана, с одной стороны, и замка № III, с другой, является исходным и конечным пунктом длительного творческого процесса, продолжавшегося несколько столетий.

Промежуточные этапы этой эволюции характеризуют такие сооружения, как жилые крепости Наиб-кала или Буран-кала № I (Хорезм), стоящие на грани афригидо-саманидского и хорезмшахского периодов. По своему плану они отошли от афригидских сооружений и целиком относятся к раннемусульманскому периоду Средней Азии, но в общем архитектурном облике еще несут значительные следы предшествующей эпохи. Их план представляет карре из стен, имеющих башни по углам и в центре каждой стены. Внутренний двор, видимо, был застроен по границам жилыми зданиями, до нас не дошедшими. Стены гладкие, башни украшены полуколоннами с арочными завершениями. Орнамент отсутствует.

Для сооружений типа Наиб-кала (рис. 201) характерны следующие признаки: в них еще не выделен главный фасад; все четыре стороны равномерно насыщены архитектурными деталями; входная башня, судя по остаткам фундамента, не выделялась среди остальных. Полуколоннами обработаны только башни; стены совершенно гладкие. В этом нельзя не видеть отражения предшествующей эпохи, когда полуколоннами обрабатывалась только башня-кёшк. Наряду с этим уже намечаются вытянутые пропорции полуколонн и стрельчатая форма венчающих арок, что характерно для будущего хорезмшахского периода. Все сооружение исполнено из пахсовых блоков. Кирпич, как правило, не применяется.

К Буран-кала № I можно полностью отнести замечания, сделанные по Наиб-кала, с тем только дополнением, что в Буран-кала намечается новый мотив, роднящий ее с хорезмшахской эпохой: отличие формы средних башен от угловых. Это уже отход от равномерности и точной повторяемости основных элементов здания, характерный для предшествующего периода, и первый шаг в направлении к тому разнообразию форм, которое нашло свое наиболее яркое выражение в архитектуре замка № III^[41].

Замок № III Кават-кала (рис. 202) близок и по плану и по архитектурной обработке стен каравансараям того времени, например,

Дая-хатын в древнем Хорезме по берегу Аму-Дарьи и Рабад-и-малик на пути из Бухары в Самарканд. И тут и там ясно выражена фасадность путем декорирования только главной стены и выделения входа аркой-пиштаком.

Имеются иногда некоторые принципиальные различия в мотивах архитектурного декора. В Рабад-и-малик применяются полуколонны, увенчанные арочками, и ложные бойницы двух типов (рис. 199). В Дая-хатын при сохранении общей композиции стены мотив полуколонн полностью заменяется куфической гео-

метризированной надписью, а ложные бойницы — орнаментальной выкладкой из кирпича плоских стрельчатых арок (рис. 200).

Каравансарай Рабад-и-малик в архитектурной обработке стен продолжает и развивает линию декоративно-структурную. Дая-хатын продолжает и углубляет линию декоративно-орнаментальную.

В дальнейшем именно эта декоративно-орнаментальная линия получила свое развитие и завершение в монументальных постройках тимуридов и шейбанидов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «История СССР», составленная коллективом научных сотрудников Института истории материальной культуры Академии наук СССР. 1939. II.
2. Умняков И. К вопросу об исторической топографии Бухары («Сборник в честь Шмидта», Тшк., 1923).
3. Шишкин В. Старая Бухара, 1935.
4. Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб, 1900, II.
5. Там же.
6. Шишкин В. Старая Бухара.
7. Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926.
8. Якубовский А. Археологическое изучение Самарканда («Труды отдела Востока Эрмитажа». Л., 1940, II).
9. Beaudouin E. and Pope A. — City plans (A survey of persian art, II, 1938).
10. Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда.
11. Шишкин В. К исторической топографии старого Термеза («Труды Узфан», серия I, вып. II, Тшк., 1941).
12. Там же.
13. Там же.
14. Якубовский А. Развалины Ургенча. Л., 1930.
15. Якубовский А. Городище Миздахкан («Записки коллеги востоковедов», V).
16. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
17. Там же.
18. Бернштам А. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
19. Там же.
20. Бартольд В. История культурной жизни Туркестана. Л., изд-во Академии наук СССР, 1927.
21. Якубовский А. Развалины Сыгнака («Сборник Российской Академии истории материальной культуры», II).
22. Там же.
23. Бернштам А. Памятники старины Таласской долины.
24. Якубовский А. Зерафшанская экспедиция 1934 г. («Труды отдела Востока Эрмитажа». 1940, II).
25. Калаур В. Древние местности Аулие-Атинского уезда («Протоколы туркестанского кружка любителей археологии». Тшк., 1909).
26. Зерафшанская экспедиция, 1934 г.
27. Толстов С. Древности верхнего Хорезма («Вестник древней истории», 1940, I).
28. Толстов С. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма («Вестник древней истории», 1946, I).
29. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., Академия наук СССР, 1939.
30. Толстов С. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма.
31. Там же.
32. Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1—2. Атлас. М., 1802.
33. Толстов С. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма.
34. Жуковский В. Развалины старого Мерва. СПб, 1894.
35. Засыпкин Б. Памятники архитектуры Термезского района («Культура Востока», М., 1928, II).
36. Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1—2. Атлас.
37. Каптар-хана — условное название специального помещения, имеющегося почти в каждой хорезмской усадьбе исследуемого времени.
38. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I. СПб, 1884.
39. Coste P. Monuments modernes de la Perse. Paris. 1847.
40. Бартольд В. История Туркестана. Тшк., 1922.
41. Крепости обследованы хорезмской экспедицией Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР в 1940 г.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА ТИМУРИДОВ И ШЕЙБАНИДОВ

1. Тимуридовский Самарканд

В начале XIII века Средняя Азия пережила катастрофу, приостановившую на некоторое время развитие ее культурной жизни, — монгольское нашествие.

Страна была разграблена, города и селения уничтожены. В 1220 году пали под ударами монголов Бухара и Ургенч, в 1221 году — Балх и Газни.

Но, разрушив города, оказавшие сопротивление, завоеватели не препятствовали их восстановлению. На развалинах старых строений возникали новые. Приводились в порядок дороги и мосты.

Завоеватели-кочевники сначала держались обособленно от завоеванных ими городских центров и оседлого населения. Постепенно, в связи с развитием производительных сил, монгольская знать порывала с кочевым укладом и сливалась с местной феодальной верхушкой.

Переход на городское положение монголов-завоевателей усиливал значение и роль городов.

В середине XIV века происходит процесс преодоления феодальной раздробленности. Городское купечество, большинство крупных землевладельцев, участвовавших в торговых прибылях, равно как и ремесленники, каждый по-своему были заинтересованы в создании сильной власти, могущей обезопасить торговлю от разбойничьих нападений и самоуправства феодальных владетелей. На месте отдельных самостоятельных владений феодалов-эмиров и беков возникло сильное государство Тимура.

Оно не было прочным национально-политическим образованием, а всего лишь случайным объединением знати различных, преимущественно кочевых, племен.

Возглавляемая Тимуром феодальная знать за счет завоевания и разграбления соседних стран строила благополучие и процветание тех областей, которые Тимур считал основой своего могущества. Это был главным образом

Мавераннахр со столицей Самаркандом и родной Тимура — Шахризямом.

Эти области заселялись земледельческим населением, здесь восстанавливалась ирригационная система, запущенная в период феодальных усобиц, осваивались и орошались новые территории, вводились новые земледельческие культуры, основывались новые поселения, которым присваивалось наименование наиболее известных городов (Багдад, Султания, Шираз).

Искусственный экономический и культурный подъем за счет ограбления соседних стран сказался на благополучии городов. Большое строительство велось в тимуровской столице Самарканде и на его родине в Шахризяме. Лучшими мастерами, частично вывезенными из завоеванных стран, возводятся монументальные грандиозные дворцовые и культовые постройки, долженствующие утвердить в веках славу завоевателя. Энергичные меры принимались для превращения Самарканда в мировой торгово-ремесленный центр.

* * *

Еще в саманидское время Самарканд переживал расцвет наряду со столичной Бухарой. Тесными становились границы шахристана, расположенного на Афрасиабской возвышенности. Город расширялся на юг; его торгово-ремесленная жизнь переносилась с холмов в долину будущего тимуровского Самарканда, поближе к месту пересечения главнейших торговых дорог из Бухары в Фергану и Шахризям. Узел их пересечения постепенно становился центром пригорода-рабада. Сюда ремесло и торговля притягивали больше населения, чем старый отмирающий административный центр — шахристан (рис. 203, 204, 205).

Тимур перенесением города с высот Афрасиаба только завершил происходивший до него процесс превращения архаического шахристана в широко раскинувшийся город нового типа.

Он проявил большую энергию в обстройке и украшении города. Сюда направлялись мастера и ремесленники из завоеванных земель. «Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город, как мужчин, так и женщин, что всего, говорят, было более полутораста тысяч человек», свидетельствует очевидец, испанский посол ко двору Тимура Рюи Гонзалес де-Клавихо [1].

Известен приказ Тимура после уничтожения Ургенча «перевести в Самарканд все население, — жителей города и области, — а город Хорезм (Ургенч), совершенно разрушив, засеять ячменем».

Через семь лет, в 1395 году, такому же разгрому и опустошению был подвергнут город Сарай-Берке, столица Золотой орды, с отправкой ремесленников в Самарканд. Сюда же Тимур переселил в принудительном порядке тысячи ремесленников вместе с их семьями из Хорезма, Золотой орды, Хорасана, Азербайджана, Армении, Фарса, Кермана, Месопотамии и других завоеванных им областей и государств.

«Ремесленникам и жителям городов не была обеспечена оседлость», замечает по этому поводу Хамдалах-Казвини — иранский автор первой половины XIV века. Деспотической власти феодального монарха не было пределов. «Царь (Тимур) так хотел возвеличить этот город (Самарканд), — отмечает Клавихо, — что какие страны он ни завоевывал, ни покорял, отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестную землю. Особенно старался он собирать мастеров по разным ремеслам». Понятным становится замечание того же Гонзалеса де-Клавихо о том, что в Самарканде «...народу было столько, что он не мог поместиться ни в городе, ни на площадях, ни на улицах. И даже вне города под деревьями и в пещерах его было удивительно как много» [2].

Эта необычайная концентрация населения в Самарканде была отчасти вызвана крупными строительными работами. В них участвовало огромное количество людей. Вместе с тем, усиливалась производственная база города. Ремесленная промышленность поднималась на большую высоту. Клавихо отмечает, что богатства Самарканда заключаются не только в продовольствии, но и в развитии ремесел. При Тимуре Самарканд превратился в крупнейший ремесленный центр Средней Азии, сохранив надолго это свое значение.

Рис. 203. Схема плана Самарканда

Наименование крепостных ворот:

- 1) Чор-су, или Бухарские, 2) Кореэнох, 3) Сузангаранские, 4) Фируза, 5) Ахани, 6) Хайрабат

Для тимуровских времен характерна узкая специализация ремесленных профессий, получившая свое отражение в планировке города. «Каждый вид ремесла имеет свой особый базар», отмечает султан Бабур, описывая Самарканд XV века. В жилом районе города целые кварталы заселялись группами ремесленников одной специальности. Узкая специализация особо распространялась на продукцию, выпускавшуюся на широкий рынок. Здесь, несомненно, проявлялось стремление к увеличению производительности труда в связи с требованиями обширного рынка со стороны купцов, державших в своих руках как местную, так и караванную торговлю [3].

Значительная часть ремесленников работала на рынок, но некоторые, особенно насильственно переведенные в Самарканд из завоеванных стран были заняты в казенных мастерских-корхана. Такого рода ремесленники безвозмездно работали в цитадели Самарканда в мастерских по производству оружия. Известная часть ремесленников находилась в феодальной зависимости от дворцовых ведомств, точнее — от лиц, их возглавлявших. Этот институт — дербеста — распространялся на группы ремесленников, представлявших особую важность для государственной власти (например, мастера оружия) [4].

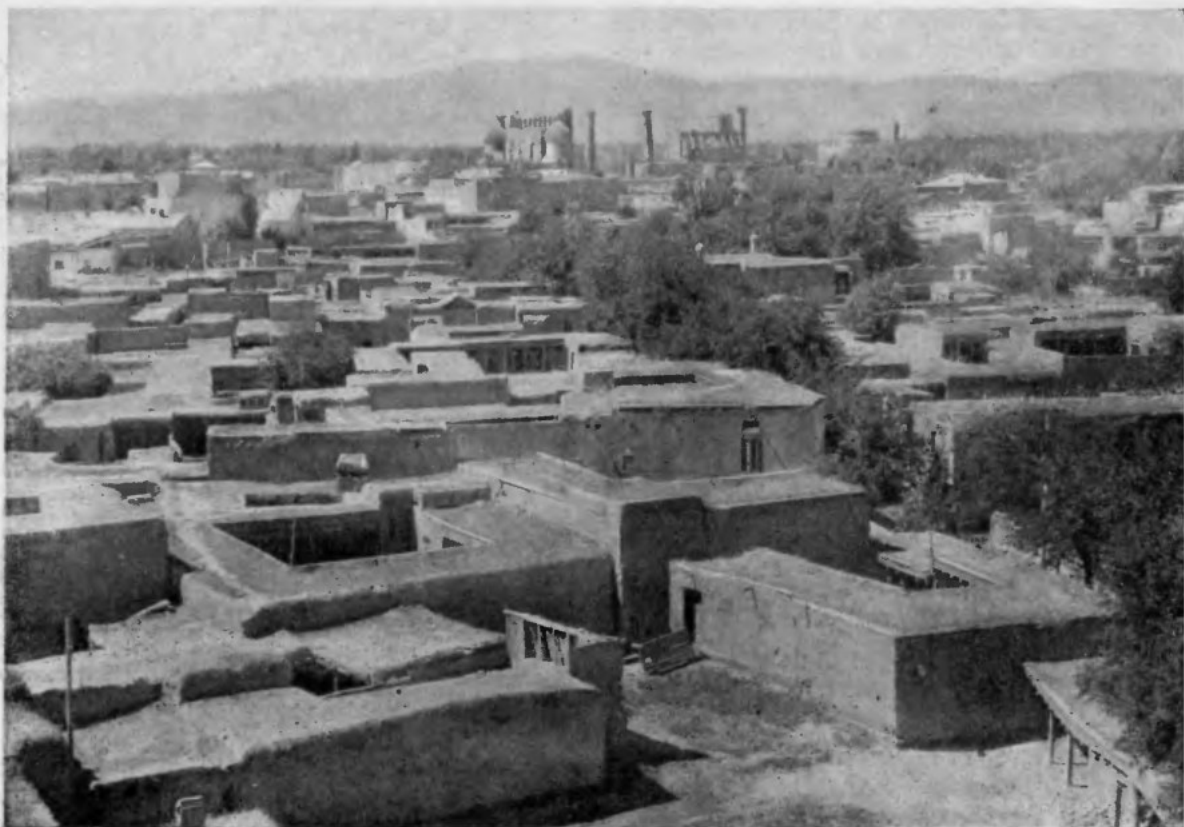

Рис. 204. Общий вид центральной части Самарканда

Широко развитые ремесло и торговля требовали больших пространств в черте города для правильной их организации. Клавихо отмечает в своем дневнике многочисленные места, отведенные для торговли. «В городе, — говорит он, — есть много площадей, где продают мясо... кур и птиц, хлеб и плоды, все в большой чистоте. Эти площади и днем и ночью полны и на них идет постоянно большая торговля». Клавихо не уточняет местонахождение этих площадей и пунктов торговли, но, несомненно, центром являлось пересечение дорог, ведущих в Бухару, Фергану и Шахризаб (нынешняя Регистанская площадь). Это пересечение отмечено исстари купольным торговым пассажем Чор-су. Сюда была направлена дорога из главных ворот крепости. Отсюда на северо-восток к соборной мечети Биби-ханым, видимо, протянулась линия главного базара.

Но все же размеры старого, дотимуровского Самарканда не могли ни в какой степени

соответствовать потребностям ремесленного производства и торговли. Понадобились большие планировочные работы, ломка целых участков города, расширение старых и пробивка новых улиц.

Тот же Клавихо в своем дневнике дает исключительно выразительное и красочное описание переустройства центральной торговой улицы, очевидцем которого он был во время своего пребывания в Самарканде. «В Самарканде, — говорит он, — продается каждый год много различных товаров, которые привозятся из Китая, Индии, Татарии и других мест или из самого Самаркандского царства, которое очень богато. И так как в городе не было большого места, где можно было бы все продавать, царь приказал провести через город улицу, на которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начинаться в одном конце города и, проходя через весь город, доходить до другого конца. Эту работу

царь поручил двум своим мирассам. Они начали свое дело и принялись разрушать дома, которые встречались в тех местах, где царь велел провести улицу. Улицу провели очень широкую и по обеим сторонам поставили палатки. Перед каждой палаткой были высокие скамейки из белого камня. Сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. На некоторых расстояниях по улице устроены водоемы» [5].

Эту переустроенную улицу можно предположительно приурочить к участку между торговым куполом Чор-су и крепостными воротами Аханин, близ соборной мечети Биби-ханым. Везможно, что она продолжалась и в противоположную сторону до Бухарских ворот, ранее именовавшихся ворогами Чор-су. По мнению В. Вяткина [6], у Бухарских ворот находился другой торговый купол, Чор-су, по имени которого иногда они назывались. Во всяком случае дорога между воротами Аханин и Бухарскими была главнейшей магистралью Самарканда, совпадающая с важнейшим направлением из Бухары в Фергану.

Но, помимо мероприятий по поднятию торговой и производственной жизни, Тимур придавал большое значение превращению Самарканда в достойную столицу мировой империи, мечта о которой никогда его не покидала. Он не останавливался перед сломкой готовых частей сооружений, недостаточно выражавших, по его мнению, идеи величия и красоты [7]. С целью возвеличения столицы он прибегал к символическим мероприятиям, называя окружавшие Самарканд селения именами великих городов, вел крупное строительство, привлекая к его осуществлению лучших мастеров и зодчих покоренных стран.

Исследуя основные постройки, возведенные как при Тимуре, так и при его ближайших преемниках, можно заметить общие планировочно-композиционные идеи, положенные в застройку города. Отдельные монументальные здания объединены в группы. Каждая из групп находится в определенном отношении одна к другой, связываясь торговыми магистралями, перекрытыми на всем своем протяжении сводами с купольными зданиями, отмечавшими важнейшие перекрестки.

Изучая остатки монументальных сооружений, сохранившихся со времени тимуридов, обращаясь к письменным источникам, реконструируя руины, постепенно можно подойти к воссозданию архитектурно-композиционного облика Самарканда этого времени.

Рис. 205. Застройка торговой улицы в Самарканде

* * *

Городская цитадель — резиденция Тимура — расположена у западной границы города на холме. Цитадель окружалась глинобитной стеной высотой до 8 м. В своей наружной западной части она была двойной, видимо, того же типа, как крепостные стены Гульдурсуна или Кават-кала в Хорезме. Цитадель имела двое ворот в восточной и южной стенах. Перед восточными воротами был мост, выходивший на улицу к Регистанской площади.

Внутри цитадели рядовые постройки были облегченного типа — сырцовые и каркасные. Среди них выделялись по величине и монументальности дворцовые и культовые здания: прежде всего — четырехэтажный тимуровский дворец Кок-сарай, видный отовсюду. Дворец давно не существует. Неизвестно даже его точное местоположение [8]. Здесь же помещались правительственные учреждения, монетный двор, большая оружейная мастерская (упоминаемая в дневнике Клавиho). Близ восточных ворот располагалась ханак Нур-аддин-Басира, южнее — мавзолей шейха Бурхаддин-Сагарджи.

Самаркандская цитадель была правительственным центром города. Планировочно-композиционным центром города была Регистанская площадь (рис. 206, 207). Уже в X веке началось заселение этого участка. При Тимуре на Регистанской площади, геометрическом центре города и месте пересечения основных магистралей, расходящихся к шести городским воротам, был выстроен восемнадцатигранный торговый купол-пассаж Тимик-кулях-фурушон (продавцов головных уборов).

Рис. 206. Купола и минарет медресе Шир-дор на Регистанской площади Самарканда

вблизи того места, где впоследствии, при Улугбеке, была выстроена знаменитая, описанная султаном Бабуром ханака, а в XVII веке—медресе Шир-дор. Сформировалась типичная композиция послеарабского города: с северо-востока на юго-запад, от ворот Аханин до ворот Чор-су (Бухарских), город пересекала основная торговая магистраль из Бухары на Фергану. С запада на юго-восток от ворот цитадели до ворот Фирюза шла вторая магистраль, соединяющая резиденцию Тимура с его родиной — городом Шахризаяб-смм. Пересечение этих двух магистралей отмечено торговым купольным сооружением. Это был основной костяк города, средоточие его жизненных центров.

В наиболее чистом виде эта схема сохранилась в одной из тимуридовских столиц—Герате (северный Афганистан), где в геометрическом центре города, в месте пересечения двух основных улиц, находился торговый купол Чор-су, возведенный на месте старой цитадели, от которого к четырем воротам вели основные магистрали, обстроенные торговыми помещениями и караван-сараями.

В Самарканде, кроме основных магистралей, было еще три магистрали меньшей значи-

мости, подводившие к воротам Корезкох, Сузангаранским и Хайрабат. Таким образом, Регистанская площадь уже со времени Тимура превратилась в архитектурно-композиционный центр города. Два других центра оформились на противоположных концах города: один у Железных ворот (Аханин), это — соборная мечеть Тимура Биби-ханым (рис. 208), и расположенное напротив не дошедшее до нас медресе Ханым. Характерно расположение главного культового здания на границе старого, дотимуровского (на городище Афрасиаб), и нового города. Эта группа начинала главную улицу города, которая своей второй половиной была ориентирована на другой главный центр города—мавзолей Гур-Эмир (рис. 209) и группировавшиеся около него ханака и медресе Мухамед-султана, внука Тимура^[9].

Регистанская площадь капитально перестраивалась при ближайших преемниках Тимура.

При Улуг-беке на месте тима в 20-х годах XV века была возведена огромная ханака, которая, по словам султана Бабура, превосходила по своим размерам все существующие сооружения этого рода^[10]. Несколькими годами ранее (между 1417—1420 гг.) напротив ханака было воздвигнуто медресе, дошедшее до нас с существенными утратами некоторых своих частей. С севера был расположен караван-сарай Мирзон, просуществовавший до XVI в. и замененный в XVII в. мечетью-медресе Тилля-кари. Южную часть всей группы занимала соборная мечеть, которую выстроил в 30-х годах XV века сановник Алике-Кукельташ. Из всех этих зданий до нас дошло лишь медресе. Следов других не осталось. Поэтому мы можем лишь весьма условно представить улугбековский Регистан как прямоугольную площадь, обстроенную со всех четырех сторон монументальными зданиями мечети, медресе, ханака и караван-сарая.

Регистанская площадь Самарканда радикально перестраивалась в XVII веке, когда на месте рухнувшей ханака появилось медресе Шир-дор, а вместо базара — медресе Тилля-кари. Торговый купол Чор-су теперь, в новой застройке, отодвинут к востоку от площади, и весь ансамбль состоит из торгового перекрестка, отмеченного купольным сооружением, и прямоугольной площади, окруженной тремя медресе, приобретая тем самым некоторую двойственность.

Таким образом, Самарканд, перенесенный Тимуром на новое место, получил в первые

Рис. 207. Медресе Улуг-бек на Регистанской площади Самарканда

же десятилетия своего существования определенное композиционно-планировочное построение и сохранил в веках некоторые первоначально выработанные архитектурные черты.

* * *

Мавераннахрская племенная знать в лице Тимура не оказалась способной создать крепкое и долговечное централизованное государство. Уже в самом себе государство Тимура несло зачатки разложения. Система раздачи государственной территории в ленное владение-союгем, введенная в Средней Азии еще Чингиз-ханом, получила при Тимуре еще большее развитие, порождая среди знати и военачальников, получавших в бесконтрольное владение обширные территории, сепаратистские тенденции.

После смерти Тимура страна переживала междоусобные войны и феодальные смуты. В начале XV века сын Тимура Шахрух избрал

своей резиденцией Герат. Город застраивался, разрастался, становясь на время вторым после Самарканда культурным центром.

Внук Тимура Улуг-бек вновь вернул столицу в Самарканд. На грани XVI века государство тимуридов перестало существовать.

Градостроительная культура тимуридов была достоянием сравнительно небольших элитных и вельможных кругов светских и духовных феодалов. Широкие массы населения оставались в стороне от нее и чувствовали скорее обратную сторону этой культуры, так как строительство величественных мечетей, обширных медресе и пышных дворцов осуществлялось за счет взимания непосильных налогов, которыми облагалось трудящееся население.

Выдающийся поэт XV века Абдарахман Джамии — друг Алишера Навои — в своей поэме «Четки праведников», отображая бесправное положение народа и грабительскую

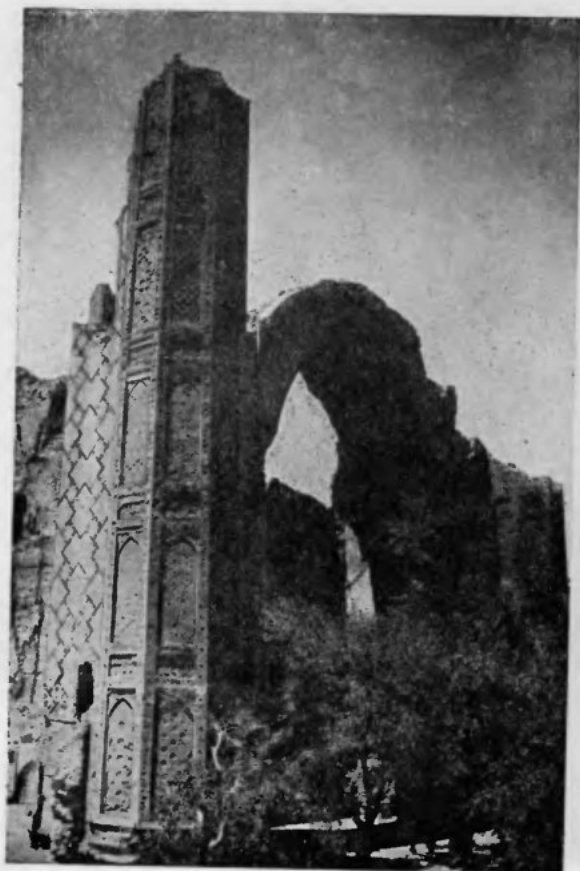

Рис. 208. Минарет мечети Биби-ханым в Самарканде

политику представителей власти, обличал правителя-деспота такими гневными словами:

«Целые города разграбляет твое притеснение
Только для того, чтобы построить тебе один дворец.

Лучше бы прекратил ты эти постройки,
Только к грабежу ведут они тебя.

Целые сады гибнут от твоего насилия
Лишь для того, чтобы тебе попал в руки один
объедок яблока».

(Перевод Е. Бертельса)

Культура тимуридов, мало доступная широким кругам населения, беднейшая часть которого, по приведенным выше словам Клавихо, жила не в домах, а «под деревьями и в пещерах», являлась привилегией небольшой правящей феодальной группы и быстро пришла к упадку вместе с политическим падением этой группы. Лишь немногие полуразрушенные памятники зодчества этой культуры дошли до нашего времени.

II. Шейбанидовская Бухара

XVI век являлся переломным в истории феодальной Средней Азии. Вместо огромных государств, державшихся лишь на внешней силе, возникавших и вновь распадавшихся, образовывались небольшие, но более устойчивые феодальные объединения в пределах экономически однородных районов, главным образом на территории Мавераннахра и Хорезма.

Власть перешла к узбекской династии шейбанидов, при которых Средняя Азия продолжала еще оставаться в системе одного государства, преодолевая феодальные распри и усобицы. Их столица Бухара, может быть, и не имела блеска и великолепия тимуридовских столиц Самарканда и Герата, но, несмотря на некоторый упадок строительного искусства, здесь возводилось много монументальных культовых и общественно-торговых зданий. Город при шейбанидовских правителях расширил свои границы и приобрел облик, который сохранялся на протяжении веков.

* * *

Во времена тимуридов Бухара была невелика, так как при тимуридах город не имел того первенствующего положения, как ранее при караханидах и позже при шейбанидах.

После падения тимуридов и завоевания страны узбеками Бухара постепенно восстанавливала свое положение столичного города (рис. 210, 211, 212). Сделавшись при шейбанидах (XVI в.) центром довольно крупного государства, город значительно увеличился. Абдул-азис-хан, правивший страной с 1540 по 1549 год, построил новую крепостную стену, окружившую сильно разросшийся к этому времени рабад. Эта стена почти соответствует существующей, а когда несколько позже при Абдулла-хане в черту города была включена местность Джуйбар, принадлежавшая влиятельному роду джуйбарских ходжей, границы города достигли их нынешних размеров.

Крепостная стена Бухары, сохранившаяся до нашего времени, была осуществлена в значительной части в XVI веке и неоднократно ремонтировалась. Ее длина — до 10 км, высота — до 10 м и ширина у основания — до 5 м. Парапет имел бойницы и был увенчан зубцами. На определенном расстоянии размещены полукруглые башни. Одиннадцать ворот имеют одно и то же устройство: по бокам прохода, закрываемого деревянными массивными двух-

створными полотнищами ворот, расположены полукруглые выступы башен. С внутренней стороны у ворот находились помещения охраны с навесом. Крепостные сооружения города с точки зрения военной техники были мало совершенны. Это можно объяснить тем, что военно-оборонительное значение стены все больше перерастало в полицейско-охранительное. Вечером все городские ворота запирались, вход в город и выход из него был запрещен.

Шейбанидовская Бухара застраивалась культовыми, общественными, торговыми и жилыми зданиями. В эту эпоху, связанную с именем Абдулла-хана (так же, как строительство Самарканда связано с именем Тимура), город получил архитектурно-планировочный облик, дошедший, в основном, до нашего времени. В это время возникло большинство тех сооружений, которые формировали ответственные узлы города, вырабатывался свой архитектурный вариант монументальных сооружений, определялся тип жилого дома. В продолжение XVI века осуществлялись такие крупнейшие культовые здания, как колонная мечеть Калян, медресе Мир-араб, Гаукушан, Кош-медресе и другие, более мелкие; благоустривалась центральная торговая магистраль города. На ее перекрестках возникали купольные торговые пассажи — Сарафон, Токи-тюльпак-фурушон, Токи-заргарон, дошедшие до нашего времени, и ряд других, расположенных на южной стороне Регистана, от которых сохранились лишь наименования — Орд-фурушон, Тиргарон и т. д.

Купола торговых помещений разнообразны по форме и конструктивным приемам. В этом сказывается учет значимости каждого перекрестка и планировочного начертания окружающих построек.

Купол Сарафон — невелик по размерам в плане, но высок. Его перекрытие основано на четырех пересекающихся подпружных арках — прием, получивший широкое распространение в XVI веке и более позднее время.

Купол Тюльпак-фурушон — в плане шестигранник. Такая конфигурация, видимо, обусловлена наличием целого пучка улиц, сходящихся в этой точке. Ранее здесь находились ворота шахристана Аханин. Во время постройки купола существовала еще стена шахристана, ворота и ров перед стеной^[1]. Видимо, торговый купол составлял часть более сложного ансамбля. Этим отчасти и можно объяснить его несколько необычный план, приземистость и распластанность силуэта.

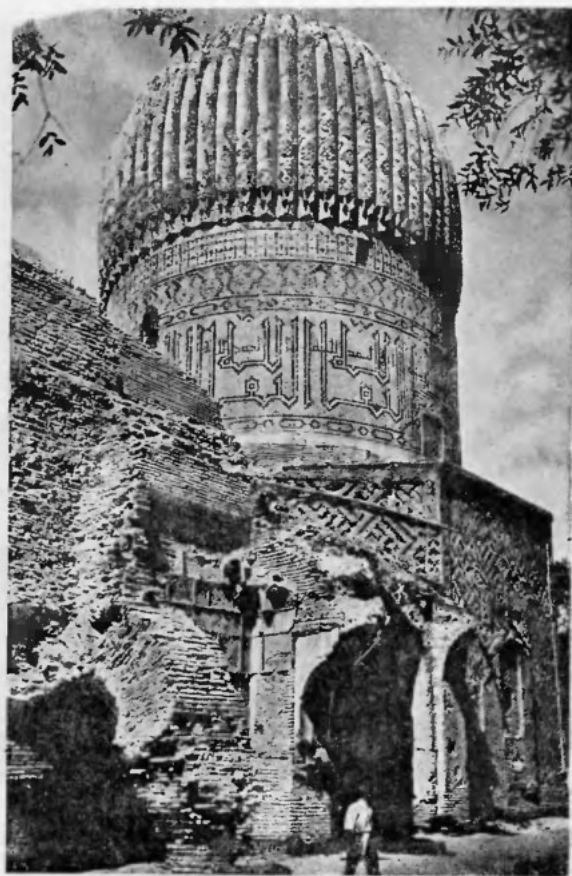

Рис. 209. Мавзолей Гур-Эмир в Самарканде

Третий купол, Заргарон, — симметричное сооружение с двумя взаимно перпендикулярными проходами. Его план определялся местоположением сооружения на перекрестке двух главных улиц древнего шахристана. Центральный купол покоится на восьмиугольном барабане. Все здание в плане вместе с пристройками вписывалось в квадрат.

От остальных купольных сооружений, известных по названиям, не осталось никаких данных, позволяющих судить об их внешнем виде и положении в ансамбле основной торговой магистрали города.

Базар тянулся длинной ломаной линией, пересекая город с востока на запад. Его перекрестки отмечались монументальными купольными сооружениями. Вдоль улиц кое-где группировались караван-сарай и крытые склады-тимы. Все остальное пространство было занято небольшими лавками-мастерскими ре-

Рис. 210. Общий вид центральной части Бухары

Рис. 211. Схема плана Бухары.

Наименование крепостных ворот:

- 1) Угланские, 2) Талипоч, 3) Ширгарон,
- 4) Каракуль, 5) Шейх-Джалал, 6) Намаз-
- гох, 7) Саллях-хана, 8) Каршинские,
- 9) Мазарские, 10) Самаркандские, 11) Имам

Рис. 212. Общий вид застройки жилого района Бухары

месленников, чье производство не требовало большого места и оборудования (кузнецы, слесари, шорники, ювелиры и т. д.).

Лавки-мастерские группировались по специальностям, образуя обширные районы, где сосредоточивался определенный вид ремесла.

Этот массовый тип застройки базара мелкими лавками-мастерскими характерен для шейбанидовской и более поздней Бухары, когда базар имел значение лишь областного торгового центра, в масштабах оазиса, являясь одним из многих торговых пунктов, отличавшихся от остальных лишь своей величиной.

Господствовала мелкая торговля, удовлетворявшая сравнительно несложные потребности жителей феодального города и его окрестностей.

Все меньший удельный вес занимали капитальные сооружения караван-сараяв и складов, предназначенных для крупной караванной торговли с зарубежными странами, хотя число караван-сараяв достигало в Бухаре этого периода 60^[12].

Бухара была центром мусульманской учености и религиозной образованности. Эта роль города еще более усиливалась в шейбанидовскую эпоху, когда авторитет духовенства в жизни страны увеличился. Строилось большое количество медресе. Их число превышало 150. Правда, далеко не все были больших размеров и импозантной внешности. Большинство имело не более 2—3 десятков хуждр. Но все же архитектурный пейзаж шейбанидовской Бухары во многом определялся сооружениями, связанными с религией. Кроме десяти соборных мечетей, главнойшей из которых была Калян (рис. 213), в городе имелось более 200 гузарных (районных) мечетей. Сюда же можно прибавить немалое количество мазаров, вокруг которых размещались обычно кладбища.

Самые крупные и древние кладбища занимали место у стен шахристана и поэтому с ростом города оказались внутри его стен. Поскольку их расширение было крайне затруднено, они росли вверх. Могилы располагались

Рис. 213. Минарет у мечети Калян в Бухаре

в несколько ярусов, иногда возвышаясь даже над уровнем рядовой застройки.

Все эти общественно-культовые и торговые сооружения более или менее равномерно распределялись по городу, но все же можно отметить их наибольшее средоточие по линии главной базарной улицы между площадью у Ляби-хауза и Регистаном.

Эти сооружения составляли главные композиционные узлы города, объединяясь в группы и образуя площади.

Шахристан Бухары оставался за все время существования города его основной частью. Его первоначальный центр начал формироваться у стен цитадели-арка. Вторым, более поздним центром явился базар у южной стены шахристана.

Для Бухары характерно наличие двух торговых центров. В свое время в шахристане рынок располагался в юго-восточном углу. Это его место осталось и в плане рабада у Ляби-хауза. Одновременно наметилось скопление

торговых помещений на площади у входа в арк. Оба эти центра соединены базарной улицей, сплошь обстроенной торговыми и культовыми сооружениями с куполами на перекрестках.

От каждого торгового центра к городским воротам расходились улицы — от Регистанской площади у арка к северо-западной группе ворот (Имамские, Угланские, Талипоч, Ширгарон), от площади у Ляби-хауза к юго-восточной группе ворот (Самаркандские, Мазарские, Каршинские, Саллях-хана, Намазгох, Шейх-Джелал, Каракуль).

В Бухаре, тесно застроенной, концентрически расширявшей свои границы, нельзя было выделить обширных, незастроенных площадей перед монументальными общественными и культовыми зданиями.

Господствующим композиционным приемом при шейбанидовской реконструкции города оставалась система парного расположения монументальных зданий, последовательно проводившаяся на всех важнейших узлах города и являвшаяся, по существу, единственным способом архитектурной организации площади. Крупнейшие здания города сгруппированы по этому принципу, например: 1) мечеть Калян — медресе Абдул-азиз-хан, 3) ханака Диван-беги — караван-сарай, впоследствии медресе Диван-беги, 4) медресе Абдулла-хан — медресе Модери-хан, 5) медресе Домулло-Турсун-джан — ханака Мухаммед-яр-аталык, 6) медресе Джуйбар-калян — мечеть Волида-и-Абдул-азиз-хан.

* * *

Жилая часть города делилась на районы-гузары. Это были жилые кварталы, включавшие несколько улиц и переулков. Центром гузара была приходская мечеть со школой-мектебом и хаузом.

Бухара делилась без малого на 200 гузаров, в каждом из которых было 30—60 домовладений^[13]. Названия гузаров определялись именем строителя приходской мечети, названием распространенного среди его жителей ремесла или крупными постройками.

Гузар — это жилищно-бытовая и административная единица города. Его население объединялось местом молитвы — мечетью с водоемом-хаузом, иногда окруженным несколькими деревьями. Это — архитектурно-композиционный центр района, связанный с одной из магистральных улиц. От главной гузарной улицы расходилась сеть переулков-

паст-куча и тупиков-далонов, обслуживавших несколько домовладений и закрывавшихся с улицы воротами.

Жилые улицы города раньше, по свидетельству Нершахи, были достаточно широкими и удобопроходимыми, но со временем они все более затеснялись. Измельчание усадеб вызывало потребность в дополнительных переулках, тупиках, проходах. Уличная сеть усложнялась. Создавались большие затруднения для проезда. По городским улицам, кроме пешеходного, преобладало верховое движение, а грузы перевозились выюками [14].

Теснота застройки жилых районов Бухары была исключительно велика, как и в любом средневековом городе, окруженном крепостными стенами. Для Бухары затесненность жилой части была еще более значительной из-за того, что большие участки занимались множеством культовых сооружений, медресе и кладбищами.

Крайняя скученность застройки увеличивалась ввиду высоких цен на земельные участки внутри городских стен. Поэтому дома горожан располагались вплотную друг к другу. Усадьбы были невелики по площади, тесны и не имели зеленых насаждений.

Лишь в окраинных частях города вдоль стен были более крупные усадьбы с зелеными насаждениями, виноградниками и садами. Это — летние резиденции знати, группировавшиеся преимущественно в северо-восточной и отчасти западной частях города.

Перенаселенная, безводная, пыльная Бухара — столица клонящегося к упадку феодального ханства — была городом социальных контрастов.

Относительный расцвет города, строительство крупных дворцов, мечетей и медресе, предпринимаемое обогащавшимися светскими и духовными феодалами, происходило на общем фоне разорения трудовых слоев городского населения, обремененного тяжелыми налогами и государственными повинностями. Это сказывалось на качестве массовой жилой застройки, представлявшей резительный контраст с многочисленными культовыми сооружениями и торговыми постройками.

Крупные ансамбли культовых сооружений возводились также и в окрестностях города. Это, прежде всего, группа культовых и надгробных сооружений Чор-бакр в селении Сумитан и в Бахауддине. Композиционные принципы, веками вырабатывавшиеся среднеазиатскими зодчими, проявлялись здесь исключительно ярко.

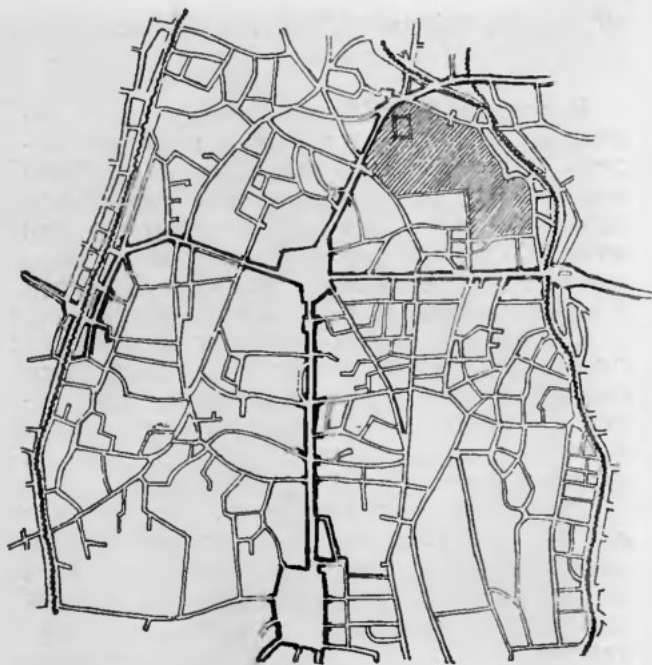

Рис. 214. Схема плана Коканда

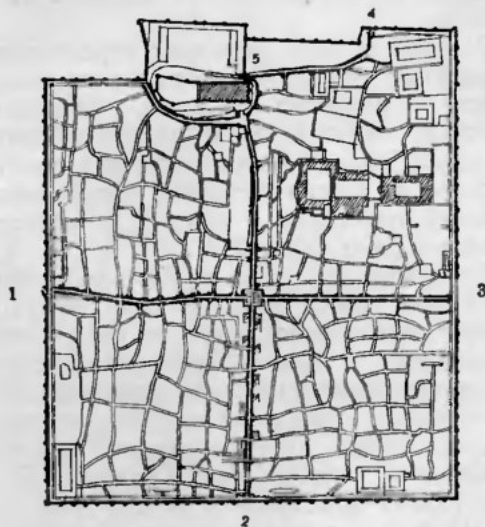

Рис. 215. Схема плана Герата.

Наименование крепостных ворот:
1) Мешхедские, 2) Кандахарские,
3) Куштинские, 4) Гатба-шахские,
5) Крепостные

В Бухаре — старейшем городе Средней Азии — представлены в той или иной степени все этапы зодчества страны, начиная от эпохи саманидов и кончая последними временами.

III. Города Средней Азии послемонгольского периода

В планировке рабадов Самарканда и Бухары мы видим пример города послемонгольского периода, эпохи тимуридов и шейбанидов, города, целиком занявшего территорию рабада и крепко там обосновавшегося; при этом шахристан как самостоятельная часть перестает существовать; он или вливается в новые границы, или оставляется населением.

Самарканд и Бухара были столичными городами. Наряду с торговой, здесь была сильно развита административная, культурная и общественная жизнь. Это отражалось в плане города, делало его более сложным и разнообразным.

Радиальная система улиц, характерная для рабадов Самарканда и Бухары, вырабатывалась постепенно. Она возникала, исходя из жизненных потребностей и структуры расширявшегося города, но, вероятно, не сразу удалось отойти от системы пересекающихся под прямым углом улиц шахристана. Первое время приемы планировки улиц шахристана не могли не отразиться на планировке улиц рабада.

Выделение двух основных пересекающихся направлений можно заметить в ряде послемонгольских развитых городов, несмотря на сложную, запутанную и разветвленную сеть их улиц. Таков Коканд — столица ханства — с дворцом в северо-восточной части города и базарной площадью в центре, на пересечении основных улиц (рис. 214).

Типичное для шахристана крестообразное начертание двух главных улиц, ведущих от четырех крепостных ворот к центру города, сохранилось в плане Герата (рис. 215). Недаром высказывались предположения, что существующая в пределах крепостных стен территория города и есть древний шахристан.

Коренная перестройка главных торговых улиц Герата произошла в начале XV века, когда Шахрух — сын и наследник Тимура — превратил город в свою столицу. Эти улицы, подобно самаркандским, были перекрыты на всем своем протяжении от городских ворот до центрального торгового купольного помещения Чор-су, отмечавшего место пересечения главных улиц. Постройка гератских базарных улиц была отмечена, как одно из крупнейших строителств, многими историками тимуридов.

Рабад Хивы — Дишан-кала — оформился, как городская территория, защищенная сте-

нами, очень поздно, лишь в 30-х годах XIX века, и вообще не получил значительно-го развития (рис. 216, 217). В пределах стен было большое количество незастроенных земель и пригородных дворцов. Основные улицы Дишан-кала являются продолжением главных улиц шахристана Ичан-кала. Сохраняется их направление, лишь кое-где усложненное дополнительными ответвлениями улиц, направленными к одиннадцати воротам рабада^[15] (рис. 218, 219).

Ряд старых городов, потерпевших разрушения в период монгольского нашествия, возрождались иногда в прежних масштабах, иногда значительно сокращенных.

Таким, например, был Термез, передвинувший со старого места на берега Сурхан-Дарьи. Передвижение города, восстанавливаемого после монгольского разорения, на восток объясняется тем, что эта река была главным источником водоснабжения города (на это указывает Истахри). Гонзалес де-Клавихо, посетивший послемонгольский Термез в 1404 году по дороге в Самарканд, описывает его, как «большой и очень населенный». Он отмечает площади и многолюдные улицы, где кипела торговая жизнь. Город не имел крепостных стен. Вокруг него были обширные сады, его территория обильно снабжалась водой. Значительным культовым центром, привлекавшим многочисленных паломников, была группа мавзолеев и мечетей Султан-Саадат (возникшая в XI в.). Улицы города сейчас не прослеживаются. Сохранилось много остатков жилых зданий, сооруженных из сырцового кирпича, в основном относящихся к XVI—XVII векам и отчасти к более древним временам. К такого рода зданиям жилого или общественного характера можно отнести Кырк-кыз.

Такое же цветущее состояние Гонзалес де-Клавихо отмечает и в Шахризьебсе. «Город, — пишет он, — стоит на равнине. Вокруг него много ручьев и каналов, садов и домов. Город окружен земляным валом и глубоким ровом, при входах были подъемные мосты. В городе много домов и мечетей»^[16].

Характерное радиальное начертание торговых улиц, подчеркивающее связь городского центра — базара — с окружающими селениями, особенно ярко выражалось в таких крупных торговых городах, как старый Ташкент (рис. 220) и Андижан (рис. 221). Здесь территория базара занимала несравненно большее место относительно всей территории города,

Рис. 216. Силуэт центральной части Хивы

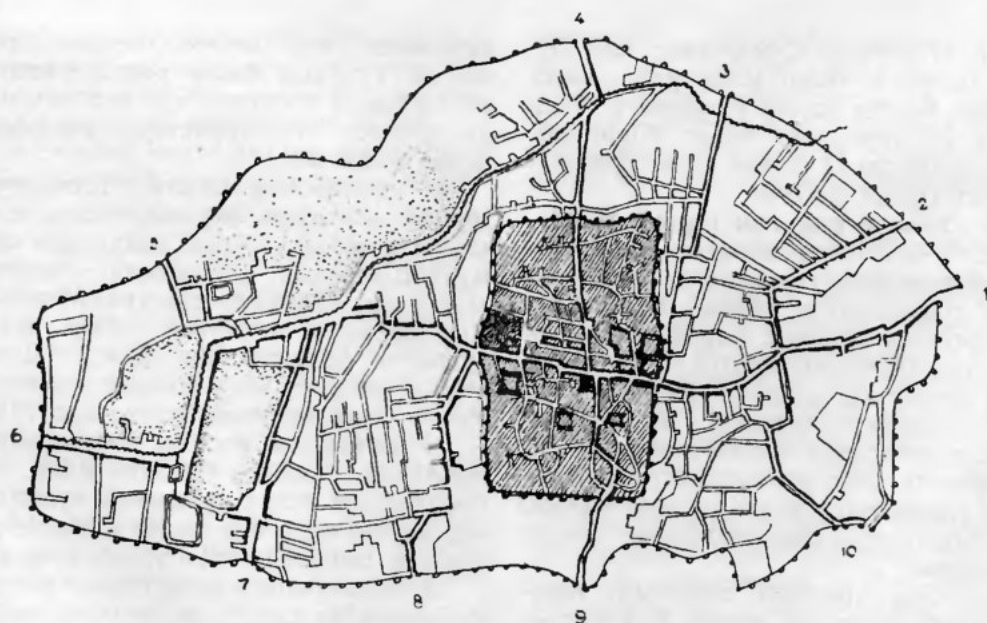

Рис. 217. Схема плана Хивы.

Наименование крепостных ворот: 1) Хазараспские, 2) Гиндумканские, 3) Гайдайллярские, 4) Куша-дарваза, 5) Даш-аякские, 6) Шахимарданские, 7) Сирчели, 8) Шейхлярские, 9) Баг-и-шамал (Ангарики), 10) Пишканик

Рис. 218. Общий вид застройки центральной части Хивы

чем даже в столичном Самарканде или Бухаре. Еще большее число улиц расходилось от территории базара во все стороны. В Ташкенте было 13 городских ворот. Примерно столько же направлений было в плане Андижана, лишенного городских стен.

Ташкент, бывший еще при первых шейбанидах (в XVI—XVII вв.) небольшим по размерам второстепенным городком с цитаделью и торговой площадью в центре, становился крупным торговым пунктом. Город значительно расширялся. Всю его центральную часть занимали базары. «В середине города базар составляет обширную площадь, на которой для торговцев выделены особые места по характеру торговли. Тут же находятся харчевни и бойни, где чистота, как и во всем городе, мало соблюдается», — свидетельствует очевидец-современник [17].

«Ташкент был крупным торговым центром, — говорит несколько позже А. Гейнс, — ведущим обширную торговлю с различными городами Средней Азии, России и городами на востоке. Ввиду беспрестанно проходящих

караванов там вечное стечение различных людей. Главный базар располагался в центре города и состоял из отдельных рядов, отличавшихся по характеру товаров. Таких рядов около 30» [18].

В противоположность Ташкенту такие города, как Мерв, пережили свою славу. Попытки возродить город, сделанные сыном Тимура Шахрухом, не привели к заметным результатам. Послемонгольский Мерв — небольшое городище, известное сейчас под именем крепости Абдулла-хана (рис. 222), — значительно уступает по размерам домонгольскому Мерву с его центром Султан-кала [19].

Несмотря на рост и интенсивную жизнь важнейших городов Средней Азии, начинался постепенный закат городской культуры, страны, не имевшей сил выйти к более развитым формам социально-культурной жизни.

Незатихающие междоусобные распри между феодальными ханствами, отдельными племенами и родами, усугублявшиеся вторжениями извне, систематически разоряли страну. Кратковременные периоды политического и экономи-

Рис. 219. Общий вид застройки жилого района Хивы

ческого подъема, сопровождавшиеся вспышками строительной деятельности, преимущественно в столичных и крупных торговых городах, сменялись периодами длительного упадка.

При постройке мечетей, медресе, дворцов, при восстановлении городских укреплений и постоянных ремонтах ирригационных сооружений широко использовался принудительный труд горожан. Эти работы производились на основе «бегара», т. е. барщины.

Безудержная эксплуатация трудящегося населения подрывала основы благосостояния страны, разоряла народные массы, которые отвечали на притеснения властей и злоупотребления гражданской администрации восстаниями, принимавшими иной раз значительный размах.

В таких трудных, сложных и беспокойных условиях протекала жизнь городов, внешний облик и красота которых хотя и сохранялись, но уже в значительной степени являлись лишь остатками умирающих, полузабытых, изживающих самих себя градостроительных традиций. Источником, поддерживавшим худо-

жественное мастерство среднеазиатских зодчих этого времени на достаточно высоком качественном уровне, являлось народное творчество, представители которого бережно хранили древние традиции, обогащая их все новыми и новыми художественными приемами.

IV. Пригородные дворцы-парки

Говоря о плане среднеазиатских городов, нельзя обойти молчанием обширные загородные сады с их симметрично распланированной системой каналов и прудов, расположенные в окрестностях главнейших городов Средней Азии. Они устраивались представителями феодальной знати и крупными сановниками государства.

Планировочная схема пригородного сада установилась еще со времени раннего средневековья, представляя собой систему пересекающихся под прямым углом аллей и каналов, в центре которых располагался дворец или главный садовый павильон. Эта система плана, получившая название Чор-баг (четы-

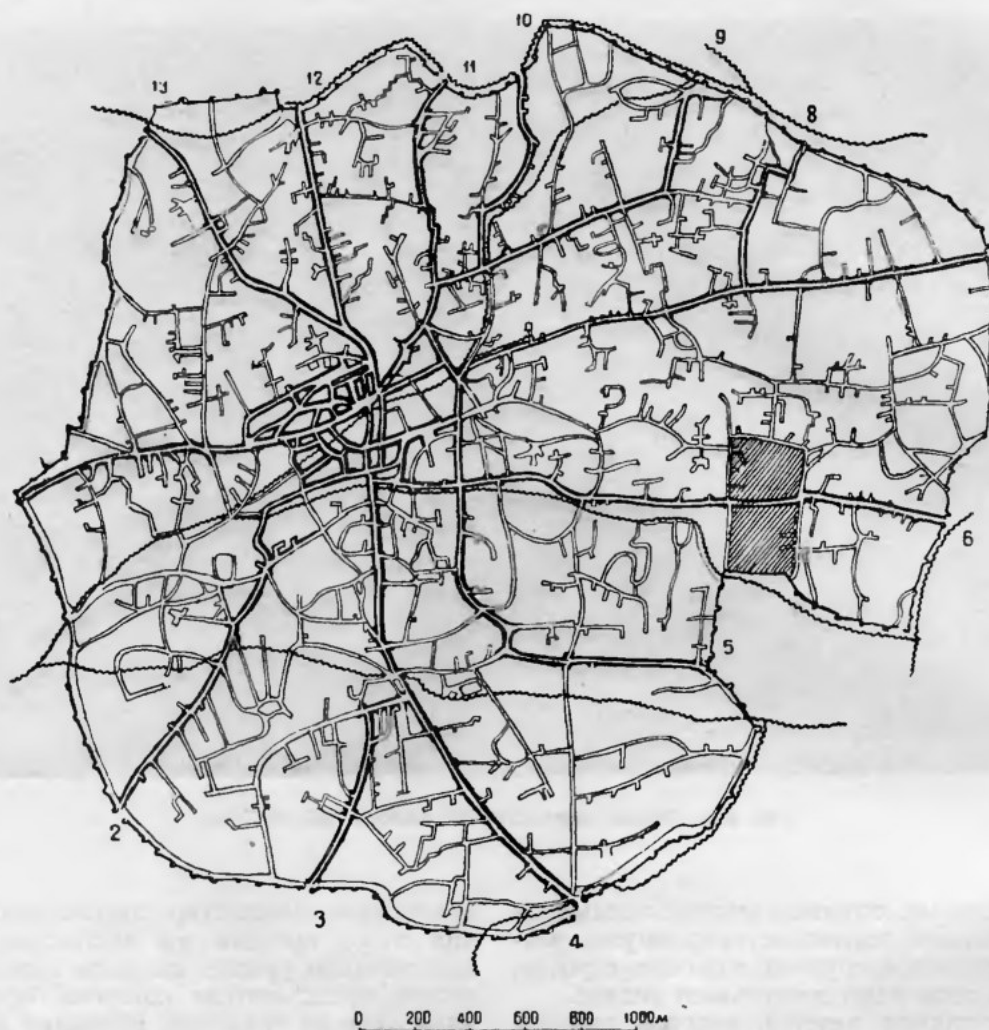

Рис. 220. Схема плана старого Ташкента.

Наименование крепостных ворот: 1) Кузчинские, 2) Самаркандские, 3) Камеланские, 4) Беш-агачские, 5) Калмас, 6) Кокандские, 8) Лавзьяк, 9) Тахтапуль, 10) Тешик-канка, 11) Саганские, 12) Кара-Казахские, 13) Чагатайские

ре сада), сходна со схемой планировки раннесредневековых городов и, возможно, обязана своим происхождением воззрениям восточной космологии, по некоторым вариантам которой мир делится на чегыре части, в центре которых стоит гора^[20]. И действительно, в центре многих среднеазиатских и иранских садов имелся искусственный холм с павильоном, иногда окруженный водой, откуда открывался вид на всю территорию сада.

Обширная сеть загородных садов была осуществлена Тимуром и его ближайшими

преемниками в окрестностях Самарканда. Наиболее обширным был самый отдаленный сад на перевале Тахта-Карача между Шахризбсом и Самаркандом. По той же дороге, ближе к Самарканду, находился сад Давлет-абад (рис. 223). Территория сада была окружена стеной, общая длина которой, по словам Клавиho, равнялась испанской лиге (т. е. до 4 км). Широкий проток разделял сад на две части. На высоком холме, окруженном рвом, наполненным водой, стоял обширный дворец^[21].

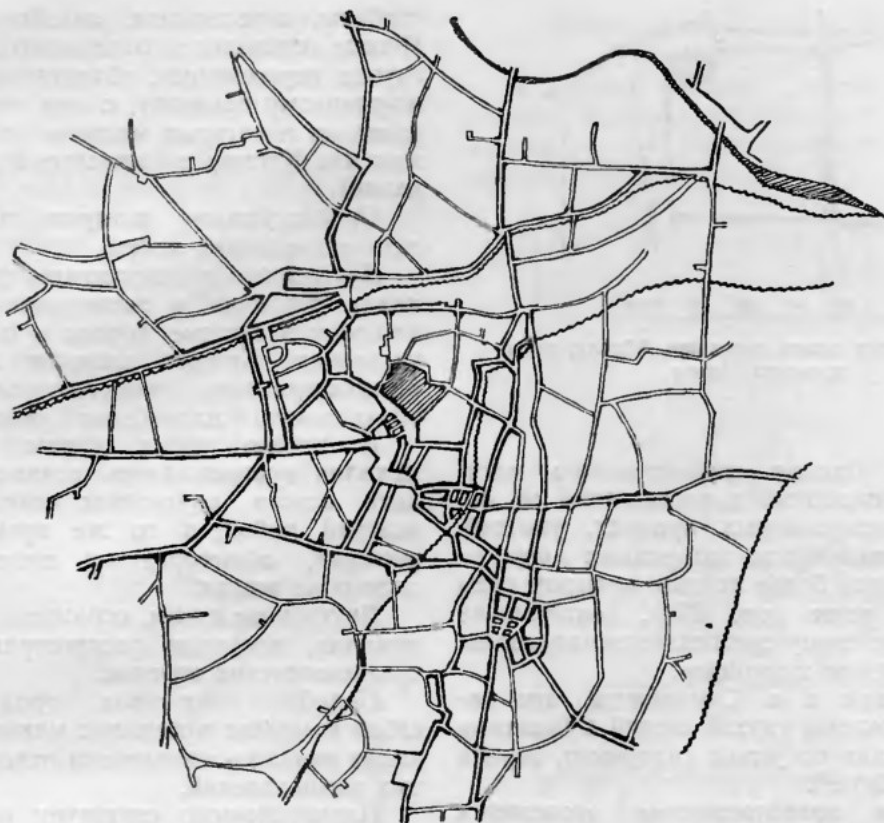

Рис. 221. Схема плана Андижана

Сохранилось описание работ по осуществлению одного из лучших садов Баг-и-Диль-Кушо («радующий сердце»). Он представлял в плане правильный четырехугольник, окруженный стенами. Длина каждой из них равнялась 1500 гязам (т. е. около 1 км). В середине каждой стены имелись ворота, а по углам были сооружены башни с нишками каптар-хана, пережиточно сохранившимися от более раннего времени. Территория сада была разбита прямыми и диагональными аллеями, в середине возвышалось купольное здание дворца, крестообразное в плане, с тремя входами-портами.

Неподалеку от Баг-и-Диль-Кушо располагались сады Баг-и-Булды, Накши-Джахан, Баг-и-Балаянд, Баг-и-Шамаль, Баг-и-Бихишт, Баг-и-Нау. Все эти сады не сохранились до нашего времени. Разрушены их стены, стерты с лица земли дворцы, исчезла растительность и водные каналы. Сохранились лишь описания современников, иногда довольно подробные, но

всегда недостаточные для восстановления полной картины тимуровских садов.

Наиболее общие черты, встречающиеся во всех садах, — это прямоугольный план, высокие стены с круглыми угловыми башнями каптар-хана, с дворцовым павильоном посередине, крестообразным в плане, и с большим водоемом перед ним^[22].

Такой же характер носил сад Баг-и-Майдан близ обсерватории Улуг-бека (возможно, построенной Тимуром для малолетнего внука) с двухэтажным дворцом-павильоном Чиль-Сутун (сорок колонн) посередине^[23]. Сад был расположен против цитадели старого Самарканда на берегу Сиаба^[24] и огражден глухой стеной с башнями по углам.

Широкое развитие получили загородные сады вокруг второй столицы тимуридов — Герата. Большинство из них осуществлено в XV веке.

Самым обширным садом считался Баг-и-Джехан-ара. Сохранились известия о других загородных дворцах-парках^[25].

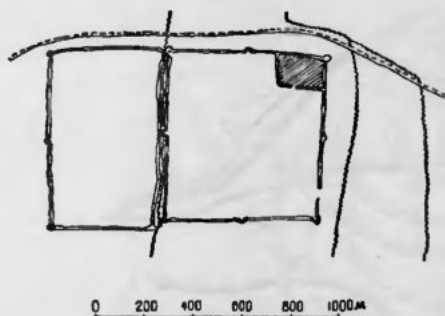

Рис. 222. Схема плана городища Абдулла-хана древнего Мерва

Несколько больше сравнительного материала для конкретного представления об архитектурно-планировочных приемах, употребляемых в строительстве загородных дворцов-садов, могут дать более поздние иранские сады XVII—XVIII веков (рис. 224), повторявшие планировочную схему среднеазиатских загородных садов времен тимуридов.

Так же, как и в Самарканде, эти сады были ограждены глухой стеной с башнями типа каптар-хана по углам (например, ограда Хазар-Джероба) [26].

Хорезмская археологическая экспедиция Академии наук СССР обнаружила в 1947 году на территории древнего Хорезма близ городов Вази́р (Деу-кескен) и Адак (Ак-кала) достаточно хорошо сохранившиеся образцы пригородных дворцов-парков, которые обогащают наши представления о садово-парковом искусстве средневековой Средней Азии и показывают, что среднеазиатский загородный сад в течение столетий выработал и сохранил традиционную схему плана.

V. Жилая усадьба, квартал и жилой дом

Жилой квартал города. Отдельные слободы рабада превращались по мере роста и расширения города в жилые районы — гузары или махалля, сумма которых и составляла жилую часть города.

Их происхождение следует выводить прежде всего из ремесленных коллективов. Объединение ремесленников той или иной специальности являлось первичным ядром махалля. Это отразилось на их названиях, которые в ряде случаев обозначают ту или иную производственно-ремесленную специальность (шер-

стобиты, веретенщики, литейщики и т. д.). Иногда основателем отдельного махалля была группа переселенцев, объединенная по семейно-родовому признаку, о чем свидетельствуют названия некоторых махалля (например, Таджик или Кашгар в Ташкенте, Ирани в Самарканде).

Организирующим центром махалля являлась квартальная мечеть.

Внутреннее планировочное устройство махалля различно в зависимости от его размещения в системе города и от занятий его населения. Каждое махалля выделялось в административно самостоятельную единицу, управляемую илликбаши (пятидесятником).

В ночное время улицы по границам махалля преграждались цепями или запирались ворота внутренних стен, окружавших каждый район; в то же время ворота во внешних, общегородских стенах запирались далеко не всегда.

Внутренние стены, ограждавшие отдельные махалля, получили распространение в ряде среднеазиатских городов.

Подобно тому как город представлял собой комплекс отдельных махалля, так и махалля являлось комплексом отдельных замкнутых домовладений.

Планировочную структуру жилого района города эпохи феодализма можно рассматривать как группу обособленных строительных участков (рис. 225—227). Отдельные сооружения и их группы были замкнуты. Жилой участок — это самостоятельная городская усадьба со своим хозяйством, включавшим систему жилых и служебных помещений, а часто и сельскохозяйственные угодья.

Усадебный характер участка накладывал свой отпечаток на архитектурно-планировочную композицию жилой улицы среднеазиатского города. Ведущее место принадлежало строительному участку, индивидуальному владению, к положению которого приспособлялась трасса улицы. Изолированный характер владений исключал возможность взаимной согласованности пространственно-планировочных форм участков, примыкавших друг к другу и выходявших на эту улицу. Протяженность улицы инертна. О каком-то пространственном единстве можно говорить исключительно с точки зрения однотипности жилых сооружений, формы которых оставались веками неизменными (рис. 228—231).

Более органическую архитектурно-композиционную связь можно проследить лишь в пре-

делах одной усадьбы, где чередовались закрытые жилые и служебные помещения с полузакрытыми пространствами галерей-переходов и с открытым пространством двора, вокруг которого размещались все основные сооружения. Жилой участок, как планировочное целое, был отделен стеной-дувалом от улицы. Наружные стены зданий не имели каких-либо проемов и отверстий, способствующих сообщению внутреннего пространства усадьбы с внешним пространством улицы, и являлись как бы разграничивающими барьерами. Улица в системе жилого района служила исключительно руслом движения, как бы подсобной частью усадьбы, но не местом общественно-бытовой деятельности населения. Поэтому она теряла самостоятельную архитектурно-пространственную ценность.

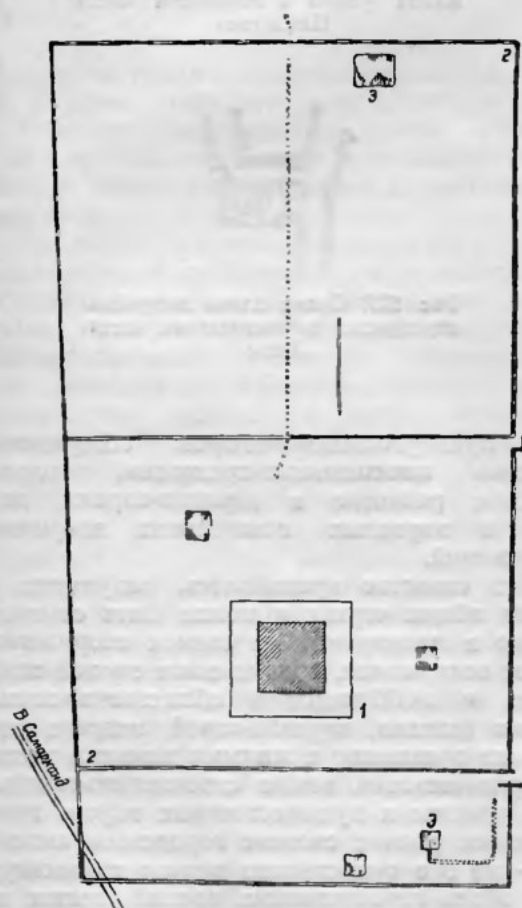

Рис. 223. Схема плана загородного дворца-сада Давлет-абад близ Самарканда:

- 1) «Хишт-тепе» — местоположение дворца,
- 2) следы ограды сада, 3) следы водоемов

Общественно-жилые и дворцовые сооружения

В древние периоды Средней Азии мы наблюдали общность строительных типов как для жилых, так и для общественных зданий. Укрепленный дом-замок раннего средневековья

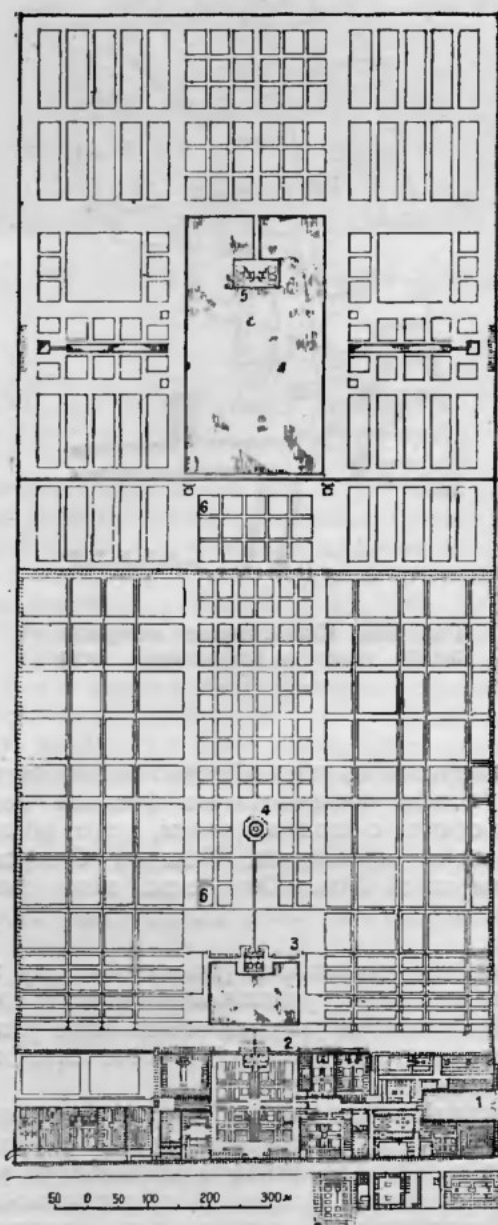

Рис. 224. Схема плана загородного дворца-сада Фарах-абад близ Исфагани:

- 1) входная площадь, 2) центральный двор, 3) бассейн, 4) центральный садовый павильон, 5) большой бассейн, 6) партер

Рис. 225. Схема плана застройки жилой улицы в центральной части Намангана

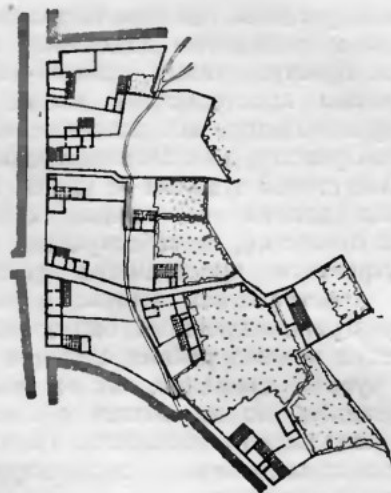

Рис. 226. Схема плана застройки жилой улицы в окраинной части Намангана

Рис. 227. Схема плана застройки перекрестка в центральной части Хивы

типологически подобен общежитию-ханака; жилая усадьба средневекового феодала имеет много общего с караван-сараем, а этот последний похож на медресе. Недаром бухарский караван-сарай Диван-Беги, едва законченный постройкой, был использован как медресе^[27].

Позднее усиливалось различие между монументальными и рядовыми жилыми зданиями. Это различие углублялось по мере развития феодальных отношений и роста классовой дифференциации.

Приемы плана жилых домов, выработанные в доарабский и домонгольский периоды, нашли свое продолжение и дальнейшее развитие в монументальных общественно-жилых сооружениях последующего времени. План здания с компактной сплошной застройкой и выделением центрального купольного помещения нашел свое отражение в ханака XVI—XVIII веков. План здания с откры-

тым прямоугольным двором, обстроенным жилыми помещениями-худжрами, получил широкое развитие в караван-сараях, медресе и парадных помещениях дворцовых сооружений.

Это сходство проявлялось, разумеется, в самых общих чертах и может быть отмечено только в планировочных схемах сооружений. Новое содержание, принесенное эпохой тимуридов и шейбанидов в общественно-жилые здания (ханака, караван-сарай, медресе, дворец) по сравнению с жилыми замками раннего средневековья, новые строительно-технические приемы и художественные вкусы, изменившаяся роль в системе городского ансамбля — все это существенно меняло архитектурный образ перечисленных зданий, делало их столь не похожими на своих прямых предшественников.

Планировочный прием с центральным купольным помещени-

Рис. 228. Застройка жилой улицы в центральной части Самарканда

Рис. 229. Застройка жилой улицы в Самарканде

ем, двумя парами входных помещений, одно из которых выделено порталом-пиштаком, с угловыми комнатами-худжрами (обычно в двух ярусах), нашел свое продолжение и развитие в ханака тимуридовской и шейбанидовской эпох.

По своим размерам и сложному плану выделяется тимуридовский мавзолей-ханака Ахмед-Ясеви (рис. 232). Центральное помещение представляет большую квадратную комнату-казанлык — место общественных трапез паломников. Налево расположена кухня халим-хана, направо — малое купольное помещение с колодцем. По оси главного входа находится мавзолей Ходжа Ахмеда с мечетью и мавзолей большой Ак-сарай; по бокам на поперечных осях разместились худжры.

Это сооружение, выделяясь среди других ему подобных по величине и сложности плана, типологически не выходит из традиционной планировочной схемы. Здесь то же композиционное построение, и лишь отдельные части носят преувеличенный характер, свойственный зданиям тимуридов. В частности, грандиозен портал-пиштак, так и оставшийся незавершенным [26].

В бухарских ханака эпохи шейбанидов центральное помещение расширялось, ему придавалось большое значение; здесь размещается мечеть. В помещении, противоположном главному входу, находится михраб. Различие проявляется лишь в деталях. Например, в Бах-уддине (окрестности Бухары) возведенная

в XVII веке ханака имеет худжры, размещенные главным образом с двух боковых сторон (рис. 233). В ханака Мухамед-яр-атталык, построенном сановником Абдул-азис-хана в 1669 году близ бухарского базарного купола Тюльпак-Фуршон, одноэтажные худжры пристроены к основному объему с трех сторон — северной, западной и южной (рис. 234). Главный восточный фасад здания подчеркнут высоким порталом и угловыми башнями.

Более компактна и проста в плане ханака Диван-беги (1619—1620 гг.), составляющая часть ансамбля у Ляби-хауза. Здесь центральное купольное помещение мечети окружено

Рис. 230. Окраинная улица Самарканда

Рис. 231. Окраинная улица Маргелана

небольшим количеством худжр в два яруса. Передний фасад, обращенный к хаузу, украшен высоким стройным порталом с мозаичной надписью и двумя круглыми башнями по бокам.

Наиболее интересна и сложна в плане ханака Файзабад, возведенная на грани XVI—XVII веков в окрестностях Бухары. К каноническому плану здесь прибавлены боковые открытые аркады галерей, обогащающие силуэт здания и придающие ему ступенчатое построение от внешних границ к высокому устремленному вверх центральному portalу (рис. 237).

Своеобразной разновидностью жилого здания с главным купольным помещением являются дворцы-павильоны в пригородных садах. Они обычно занимали центральное место парка, стояли на главной оси у водоема, были симметричны в плане и обращены своими входами на все четыре стороны по главным осям парка.

Бухарские ханака XVI—XVIII веков завершают развитие того типа центрического жилого здания, который зародился в древнейшие времена как родовое жилище и представлял собой на первых ступенях своего раз-

вития соединение однородных механически сочетающихся между собой комнат.

Позднее наметилось разделение однородного жилого массива на отдельные группы коридорами-проходами (например, большесемейное жилище Аяз-кала № 3). Еще позже, в VI—VII веках, этот прием совершенствовался в общественно-жилых (например, ханака Кырк-кыз) и дворцовых сооружениях, в которых часть внутренних помещений выделена по величине и по архитектурно-строительным приемам, а все сооружение в целом имеет продуманное композиционное построение внутренних пространств. Выделение центрального купольного помещения канонизировалось в укрепленных замках землевладельцев. Этот прием, как показало сделанное выше сравнение больших и малых замков-кёшкков Беркут-калинского оазиса древнего Хорезма, применялся преимущественно в крупных зданиях для выделения главного помещения (например, Якке-парсан).

Выделение центрального помещения стало особенно необходимо тогда, когда жилое здание начало совмещаться с общественно-культовым, т. е. с ханака. Вначале, когда центральное помещение было лишь местом общественных сходок обитателей ханака, это выделение не являлось значительным (например, ханака Султан-Саадат). Впоследствии, когда ханака включила в состав своих помещений мечеть (например, бухарские ханака XVI—XVIII вв.), центральное помещение стало главенствовать, являясь архитектурно-композиционным центром здания.

План здания с открытым прямоугольным двором, обстроенным жилыми помещениями, получил широкое развитие и завершение в тимуридовскую эпоху в тех постройках, где жилище-общезитие сочеталось с общественно-культовым сооружением, т. е. в медресе.

Одним из старейших медресе Средней Азии, послужившим прототипом для позднейших сооружений этого назначения, является бухарское медресе Улуг-бека (1417 г.). В основе его плана лежит квадратный открытый двор, окруженный двухъярусной аркадой. В каждой арке имеется вход в худжру. По переднему фасаду с обеих сторон от входной арки — два симметрично расположенных больших помещения общественно-культового назначения — мечеть и аудитория (дарс-хана). Оба помещения увенчаны куполами и по высоте занимают два этажа. Продольная ось двора

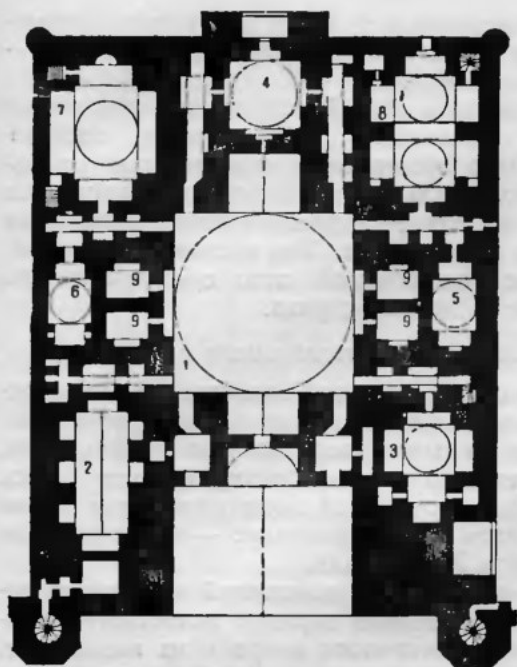

Рис. 232. Схема плана мавзолея-ханака Ахмед-Ясеви (Туркестан):

- 1) Казанлык, 2) «халим-хана» (кухня), 3) помещение с колодцем, 4) мавзолей Ахмед-Ясеви, 5) книжка хана (библиотека), 6) мавзолей малый Ак-сарай, 7) мавзолей большой Ак-сарай, 8) малая мечеть, 9) худжры

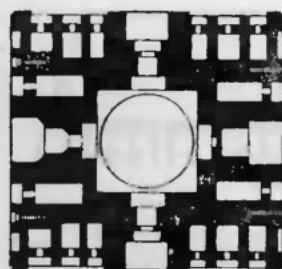

Рис. 233. Схема плана ханака Абдулла-хана в Бахауддине близ Бухары

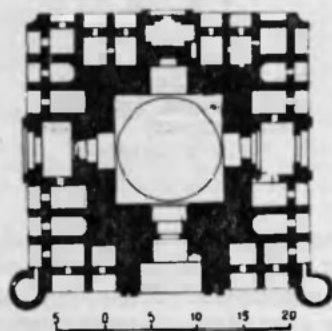

Рис. 234. Схема плана ханака Мухамед-яр-атталык в Бухаре

отмечена двумя открытыми аудиториями-ай-ванами.

Выстроенное несколькими годами позже в Самарканде второе медресе Улуг-бека, с более развитой общественно-культурной частью, имеет открытые айваны на продольной, а также и на поперечной осях. По этой схеме осуществлялись все медресе Средней Азии позднейшего времени. Отличаются они лишь деталями, размерами, богатством архитектурной обработки и различным соотношением жилой и общественно-культовой частей.

В караван-сараях применялась та же схема в более или менее усложненном и измененном виде (рис. 235).

Традиции медресе и караван-сарая отражались и в дворцовых жилых постройках.

Дворцовые здания развивались примерно по тому же плану. О грандиозном дворце Тимура в Шахризиябсе мы знаем из описаний современников. Центром сооружения был большой прямоугольный открытый двор, обстроенный со всех сторон помещениями. До нашего времени

дошли лишь остатки входного портала-пиштака.

Кокандский дворец Худояр-хана, сооруженный в середине XIX века, повторяет тот же планировочный прием обстроенного со всех четырех сторон открытого двора. Изменения можно усмотреть лишь в архитектуре фасадов и в декоре, но схема начертания плана остается в основном неизменной.

В таких сооружениях, как медресе, караван-сарай, парадная часть дворца, совмещающих общественное и жилое назначение, собственно жилая часть носила подчиненный характер, уступая главенство помещениям общественного назначения. Важное содержание зданий этого типа подчеркивалось их расположением в наиболее ответственных пунктах плана города. Поэтому им придавался подчеркнутый представительный вид.

В величественных монументальных сооружениях медресе и караван-сарая XV—XVII веков обработка фасадов приобретала исключительно большое значение. Основной архитек-

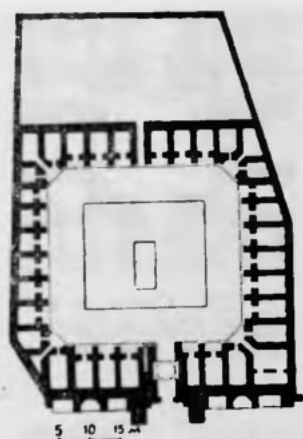

Рис. 235. Схема плана караван-сарая (впоследствии медресе) Диван-беги в Бухаре

турной темой становился пышный портал-пиштак (рис. 236). Угловые башни заменялись высокими минаретами. Моделировка стеной поверхности сводилась к минимуму, оставляя большие гладкие поля для орнаментального узора. Преобладание орнаментальности и цветистости — вот характерная черта декора среднеазиатских монументальных сооружений послемонгольского периода, нашедшая свое отражение и в жилых зданиях дворцового типа.

Таков ход развития той группы сооружений Средней Азии, в основу плана которых положен внутренний двор, обстроенный крытыми помещениями.

Зарождение этого типа можно отнести к древнейшим временам, когда «городища с жилыми стенами» впервые наметили какой-то плановый распорядок, ограничивая свободное пространство прямоугольного внутреннего двора. Однако идея обстроенного двора получила свое четкое архитектурно-планировочное утверждение лишь в крепостном строительстве кушанского периода. Такова крепость Аяз-кала № 1 древнего Хорезма, где жилые помещения военного отряда совмещены с казематами двойных крепостных стен. Этот тип пограничных крепостей-рибатов сохранялся в Средней Азии долгое время, в иных случаях передавая свои черты караван-сараям. Этот же прием в дальнейшем утвердился и для монументальных жилых сооружений, рассчитанных на большое количество проживающих: гостиниц-общежитий,

караван-сараев и т. д. По этому типу сформировался и план высшей мусульманской школы — общежития-медресе.

Введение в общий метрический ряд жилых комнат помещений общественного назначения, более обширных и значительных по высоте, подчеркивало две перпендикулярные оси двора, на которых располагались помещения общего пользования. Так постепенно устанавливался канонический план среднеазиатского медресе и караван-сараев.

Жилые дома ремесленников и торговцев

В рядовом массовом жилище городов и деревень-кишлаков также применялся прием обстройки открытого двора жилыми помещениями. В противоположность Хорезму, где встречались усадьбы со сплошной застройкой, этот прием закрепился в Мавераннахре — на территории будущего Узбекистана.

Приспособление помещений к бытовым запросам определило порядок размещения комнат вокруг открытого двора и их назначение. Случайные конфигурации участков влияли на форму двора, часто давая возможность застройки только двух-трех его сторон, но эти частные отступления от схемы не затшевывали основного планировочного принципа, который постоянно и последовательно проводился в разнообразных вариантах во многих районах Средней Азии.

Это разнообразие вариантов объяснялось прежде всего имущественным неравенством городского и сельского населения, что сказывалось на размерах самой усадьбы, составе строений, на их размещении по усадебной территории, качестве строительства, декоративном убранстве и, наконец, на положении усадьбы в плане жилого района населенного места. Например, обширный бухарский дворец Гаукушан резко отличается от рядовой усадьбы ремесленника или торговца, расположенной среди путаницы улиц и тупиков окраинных кварталов города. Хивинский дворец Таш-хаули несоизмерим с любым другим жилым домом города. Кокандский дворец Худояр-хана не идет ни в какое сравнение с обычной ферганской городской или сельской усадьбой. О грандиозности Шахризязьбского дворца было сказано выше.

Вместе с тем, жилые дома и усадьбы городов и пригородов Средней Азии в эпоху тимуридов, шейбанидов и в более позднее время приобретали в каждом из районов страны свои локальные особенности, обусловленные историческими традициями, местными и природными

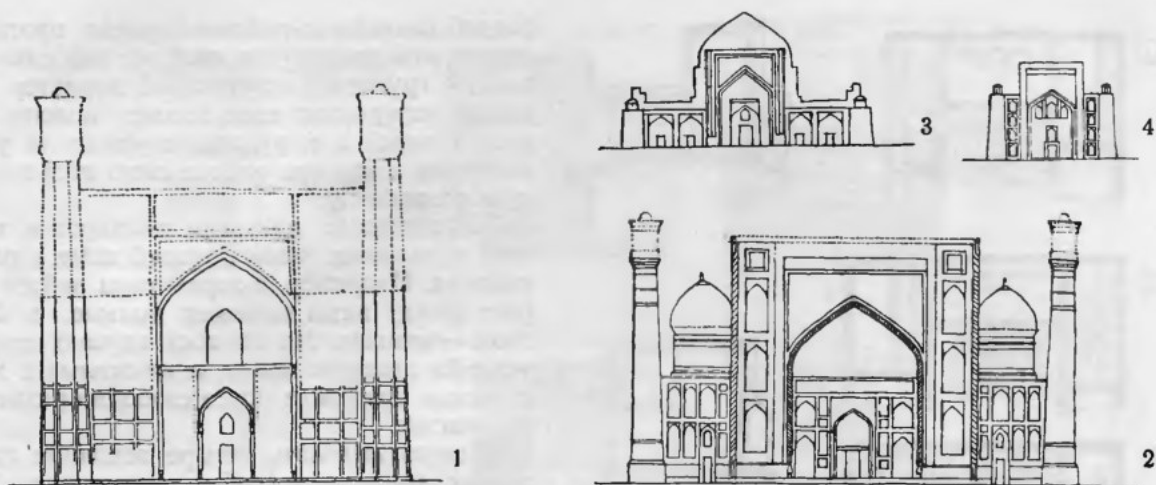

Рис. 236. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений арочным мотивом:

- 1) схема главного фасада ханака-мавзолея Ахмед-Ясеви (реконструкция), 2) схема главного фасада медресе Шир-дор в Самарканде, 3) схема главного фасада ханака Мухамед-яр-атталык в Бухаре, 4) схема главного фасада ханака Диван-беги в Бухаре

условиями, бытовыми привычками, художественными вкусами, излюбленными декоративными мотивами.

В пределах общих для различных районов Средней Азии планировочных приемов, заклю-

чавшихся в размещении жилых и хозяйственных помещений вокруг внутреннего двора, в сходной схеме плана жилых комнат и т. д., разрабатывались различные варианты застройки жилой усадьбы для каждого из районов. Эти

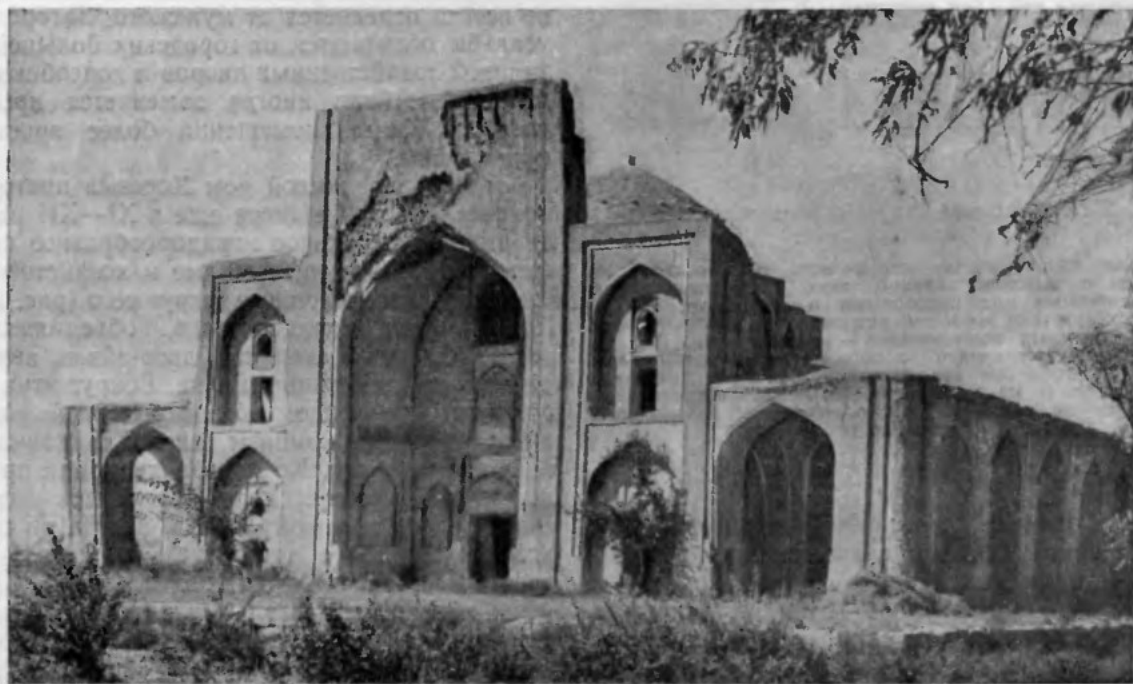

Рис. 237. Ханака Файзабад в Бухаре

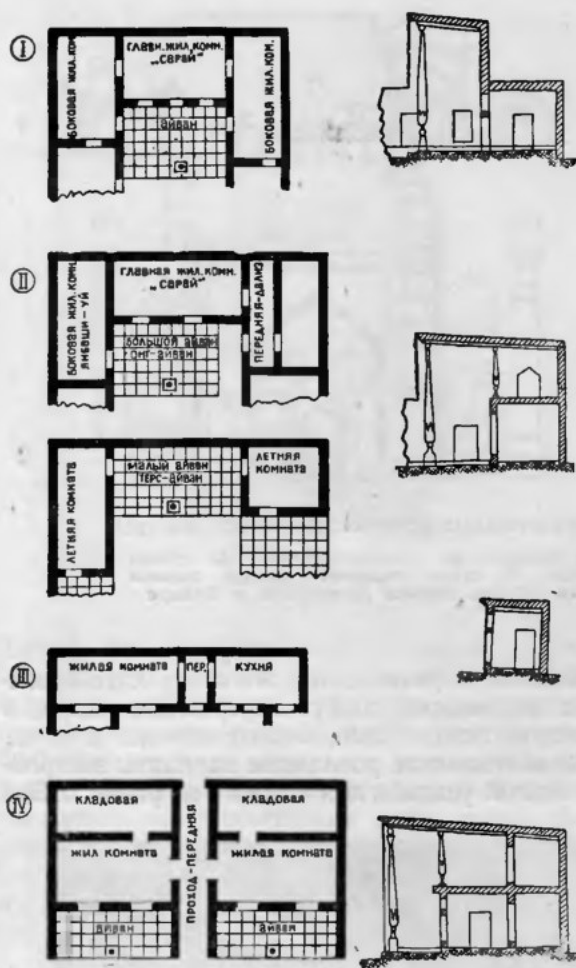

Рис. 238А. Основные схемы планов жилых ячеек хорезмского типа:

Основная жилая ячейка хорезмского типа состоит из юмнаты с высоким айваном перед ней (онг-айван) с двумя жилыми или подсобными помещениями по бокам (I). Часто над комнатой устраивается крыша-терраса и над боковыми помещениями — антресоли (II). Под углом к основной ячейке располагаются второстепенные жилые комнаты (ямбаши-уй) со входом через переднюю (дализ) (III). В крупных усадьбах встречается ячейка, состоящая из юмнаты, айвана перед ней и кладовой сзади, разделенных проходом (IV)

местные отличия проявлялись по-разному. Айваны-террасы в одном случае имели характер галерей, тянувшихся вдоль жилых комнат, в другом они представляли глубокие, открытые с одной стороны помещения, особенно эффектные в Хорезме, где применялись высокие, покрытые сплошной резьбой, поддерживающие колонны. Зимние и летние жилые помещения

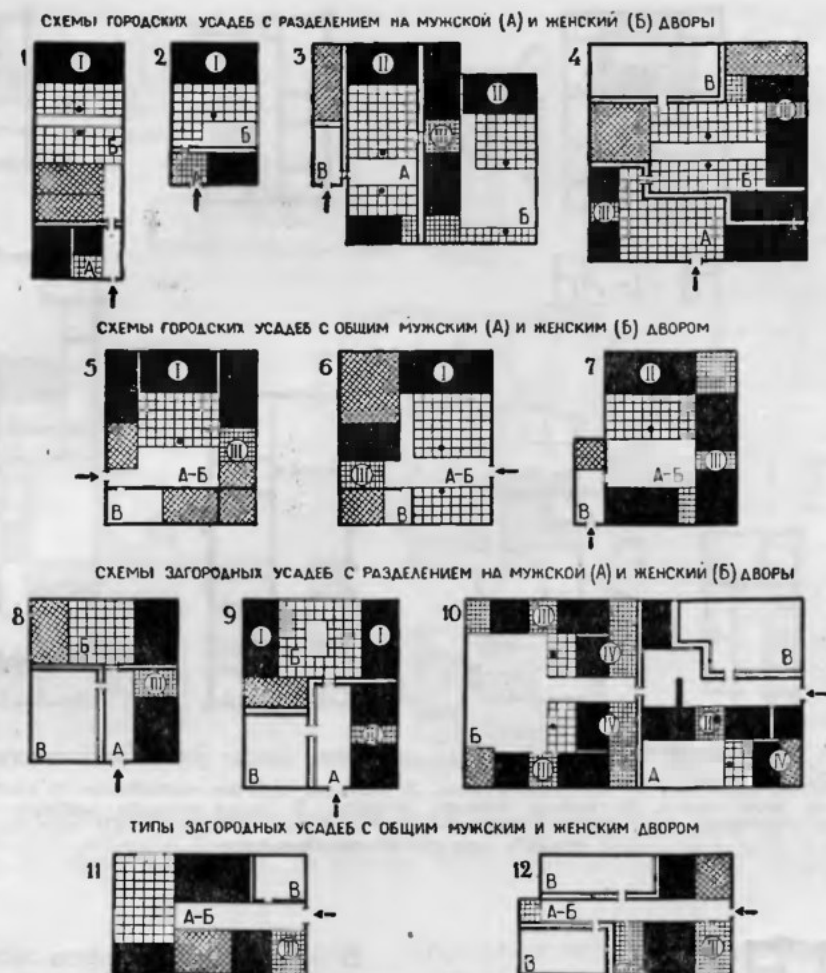
усадоб различных районов иногда противопоставлялись друг другу, иной же раз сливались в одну группу. Декоративный характер украшений внутренних стен комнат, колонн айванов, а порой и наружные ограждения усадеб получали в каждом районе свою индивидуальную разработку.

Характерные признаки планировки городских и сельских жилых усадеб иные в разных районах. Например, в хорезмском районе контраст между ними выражен больше, в бухарском — меньше. Но во всех случаях сельские усадьбы проще в плане, а их жилые и хозяйственные постройки более свободно размещены на участке.

Можно выделить четыре основные группы жилых домов и усадеб — хорезмскую, бухарскую, самаркандскую и ферганскую. Имеются более мелкие разновидности, например, в районе Ташкента, Шахризбса, Карши, но они являются лишь местными вариантами главных групп.

Хорезмский тип (рис. 238 А и Б). Основу плана городской усадьбы составляет комната с большим айваном (онг-айван) перед ней и расположенным напротив малым айваном (терс-айван). В развитых усадьбах вдоль остальных сторон двора размещаются второстепенные комнаты, жилые и подсобные. Женский двор не всегда отделяется от мужского. Загородные усадьбы отличаются от городских большей величиной хозяйственных дворов и подсобных помещений. Айван иногда заменяется крытым двором. Жилые помещения более просты и примитивны.

Загородный жилой дом Хорезма повторяет приемы, определившиеся еще в XI—XII веках; он имеет центральное коридорообразное помещение, объединяющее жилые и хозяйственные комнаты, расположенные вокруг него (рис. 239). Центральный коридор-дализ, объединяющий все помещения и открытый двор-айван, является основой композиции плана. Вокруг этих необходимых в каждом доме помещений размещаются жилые комнаты, хлев или конюшня, кладовая и кухня. Коридор и двор, как правило, имеют крышу. Двор освещается иногда сверху через световой фонарь, иногда он перекрыт частично с отверстием в крыше для доступа света. Обычно стены двора-айвана выше перекрытий остальных построек. В зависимости от характера хозяйства различен удельный вес помещений. В одних случаях больше места отводится жилым помещениям, в других — хозяйственным складам, помещени-

238Б. Основные схемы планов городских и загородных усадеб хорезмского типа:

Основу плана городской усадьбы составляет комната с большим айваном (онг-айван) и расположенный напротив малый айван (терс-айван) (1, 2). В развитых усадьбах вдоль остальных сторон двора размещаются второстепенные жилые и подсобные комнаты (3, 4). Женский двор (Б) не всегда отделяется от мужского двора (А—5, 6, 7). Загородные усадьбы отличаются от городских преобладанием хозяйственных дворов и подсобных помещений. Айван иногда заменяется крытым двором (8, 9, 10). Жилые помещения более просты по плану. Применяется преимущественно жилая ячейка типа III (8, 9, 10, 11, 12)

ям для скота. Иногда в состав дома включается мастерская иш-хана.

Большое количество разнообразных по размеру и назначению помещений затрудняет симметрическое построение плана, как это бывало раньше. Комнаты свободно распределяются в зависимости от удобств и жизненных потребностей. Их размеры и соотношение помещений разного назначения довольно сильно колеблются,

но тип плана и общая взаимосвязь помещений остается неизменной.

Жилища хорезмских городов несколько отличаются от сельских усадеб (рис. 241). Прежде всего, разнообразны конфигурации домов, обусловленные теснотой городской застройки, особенно в центральных районах. Здесь приходится выкраивать участки в лабиринте улиц среди ранее застроенных и давно обжитых мест.

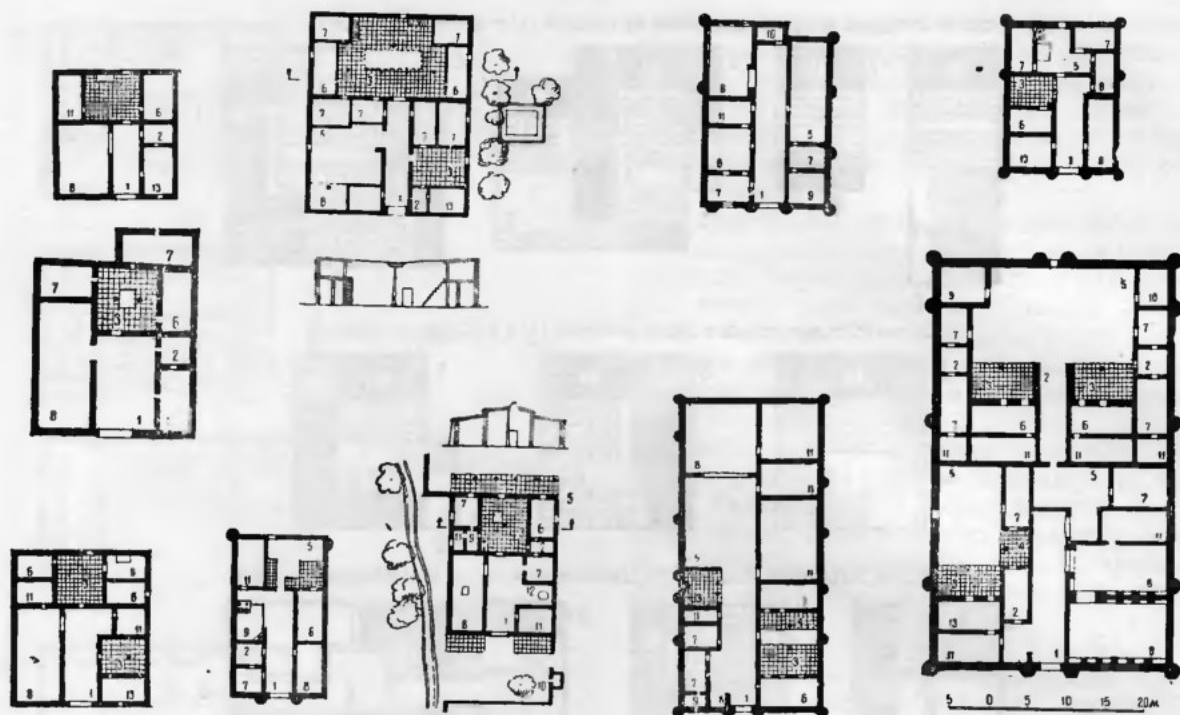

Рис. 239. Схематические планы и разрезы загородных жилых усадеб хорезмского типа:

1) въездное помещение «дарваза», 2) передняя «дализ», 3) большая терраса «онг-айван», 4) малая терраса «терс-айван», 5) открытый двор «саан», 6) главная комната «сарай», 7) малая комната «янбаши-уй», 8) конюшня «ат-хана», 9) кухня «аш-хана», 10) уборная «аб-хана», 11) кладовая «казнак», 12) мельница «хараз-хана», 13) комната для гостей «михман-хана»

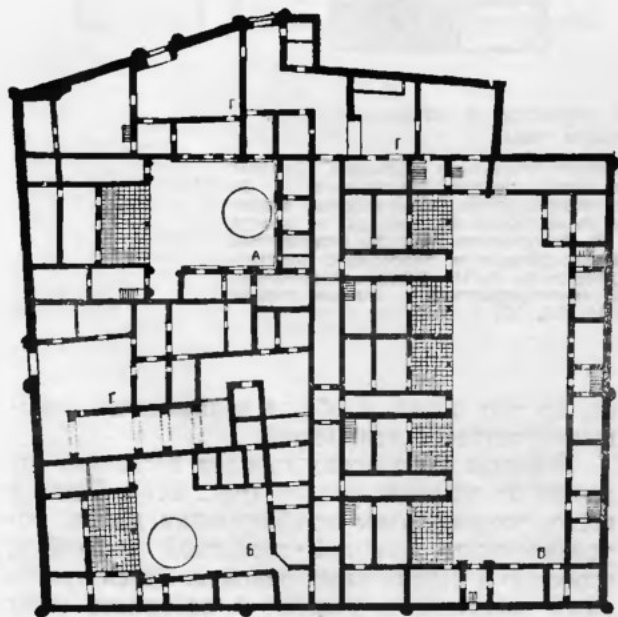

Рис. 240. Схема плана дворца Таш-хаули в Хиве

В плане дома большее значение приобретает центральный двор-айван. Здесь общая композиция плана лишена того несколько механического соединения помещений, которое часто наблюдалось в сельских жилищах-усадебках.

Двор-айван разделен на две части — большую (онг-айван) и малую (терс-айван). Между перекрытиями этих двух айванов остается лишь небольшая щель, сквозь которую видно небо. Даже в том случае, если система двух айванов нарушена и по каким-то соображениям (главным образом в небольших домах) оставлен лишь большой айван, его перекрытие занимает значительную часть двора, и открытая часть обычно меньше по площади.

В композиции плана четко сохраняется принцип центрального помещения-вестибюля, куда выходят все основные комнаты. В этом основное отличие хорезмского двора-айвана от открытого жилого двора других районов Средней Азии. Двор здесь сливается с айваном, является его дополнением. Айван, обычно пре-

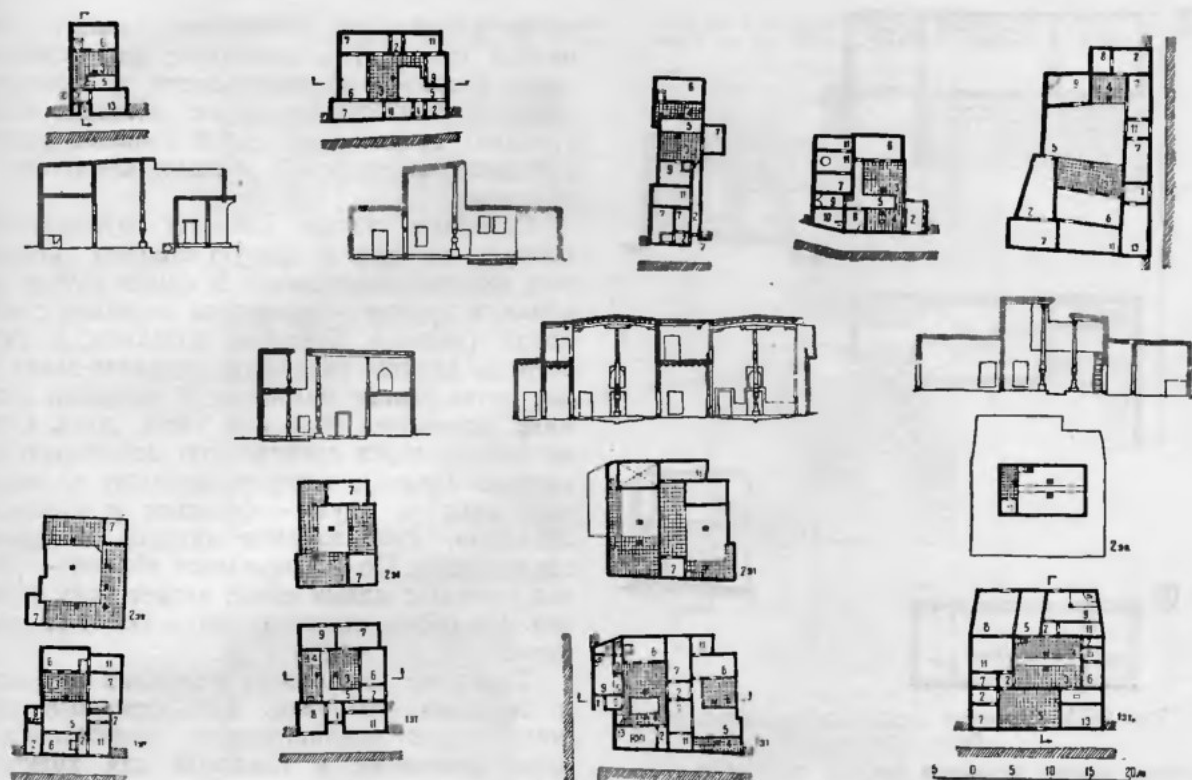

Рис. 241. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб хорезмского типа:

1) въездное помещение, 2) передняя, 3) большая терраса, 4) малая терраса, 5) открытый двор, 6) главная комната, 7) малая комната, 8) конюшня, 9) кухня, 10) уборная, 11) кладовая, 12) мельница, 13) комната для гостей

восходящий по высоте окружающие помещения, главенствует над ними. Коридор-дализ, столь характерный для сельского жилища, часто отсутствует или очень невелик. Обычно ограничиваются лишь въездным помещением-дарваза. Только особые условия участка, например его вытянутость, заставляют развивать коридор.

Распределение жилых и хозяйственных комнат в городских домах по сравнению с сельскими имеет более четкую систему и упорядоченность. У входа выделяется обычно помещение для приема посетителей и гостей — михман-хана. Жилые комнаты разделяются на основные (сарай) и боковые (янбаши-уй).

Основные комнаты расположены по оси большого айвана; в боковые можно войти через небольшую переднюю, которая расположена по оси двух смежных помещений. Впрочем, этот распорядок часто меняется в зависимости от тех возможностей, которые пре-

доставляет тесный с изломанными контурами городской участок, но основные приемы, вы-

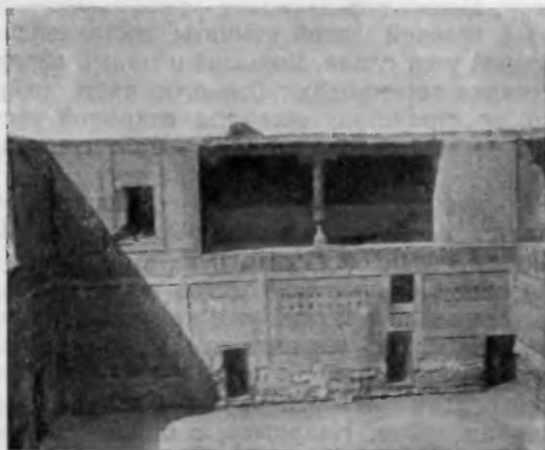

Рис. 242. Один из внутренних дворов в хивинском дворце Таш-хаули

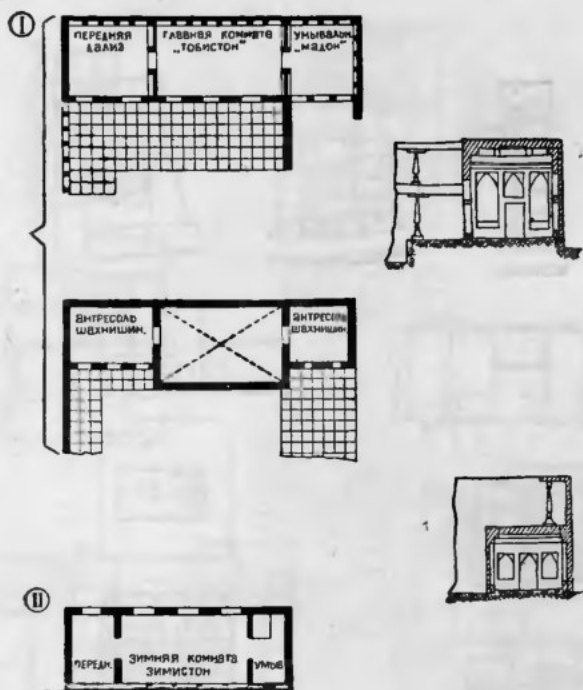

Рис. 243А. Основные схемы планов жилых ячеек бухарского типа

Жилые ячейки бухарской усадьбы бывают двух типов: летняя — тобистон (I) и зимняя — зимистон (II). Каждая ячейка состоит из центральной комнаты с расположенными по бокам передней «дализ» и умывальной «мадон». Комната летней ячейки (I) имеет двойную высоту. Над подсобными помещениями располагаются антресоли «шахнишин». Иногда зимняя ячейка заменяется боковыми комнатами

званные жизненной необходимостью, остаются. Например, большой айван всегда обращен к северу. Неизменно взаимное расположение айвана и главной жилой комнаты, составляющее основной узел плана. Большой и малый айваны постоянно перекрывают большую часть дворового пространства, оставляя открытой части двора (саан) сравнительно небольшую площадь.

В крупных домах богатей и дворцах знати вводятся новые композиционные приемы. Появляется разделение на мужскую и женскую половины. Большое количество комнат и хозяйственных помещений уже не может объединяться айваном. Появляется обширный открытый внутренний двор, в котором айван становится в ряду закрытых помещений по границам двора. Например, в одном из крупных хивинских домов михман-хана и мужская половина (ташкари) расположены на втором этаже, куда попадаешь по внутренней лест-

ничке из входного помещения (дализ). Конюшня (ат-хана) и помещение для перемолы зерна (хараз-хана) помещаются в непосредственной близости от входа. Женская часть (ичкари) представляет собой большой открытый двор, окруженный жилыми комнатами и айванами.

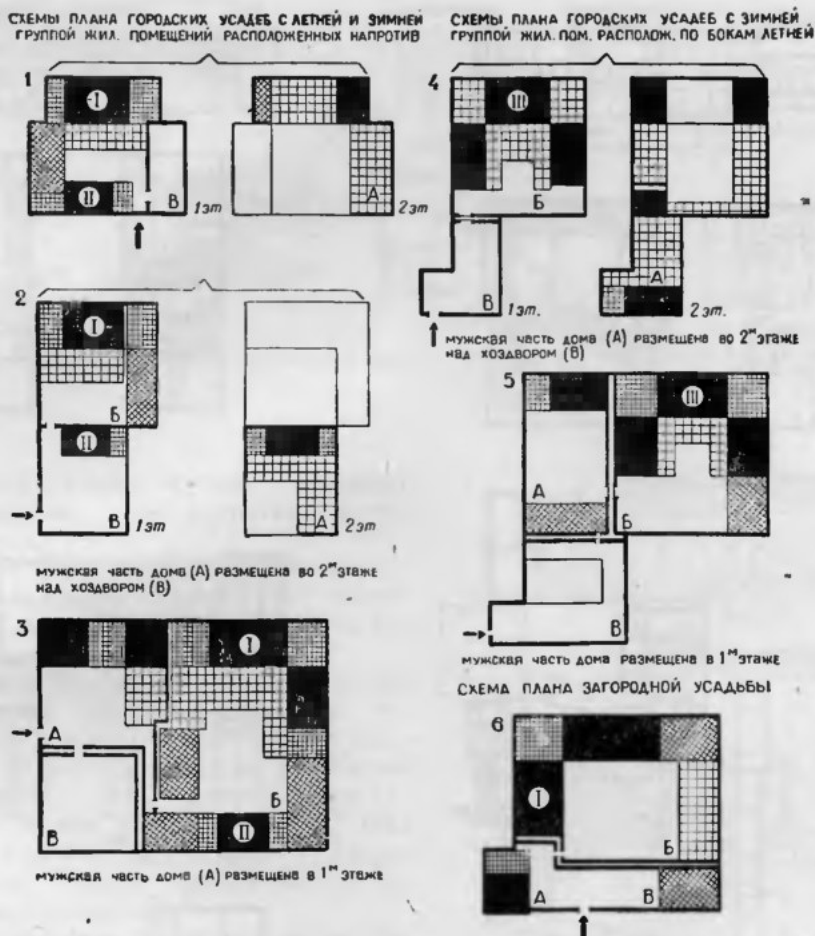
Основные жилые комнаты группируются попарно по одну и другую стороны небольших входных помещений. В одном случае это айван, в другом — небольшая передняя с кладовой (казнак). Северная половина, в свою очередь, делится коридором (дарваза-хана) на две почти равные половины. В западной половине размещена мужская часть дома. Сюда попадаешь через специальную небольшую переднюю (дализ), которая приводит в открытый двор с двумя — большим и малым — айванами. Расположение айванов и комнат традиционно. По оси большого айвана — главная комната; малый айван играет роль передней. По обеим сторонам его — боковые комнаты.

Такая же композиция положена в основу и женской половины. Юго-восточный угол дома отдан хозяйственным помещениям — двум конюшням и кладовой для хранения фуража (рис. 239).

Те же характерные черты крупного хорезмского жилого дома, но еще более развитые и усложненные, мы видим в хивинском дворце Таш-хаули, построенном Алла-Кули-ханом в 1830—1832 годах. В основе плана лежит прямоугольник; лишь западная стена идет по ломаной линии, приспособляясь к очертаниям прилегающих зданий и проездов (рис. 240, 242).

Через въездное помещение и небольшую переднюю можно непосредственно попасть в официальную часть дворца — приемный зал (арз-хаули). Это — открытый двор, окруженный с трех сторон комнатами служебного назначения в два этажа. Четвертая (южная) стена представляет собой высокий айван с тремя дверями, ведущими в тронный зал, расположенный по оси айвана и открытого двора.

Через то же въездное помещение, переходящее в длинный коридор, можно попасть в два других отделения дворца — двор увеселений (ишрат-хаули) и гарем. План ишрат-хаули очень близок к плану приемного зала: тот же открытый двор, окруженный комнатами, тот же большой айван с южной стороны, через который попадаешь в глав-

243Б. Основные схемы планов городских и загородных усадеб бухарского типа

Основу плана усадьбы составляют летняя и зимняя ячейки, расположенные друг против друга (1, 2, 3), мужской (А), женский (Б) и хозяйственный (В) дворы. Постройки, как правило, двухэтажные. Второй этаж занят мужскими помещениями, расположенными обычно над хозяйственным двором. Иногда второстепенные (зимние) комнаты расположены не напротив, а по бокам главной комнаты (4, 5). Загородные усадьбы отличаются от городских более примитивной организацией жилой ячейки и более свободным размещением помещений на участке (6).

ную, наиболее обширную комнату этой части дворца.

Гарем — наиболее обширная часть дворца — занимает всю его северную половину. Сюда в центральный открытый двор можно попасть через три длинных коридора (узун-дализ). Вдоль южной стены открытого двора идут подряд пять высоких айванов с расположенными за ними в два ряда жилыми комнатами. Вдоль других стен идут в первом этаже жилые и хозяйственные комнаты, а над ними, во втором этаже, малые айваны.

17 В. А. Лавров

Таким образом, схема плана в каждой из частей дворца повторяется.

Бухарский тип (рис. 243 А и Б). В противоположность Хорезму бухарский тип почти не знает айвана. Основу плана усадьбы составляют летняя и зимняя ячейки, расположенные напротив. В усадьбах обычно четко выделены мужской (бирун), женский (дарун) и хозяйственный дворы.

Постройки, как правило, двухэтажные. Второй этаж занят мужскими комнатами, расположенными обычно над хозяйственным

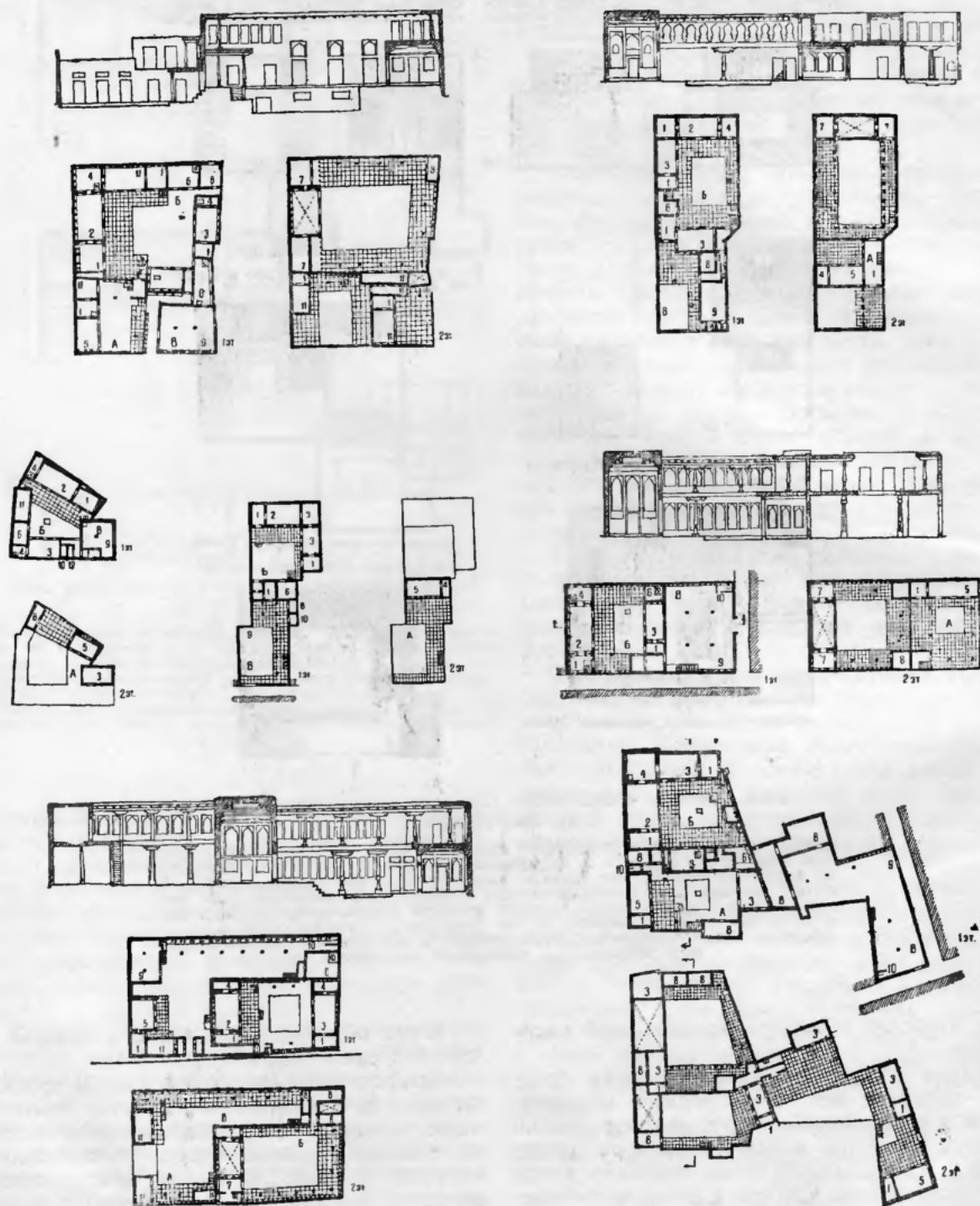

Рис. 244А. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб бухарского типа:

1) передняя, 2) главная комната «хана-тобистон», 3) зимняя комната «хана-зимистон», 4) умывальная «мадон», 5) комната для гостей «михман-хана», 6) кухня «аш-хана», 7) антресоли «шахнишин», 8) кладовая, 9) конюшня «бостурма», 10) уборная «бадраб», 11) жилая комната «хана», А) мужское отделение «ташкари», Б) женское отделение «ичкари», В) хозяйственный двор

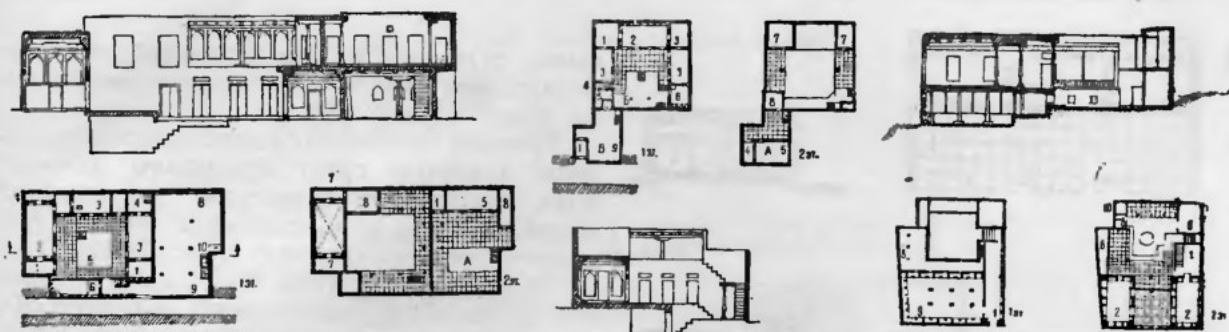

Рис. 244Б. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб бухарского типа

двором. Иногда второстепенные (зимние) комнаты размещены не напротив, а по бокам главной комнаты.

Загородная усадьба отличается от городской более примитивной организацией жилой ячейки и более свободным расположением помещений на участке.

Жилые ячейки бухарской усадьбы бывают двух типов: летняя (тобистон) и зимняя (зимистон). Каждая ячейка состоит из центральной комнаты с расположенными по бокам передней и умывальной (мадон). Комната летней ячейки имеет двойную высоту. Над подсобными комнатами располагаются антресоли (шахнишин). Иногда зимняя ячейка заменена боковыми комнатами.

Небольшие размеры участков, вызванные теснотой городской застройки, вынуждали развивать помещения в высоту. Поэтому все бухарские дома имели два (а иногда и более) этажа. Здесь усиленно использовали и крыши. В летнее время спали обычно на крышах низких комнат, а для ограждения их от соседей устраивали глухие стены с малыми навесами (айванчи) (шириной в 0,70—1,00 м) перед ними.

Жилище Бухары обычно имеет форму неправильного прямоугольника, приспособленного к направлению улиц, переулков и границам соседних участков. Таков небольшой дом в Бухаре, в гузаре Суфиян. Его внутренний двор имеет форму трапеции. Малые размеры участка заставили разместить мужскую часть (ташкари) во втором этаже, ограничив ее размеры двумя комнатами и небольшим участком крыши. В первом этаже — входное помещение и конюшня, откуда ведет лестница на второй этаж, в михман-хана. Далее через коленчатый

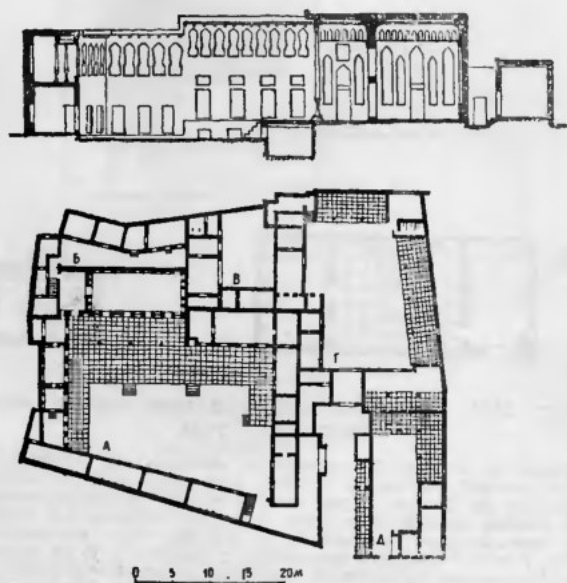

Рис. 245. Схема плана и разрез дворца Гаукушан в Бухаре

А) приемный двор, Б) мужское отделение, В) женское отделение, Г и Д) хозяйственные дворы

Рис. 246. Схематические планы и разрезы загородных жилых усадеб бухарского типа

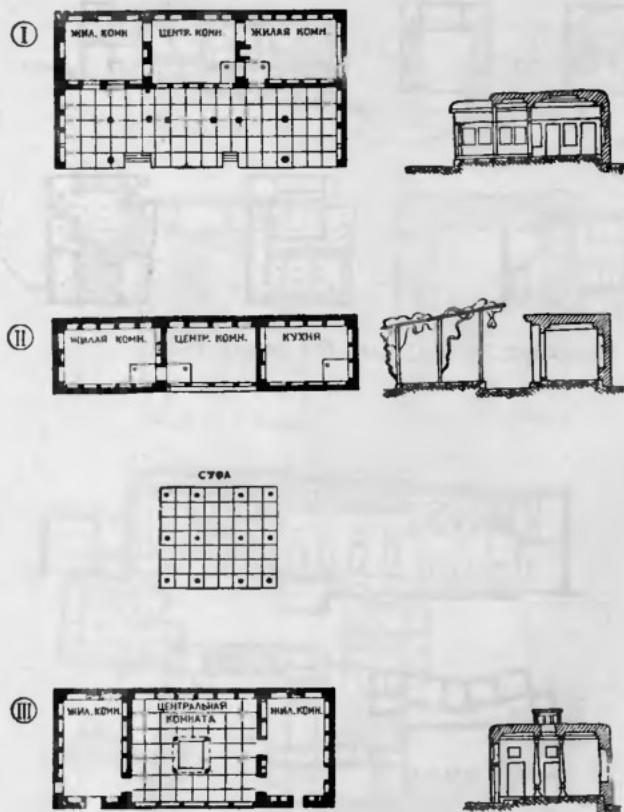

Рис. 247А. Основные схемы планов жилых ячеек ферганского типа

Основная ячейка (I) состоит из центральной комнаты с раздвижной наружной стеной «тобадон» и двух жилых комнат по бокам. Перед всей ячейкой размещен айван. В ячейке простейшего типа (II) айван заменяется суфой с виноградным трельяжем. В ячейке типа «кашгарча» (III) главная комната увеличена в размерах. В ее центре стоят четыре деревянные колонны, поддерживающие световой фонарь. Между колоннами иногда бывает бассейн

коридорчик можно попасть во внутренний двор женской части. Две стороны внутреннего двора заняты жилыми комнатами — летними и зимними, третья — кухней и кладовой. У каждой жилой комнаты — небольшая передняя с умывальником (рис. 244 А и Б).

В зависимости от формы участка, рельефа местности, расположения его в центре или на окраине города, строители принимали разнообразные планировочные решения, но неизменно сохраняли устоявшиеся традиционные приемы как в общей композиции, так и в декоративной обработке, столь богатой и разнообразной в бухарских домах.

Бухарские загородные дома, не в пример хорезмским, принципиально схожи с город-

скими, отличаясь от них величиной, скромностью декора и более свободным размещением на участке (рис. 246).

Большие жилые сооружения-дворцы повторяют плановую схему бухарского рядового дома, значительно превосходя последний по общей площади и по количеству комнат (например, дворец Гаукушан) (рис. 245).

Ферганский тип (рис. 247 А и Б). Ферганская усадьба несколько отлична от бухарской и хорезмской прежде всего своей обширностью. В ее пределы часто входят фруктовые сады и огороды. При домах разведен виноградник, причем с большим разнообразием используются его декоративные качества. Например, в Коканде навес из лоз приподнимается над крышей дома, образуя зеленую беседку-трельяж; в Маргелане распространен горизонтальный трельяж, примыкающий непосредственно к дому, а в Намангане — наклонное перекрытие-трельяж [29].

Основу плана усадьбы составляет жилая ячейка, свободно расположенная на участке.

Усадьба обычно разделена на три самостоятельные части — мужской двор, женский и помещение для скота (рис. 248).

На небольших участках простейшего типа жилой дом представлен ячейкой из центральной и двух боковых комнат. Одна из боковых комнат и часть двора отведены для мужской половины. Специальный хозяйственный двор отсутствует, но обычно усадьба имеет отдельные жилые помещения в мужском и женском дворе с особо выделенным хозяйственным двором. Жилая ячейка усложняется прибавлением дополнительных комнат. Все постройки часто размещены в глубине усадьбы при разнообразном расположении отдельных ее частей.

Основная жилая ячейка ферганского типа состоит из центральной закрытой комнаты с раздвижной наружной стеной (тобадон) и двух жилых комнат по бокам. Перед всей ячейкой размещен айван.

В ячейках простейшего типа айван заменяется суфой с виноградником-трельяжем.

В ячейке типа «кашгарча» центральная комната увеличена в размерах; в центре ее стоят четыре деревянные колонны, поддерживающие световой фонарь. Между колоннами иногда бывает бассейн.

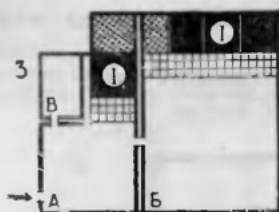
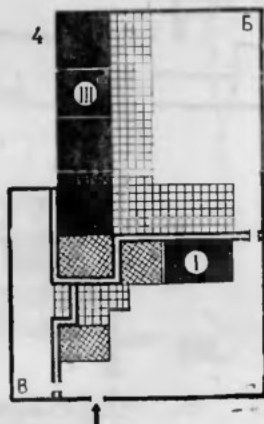
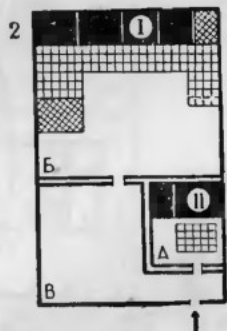
К ферганскому типу близки жилища Ташкентского района.

Крупные жилые сооружения-дворцы основаны на тех же планировочных приемах; они

СХЕМА ПЛАНА ПРОСТЕЙШЕЙ ГОРОДСКОЙ И ЗАГОРОДНОЙ УСАДЬБЫ

СХЕМЫ ПЛАНОВ ГОРОДСКИХ И ЗАГОРОДНЫХ УСАДЬБ С РАЗДЕЛЕНИЕМ НА МУЖСКИЕ (А) И ЖЕНСКИЙ (Б) ДВОРЫ И ВЫДЕЛЕНИЕМ ХОЗДВОРА (В)

247Б. Основные схемы планов городских и загородных усадеб ферганского типа

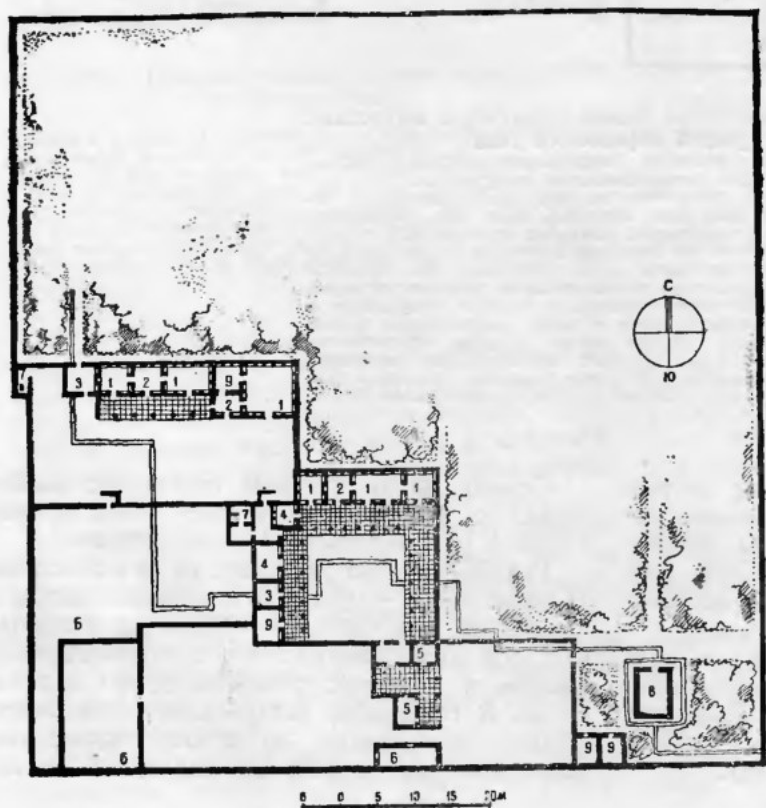
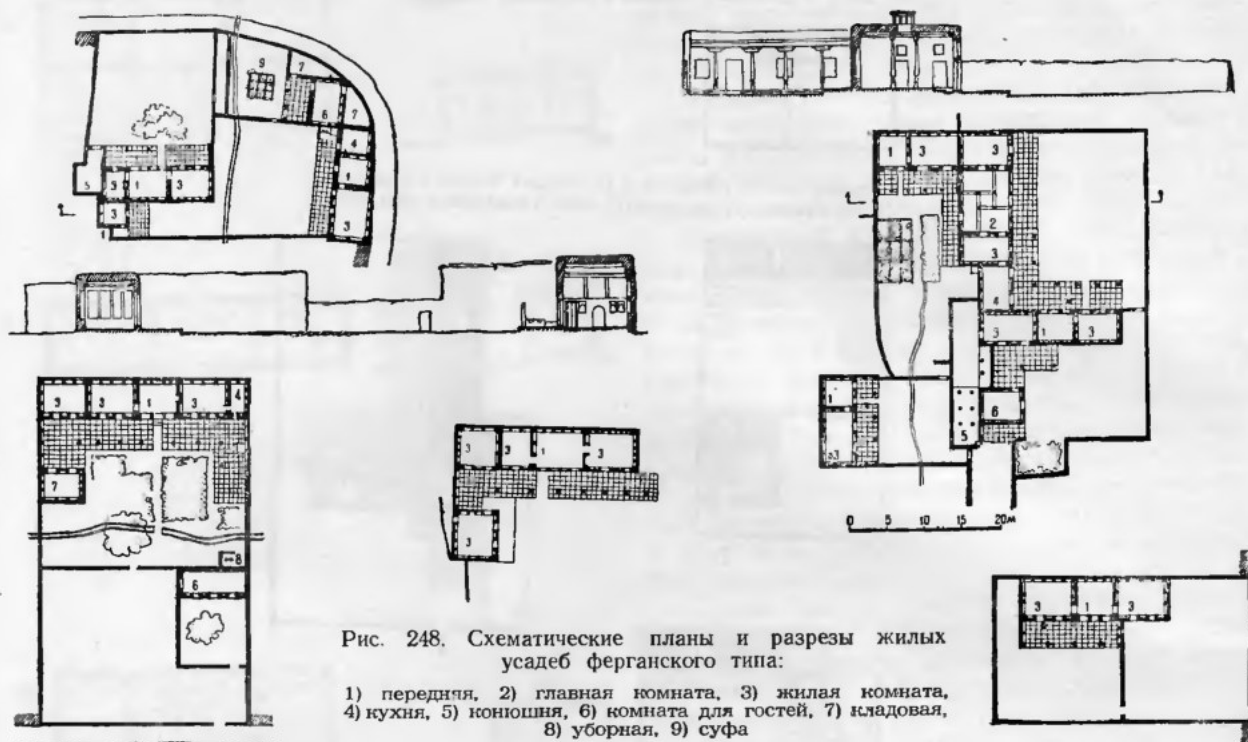
Основу плана усадьбы составляет жилая ячейка, свободно расположенная на участке. Усадьба обычно разделена на три самостоятельные части — мужской двор (А), женский двор (Б), помещение для скота (В). В небольших усадьбах простейшего типа (I) жилой дом состоит из первичной ячейки (I, II). Одна из боковых комнат и часть двора отделены для мужской половины. Специальный хозяйственный двор отсутствует. Обычно усадьба имеет отдельные жилые помещения в мужском и женском дворе с особо выделенным хозяйственным двором. Иногда жилая ячейка усложняется прибавлением дополнительных комнат. Все постройки обычно размещаются в глубине усадьбы. Взаимное расположение отдельных частей усадьбы разнообразно (2, 3, 4)

имеют открытый двор или несколько дворов с жилой группой и айванами в каждом из них (например, загородный ханский дворец в ферганском селении Анм) (рис. 249) или кокандский дворец Худояр-хана (рис. 250, 256).

Самаркандский тип (рис. 251 А и Б). Жилые дома Самарканда по начертанию плана занимают среднее место между домами Ташкента и Бухары. Чаще встречается бухарский прием (две комнаты с передней между ними).

Основу плана усадьбы составляет жилая ячейка с расположенным под углом к ней айваном или подсобными помещениями.

Усадьба обычно разделена на три самостоятельные части — мужской и женский дворы и помещение для скота. В небольших усадьбах мужской двор совмещается с хозяйственным двором, в развитых усадьбах двор выделен особо. В городских усадьбах мужская часть обычно помещается во втором этаже над хозяйственным двором или над помещениями

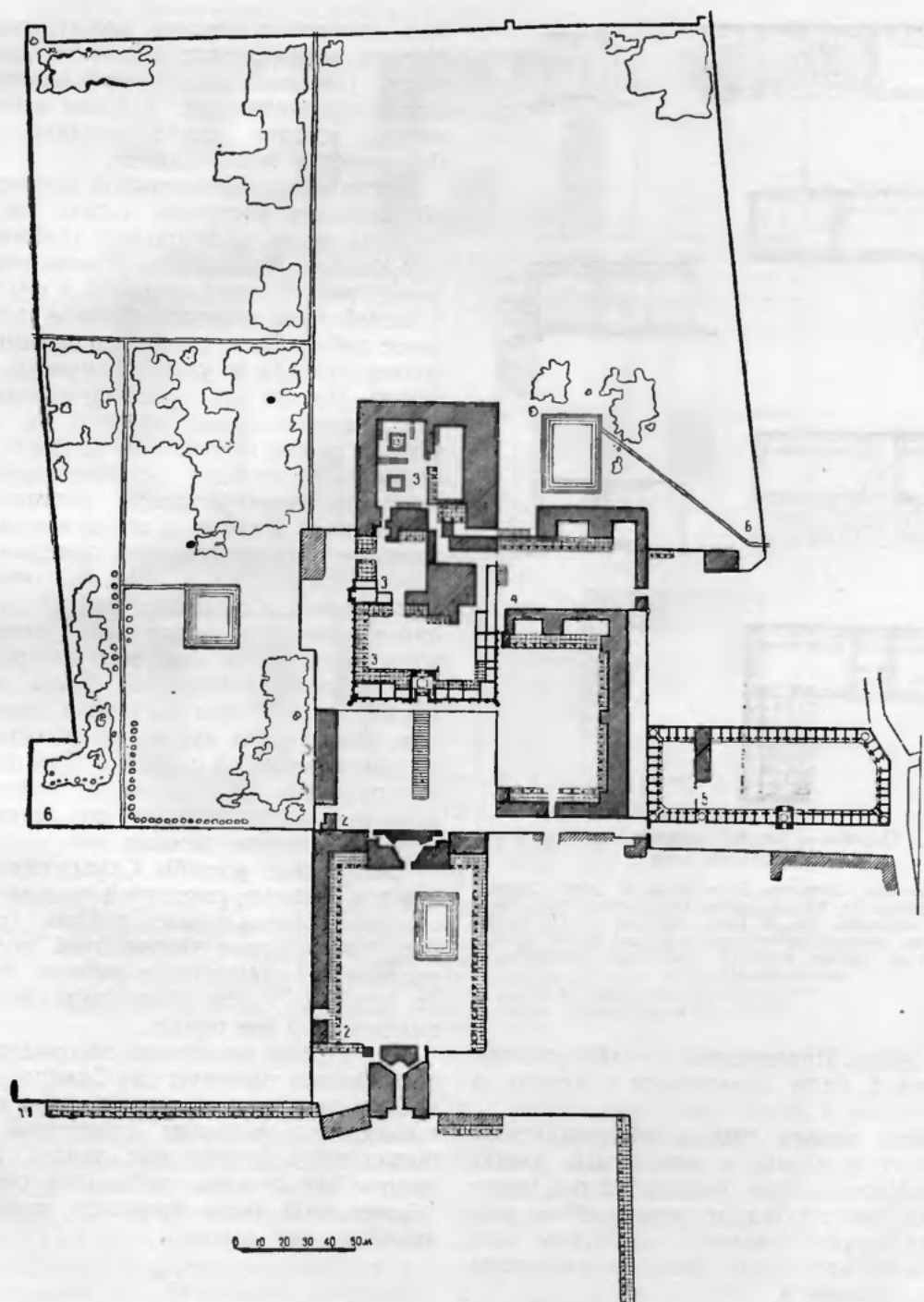

Рис. 250. Схема плана кокандского дворца Худояр-хана:

- 1) городская площадь, 2) внешние дворы, 3) внутренние дворы, 4) служебные дворы,
5) мечеть-медресе, 6) сад

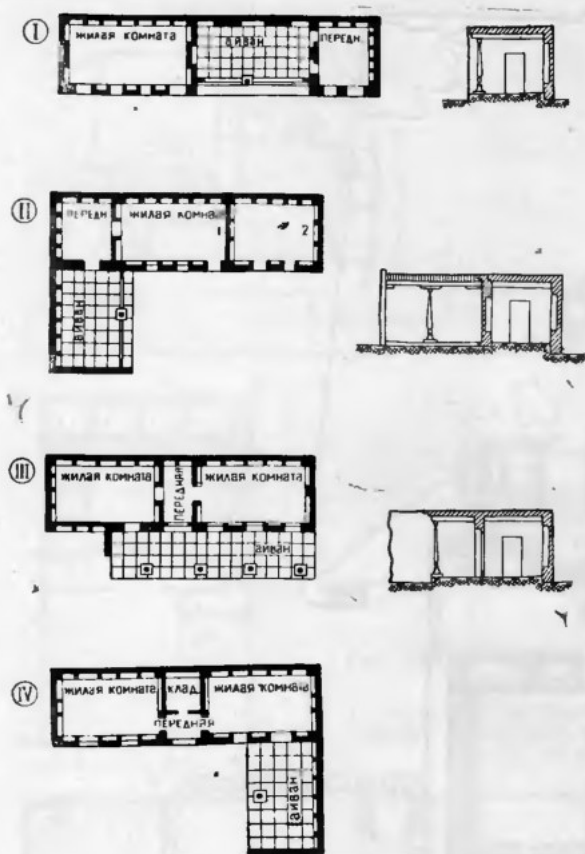

Рис. 251А. Основные схемы планов жилых ячеек самаркандского типа

Основная ячейка состоит из айвана и двух жилых комнат по бокам (I). Иногда айван расположен под углом к жилым комнатам (II). В ряде случаев айван размещается перед жилыми комнатами или под углом к ним. В этом случае жилые комнаты разделены передней и кладовой (III, IV)

женского двора. Пригородные усадьбы отличны от городских, более примитивны и просты в плане.

Основная жилая ячейка самаркандского типа состоит из айвана и двух жилых комнат по бокам. Иногда айван расположен под углом к жилым комнатам. В ряде случаев айван располагается перед жилыми комнатами, под углом к ним, или жилые комнаты разделены передней и кладовой.

Жилые усадьбы Самарканда имеют часто неправильную конфигурацию, приспособляясь к направлению улиц (рис. 252). Такова усадьба в квартале Кази-Абдурасуль в Сузан-Гаранской части. Здесь только один открытый двор, который окружает жилые и хозяйствен-

ные комнаты с айваном между ними. Часть второго этажа занята комнатой для приема гостей (михман-хана), изолированной от всех остальных помещений. Усадьба имеет композицию, которая стала традиционной для большинства жилых домов.

Часто из-за недостаточной ширины участка помещениями обстроены только две или три стороны двора, а остальные замыкаются стеной-дувалом. Иногда весь участок размещается во внутренней части квартала и его связывает с улицей лишь коридорообразное въездное или какое-либо другое служебное помещение (например, усадьба на улице Абдурасуль в Самарканде). Но при всех индивидуальных отклонениях, определяемых формой и размером участка и его отношением к улице, остается неизменным основной планировочный прием — открытый прямоугольный замкнутый двор, окруженный жилыми и хозяйственными помещениями. Для организации помещений характерно расположение в один ряд открытых частей-айванов и закрытых комнат. Характерен прием взаимного расположения комнат, представляющий собой сочетание центрального и двух боковых помещений. Часть помещений размещается обычно во втором этаже, например, комната для приема гостей или же одна из комнат мужской половины. Эти планировочные принципы встречаются в любом жилом доме и, в зависимости от его величины, развиты больше или меньше.

Загородные усадьбы Самарканда так же, как и в Хорезме, сохранили традиции больше-семейных укрепленных усадеб (рис. 253). Это — последствия беспокойной жизни, войн, родовых междоусобиц и набегов кочевников, от которых нужно было охранять усадьбы, находящиеся вне города.

Внутренняя планировка загородной усадьбы представляет типичную для Самарканда жилую ячейку, несколько упрощенную и с небольшим количеством закрытых помещений, так как большинство загородных усадеб предназначалось для летнего пребывания относительно обеспеченной части населения, проживавшего зимой в черте города.

* * *

В течение веков происходили изменения приемов планировки, характера и назначения отдельных помещений как в обычном жилище, так и в монументальных жилых сооружениях, объединенных с общественными (ханака, медресе).

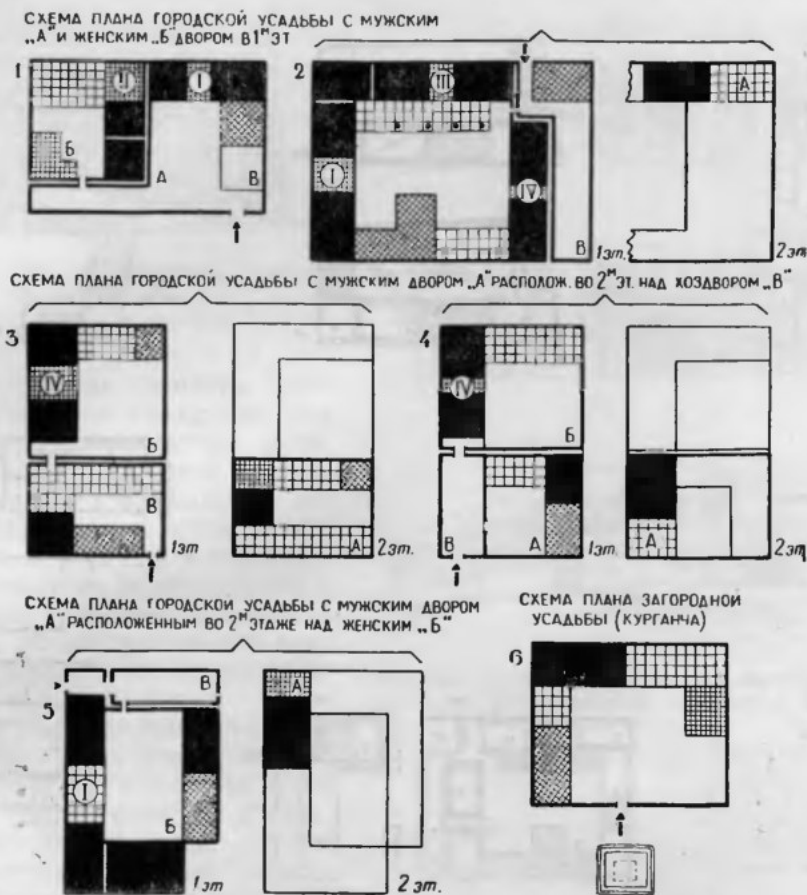

Рис. 251Б. Основные схемы планов городских и загородных усадеб самаркандского типа

Усадьба городского типа отлична от пригородной усадьбы и обычно разделена на три самостоятельные части: мужской двор (А), женский двор (Б), помещение для скота (В). В небольших усадьбах жилой двор (А) совмещается с хозяйственным двором (Б); в развитых усадьбах хозяйственный двор выделен особо (1, 2). В городских усадьбах мужская часть усадьбы обычно помещается во втором этаже над хозяйственным двором (2, 3, 4) или над помещениями женского двора (5). Загородные усадьбы более примитивны и проще в плане

Естественно, что монументальные сооружения по своему внешнему виду и архитектурным формам резко отличались от обычных жилищ. В них главенствовала наружная архитектура, подчеркивавшая их общественный характер. Они участвовали в формировании центральных городских ансамблей и потому исполнялись из жженого кирпича с облицовкой цветными изразцами.

Народное жилище обычно свои архитектурные качества проявляло в интерьере. Только зайдя внутрь двора, можно было оценить его по достоинству. Снаружи оно представляло со-

бой глухую стену, прорезанную небольшим количеством проемов, как правило, без декоративного оформления.

Социально-бытовые условия жизни того времени требовали строгой изоляции жилища от улицы. Правда, иной раз встречались наружные галереи, выходящие на улицу, украшенные резьбой; глинобитые дувалы, ограждающие участок, порой обрабатывались художественным орнаментом.

Во многих случаях декоративные приемы и формы, разрабатываемые в монументальной архитектуре, переходили и в жилую архитек-

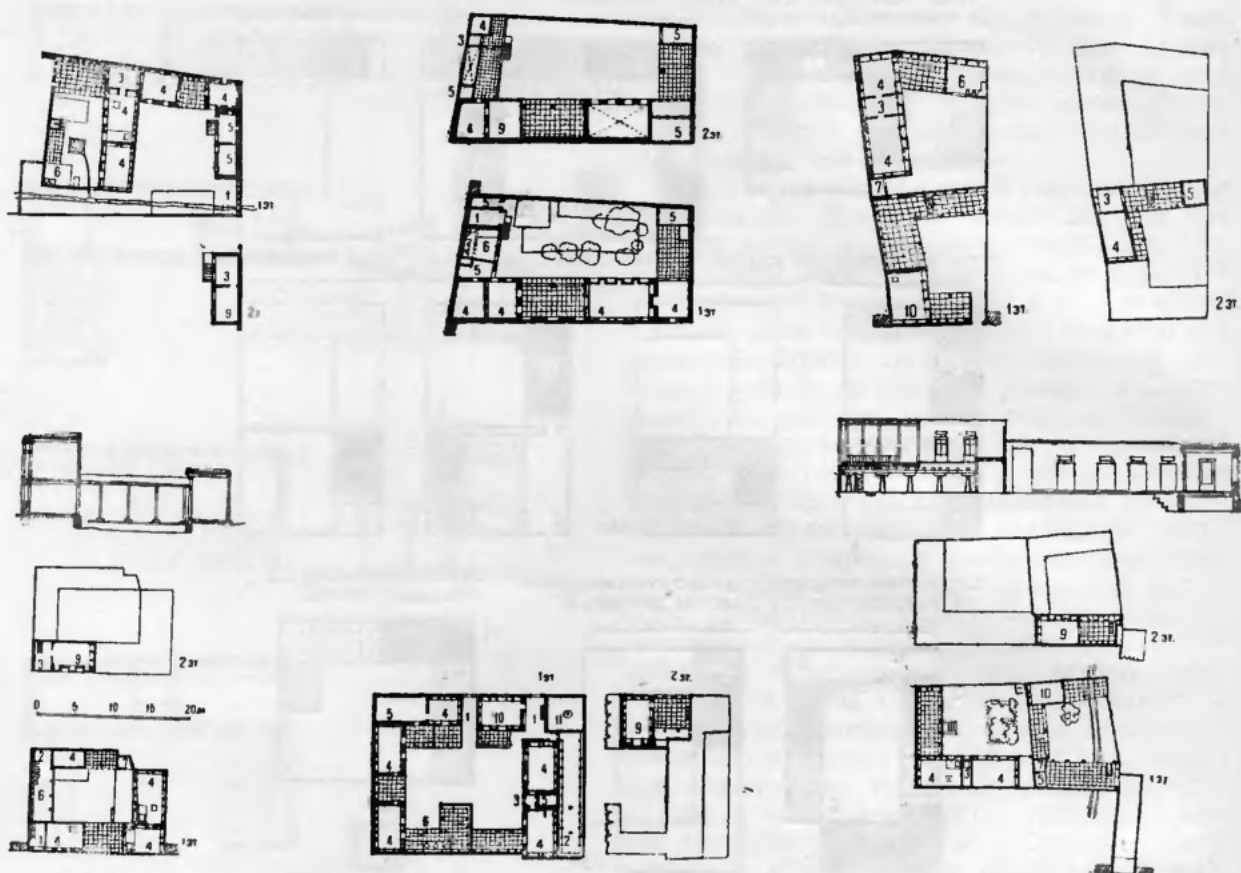

Рис. 252. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб самаркандского типа:

- 1) въездное помещение, 2) конюшня, 3) передняя, 4) жилая комната, 5) кладовая, 6) кухня, 7) уборная, 8) терраса, 9) бала-хана, 10) комната для гостей, 11) мельница

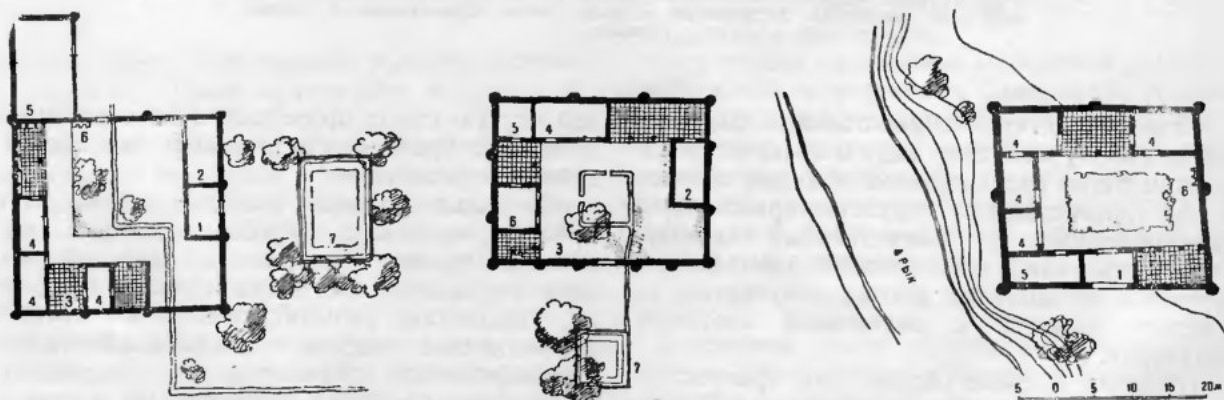

Рис. 253. Схематические планы загородных жилых усадеб самаркандского типа:

- 1) въездное помещение, 2) конюшня, 3) терраса, 4) комната, 5) кладовая, 6) кухня, 7) хауз

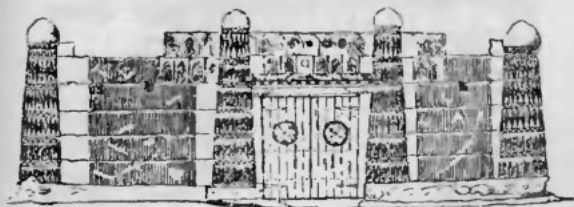

Рис. 254. Приемы декоративной обработки фасада хорезмской жилой усадьбы

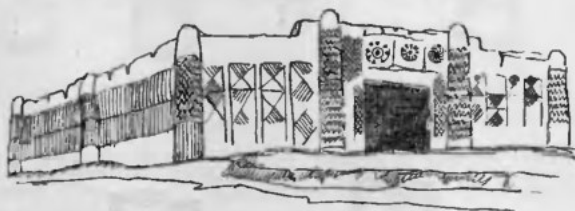

Рис. 255. Приемы декоративной обработки ограждающих стен самаркандской загородной жилой усадьбы

туру, причем конструктивные элементы перерабатывались в декоративные украшения. Эта общность художественно-декоративных мотивов свидетельствует об их народной основе, поскольку строителями и монументальными сооружениями, и жилых зданий были все те же народные мастера, которые хранили и передавали из поколения в поколение архитектурные и строительные традиции и навыки, полученные от предков. Наряду с общностью приемов каждая область разрабатывала свои излюбленные архитектурно-художественные мотивы.

Наиболее традиционны жилища Хорезма. Их внешняя архитектура построена на пилонообразных выступах по углам и у входа, играющих роль простых контрфорсов, но в архитектурной обработке имитирующих боевые башни древнехорезмского жилища-крепости (рис. 254). В архитектурной организации фасадов преобладают приемы, подчеркивающие особенности пахсовой кладки. Однако здесь сильны изобразительно-декоративные мотивы. Например, зубцы, завершающие крепостную стену, изображаются графически мелким рельефом, превращаясь в орнаментальный фриз. Геометрические орнаменты более или менее сложного начертания покрывают и остальные участки стен.

В районе Самарканда и Бухары наружная архитектура жилищ проявляется в декоративной обработке дувалов, ограждающих усадьбы (рис. 255). Основу их композиции составляют пилоны-контрфорсы и изображенные неглубоким рельефом декоративные арки с процарапанным геометрическим узором. В деталях этих узоров много элементов, идущих от бытового орнамента.

Несмотря на громадное различие в масштабах, строительном материале, приемах изображения, в мотивах архитектурного декора можно заметить известную общность между рядовым и монументальным жилым зданием Средней Азии.

Рис. 256. Часть главного фасада кокандского дворца Худояр-хана

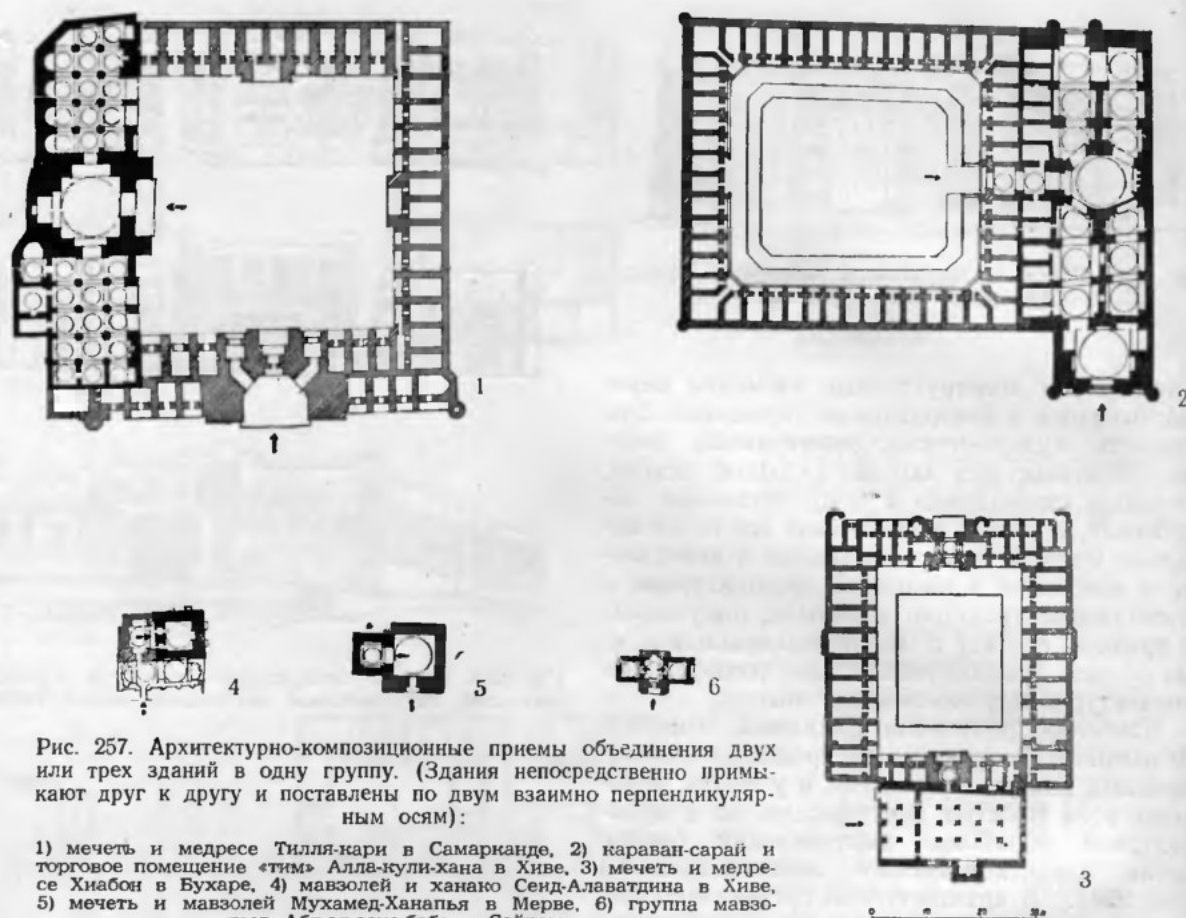

Рис. 257. Архитектурно-композиционные приемы объединения двух или трех зданий в одну группу. (Здания непосредственно примыкают друг к другу и поставлены по двум взаимно перпендикулярным осям):

- 1) мечеть и медресе Тилля-кари в Самарканде, 2) караван-сарай и торговое помещение «тим» Алла-кули-хана в Хиве, 3) мечеть и медресе Хиабон в Бухаре, 4) мавзолей и ханака Сеид-Алаватдина в Хиве, 5) мечеть и мавзолей Мухамед-Ханапья в Мерве, 6) группа мавзолеев Абд-ал-азис-баба в Сайраме

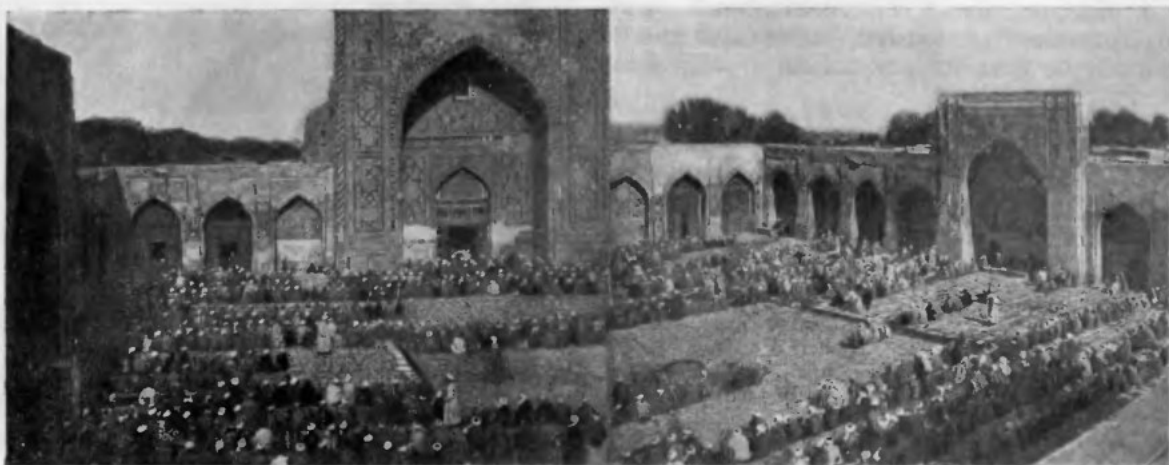

Рис. 258. Внутренний двор медресе-мечети Тилля-кари в Самарканде

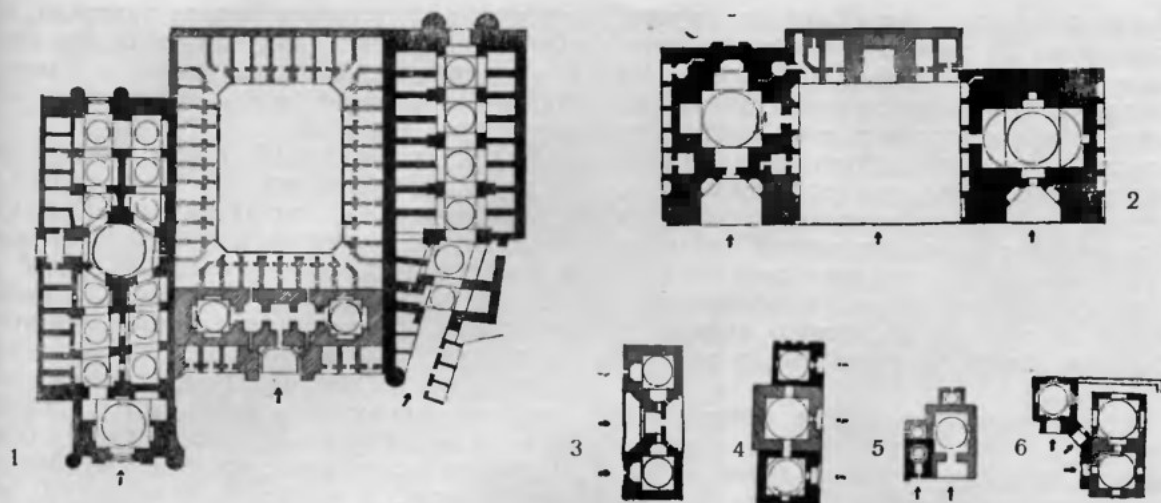

Рис. 259. Архитектурно-композиционные приемы объединения двух или трех зданий в одну группу. (Здания непосредственно примыкают друг к другу и оси их параллельны):

1) медресе и крытый базар Алла-кули-хана у ворот Палван-дарваза в Хиве, 2) медресе, ханака и худжры некрополя Чор-бакр близ Бухары, 3) два мавзолея и входной портал некрополя Султан-Саадат близ Термеза, 4) группа трех мавзолеев близ Узгена в Фергане, 5) группа мавзолеев Абдидаун в Самарканде, 6) группа трех мавзолеев близ Касана в Фергане

В течение веков два планировочных приема среднеазиатского жилища — сплошная застройка смежными комнатами и обстройка помещений открытого двора — развивались и варьировались самым различным образом, в зависимости от исторических условий и бытовых потребностей.

Наряду с массовыми жилищами в общественных сооружениях, предназначенных целиком или в некоторой своей части под жилище (медресе, ханака, караван-сарай), несмотря на их громадное отличие от обычного жилого дома, можно проследить некоторые сходные планировочные приемы, которые были выработаны среднеазиатскими зодчими и совершенствовались ими в течение длительного времени. Изменялись социально-экономические условия, техника возведения сооружений, величина и количество помещений, их назначение, художественный образ зданий, но последующие архитектурно-строительные формы исходили из предыдущих, сохраняя некоторые общие типические черты, выделяющие среднеазиатское жилище среди других.

VI. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих периода тимуридов и шейбанидов

Исторически сложившиеся города Средней Азии, представляющие хотя бы в фрагментар-

Рис. 260. Мавзолей Қазы-заде-Руми из некрополя Шах-и-Зинда близ Самарканда

ном виде целостные планировочные группы, сохранившиеся до нашего времени, относятся главным образом к XIV—XVIII векам. На материале этого времени можно составить достаточно полное представление об архитектурном ансамбле среднеазиатского города, о роли и удельном весе отдельных сооружений в его формировании, о специфических особенностях и принципах его пространственной организации. При этом необходимо постоянно помнить, что отдельные части ансамбля обычно либо утрачены, либо дошли до нашего времени в искаженном против первоначального замысла виде.

Монументальные культовые сооружения вместе с торговыми помещениями, караван-сараями и крытыми базарами образовывали главные планировочные узлы города.

Эти здания, формирующие центральный ансамбль среднеазиатского средневекового города, своими размерами, богатым декором, подчеркнутой монументальностью и центральным положением в плане города призваны были воспитывать и утверждать уверенность в неизбежности социальных устоев господствующего феодального строя.

Для усиления впечатления монументальности и значительности широко применялся специальный планировочный прием объединения двух-трех зданий в самостоятельную группу (например, соединение медресе и мечети, караван-сарая и крупного торгового помещения-тима и т. д.). Они или тесно сращивались, образуя как бы единый архитектурный организм, или располагались друг против друга по обе стороны улицы. Таковы наиболее часто встречающиеся планировочные приемы, усложняемые иной раз введением третьего здания, как равноправного участника ансамбля.

Квартальные мечети, включающие обычно мавзолей, кладбища, жилые и подсобные помещения, образуют самые разнообразные планировочные сочетания.

Обширные загородные кладбища-некрополи представляли собой крупные планировочные группы, сохранявшие, несмотря на сложность плана, цельность и композиционную связанность. Наконец, центральные городские улицы и площади, застроенные группами общественно-культовых и капитальных торговых сооружений, образовывали композиционно-планировочную основу городов.

Все это многообразие архитектурно-планировочных вариантов объединялось несколькими

основными градостроительными приемами, которые применялись как в простейшем сочетании двух зданий, так и в сложном композиционном построении центральной улицы или загородного ансамбля.

Планировочный прием группировки двух-трех общественно-культовых и торговых зданий. Архитектурно-композиционные приемы объединения двух-трех самостоятельных зданий в одну группу-ансамбль применялись среднеазиатскими зодчими в нескольких вариантах, по признаку взаимного расположения зданий. Главнейшие из них: 1) два-три здания непосредственно примыкают друг к другу и поставлены по двум взаимно перпендикулярным осям; 2) два-три здания непосредственно примыкают друг к другу, и оси их параллельны; 3) два самостоятельных здания поставлены по одной оси или три самостоятельных здания поставлены на двух взаимно перпендикулярных осях.

Каждый из этих вариантов рассчитан на свой художественный эффект, а также имеет другие особенности, но все они исходят из общего принципа архитектурной выразительности, все они рассчитаны на ведущее значение отдельного здания.

Город с многочисленными узкими кривыми улицами мог предоставить для большого культового или общественного здания немного места. Беспорядочное нагромождение жилых домов оставляло открытой и свободной для обозрения лишь его переднюю часть с ограниченных точек зрения. Отсюда принцип изолированности, выявления четких и простых форм монументального здания, противопоставленного беспорядочному окружению массовой застройки.

Общественно-религиозные здания своими формами и положением в плане города призваны были воспитывать и утверждать чувство социальной дистанции между правителем и рядовым человеком. По своей конфигурации и основным членениям монументальное общественное и культовое здание трактуется, как самостоятельный замкнутый объем. Оно предназначено для спокойного созерцания. Его ось, как правило, не совпадает с осью движения по прилегающим улицам. Открытые пространства и прямые осевые перспективы иногда даже ухудшают условия восприятия здания, так как фасад его, фронтально рассматриваемый с далекого расстояния, теряет силу своей выразительности.

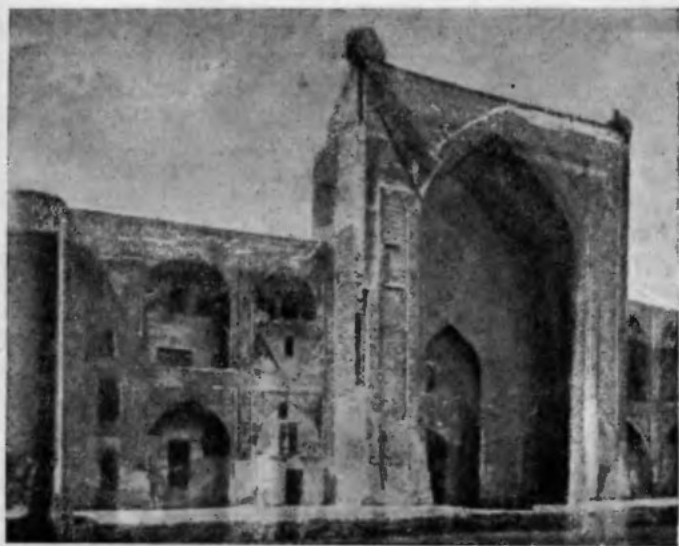

Рис. 261. Главные фасады медресе Улуг-бек и Абдул-азиз-хан в Бухаре

К первому варианту (рис. 257) можно отнести здание Тилля-кари на самаркандском Регистане, объединившее высшую духовную школу-медресе с соборной мечетью. Худжры занимают только три стороны обширного двора (рис. 258). Вдоль четвертой — западной — расположена мечеть, состоящая из закрытого центрального купольного помещения и примыкающих к нему справа и слева открытых в сторону двора галерей на массивных столбах. И в медресе, и в мечети, отдельно взятых, соблюдена строгая симметричность плана и основных объемов. Ось главного здания (мечеть) перпендикулярна оси главного входа (медресе). Поэтому главное здание раскрывается не сразу. Только попав через арку главного входа во внутреннее пространство двора медресе, пройдя некоторое расстояние и осмотревшись, замечаешь его фасад. Внезапность и неожиданность его появления усиливает художественное впечатление; архитектура мечети, пожалуй, потеряла бы силу выразительности в случае открытой перспективы.

Несколько иную композицию, хотя и основанную на тех же принципах, представляет бухарское медресе Хиябон. Это — крупное здание с двухэтажным рядом худжр и массивным входным порталом, обрамленным башнями. С западной стороны, противоположной главному входу, к медресе примыкает здание мечети. Расположенное на одной оси с двором медресе, здание мечети повернуто к нему бо-

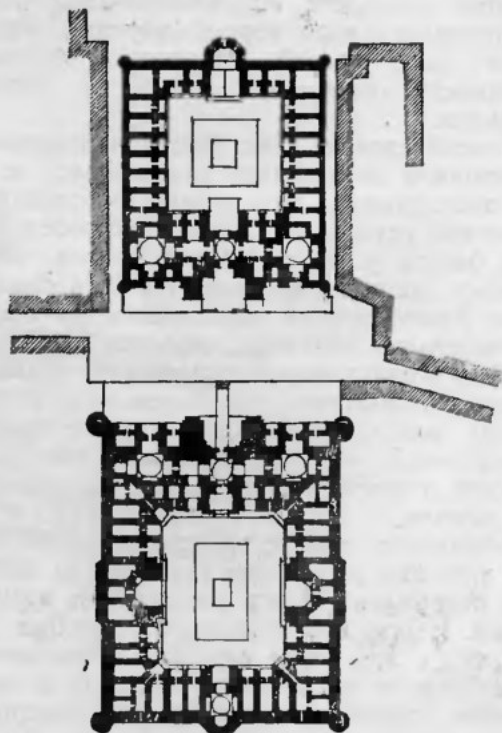

Рис. 262. Схема плана парной группы медресе Улуг-бек и Абдул-азиз-хан в Бухаре

ком. Непосредственный вход в мечеть с улицы (без захода во двор медресе) находится в северной стене. Таким образом, здесь в несколько ином варианте повторяется композиция медресе-мечети Тилля-кари.

Сравнивая схему плана караван-сарая и крытого базара-тима, построенного Алла-Кули-ханом в Хиве, с планом медресе-мечети Хия-бон, находим полное тождество в планировочном соотношении двух частей здания (караван-сарая и тима). Здесь то же противопоставление осей внутреннего двора караван-сарая и крытого базара, то же тесное примыкание двух зданий, объединенных одним планировочным приемом, но вместе с тем противопоставленных друг другу.

Композиционный прием соединения двух зданий взаимно перпендикулярными осями можно проследить также и в небольших группировках. Повсюду — и в Хорезме (мавзолей-ханака Сеид-Алаваддина), и в Мервском оазисе (мечеть-медресе Мухамед-Ханапья), и в древнем Термезе (мечеть-мавзолей Зуль-Кифля), и в Самарканде (мавзолей-мечеть Казы-заде-Руми (рис. 260) и Туман-ака из группы Шах-и-Зинда), и в далеком Сайраме (группа мавзолеев Абд-ал-Азиз-баба) — был распространен этот первый вариант группировки двух зданий, придающий большую значимость основному зданию в системе ансамбля.

Второй вариант (рис. 259) композиционной группировки двух зданий употреблялся не реже предыдущего. Его можно проследить в хивинской группе, состоящей из медресе и крытого базара у ворот Палван-дарваза, или в главных зданиях некрополя Чор-бакр близ Бухары. Архитектурная выразительность зданий, составляющих ансамбль, строится на количественно возрастающих масштабных рядах, от малых по размерам арок перед помещениями худжр до колоссального портала-пиштака. Впечатление монументальности достигается простой повторяемостью тех же мотивов, тех же величин.

Несколько иное художественное впечатление дает этот прием для группировки небольших сооружений. Здесь господствует внешний объем. Иногда это сочетание отдельных зданий, более или менее случайно поставленных, объединенных лишь общим силуэтом и одинаковыми стилизованными признаками (например, группы мавзолеев в Узгене, Касане, Наринджане, группа Абди-Дарун в Самарканде или Пахлаван-Махмуд в Хиве). Иногда это со-

подчиненное сочетание объемов с выделением центрального (например, группа зданий в некрополе Султан-Саадат).

Третий вариант представляет парное расположение самостоятельных зданий (система Кош-медресе), организующих ансамблевую застройку, например, медресе Улуг-бек—Абдулазиз-хан (рис. 261, 262), Абдулла-хан—Модери-хан (рис. 263, 264), Калян—Мир-араб (рис. 265, 266) в Бухаре. Поставленные друг против друга два портала-пиштака каждого здания композиционно организуют участок улицы, пролегающей мимо них, превращая его иной раз даже в небольшую городскую площадь. Это наиболее простая пространственная структура площади. Когда же площадь образована тремя самостоятельными зданиями, поставленными на двух взаимно перпендикулярных осях, то она выглядит гораздо более самостоятельно и законченно. Ее пространство четко отделяется от проходящих мимо улиц и имеет глубинное развитие, например, Регистан в Самарканде (рис. 267—270) и Лябихауз в Бухаре (рис. 271—274). Ось симметрии каждого из трех зданий подчеркнута порталом-пиштаком, и границы строго определены угловыми минаретами-башнями. Ритмический ряд стрельчатых арок наружных фасадов целиком подчинен центральной большой арке-пиштаку. Каждое из зданий, входящих в ансамбль, представляет собой законченный объем. Однородность стилизованных форм сооружений дает всей группе композиционное единство и целостность.

Планировка квартальных мечетей и загородных кладбищ-некрополей. Многочисленные квартальные (гузарные) мечети-мавзолеи, окруженные кладбищами и жилыми помещениями-худжрами для паломников и обслуживающего персонала, строятся по тем же, сформулированным выше, планировочным приемам. Приведем несколько примеров. Квартальная мечеть Карганча в Самарканде (рис. 275) расположилась в юго-западном углу небольшого двора с хаузом и суфой. Двор окружен худжрами, чередующимися с огороженными дворишками при них. Здесь нет той четкости плана, которая свойственна большинству сооружений этого типа, но за кажущейся случайностью форм легко распознается общий принцип построения всего комплекса.

Более проста в плане квартальная мечеть в махалля «Красный Восток» в Самарканде (рис. 276). Отодвинутый в угол вход, главная

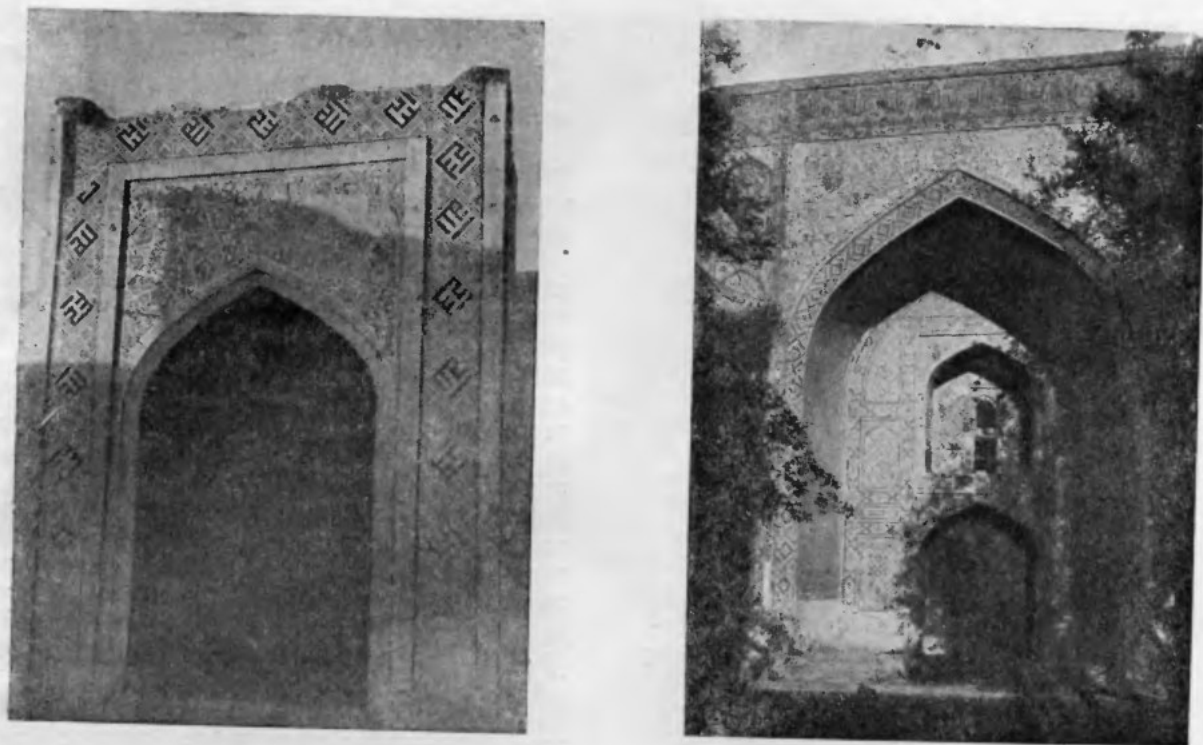

Рис. 263. Главные фасады медресе Абдулла-хан и Модери-хан в Бухаре

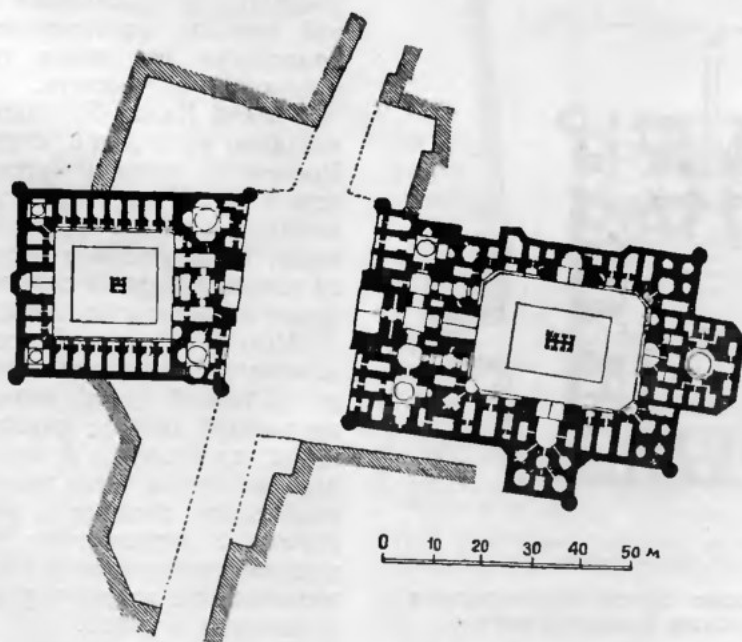

Рис. 264. Схема плана парной группы медресе Абдулла-хан и Модери-хан (Кош-медресе) в Бухаре

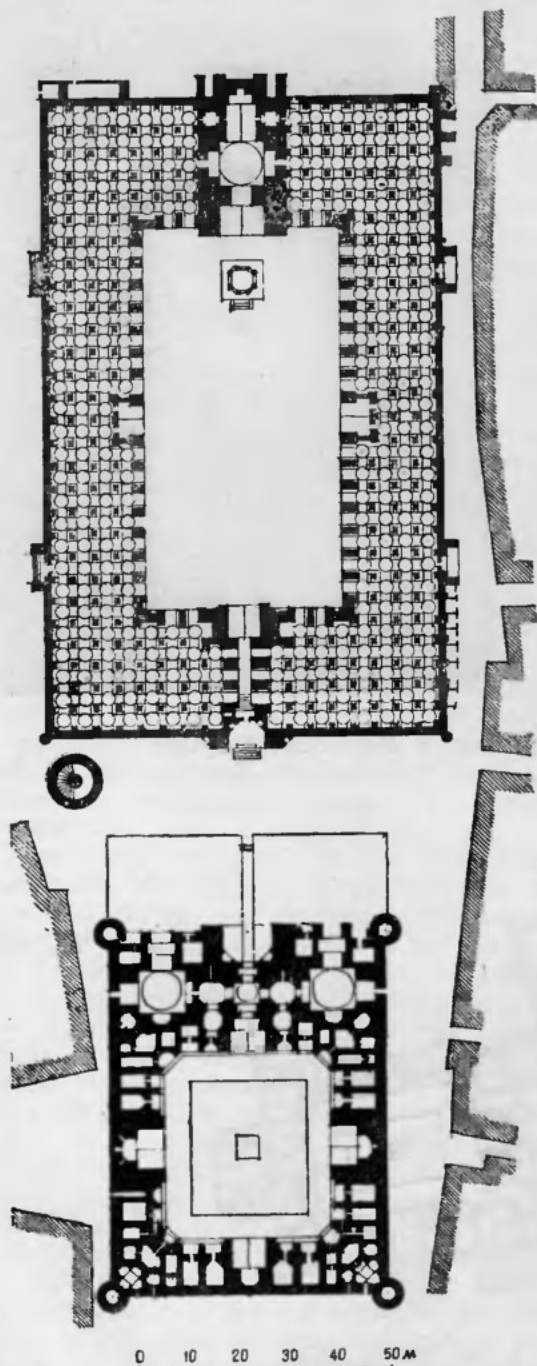

Рис. 265. Схема плана парной группы медресе Мир-араб и мечети Калян в Бухаре

ось мечети, повернутая под углом в 90° к оси входа, — все это говорит о тех же излюбленных приемах пространственного построения ансамбля.

Мечеть Ходжа-Зайнеддина в Бухаре (рис. 279) отличается обширным хаузом, который занимает всю середину двора, придавая ему особую прелесть.

В группе построек при мавзолее Наринджан-баба (древний Хорезм, рис. 278) жилые комнаты и хозяйственные помещения размещены вдоль закрытого коленчатого коридора. Его поворот под прямым углом приводит к мавзолею с гробницей «святого» и небольшой мечетью при ней. Композиционный центр комплекса раскрывается постепенно, по мере проникновения в гущу сооружений.

По этим же композиционным принципам, получившим силу традиции, осуществлены бухарские и самаркандские городские и загородные медресе-мечети XVI—XVIII веков, например, Ишан-Имло (рис. 277), Халиф-Худойдод (рис. 280), Ходжа-абди-дарун (рис. 281), Ходжа-Даниар (рис. 282) и др.

Мечеть Ишан-Имло занимает значительную часть небольшого двора, застроенного с трех сторон худжрами. Вход во внутренний двор возможен через открытый коридор, начало и конец которого отмечены небольшими квадратными купольными помещениями. Входной коридор подчеркивает с самого начала продольную ось двора, противопоставленную поперечной оси мечети.

Мечеть Халиф-Худойдод находится в юго-западном углу двора, окруженного худжрами. Построение плана медресе то же, что и в мечети Ишан-Имло, только двор более обширен и имеет сквозной проход к небольшому кладбищу. Во внутреннем дворе к северу от мечети устроена сардоба-водохранилище, круглая в плане и перекрытая куполом.

Мечеть мавзолеев Ходжа-абди-дарун расположена в ближайших окрестностях Самарканда. Длинный узкий коридор-проход отделяет внутренний двор от проезжей дороги. Эта подчеркнутая изоляция от внешнего мира — сознательный прием, часто употреблявшийся среднеазиатскими зодчими в различных вариантах. Мечеть с деревянными резными колоннами, размещенные вокруг хауза, создают ощущение интимности и покоя.

Тесная связь с природой, использование рельефа и естественно разросшихся насаждений характерно и для мечети-мавзолея Ходжа-

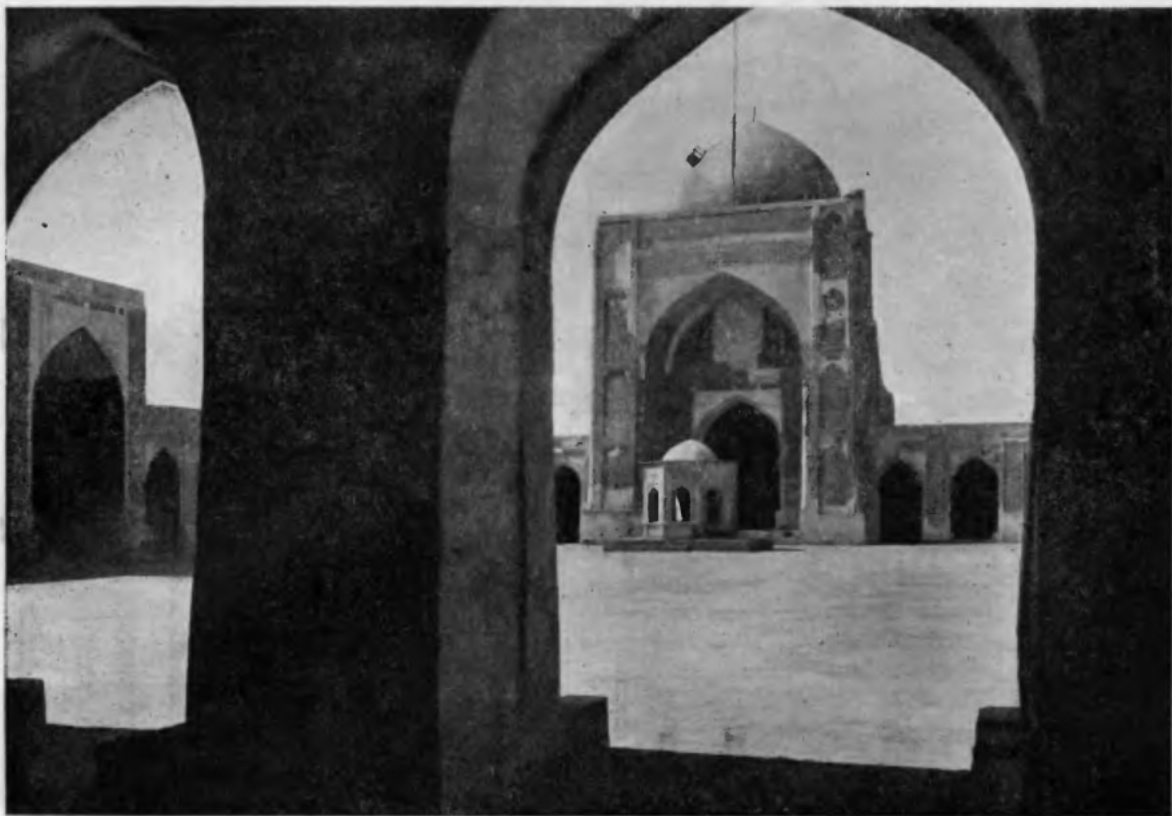

Рис. 266. Внутренний двор мечети Калян в Бухаре

Даниар, отдельные здания которой не блещут архитектурными достоинствами. Вся группа расположена на двух небольших площадках: на верхней размещены основные сооружения — входной павильон, мечеть, мавзолей и худжры, вырытые в толще откоса; на нижней у берега Снаба — подсобные постройки: чайхана и площадка-павильон у источника. Некоторая случайность во взаимном расположении зданий, вызванная характером рельефа, все же не может скрыть традиционных приемов планировки.

* * *

В ближайших окрестностях среднеазиатских городов появляются обширные некрополи, представлявшие собой значительные ансамбли из культовых и погребальных сооружений, жилых помещений-худжр и ханака, где проживали духовные лица, обслуживающий персонал и где могли останавливаться паломники. К этим сооружениям обычно примыкали большие кладбища.

По своим масштабам, по величине отдельных построек и по взаимному расположению зданий эти некрополи представляли собой целостные группировки, сформировавшиеся в XV—XVII веках по единым, общим для них композиционным приемам. В этих ансамблях, возникших и развивавшихся вне связи с городом, вне воздействия стеснительных условий сложившихся населенных мест, можно проследить с наибольшей последовательностью и ясностью художественные и композиционные приемы среднеазиатских зодчих.

Шах-и-Зинда (рис. 283—287), группа мавзолеев, возникших близ Самарканда в XIV—XV веках, представляет собой кладбище феодальной знати, главным образом членов семьи Тимура и приближенных к нему лиц; она сооружалась в продолжение около 100 лет. Наиболее древнее из сохранившихся зданий этой группы — мавзолей Ходжа-Ахмата датируется 1336 годом, т. е. относится еще к дотимуровскому времени. Наиболее позднее

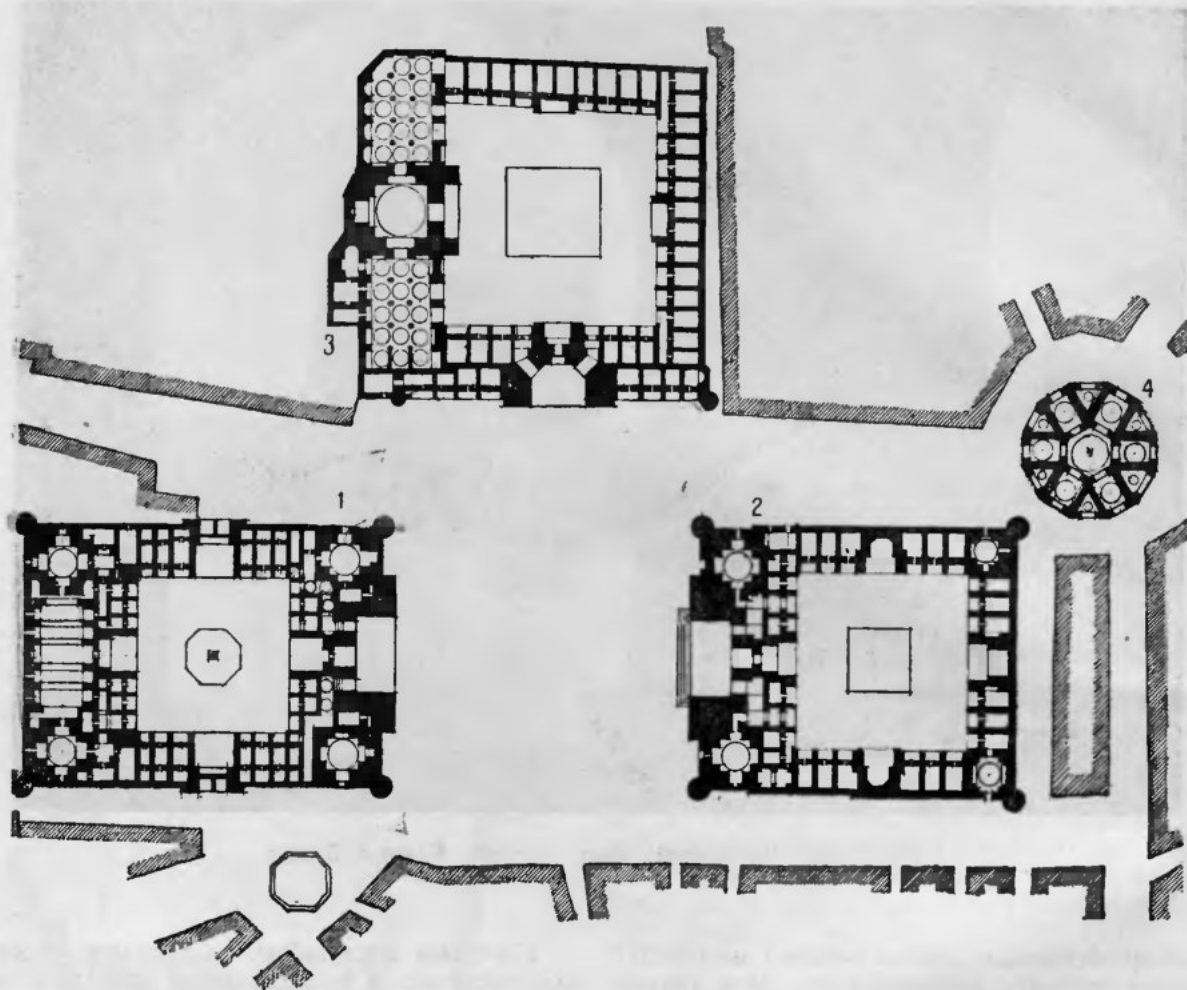

Рис. 267. Схема плана группы медресе Улуг-бек, Шир-дор и медресе-мечети Тилля-кари на Регистанской площади в Самарканде:

- 1) медресе Улуг-бек, 2) медресе Шир-дор, 3) медресе-мечеть Тилля-кари, 4) торговое купольное здание Чор-су

сооружение — арка главного входа — осуществлена правнуком Тимура Абдул-Азиз-ханом в 1435 году.

Группа мавзолеев на этом месте существовала еще в эпоху домонгольского завоевания. Полностью обветшавшие, они были в XIV—XV веках заменены новыми. Старые мавзолеи располагались преимущественно по оси, направленной с востока на запад; вновь выстроенные, частично дошедшие до нашего времени, мавзолеи группируются вдоль внутреннего ступенчатого коридора протяжением несколько менее 200 м, вытянутого с некоторым изломом с севера на юг. Весь

комплекс завершает могила Куссам-ибн-Аббаса.

Северная верхняя более древняя группа мавзолеев расположена около могилы. В мавзолеех нижней половины коридора, сооружавшихся в продолжение полутора десятков лет, в первую половину царствования Тимура, похоронены его жены и родственники. Еще южнее размещена предвходная группа служебных помещений и худжр для обслуживающего персонала и паломников. Особняком стоит мавзолей астронома Қазизаде-Руми, учителя Улуг-бека. Ему, как не принадлежавшему к родовой знати, отвели место в нижней входной части

так, чтобы купол мавзолея лишь немного возвышался над цоколем остальных мавзолеев.

Весь комплекс по своей протяженности разбит на три четкие группы, каждая из которых имеет свои характерные черты. Три перекрытые куполами площадки разделяют группы, отмечая важнейшие точки комплекса — его начало, конец и место перелома коридора у внутренней лестницы. Средняя группа, насыщенная наибольшим количеством сооружений, частично утраченных, представляет линейно развертывающееся чередование отдельных объемов мавзолеев, расположенных попарно друг против друга.

Вся группа сооружений по пространственной композиции строится так, что могила Куссама-ибн-Аббаса завершает всю систему, являясь и по содержанию и по художественному замыслу конечным пунктом. Каждый из трех участков, на которые разбит весь ансамбль, увязан с предыдущим или последующим и органически включается в пространственный ряд всего комплекса. Но, вместе с тем, каждая пара мавзолеев или даже каждый из них может рассматриваться изолированно, представляя собой законченное целое. Отдельные композиционные узлы воспринимаются самостоятельно, несмотря на то, что весь линейно развертывающийся ансамбль имеет точно фиксированные, последовательно связанные точки зрения по пути движения.

Это единообразие форм зданий, общая система декора, общая цветовая гамма и дают ощущение цельности и единства всего ансамбля, усиленное применением одного и того же строительного материала, одинаковых архитектурных деталей и соотношений. Здесь нет ясно выраженного выделения главного и второстепенного и их соподчинения. Вся композиция строится на однородных элементах. Все сооружения однотипны и одномасштабны. Отдельные объемы, стоящие вдоль оси движения, симметричны и замкнуты. Общему нарастанию композиции к цели движения помогают естественные условия местности. Этот момент живописности, вносимый рельефом, увеличивает многообразие и прелесть ансамбля.

Группа Султан-Саадат (рис. * 288—290). Мавзолеи, составляющие группу, расположены по границам внутреннего двора-коридора, ось которого вдвое короче, чем в Шах-и-Зинда (до 100 м). Внутренний двор прямолинейен, широк и охватывается взглядом сразу. Так же, как и в Шах-и-Зинда, ансамбль Султан-Саадат

Рис. 268. Общий вид Регистанской площади со стороны медресе Улуг-бек.

Рис. 269. Главный фасад медресе-мечети Тилля-кари, обращенный на Регистанскую площадь.

Рис. 270. Общий вид Регистанской площади со стороны медресе Шир-дор

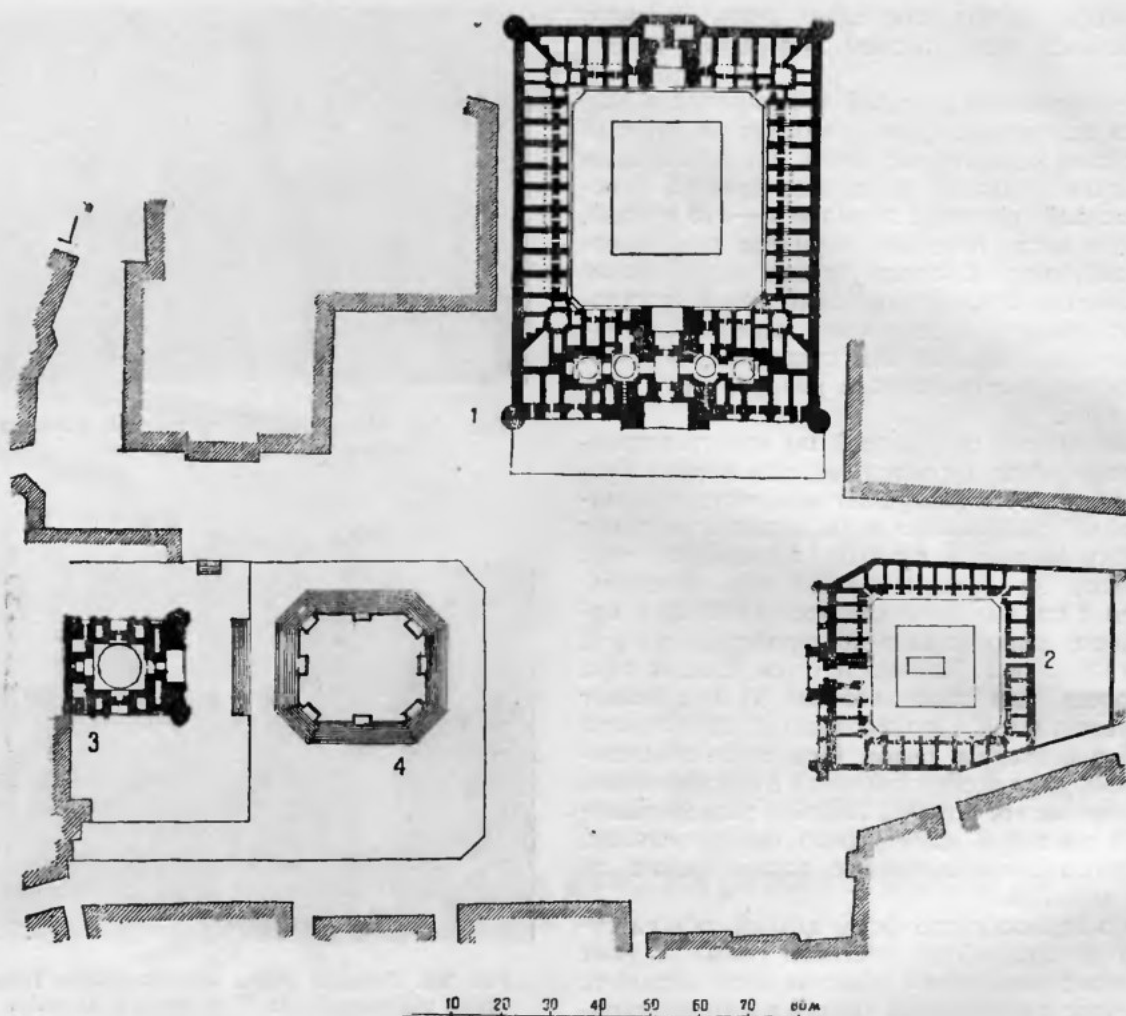

Рис. 271. Схема плана группы медресе Диван-беги, Кукельташ и ханака Диван-беги на площади Ляби-хауз в Бухаре:

1) медресе Кукельташ, 2) медресе Диван-беги, 3) ханака Диван-беги, 4) водоем-хауз

складывался постепенно и получил окончательное завершение лишь в XVII веке.

В наиболее древнем, западном, мавзолее (XI—XII вв.) погребен родоначальник сейидов — «потомков пророка» — Султан-Хусейн. Несколько позже рядом с ним был построен второй мавзолей, меньший по внутренним размерам, но во внешнем объеме приведенный в соответствие с размерами первого мавзолея путем утолщения стены и уширения фасада.

Впоследствии, в XV веке, эти два мавзолея были объединены аркой. Получилась своеобразная композиция двух купольных мавзолеев с одним порталом. Объемные купольные соору-

жения благодаря этой вставке приобретают главный фасад, обращенный к продольной оси двора-коридора. В XVI—XVII веках к этим мавзолеям пристраиваются по бокам четыре малых мавзолея, еще больше подчеркивающих фасадность главной группы ансамбля.

Северная и южная границы двора обстраиваются к этому же времени купольными мавзолеями, соединенными попарно порталами. Прием, который ранее в главной группе сложился постепенно, путем последовательных пристроек, получил здесь силу традиции, и сооружение порталной вставки происходит одновременно с постройкой мавзолеев. Две группы по север-

Рис. 272. Главные фасады медресе Кукельташ и Диван-беги, обращенные на площадь Ляби-хауз

ной и южной границе двора, состоящие каждая из двух купольных центрических мавзолеев с порталной вставкой, расположены напротив, и оси их порталов совпадают. Тем самым главная продольная ось двора, объединяющая входной портал с главной группой, дополняется поперечной малой осью, соединяющей вторую и третью группы. Обращает на себя внимание также согласованное расположение входной арки и портала-ханака по одну и другую сторону проезжей дороги.

Обширный некрополь Чор-бакр (рис. 291—292) возведен в окрестностях Бухары в XVI—XVII веках. Основу его составляют мечеть и ханака Абдулла-хана, соединенные между собой порталом с худжрами. Этот принцип объединения двух самостоятельных объемов порталом, рассчитанный на выявление главного фасада, получает в XVI—XVII веках довольно большое распространение. На этой основе строится ансамбль Султан-Саадат; он же лежит в основе композиции главных зданий Чор-бакр.

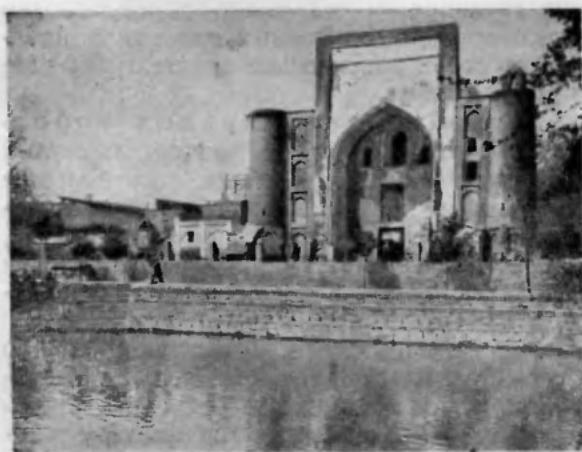

Рис. 273. Общий вид водоема на площади Ляби-хауз

Рис. 274. Фасад ханака Диван-беги на площади Ляби-хауз

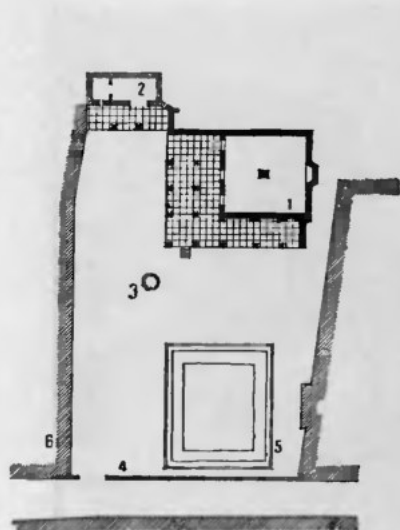

Рис. 275. Схема плана квартальной мечети Карганча в Самарканде:

- 1) мечеть, 2) худжра, 3) минарет, 4) вход, 5) хауз, 6) баня

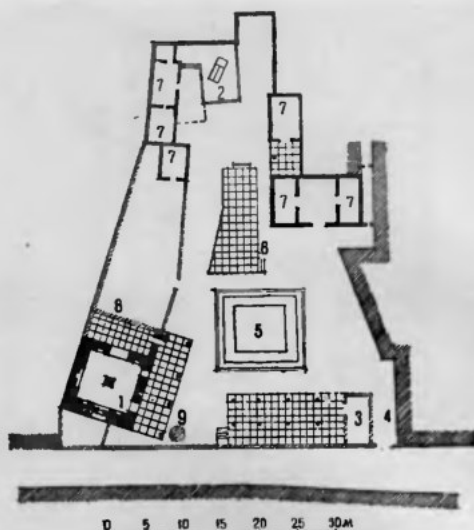

Рис. 276. Схема плана квартальной мечети в махалля «Красный Восток» (Самарканд)

- 1) мечеть, 2) надгробие, 3) чай-хана, 4) входной портал, 5) хауз, 6) суфа, 7) худжры, 8) айван, 9) минарет

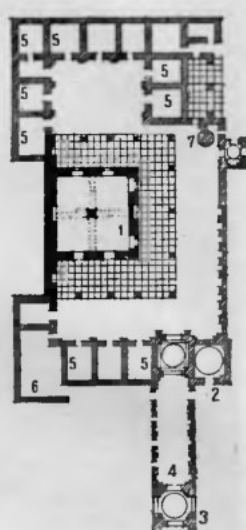

Рис. 277. Схема плана мечети-медресе Ишан-Имло в Бухаре:

- 1) мечеть, 2) мазар, 3) входной павильон, 4) открытый коридор, 5) худжры, 6) кухня, 7) минарет

Ансамбль Чор-бакр состоит из двух частей — обширного двора перед монументальными зданиями мечети и ханака, окруженного худжрами, и группы мавзолеев, соединенных открытым коридором. Мечеть-ханака и находящиеся напротив помещения худжр объединены общей осью, которая лишней раз подчеркивается небольшим минаретом. Характерно, что вход во двор сдвинут в сторону от центра; он расположен нарочито случайно относительно главных сооружений и незаметен. В общей композиции ему отведено очень скромное место. Внутренний двор комплекса тем самым подчеркнуто изолируется от внешнего мира. Это — сознательный, обдуманный прием, постоянно повторяемый среднеазиатскими зодчими.

Несколько в другом характере этот прием применен в ансамбле Бахауддин (рис. 293—294) в окрестностях Бухары. Проход между многочисленными могилами кладбища приводит во внутренний двор с двумя мечетями, айванами, мавзолеем и небольшим хаузом. Здесь повторяется все тот же прием возможно большей изоляции от внешнего мира, так как вход во внутренний двор не показан сколько-нибудь наглядно. Перед внутренним двором

стоит главное здание ансамбля — ханака-мечеть Абдул-азиза, расположенное несколько в стороне. Ее ось перпендикулярна оси главного входа. Дополнительным ориентиром служит скромный минарет, поставленный приблизительно на пересечении осей входа и здания.

Построение рассмотренных выше ансамблей, различных по величине, характеру и системе группировки отдельных зданий, сходно в основных композиционных приемах и представляет собой законченное архитектурно-планировочное целое.

Застройка центральных городских улиц. На устройство торговых улиц среднеазиатских городов обращалось большое внимание. До нашего времени дошли свидетельства современников о крупных работах, произведенных при Тимуре по благоустройству Самарканда, который предполагалось превратить в главный торговый центр Востока.

Такое же развитие торговых улиц можно проследить и в плане Бухары. Здесь при шейбанидах проводятся большие работы по устройству торговой улицы между Ляби-хаузом и арком. К этому времени относится сооружение купольных зданий на перекрестках и поворотах улицы.

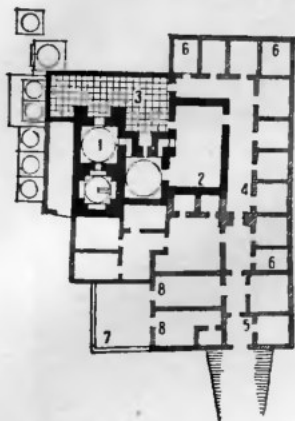

Рис. 278. Схема плана мечети-мавзолея Наринджан-баба в Хорезме:

- 1) мавзолей, 2) мечеть, 3) открытый двор, 4) крытый проход, 5) входное помещение, 6) худжры, 7) хозяйственный двор, 8) служебные помещения

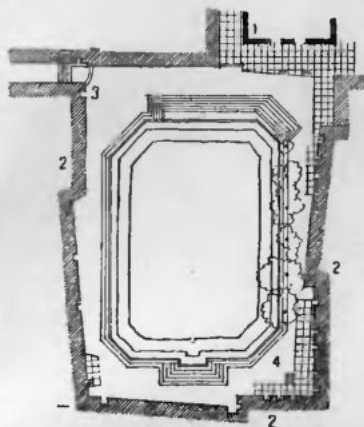

Рис. 279. Схема плана квартальной мечети Ходжа-Зайнеддин в Бухаре:

- 1) мечеть, 2) худжры, 3) вход, 4) хауз

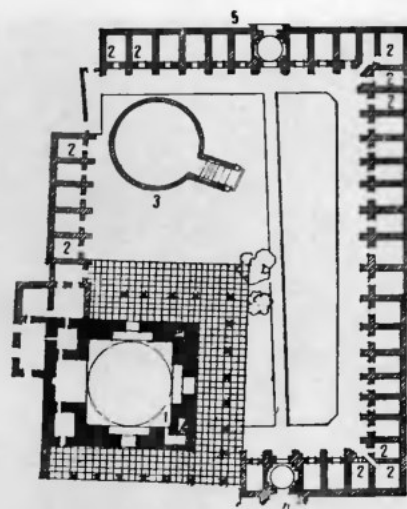

Рис. 280. Схема плана мечети-медресе Халиф-Худойдод в Бухаре:

- 1) мечеть, 2) худжры, 3) водохранилище «сардоба», 4) входной павильон, 5) вход на кладбище

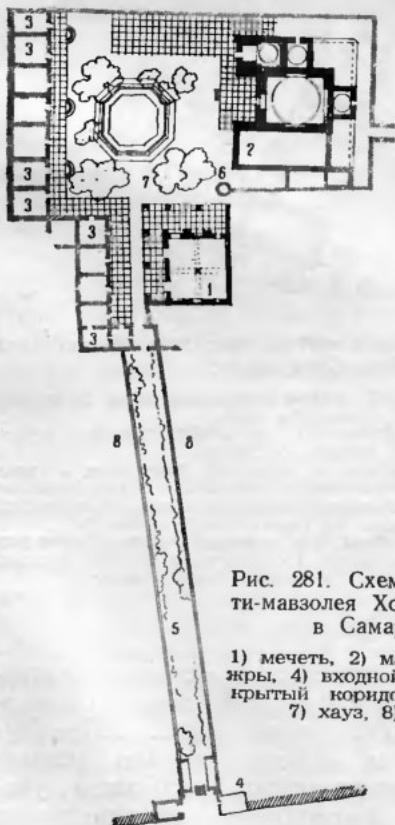

Рис. 281. Схема плана мечети-мавзолея Ходжа-абди-даруи в Самарканде:

- 1) мечеть, 2) мавзолей, 3) худжры, 4) входной портал, 5) открытый коридор, 6) минарет, 7) хауз, 8) кладбище

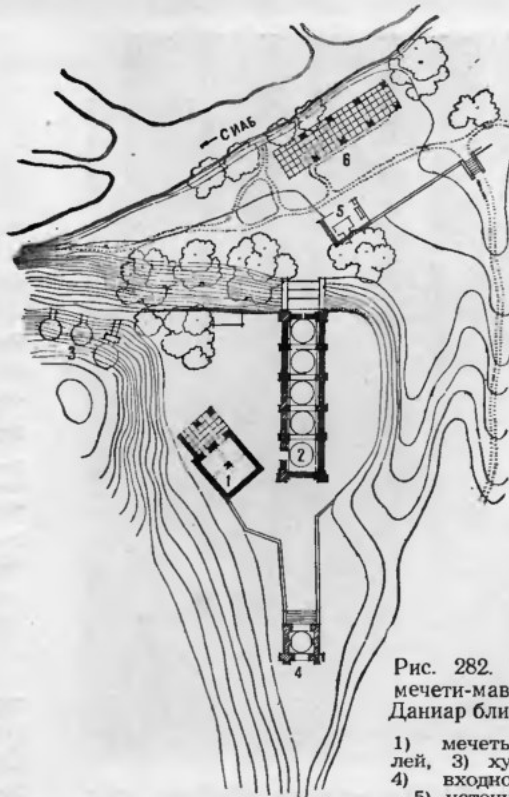

Рис. 282. Схема плана мечети-мавзолея Ходжа-Даниар близ Самарканда:

- 1) мечеть, 2) мавзолей, 3) худжры-пещеры, 4) входной павильон, 5) источник-бассейн, 6) чайхана

Рис. 283, 284. Декоративная обработка стен мавзолеев из группы Шах-и-Зинда

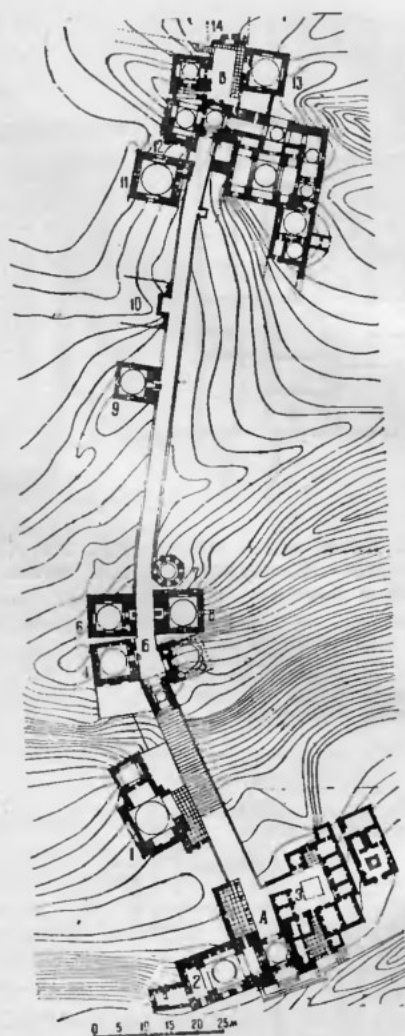

Рис. 285. Схема плана группы мавзолеев Шах-и-Зинда близ Самарканда:

А) входной портал, Б) первая купольная сень, В) вторая купольная сень.
 Первая (нижняя) группа: 1) мавзолей Кази-заде-Руми, 2) мечеть, 3) ханака.
 Вторая (средняя) группа: 4) мавзолей Эмир-заде, 5) мавзолей Туглу-Текин, 6) мавзолей Туркан-ака, 7) восьмигранный мавзолей, 8) мавзолей Ширин-бек-ака, 9) мавзолей Эмир-Бурундук, 10) безымянный мавзолей.
 Третья (верхняя) группа: 11) мавзолей-мечеть Туман-ака, 12) безымянный мавзолей, 13) мечеть и могила Куссам-ибн-Аббаса, 14) мавзолей Ходжа-Ахмат

Бухара дает прекрасный пример архитектурной композиции торговой улицы, сложившейся в XVI—XVII веках (рис. 295—296). Она строилась на основе линейно развертывающегося пространства, отдельные участки которого закреплялись перекрестками,

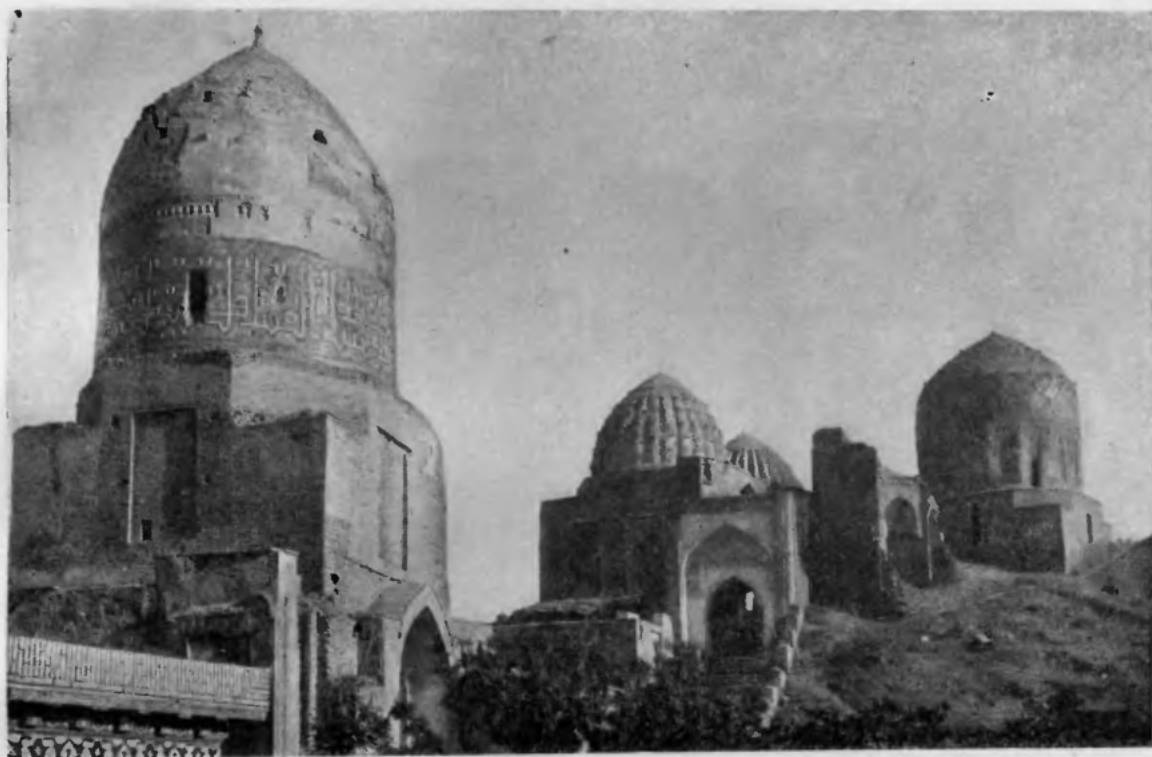

Рис. 286. Общий вид группы мавзолеев Шах-и-Зинда близ Самарканда

отмечаемыми специальными сооружениями с купольным перекрытием. Купола являлись основными ориентирами, расчленявшими протяжение улицы на отдельные самостоятельные отрезки, обычно специализированные по характеру торговли. Каждый участок представлял собой законченное целое и мог рассматриваться отдельно. Крыша, перекрывающая улицу на всем ее протяжении, способствовала как бы сращиванию всех элементов, составляющих внутреннее пространство торговой улицы.

Главная торговая улица, тенистая и прохладная, живописно украшенная выставленными напоказ товарами, с оживленной толпой продавцов и покупателей, с ее шумом, производимым ремесленниками и торговцами, являлась поистине жизненной артерией города, его композиционно-планировочной основой, главным нервом городской жизни. Население тянулось сюда с открытых, залитых жгучими лучами солнца площадей, тесных и пыльных жилых улиц и переулков, узких и криволинейных, окаймленных бесконечной линией глухих дувалов. Здесь кипела деятельная жизнь, узнава-

Рис. 287. Верхняя площадка группы мавзолеев Шах-и-Зинда

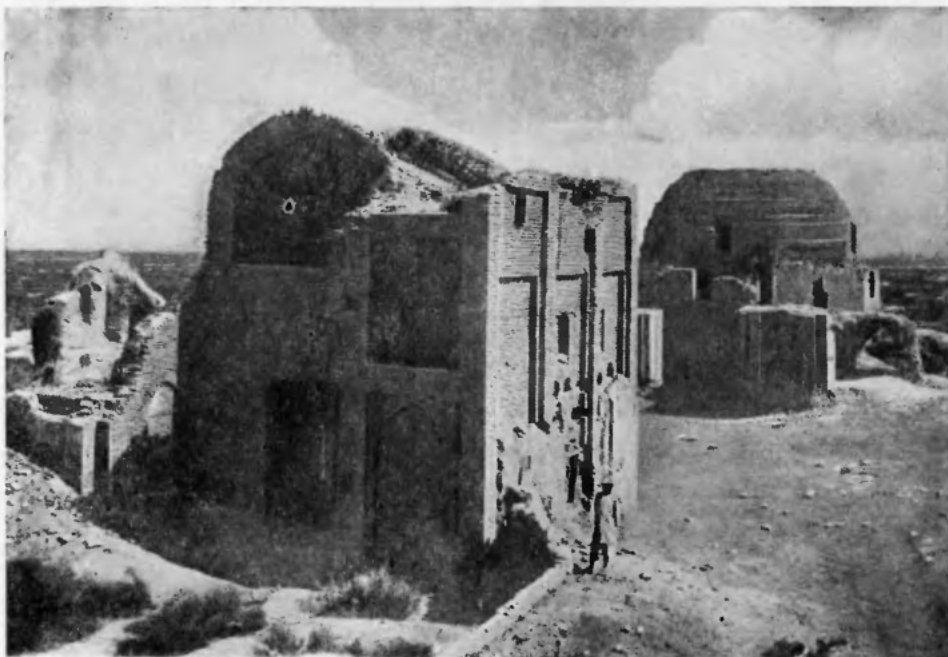

Рис. 288. Общий вид ханака и входной группы мавзолеев Султан-Саадат

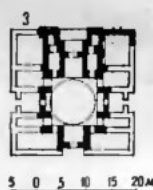
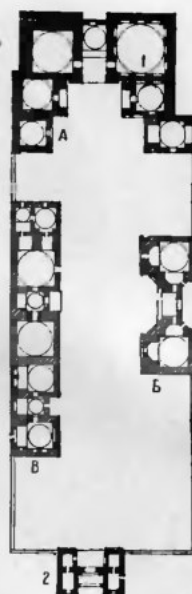

Рис. 290. Схема плана группы мавзолеев Султан-Саадат близ Термеза:

А) центральная группа мавзолеев, Б—В) боковые группы мавзолеев: 1) мавзолей Султана-Хуссейна, 2) входной портал, 3) ханака

Рис. 289. Общий вид боковой группы мавзолеев Султан-Саадат

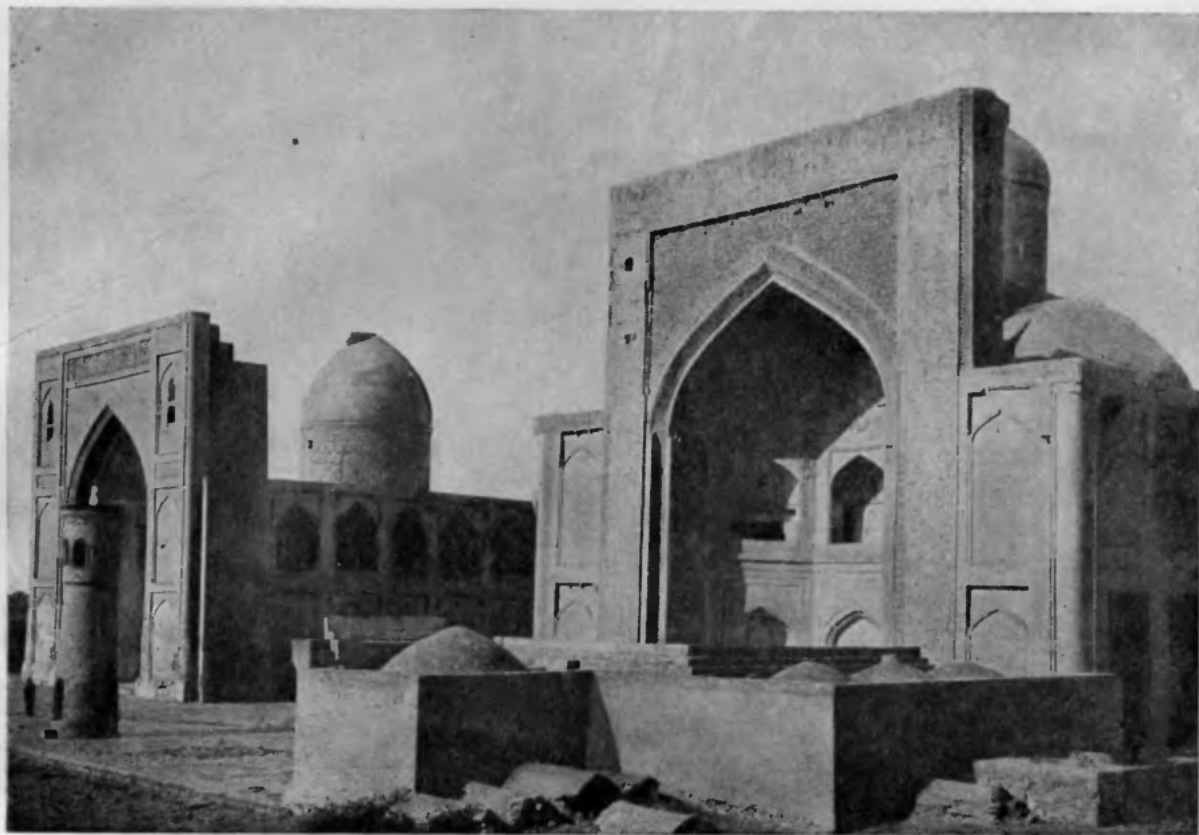

Рис. 291. Мечеть и ханака кладбища-некрополя Чор-бакр

лись и обсуждались последние новости; здесь получали справки и нужные сведения, заключали торговые сделки, наконец, просто проводили свой досуг.

В первой половине XIX века происходят большие строительные работы в Хиве. Застройка ее центральной улицы сохранила старые традиции и может служить примером ансамбля главной улицы столичного города послетимуровской эпохи (рис. 297, 298). Улица обстроена общественными, культовыми, дворцовыми и торговыми зданиями. Длина ее — около 400 м. На всем протяжении размещаются три группы зданий — две у входных ворот (западных и восточных) и третья у перекрестка главных улиц.

Первую — западную — группу составляет примыкающая непосредственно к крепостным воротам Ата-дарваза цитадель Куня-арк, беспрестанно перестраивавшаяся вплоть до последнего времени. Через дорогу от нее распо-

ложилось обширное медресе Мухамед-Амин-хан с недостроенным минаретом, который был задуман, как самый высокий минарет в Средней Азии.

Противоположные восточные ворота (Хазараспские или Палван-дарваза) представляли собой крытый рынок. Перед воротами в свое время делались важнейшие объявления по Хивинскому ханству. Тут же, непосредственно к воротам, за пределами крепостной стены, примыкает целая группа сооружений — караван-сарай, крытый базар-тим и медресе, выстроенные при Алла-Кули-хане. В 1830—1832 годах был построен дворец Таш-хаули. Если сюда же присоединить бани и Ак-мечеть, построенные гораздо раньше, в 1657 году, расположенные на южной стороне главной улицы, то получим основные сооружения второй группы.

Дворец Таш-хаули, главный вход в который намечен со стороны поперечной улицы, идущей от северных к южным воротам, являет-

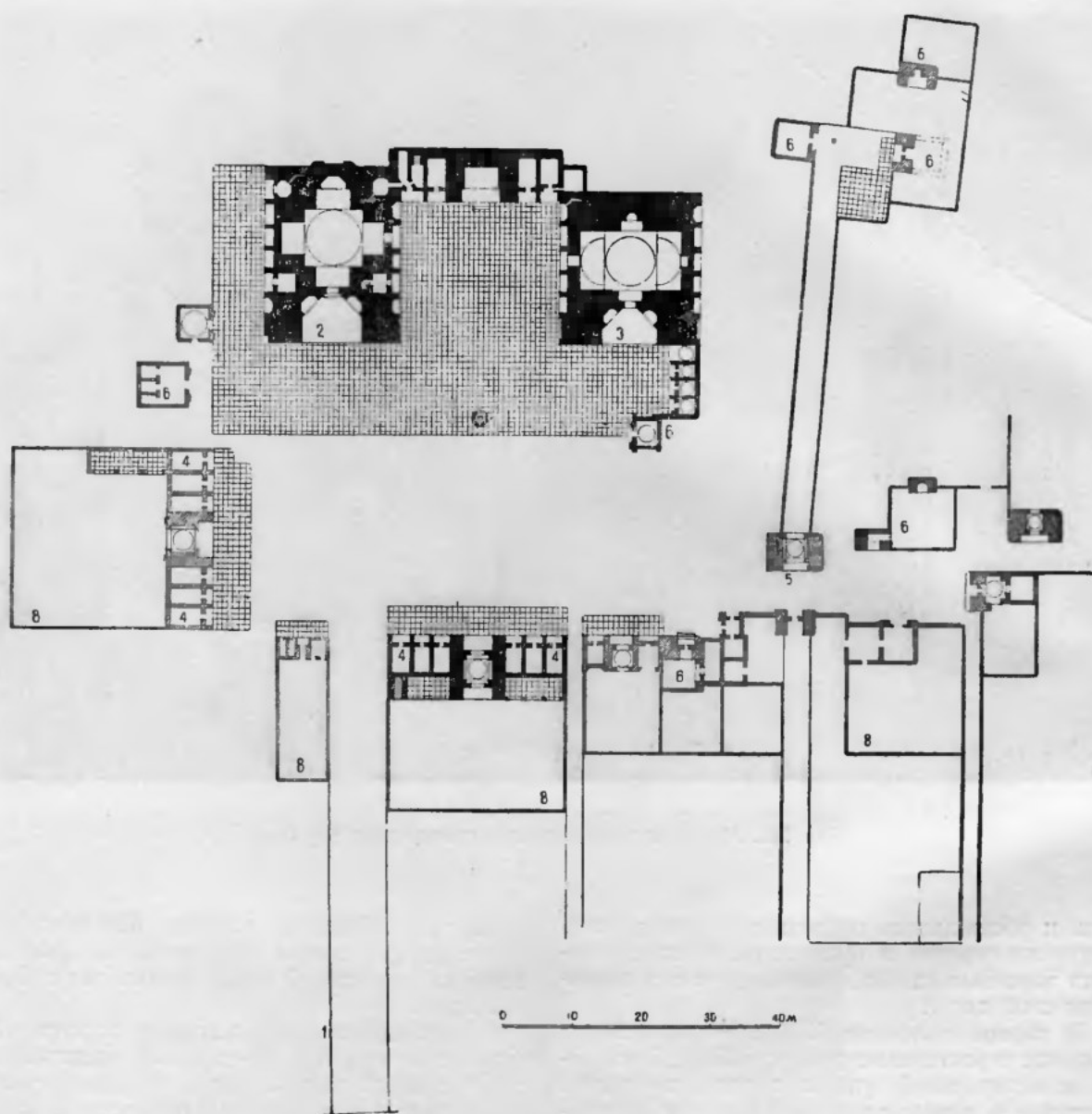

Рис. 292. Схема плана загородного кладбища-некрополя Чор-бакр в окрестностях Бухары:
1) главный вход, 2) мечеть, 3) ханака, 4) художры, 5) вход на кладбище, 6) мавзолеи, 7) минарет,
8) могилы

ся соединительным звеном второй и третьей группы застройки.

На перекрестке главных улиц расположено основное сооружение третьей центральной группы — Джума-мечеть.

Современная мечеть, значительно расширенная и капитально перестроенная в конце

XVIII века, находится на месте древней соборной мечети. Напротив, по другую сторону главной улицы, располагались медресе и мечеть Араб-Мухамед-хан (перенесшего столицу из Куны-Ургенча в Хиву), построенные в начале XVII века и не сохранившиеся до нашего времени.

Рис. 293. Айван летней мечети загородного кладбища-некрополя Бахауддин

Отдельные группы зданий центрального ансамбля Хивы стоят изолированно. На улицу выходят простые гладкие стены сооружений, изредка оживленные порталами входов. Впечатление ансамбля возникает благодаря развертыванию внутренних пространств с их обширными открытыми дворами, окруженными стрельчатыми аркадами, богато украшенными орнаментом, выложенным облицовочным кирпичом и изразцами. Большое разнообразие в ансамбль хивинской главной улицы вносят отдельно стоящие минареты. Их вертикали, высоко вздымающиеся над общим средним уровнем монументальных сооружений, придают своеобразие силуэту главной улицы, отмечая каждую из трех расположенных вдоль нее композиционных групп. Хивинские зодчие возрождают идею отдельно стоящего минарета, ставя перед собой задачу превзойти по высоте все существующие постройки этого типа (например, незавершенное строительство Кельтеминор).

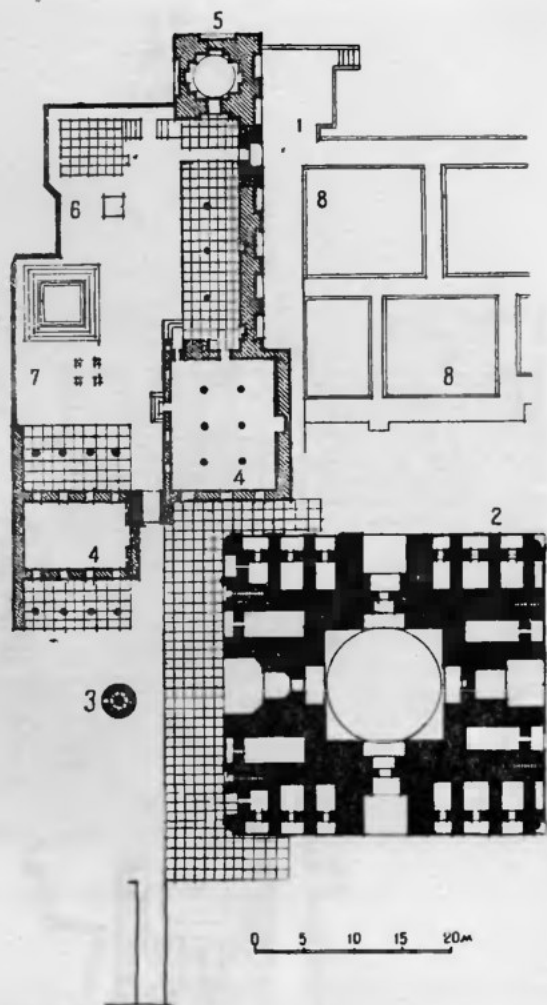

Рис. 294. Схема плана загородного кладбища-некрополя Бахауддин в окрестностях Бухары:

- 1) главный вход, 2) мечеть-ханака, 3) минарет, 4) летняя мечеть, 5) мавзолей, 6) суфа, 7) хауз, 8) могилы

* * *

Выше мы рассмотрели наиболее значительные улицы главнейших городов Средней Азии, насыщенные высококачественными архитектурными сооружениями.

Обычно торговая улица в среднеазиатских городах начиналась у городских ворот, а оканчивалась у торгового купольного сооружения, отмечавшего перекресток. Далее между каждой парой торговых куполов каждый участок улицы представлял законченное планировочное целое. Архитектура крепостных ворот, как начало, архитектура торговых сооружений-

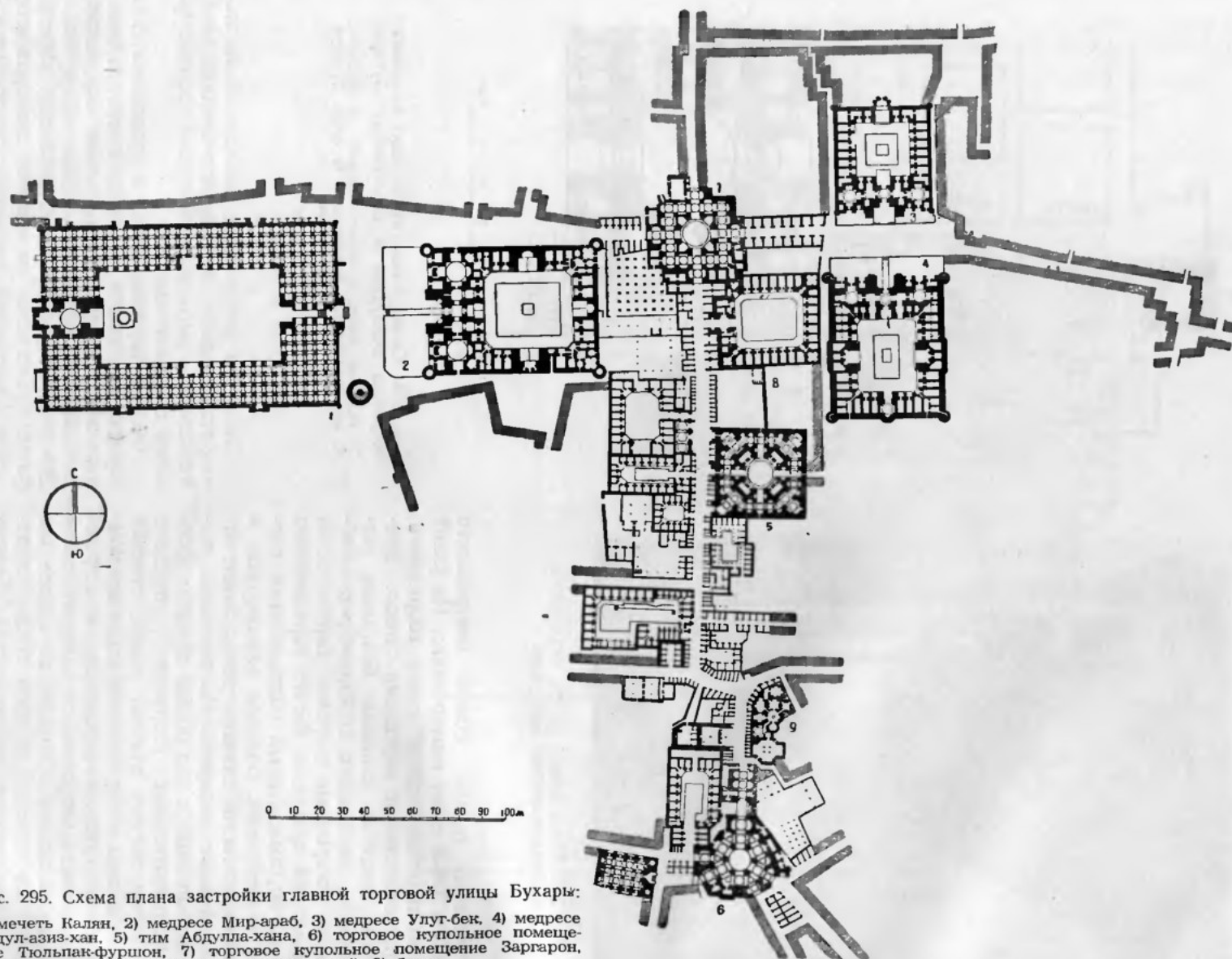

Рис. 295. Схема плана застройки главной торговой улицы Бухары:

- 1) мечеть Калян, 2) медресе Мир-араб, 3) медресе Улут-бек, 4) медресе Абдул-азиз-хан, 5) тим Абдулла-хана, 6) торговое купольное помещение Тюльпак-фуришон, 7) торговое купольное помещение Заргарон, 8) индийский караван-сарай, 9) баня

Рис. 296. Торговое купольное помещение на перекрестке главных улиц Бухары

куполов на пересечении торговых магистралей, как конец,— вот что определяло пространственно-композиционное построение главных торговых улиц средневекового среднеазиатского города.

В средневековом городе установилась преимущественно одна система укрепления городских ворот: расположение двух башен по бокам входа. Таковы наиболее древние из сохранившихся бухарских ворот — Шейх-Джалял (XVI в., рис. 299) и двойные ворота хивинской крепостной стены (рис. 300). Они несколько заглублены относительно линии стены. По бокам стрельчатой входной арки выступают две полубашни, увенчанные зубцами. С внутренней стороны находилось помещение караула.

В иных случаях ворота теряли свое оборонительное значение и совмещались с торговыми помещениями. Например, восточные ворота Палван-дарваза внутреннего города Хивы представляют собой целый торговый пассаж

с центральным проездом, перекрытым шестью куполами и торговыми помещениями. Башни по бокам ворот имеют чисто декоративный характер, так же как аркатура и орнаментальные полосы над проездом.

Ворота Палван-дарваза — конечный этап длительного пути исторического развития крепостных сооружений от мощных простых и суровых форм, вызванных утилитарными нуждами, к чисто декоративному их истолкованию.

Наиболее простой тип базарного купола-перекрестка можно предположить в руинах здания № 8 древнего Термеза. В плане — это два расположенных под прямым углом прохода с четырьмя купольными помещениями между ними. Здание сильно разрушено, вписать его в план городских улиц Термеза не представляется возможным, так как самый план этого участка не поддается восстановлению. Определить это сооружение, как перекресток

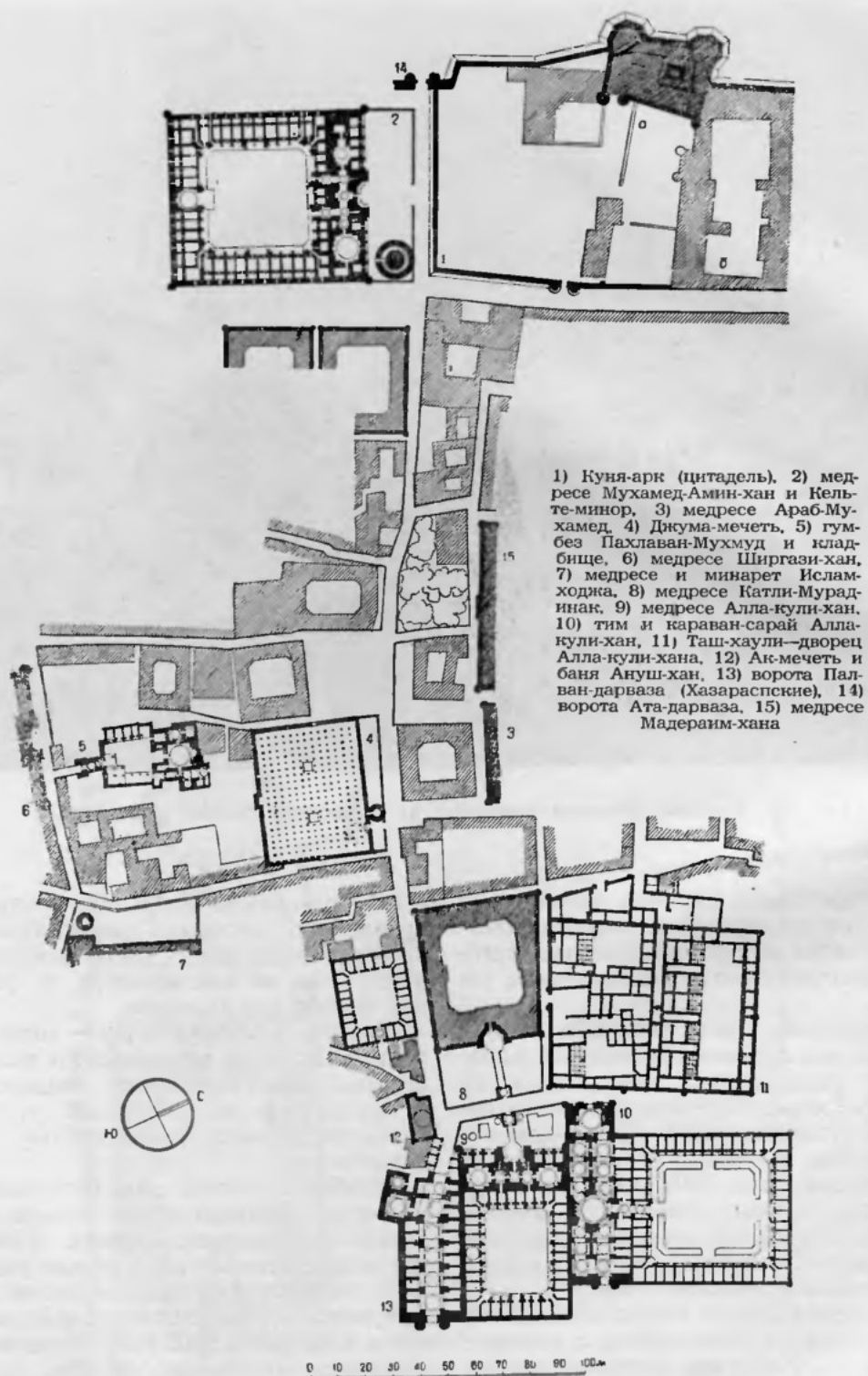

Рис. 297. Схема плана застройки главной улицы шахрестана (Ичан-кала) в Хиве

Рис. 298. Застройка центра Хивы в районе главной улицы шахристана (Ичан-кала)

с торговыми помещениями, можно лишь условно. Гораздо более сложен в плане самаркандский купол Чор-су (конец XVIII в., рис. 302). Он раскрыт своими коридорами-проходами на шесть сторон и имеет торговые помещения, обращенные как внутрь, так и наружу. Место пересечения всех направлений перекрыто наиболее высоким куполом и выделяется по силуэту.

В приведенных примерах мы видим такой тип купольных торговых помещений на перекрестке улиц, где основной частью являются сквозные проходы-коридоры. Бухарские куполы — Сарафон, Тюльпак-фурушон, Заргарон (рис. 301) дают иной тип, где основным является центральное крытое помещение, вокруг которого группируются более мелкие (рис. 303).

Постройка бухарских торговых куполов была настолько заметным событием в жизни города, что оно отмечено в литературе того времени. Поэт Мушфаки составил четверостишие, в котором отметил дату их постройки^[30].

21*

Застройка городских площадей. Площадь города не может рассматриваться в отрыве от пространства улицы, подводящей к ней, и от всего комплекса сооружений, обстраивающих ее. Назначение сооружений, характер их использования, взаимодействие с окружающим пространством — вот те вопросы, которые определяют характер ансамбля в таких ответственных узлах города, как площадь.

Господствующим, если не единственным типом площади среднеазиатского города была площадь с группой зданий общественно-религиозного назначения, но одновременно служившая и для целей торговли. Характерный прием образования площади — это расширение улицы с парным расположением культовых или общественных зданий (медресе—ханака), стоящих друг против друга; между ними — открытое пространство с подчеркнутой поперечной (относительно улицы) осью, объединяющей два здания.

Рис. 299. Ворота Шейх-Джалал бухарской крепостной стены

Рис. 300. Двойные ворота Хивинской крепостной стены

Обычно ось симметрии двух противостоящих зданий направлена перпендикулярно к оси движения улицы (например, медресе Улугбек — Абдул-азиз-хан и Абдулла-хан в Бухаре). Реже ось симметрии двух противостоящих зданий направлена не перпендикулярно, а параллельно оси движения улиц (например, группа Калян — Мир-араб в Бухаре). Улица в этом случае проходит мимо боковых второстепенных фасадов, а главные фасады обоих зданий обращены на изолированное от улицы пространство площади. Последняя отодвинута от русла движения, выделена из габаритов улицы.

Площадь выглядит еще более самостоятельно и законченно, когда ее границы замыкаются третьим зданием, поставленным перпендикулярно к оси, образуемой двумя другими. В этом случае ее пространство отделяется от проходящих мимо улиц, но имеет свое глубинное развитие. Самарканд и Бухара дают ряд примеров такого рода площадей.

Например, Регистанский ансамбль Самарканда состоит из собственно площади, обстроенной тремя монументальными зданиями — медресе, и площади — перекрестка торговых улиц, отмеченного купольным сооружением.

В Бухаре блестящим примером ансамбля такого же типа является группа зданий у Ляби-хауза — медресе и ханака Диван-беги на продольной оси хауза и построенное несколько раньше медресе Кукельташ, своим главным фасадом повернутое к площади перед хаузом. Здесь, по сравнению с Регистанской площадью, введен новый элемент ансамбля — водоем, немало способствующий красоте и своеобразию всей группы и подчеркивающий главенство продольной оси.

Главная продольная ось площади выделяется во всех случаях различным способом. На Регистанской площади Самарканда архитектура стоящих напротив медресе (Улугбек и Шир-Дор) подобна, их формы более монументальны и выразительны, чем в третьем здании (Тилля-Кари). На площади Ляби-хауз в Бухаре на продольную ось поставлен, кроме зданий, еще и обширный хауз (рис. 304).

Мы рассматривали ансамблевые группировки, составленные исключительно из общественно-культовых зданий. В жилых районах города можно обнаружить свои композиционно-планировочные приемы. Основным архитектурно-пространственным признаком планировки ансамбля средневекового среднеазиатского города (как всякого феодального города)

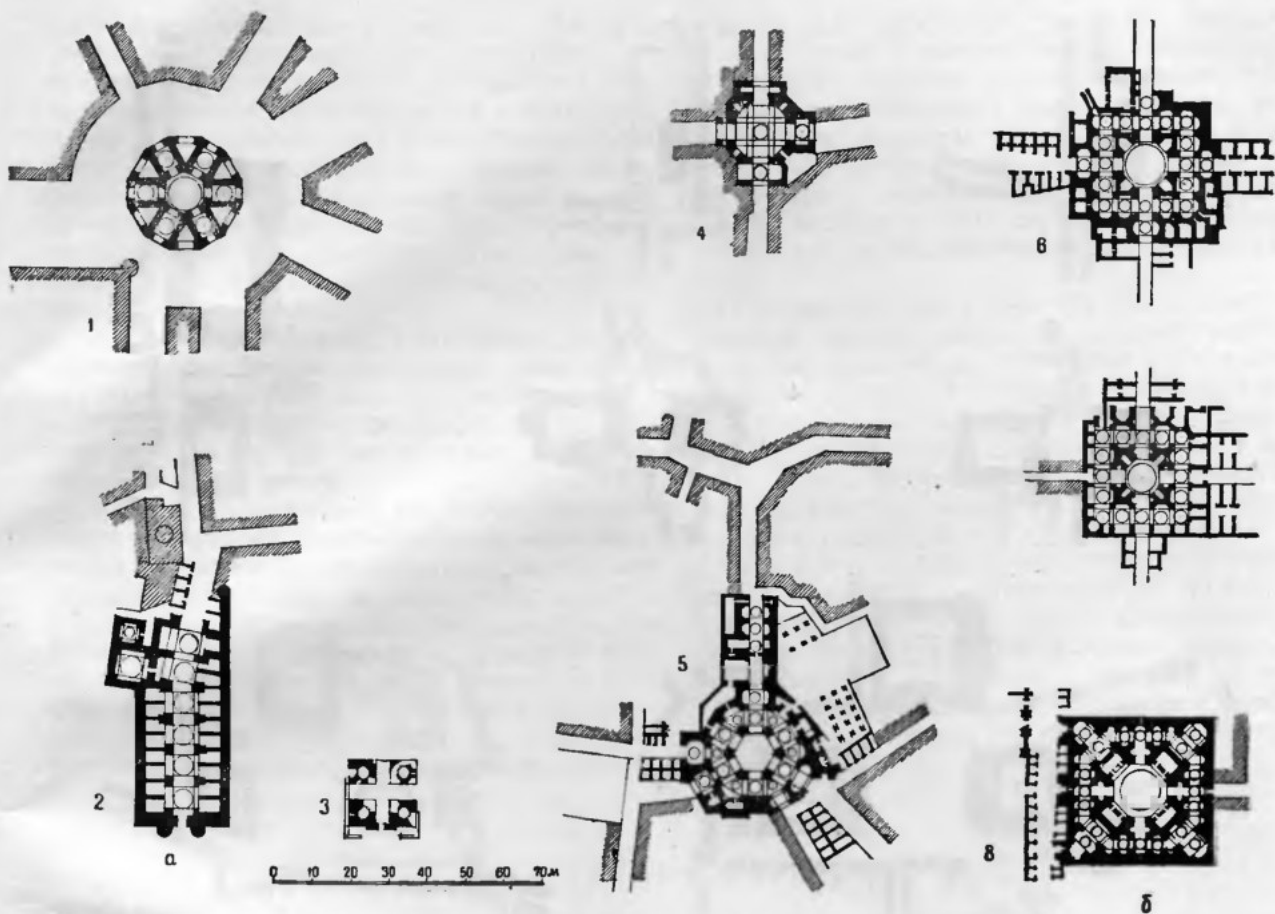

Рис. 301. Основные типы торговых купольных сооружений на главных улицах и перекрестках:

- а) торговое купольное сооружение, в котором основной частью являются сквозные проходы: 1) торговое помещение Чор-су (Самарканд), 2) ворота и торговые помещения Палван-ата (Хива), 3) сырцовое здание № 8 (древний Термез);
 б) торговое купольное сооружение, в котором основной частью является центральное крытое помещение: 4) Сарафон (Бухара), 5) Тюльпак-фурушон (Бухара), 6) Заргарон (Бухара), 7) базар портных (Исфгань), 8) тим Абдулла-хана (Бухара)

Рис. 302. Торговое купольное помещение Чор-су у Регистанской площади в Самарканде

Рис. 303. Торговое купольное помещение Заргарон на перекрестке главных улиц Бухары

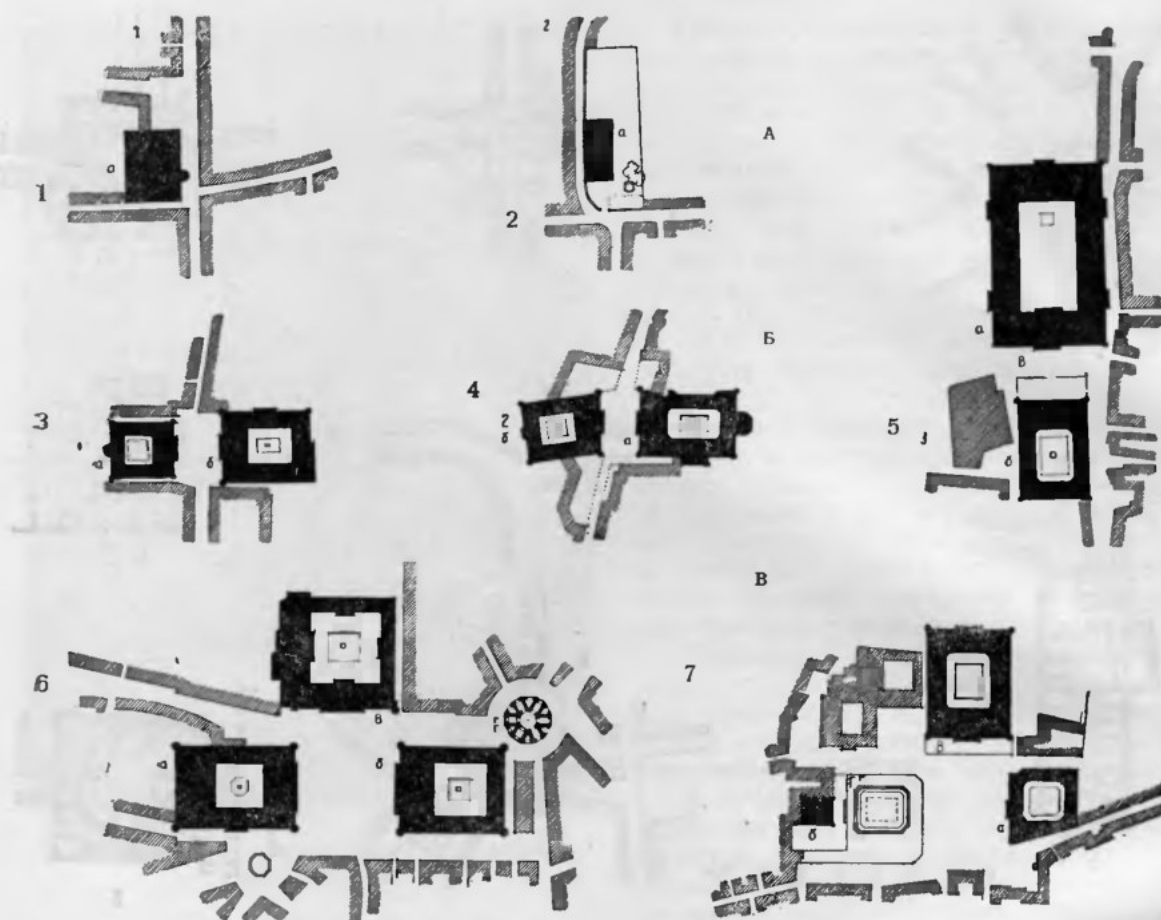

Рис. 304. Основные типы площадей среднеазиатского города:

- А) перекресток, образуемый пересечением улиц: 1) Джума-мечеть на пересечении главных улиц шахристана Хивы, 2) мечеть Пайгамбар на перекрестке главных улиц шахристана Сайрама-Исфиджаба.
 Б) Площадь, образуемая расширением улицы при парном расположении зданий: 3) группа медресе Улут-бек — Абдул-азиз-хан в Бухаре, 4) группа медресе Абдулла-хан — Модери-хан (Кош-медресе) в Бухаре, 5) группа медресе Мир-араб — мечеть Калян в Бухаре.
 В) Площадь, образуемая тремя зданиями: 6) Регистанская площадь в Самарканде, застроенная группой медресе Улут-бек, Шир-дор, Тилля-кари и торговым купольным зданием Чор-су, 7) площадь Ляби-хауз в Бухаре, застроенная группой медресе Диван-беги, Кукельташ и ханака Диван-беги

является резкое противопоставление его двух основных структурных частей — общественно-религиозных центров и жилых кварталов.

* * *

В XVI—XVIII веках Средняя Азия постепенно теряет международное значение. Мировые торговые пути перемещаются в обход Средней Азии. Немалую роль в затягивании периода феодальной раздробленности сыграл упадок ирригационных систем, которые после монгольского нашествия были восстановлены далеко не в прежнем масштабе. Общий застой общественно-культурной и экономической жизни

ни не мог не отразиться на уровне градостроительной культуры.

Хотя XVI—XVIII века дают еще немало оригинальных примеров обширных градостроительных замыслов, страна вступает в период медленного, но неуклонного снижения планировочного мастерства, затянувшийся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, которая вывела народы Средней Азии на широкий путь небывалого экономического и культурного развития.

Установившиеся общепризнанные планировочные приемы группировки монументальных зданий города превращаются в догму, не

получают дальнейшей разработки. Мастера, стесненные консерватизмом заказчиков из правящих кругов и высшего духовенства, вынуждены идти по пути эпигонства и эклектики, питаясь все теми же канонизированными архитектурно-планировочными идеями, находясь в плену привычных, веками выработанных приемов. Отдельные случаи градостроительных нововведений, проявлявшихся время от времени, не меняют сколько-нибудь существенно общей картины.

Зодчие этого времени, исполнявшие официальные или частные заказы по возведению крупных монументальных культовых и торговых сооружений, получали задание сохранять пышность и великолепие построек прошлого времени.

Размах строительства все более ограничивался суженными экономическими возможностями правящих кругов. Поэтому поддержание внешней представительности и значительности зданий при сохранении их традиционного характера происходил за счет упрощения конструкций, употребления более дешевых и простых декоративных и облицовочных материалов, применения эффектных, но непрочных имитаций изразцовых украшений. Внешний об-

лик зданий упрощался. Входные порталы, столь пышные в прежнее время, уменьшались в размерах, высокие угловые минареты превращались в небольшие башни-гульдаста. Эти технические недочеты и архитектурные упрощения компенсировались широким развитием декоративных мотивов, разнообразию и изяществу которых в ряде случаев могла бы позавидовать предшествующая тимуридовская эпоха.

Источником, питающим эти новые художественные приемы, являлось народное творчество. Народный вкус, основанный на здоровом смысле и житейской мудрости, особенно ярко проявлялся в жилищном строительстве. Поэтому общественно-культовое строительство в поисках новых доступных средств для поднятия художественного качества постоянно обращалось к традициям народных мастеров.

Народное творчество — носитель демократических элементов художественной культуры эксплуатируемых масс при господствующей культуре эксплуататорских классов — являлось неиссякаемым источником, который даже в самых неблагоприятных условиях поддерживал зодчество страны на достаточно высоком уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Де-Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд 1403—1406 («Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», XXVIII, № 1). СПб, 1881
2. Там же.
3. Беленицкий А. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. («Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры». М., 1940, VI).
4. Там же.
5. Де-Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник.
6. Опубликовано в рецензии М. Массона на статью А. Якубовского «Образы старого Самарканда».
7. Например, де-Клавихо сообщает о разборке по распоряжению Тимура уже готового портала мечети Биби-ханым, так как он был недостаточно величественен (см. «Дневник»).
8. Массон М. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда («Известия Среднеазиатского музея», Тшк., 1926, 1).
9. Якубовский А. Археологическое изучение Самарканда («Труды Отдела Востока Эрмитажа». Л., 1940, II).
10. Бартольд В. Улуг-бек и его время. СПб, 1918.
11. Шишкин В. Старая Бухара. 1935.
12. Шишкин В. Архитектурные памятники Бухары Тшк., 1936.
13. Там же.
14. Там же.
15. Гулямов Я. Памятники Хивы («Труды Узфан», сер. 2, вып. 3, Тшк., 1941).
16. Де-Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник.
17. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб, 1821.
18. Гейнс А. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве.
19. Жуковский В. Развалины старого Мерва. СПб, 1894.
20. Pore A., Ackerman Th. A survey of persian art, II, 1938.
21. Якубовский А. Образы старого Самарканда («Восток», 1925, № 5).
22. Там же.
23. Там же.
24. «Справочная книга Самаркандской области», IV, стр. 34.
25. Беленицкий А. Историческая топография Герата XV в. (Сборник «Алишер Навои», М.—Л., 1946).
26. Pore A., Ackerman Th. A survey of persian art, II, 1938.
27. Шишкин В. Архитектурные памятники Бухары.
28. Массон М. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Тшк., 1930.
29. Воронина В. Старые жилые дома в Фергане («Архитектура СССР», М., 1939, № 3).
30. Шишкин В. Архитектурные памятники Бухары.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В продолжение XVIII и XIX веков среднеазиатские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское, — представители феодально-мусульманской государственности, экономически отсталые и политически ослабленные, длительное время находившиеся в сфере влияния соседних стран, уже не имели внутренних сил для преодоления постоянных хозяйственных и политических кризисов. Неспособные к длительной борьбе за утверждение своей самостоятельности, они были включены в 60—80-х годах XIX века в состав Русского государства.

Активное распространение влияния России в казахских степях и соседствующих с ними среднеазиатских ханствах происходило с начала XIX века. Процесс присоединения обширных территорий казахских степей значительно ускорился к середине столетия и почти завершился в 60-х годах. Одновременно все более оживлялись и усиливались — к взаимной выгоде — экономические и торговые связи России со среднеазиатскими ханствами. Эти связи подготавливали политическое завоевание Средней Азии царской Россией, ставшей на путь капиталистического развития. Как подчеркивал В. И. Ленин, в России «...могучее стремление развитого капитализма расширяться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма... особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [1].

Русская буржуазия втягивала Среднюю Азию в мировое товарное обращение; кочевники переходили к оседлости, распространялось земледелие, изживались остатки прежней па-

триархальной замкнутости, ослабевали феодальные распри.

Самодержавное правительство царской России установило в среднеазиатской окраине режим национального угнетения, против которого время от времени вспыхивали жестоко подавляемые восстания эксплуатируемых масс, обреченных на нищету и бесправие. Народы Средней Азии оказались под жестоким двойным гнетом, классовым и национальным.

Однако население национальных окраин сталкивалось не только с представителями колониального реакционного режима. Наряду с царской администрацией в Среднюю Азию проникали передовые представители русского народа, знакомившие местное население со своей богатейшей культурой, при содействии которых были заложены основы местной национально-демократической культуры. «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль», — отмечал Ф. Энгельс в 1851 г. [2].

Русский народ приобщил народы Средней Азии к более передовой градостроительной культуре. Поселения городского типа возникают в кочевых или полuosедлых окраинных областях. Рядом со старыми городами, утерявшими прежнее политическое значение, возникают поселения, перерастающие в новые города с прямыми широкими озелененными улицами, скверами, капитальной застройкой и относительным благоустройством. Но эти «новые» города были разобщены от «старых» различием языка, культуры и быта.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец вековой отсталости и колониальному угнетению народов Средней Азии.

На месте прежней царской колонии образовались Туркестанская Советская Социалисти-

ческая Республика, а также Казахская и Киргизская Автономные Советские Социалистические республики.

В 1924 году произошло национальное размежевание Средней Азии, в результате которого возникли Узбекская, Туркменская и несколько позже Таджикская Советские республики, вошедшие на основе равноправия и добровольности в Союз Советских Социалистических Республик. В 1936 году Киргизская и Казахская автономные республики были преобразованы в союзные республики.

Это «означало укрепление Советской власти и крупную победу ленинско-сталинской политики партии большевиков по национальному вопросу» [3].

Разрешение национального вопроса в Советском государстве обеспечило возможность народам Средней Азии, которые третировались буржуазной наукой, как «неисторические народы», консолидироваться в социалистические нации, обрести свою государственность, ликвидировать былую экономическую и культурную отсталость. Получило реализацию историческое указание товарища Сталина о том, что «освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские» [4].

На основе победоносного социалистического строительства, осуществляя программу сталинских пятилеток, преодолевая все трудности, народы Средней Азии — при действительной помощи братских советских республик и в первую очередь великого русского народа — создают свою глубоко идейную, социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру. Дружба народов советской Средней Азии стала источником их силы.

В корне изменившийся общий культурно-хозяйственный уровень национальных республик Средней Азии вызвал оживленный рост существовавших ранее городов и возникновение многих новых.

Советская эпоха внесла решительные изменения в градостроительство национальных республик Средней Азии, установила — при едином социалистическом содержании — многообразие планировочных форм, складывающихся с учетом климатических и топографических особенностей и национальных художественных традиций.

Ленинско-сталинская теория вооружает советских зодчих знаниями, помогающими

быстрейшему развитию национального градостроительства.

В. И. Ленин четко сформулировал идею преемственности культуры, указав на необходимость усвоения и переработки всего, «...что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [5]. Он разоблачил и сурово осудил неправильные представления о том, что пролетарская культура должна расти вне национальных традиций и исторической преемственности, отвергая эти представления «...как всякие попытки выдумывать свою особую культуру...» [6].

Коммунистическая партия и советское правительство, ставя перед архитекторами и строителями новые задачи, связанные с грандиозным развитием народного хозяйства периода сталинских пятилеток, дают отпор различным идеологическим уклонам, воспринимая советских людей в духе высокого уважения к культурному прогрессивному наследию каждого народа. В свое время была вскрыта порочность идей конструктивизма-формализма, имевших некоторое время хождение среди части советских архитекторов, проявившихся также и в среднеазиатском градостроительстве. Представители этого течения нигилистически относились к национальному наследию, отвергали преемственность художественной культуры, недооценивали идейное начало в архитектуре, что приводило к обезличке, упрощенчеству, появлению в планировочной практике отвлеченно-геометрических, схематических приемов, угрожавших потерей национальных прогрессивных традиций.

В борьбе с пережитками буржуазного национализма и безродного космополитизма росла и укреплялась национальная градостроительная культура среднеазиатских советских республик.

Под маской космополитизма скрывается империалистический великодержавный шовинизм по отношению к другим нациям и предательство коренных национальных интересов по отношению к своей нации.

Иден космополитизма, т. е. безнациональности, это — антинародные идеи, так как всякая культура возникает и развивается только на реальной почве жизни того или иного народа, в процессе раскрытия и развития его духовных богатств. «Только живя самобытной жизнью может каждый народ принять свою долю в общую сокровищницу», — писал великий русский критик-демократ В. Белинский [7].

Невозможно быть интернационалистом, не

уважая и не любя культуру своего народа. Эта мысль с большой силой прозвучала в выступлении тов. А. Жданова на совещании деятелей советской музыки. «Интернационализм в искусстве, — сказал он, — рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину, — добавляет тов. Жданов, — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами» [8].

Основой развития национальных традиций является идейное своеобразие социалистической эпохи, отражающее реальное содержание советской действительности. Традиции неотделимы от новаторства; новое возникает на почве старого, выдерживая с ним борьбу, неодолимо пробивая себе дорогу, обнаруживая в то же время «...и свою от него зависимость и свою с ним кровную связь...» [9].

С проблемой выражения национальных традиций тесно связано и формирование современного архитектурного образа реконструируемых среднеазиатских городов, в которых неизбежно появляются новые черты. В корне меняется содержание городов. Их реконструкция является показателем неуклонного хозяйственного и культурного подъема ранее экономически отсталых национальных областей.

Социалистическое градостроительство, осуществляемое в районах Средней Азии, среди народов, не проходивших стадию капиталистического развития, имеет особые, специфические черты. Эти особые черты находят свое отражение в многообразии форм и планировочных приемов среднеазиатского градостроительного наследия.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялась почти в неизменном виде средневековая планировочная структура таких исторически складывавшихся городов, как Бухара, Хива, Шахризаябс, Ходжент (Ленинабад), Ура-Тюбе и др.

Колониальная политика русского капитализма оставила наследие в виде совместного существования старых — «азиатских» и новых — «европейских» частей города: к старому, исторически сложившемуся средневековому городу непосредственно примыкал, не сливаясь с ним в единый организм, регулярно спланированный новый город европейского типа (например, Ташкент, Самарканд, Андижан, Наманган и др.).

В кочевых и полусельных окраинных обла-

стях Средней Азии с забытыми традициями оседлой городской жизни или вовсе не имевших в прошлом городов, насаждались новые города — военные форпосты и торговые фактории — с регулярной, обычно прямоугольной, системой широких озелененных улиц, такие, как Верный (Алма-Ата), Пишпек (Фрунзе), Чарджуй, Ашхабад и др.

В советских условиях отошло в область преданий противопоставление «старого» и «нового» города. Начисто стерта граница, обособлявшая эти две части единого городского организма. В широких масштабах проводится плановая социалистическая реконструкция «старых» и «новых» частей городов, отсталых по благоустройству.

Практические приемы уничтожения противоположности между «старыми» и «новыми» частями городов различны в каждом отдельном случае.

В конкретных решениях необходимо исходить из жизненных условий сложившихся городов, что поможет избежать однообразных, шаблонных, схематических планировочных приемов, оторванных от реальной ситуации каждого города. Например, в крупных городах типа Ташкента, где были одинаково обширны и «старые» и «новые» части города, уместно и практически осуществимо применение единовременных мероприятий крупного масштаба в виде прокладки широких магистральных улиц, рассекающих живое тело «старого» города.

В городах меньшего масштаба, как, например, Наманган, где «новая» часть значительно меньше «старой», центр тяжести перемещается в сторону последовательной реконструкции «старой» части города.

Подходя к решению этого вопроса, следует прежде всего уяснить рациональные, жизненные основы исторически сложившегося плана «старого» города и на основе тщательного анализа определить возможные практические формы его реконструкции.

Изучение органического формирования города в прошлом подскажет пути безболезненной и практически осуществимой его реконструкции на основе современных требований, позволит избежать применения шаблонных отвлеченно-геометрических планировочных приемов, превращающих органически сложившиеся жилые районы-махаллы старого города в механически расчерченную сетку однообразных кварталов.

Живописная застройка лучших истори-

чески сложившихся городов Средней Азии может быть увязана естественно и без всяких натяжек с современной идеей организации жилых районов, основанной на планировочном сопоставлении широких прямых общегородских магистралей и свободно трассированных криволинейных внутриквартальных улиц и проездов, на контрастной группировке и разнообразном сочетании жилых, обслуживающих и общественных зданий, выражающих новое содержание советского города.

Социалистическое градостроительство в национальных республиках уничтожает издавна сложившуюся противоположность между городом и деревней, между центром и окраиной городов, а в условиях Средней Азии — и между «новой» и «старой» частями города. Это свидетельствует об уничтожении национального неравенства и о том, что удовлетворение материальных и духовных нужд народа является основой реконструкции.

Подтверждаются слова товарища Сталина о том, что «...период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме»^[10]. Это социалистическое содержание не позволяет сводить национальную форму лишь к набору формально-декоративных приемов.

Путь отбора прогрессивных, жизнеспособных, самобытных черт не имеет ничего общего с той внешней подражательностью, на основе которой создавался искусственный «ориентальный» стиль, когда новые здания увязывались только внешне с формами национальной архитектуры, но внутренне противоречили ей. Архитектура при этом снижалась до уровня экзотической занимательности, а понятие «национальное» ассоциировалось с понятием «местное», «провинциальное», имеющее значение только для данной национальной группы, вне связи с идеями социалистической архитектуры и градостроительства.

За таким «национальным колоритом» нередко скрываются националистические пережитки. Они проявляются в идеализации прошлого, в требовании сохранить «национальные особенности» народа, подчас реакционные, понимая их, как нечто неизменное и навсегда данное, в примиренческом отношении к пережиткам бытовой и культурной отсталости и национальной ограниченности.

В республиках Средней Азии имеется немало исторически сложившихся городов большой давности с определившимися архитектур-

но-планировочными чертами. Теперь они превратились в города социалистического типа. В то же время эти города — наша история, материально выраженная в остатках древних сооружений.

Монументальные архитектурные сооружения, сохранившиеся во многих городах среднеазиатских республик, имеют не только музейную, но и градостроительную ценность. Их качества многообразны. Самый факт их существования напоминает об историческом прошлом города, об его вековой культуре. Украшая город, выделяясь среди других построек, они придают современной застройке разнообразие. Невозможно найти полноценное решение проблемы освоения национального архитектурного наследия, не выходя за пределы одного, взятого изолированно здания. Всестороннее решение вопроса нужно искать в ансамбле, как высшем проявлении архитектурной деятельности, т. е. в социалистическом градостроительстве.

Вот почему реставрация и восстановление исторических памятников должны осуществляться не только во имя их историко-художественной значимости, но и с учетом их градостроительных качеств.

Исторические монументальные сооружения с их выразительными силуэтами и живописной окраской должны быть широко использованы в формировании новых ансамблей реконструируемых городов.

Для каждого города, сохранившего древние сооружения, должны быть найдены свои приемы органичной связи архитектурного наследия с новым строительством. Наиболее простой и общепринятый способ — это создание вокруг памятников охранных зон, в пределах которых запрещается какое-либо строительство. При этом создаются условия наилучшей обозримости памятников. Одним из способов органического включения исторических памятников в новый ансамбль города является установление «особых зон застройки» в районах концентрации памятников (например, в центральных частях Бухары, Хивы и др.), где при строительстве новых сооружений следует не только тщательно учитывать интересы охраны памятников, но и вопросы архитектурного сочетания с ними, которое образует нечто цельное и органически связанное. При таком принципе включения исторических памятников в современную застройку они активно участвуют в образовании новых городских ансамблей.

Советская архитектура, являясь подлинно новаторской, стала единственным наследником всей предшествующей художественной культуры; она использует историческое наследие в интересах народа.

Органическое единство прогрессивных художественных традиций с идеями советского градостроительства предполагает глубокое профессиональное знание исторически сформировавшейся архитектурно-планировочной структуры среднеазиатских городов.

Глубокое знакомство с градостроительным мастерством среднеазиатских зодчих является условием ясного понимания применявшихся ими архитектурно-планировочных приемов и, следовательно, предпосылкой умелой творческой переработки этих приемов в современных условиях. «Прошлое не безупречно, — говорил основоположник советской литературы Максим Горький, — но упрекать его бессмысленно, а вот изучать — необходимо...» [11]. Знание истории прошлого поможет яснее и отчетливее понять настоящее и предвидеть будущее.

В образах прошлого нужно уметь провести границу между прогрессивными и реакционными тенденциями. «Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследства, — заявил тов. Жданов в своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох, для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре» [12]. В этих словах начертана огромная программа деятельности для всех отраслей советской культуры, в том числе для архитектуры и градостроительства. В них выражены идея советского патриотизма, вера в величие национальной культуры народов СССР.

Богатая творческая культура Советского Востока, национальная по форме, социалистическая по содержанию, — неиссякаемый источник для усиления художественной выразительности современных сооружений в реконструируемых и вновь строящихся городах среднеазиатских советских республик.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. Ленин. Сочинения, том IV, стр. 76, изд. IV.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XXI, 1932, стр. 21.
3. «Краткий курс истории ВКП(б)», 1938, стр. 249.
4. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 178, изд. II.
5. В. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 409, изд. III.
6. В. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 410, изд. III.
7. В. Белинский. Сочинения, том II, стр. 323.

8. «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». М., 1948, стр. 139.
9. В. Белинский. Сочинения, том VIII, стр. 205.
10. Отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), 1930, стр. 79.
11. Из доклада М. Горького на I Всесоюзном съезде писателей в 1934 г.
12. «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». М., 1948, стр. 147.

П Е Р Е Ч Е Н Ь И Л Л Ю С Т Р А Ц И Й

1. Схема плана архаического «длинного дома» древнего Хорезма (Джанбас-кала № 7) по материалам хорезмской археологической экспедиции А. Н. СССР под руководством С. Толстова.
2. Схема плана «длинного дома»-пуэбло «строителей высоких насыпей» (по Моргану).
3. Схема плана «городища с жилыми стенами» Кюзели-гыр в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
4. Жилые стены городища Кюзели-гыр (реконструкция С. Толстова).
5. Схема плана «городища с жилыми стенами» Калалы-гыр № 1 в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
6. Схема плана общинного дома-пуэбло «строителей высоких насыпей» (по Моргану).
7. Схема плана городища Гяур-кала на арыке Чермен-яб в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
8. Схема плана общинных домов ягнобцев в горном Таджикистане (по А. Кандаурову).
9. Схема плана общинно-родового жилого дома восточной половины городища Джанбас-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
10. Схема плана большесемейной усадьбы в районе Аяз-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
11. Схема плана общинного дома-пуэбло в районе реки Чако (по Моргану).
- 12—15. Схема планов «городищ-тепе» с основным жилым массивом сплошной застройки и примыкающим к нему поселением: Каунчи-тепе близ Ташкента, Шаш-тепе близ Ташкента, Ак-тепе и Кюль-тепе в восточной Фергане (по данным Г. Григорьева и по материалам археологических работ на новостройках в 1935 г.).
- 16—19. Схема планов «городищ со сплошной застройкой» с примыкающим поселением вне основного жилого массива: Ак-тепе, Каунчи-тепе, Шаш-тепе, Думан-кала в Хорезме (по материалам Янги-Юльской археологической разведки Г. Григорьева и хорезмской экспедиции А. Н. СССР под руководством С. Толстова).
20. Крепостные стены города Джанбас-кала (вид снаружи и изнутри); по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР.
21. Общий вид города Джанбас-кала (реконструкция В. Лаврова).
22. Крепостные стены города Джанбас-кала.
23. Схема плана города Джанбас-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
24. Схема плана городища Куня-уаз в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
25. Схема плана городища Дефенгакент (Югон-тепе) близ Ташкента (по материалам Г. Григорьева).
26. Схема плана городища Дарган в древнем Хорезме (по материалам С. Ершова).
- 27—28. Общий вид и схема плана городища Калалы-гыр № 2 в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
29. Схема плана городища Гяур-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
30. Схема плана городища большой Гульдурсун в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
31. Схема плана городища Шах-Сенем в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
- 32—33. Схема плана и угловая крепостная башня городища Базар-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
34. Схема плана города Топрак-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
35. Угловая северо-восточная башня крепостной стены Топрак-кала (современное состояние).
36. Современное состояние городища Топрак-кала.
37. Общий вид города Топрак-кала (реконструкция В. Лаврова).
38. Общий вид городища Эрес-кала в древнем Хорезме (по рис. Н. Толстова).
39. Схематические планы курганов Берккаринского могильника в Семиречье (по материалам А. Бернштама).
- 40—43. Сельскохозяйственный район-рустак Аяз-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
44. Жилая группа города Топрак-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
45. Жилая усадьба № 1 района-рустака Аяз-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
46. Жилая усадьба № 3 района-рустака Аяз-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
47. Городище Джильдык-кала (современное состояние).
48. Городище Джильдык-кала (реконструкция В. Лаврова).
49. Городище Джильдык-кала в древнем Хорезме, план и разрез (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
50. Схема плана большой дворцовой усадьбы в Хатре; Малая Азия (по W. Andre).

51. Схема плана малой дворцовой усадьбы в Хатре, Малая Азия (по W. Andre).
52. Схема плана дворцовой усадьбы в Ассуре, Малая Азия (по А. Роре и Th. Askerman).
53. Схема плана городища Ата-Тюрк-кала в древнем Хорезме (по С. Ершову).
54. Схема плана городища Кургашин-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
55. Схема плана городища Аяз-кала № 1 в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
56. Схема плана городища Ангка-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
57. Общий вид городища Ангка-кала (рис. Н. Толстова).
58. Общий вид городища малая Кават-кала (рис. Н. Толстова).
59. Схема плана городища малая Кават-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
60. Схема плана городища Кой-крыглан-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
61. Схема плана городища Тахирия (Дая-хатын) (по материалам С. Ершова).
62. Крепостная стена города Джанбас-кала в древнем Хорезме.
63. Крепостная стена города Базар-кала в древнем Хорезме (реконструкция).
64. Крепостная стена города Топрак-кала в древнем Хорезме (реконструкция).
65. Часть главного фасада большого дворца в Хатре (Малая Азия) (реконструкция по W. Andre).
66. Внутренний двор дворца в Ассуре (Малая Азия) (реконструкция по А. Роре и Th. Askerman).
67. Общий вид усадьбы Якке-парсан (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР) (реконструкция С. Толстова).
68. Цитадель-кёшк жилой усадьбы Якке-парсан (древний Хорезм).
69. Схема плана жилой усадьбы Якке-парсан (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
70. Схема плана жилой усадьбы Кош-парсан № 2 в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
71. Схема плана цитадели города Тававис (Шахри-Вайрон) в Бухарском оазисе (по материалам зерафшанской экспедиции 1934 г. под руководством А. Якубовского).
72. Схема плана цитадели города Арбинджан на караванной дороге Бухара — Самарканд (по материалам зерафшанской экспедиции).
73. Схема плана южного участка района-рустака Беркут-кала в древнем Хорезме.
74. Крепостные стены жилой усадьбы Беркут-кала в древнем Хорезме.
75. Общий вид укрепленной жилой усадьбы Беркут-кала (рис. Н. Толстова).
76. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 10, 16, 65 и 82 района Беркут-кала. Жилой дом-кёшк расположен в центре укрепленной усадьбы-кед (рис. Н. Толстова).
77. Схема плана жилой усадьбы Кум-баскан-кала в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
78. Общий вид жилой усадьбы Кум-баскан-кала (рис. Н. Толстова).
79. Схема плана жилой усадьбы Тёшик-кала в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
80. Схема плана жилой усадьбы № 32 в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
81. Схема плана цитадели Куня-арк в Хиве.
82. Схема плана жилой усадьбы Уй-кала в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
83. Схема плана жилой усадьбы № 60 в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
84. Общий вид жилой усадьбы Уй-кала (рис. Н. Толстова).
85. Схема плана городища Дингиль-тепе в Бухарском оазисе (по материалам зерафшанской экспедиции 1934 г.).
86. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 40, 8, 20, 73 района Беркут-кала. Жилой дом-кёшк примыкает к середине наружной стены усадьбы-кед (рис. Н. Толстова).
87. Схема плана городища Пиль-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
88. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 21, 26, 35 и 55 района Беркут-кала (рис. Н. Толстова).
89. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 72, 85, 69 и 87 района Беркут-кала (рис. Н. Толстова).
90. Схема плана жилого дома-кёшка на горе Муг в Таджикистане (по А. Васильеву).
91. Схема плана «гофрированного» здания на городище древнего Термеза (по Б. Засыпкину).
92. Схема плана жилого дома-кёшка близ города Сарыг (по А. Бернштаму).
93. Схема плана сасанидского жилого дома (реконструкция).
94. Схема плана крепости Ганч-хана-тепе в Бухарском оазисе (по материалам зерафшанской экспедиции).
95. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 4 (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
96. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 34 в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
97. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 36 в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
- 98—99. Общий вид и схема плана жилого дома-кёшка усадьбы Тёшик-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
100. Общий вид усадьбы Тёшик-кала (рис. Н. Толстова).
101. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы № 8 в районе Беркут-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
102. Схема плана жилого дома-кёшка усадьбы Якке-парсан в древнем Хорезме по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
103. Схема плана сырцового здания № 5 в древнем Термезе (по материалам термезской археологической экспедиции под руководством М. Массона).
104. Схема плана караван-сарая Таш-рибат в северной Киргизии (по материалам протоколов Туркестанского кружка любителей археологии).

105. Схема плана укрепленной арабской жилой усадьбы Ал-харани (Малая Азия).
106. Схема плана укрепленного замка Ак-тепе близ Ташкента (по материалам А. Тереножкина и В. Ворониной).
107. Схема плана общежития-ханака Кырк-кыз в окрестностях древнего Термеза.
108. Общий вид здания Кырк-кыз.
109. Схема плана сасанидского дворца в Фирусабаде.
110. Схема плана сасанидского дворца Так-и-касп в Ктесифоне (реконструкция по О. Reuter).
111. Схема плана караван-сарая и ханака Акыр-таш в северной Киргизии (по материалам Туркестанского кружка любителей археологии).
112. Схема планов и общие виды рядовых жилых усадеб № 3, 5, 9, 13, 19, 23, 66 и 68 в районе Беркут-кала.
- 113—118. Схемы планов цитадели и зарождающегося шахристана: Беркут-кала (древний Хорезм), Кум-кала (древний Хорезм), крепость Хазара в системе оборонительной стены Бухарского оазиса, Тараб (Бухарский оазис), Катта-Ходжа-ишан (Бухарский оазис), Наринджан в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР и зерафшанской экспедиции).
- 119—137. Схема планов городов-шахристанов: древний Мерв (Гяур-кала), Бухара, Исфиджаб-Сайрам, Хива — Ичан-кала, Крепостная стена шахристана Хивы, Пейкенд (Бухарский оазис), Самарканд-Афрасиаб, Рамитан (Бухарский оазис), Тараз (северная Киргизия), Дабусия (между Бухарой и Самаркандом), Арбинджан (между Бухарой и Самаркандом), Харашкет-Ханка (Ташкентский оазис), древний Термез, крепостная стена шахристана Термеза, Балх (северный Афганистан), Сарыг (Киргизия), Варахша (Бухарский оазис), Отрар, Хазара (Бухарский оазис), Чиначкет-Чиназ (Ташкентский оазис).
138. Схемы планов «длинных стен», окружавших районы городов Мерва (Гяур-кала), Балха, Исфаджаба-Сайрама и древнего Термеза.
139. Схема плана оборонительной стены Кызыл-алан вдоль реки Гюрген.
140. Схема плана оборонительной стены вдоль реки Чирчик (Ташкентский оазис).
141. Схема плана оборонительной стены Бухарского оазиса Кампыр-дувал.
142. Общий вид крепости Кызыл-кала в древнем Хорезме (рис. В. Лаврова).
143. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений аркадами.
144. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений полуколоннами.
- 145—147. Схема роста территории феодального города Средней Азии: древний Мерв, Самарканд, Термез.
- 148—152. Схема роста территории феодального города Средней Азии: Бухара, Пейкенд (Бухарский оазис), Самарканд-Афрасиаб, Харашкет-Ханка, Термез (территория домонгольского города).
- 153—157. Схема планов городов-рабадов: Самарканд-Афрасиаб, Термез, крепостные стены рабада домонгольского Термеза, Сарыг, Баласагун.
- 158—162. Схема планов пограничных крепостей-рибатов: Кызыл-тепе (Шах-шахитон) с прилегающей частью оборонительной стены Кампыр-дувал (Бухарский оазис), Мийрам (нижнее течение р. Сыр-Дарьи), Балапан-тюбе (нижнее течение р. Сыр-Дарьи), Ак-курган (нижнее течение р. Сыр-Дарьи), Хазара (в системе крепостной стены Бухарского оазиса Кампы-дувал) (по материалам зерафшанской экспедиции и Туркестанского кружка любителей археологии).
- 163—164. Схема планов хорезмских крепостей-рибатов. Кызыл-кала (правый берег среднего течения р. Аму-Дарьи), Джам-пык в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
165. Схема плана сельского района-рустака Кават-кала в древнем Хорезме (схема составлена С. Толстовым).
166. Общий вид района-рустака Кават-кала.
167. Схема плана города-крепости Гульдурсун в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
168. Схема плана города-крепости Кават-кала в древнем Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
169. Схема плана города-крепости Змукшир (древний Хорезм).
170. Часть крепостной стены Гульдурсуна.
171. Схема плана жилой усадьбы № III района Кават-кала (реконструкция В. Лаврова).
172. Схема плана жилой усадьбы Ильгельды (Хорезм).
173. Схема планов малых жилых усадеб района Кават-кала: 1) план усадьбы № 16—16-а, 2) план усадьбы № 12, 3) план группы усадеб № 1, 2, 3, 5, 6, 7 и 54 (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
174. Планы жилых домов малых усадеб района Кават-кала: 1) жилой дом усадьбы № 50, 2) жилой дом усадьбы № 1, 3) жилой дом усадьбы № 7, 4) жилой дом усадьбы № 16-а (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
175. План жилого дома № 1 древнего Мерва (1-й и 2-й этажи).
176. Планы жилого дома № 5 (малая Кызыл-кала) древнего Мерва (1-й и 2-й этажи).
177. Часть наружной стены жилого дома № 5.
178. План общежития-ханака при некрополе Султан-Саадат близ древнего Термеза.
179. План жилого дома усадьбы № II в районе Кават-кала древнего Хорезма (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
180. План жилого дома усадьбы № III в районе Кават-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
181. Главный фасад жилого дома усадьбы № III (реконструкция В. Лаврова).
182. План жилого дома усадьбы № IV в районе Кават-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
183. План жилого дома № 4 (большая Кызыл-кала) в древнем Мерве.
184. Общий вид жилого дома усадьбы № IV в районе Кават-кала.
185. Общий вид жилого дома № 4 в древнем Мерве.
186. План пограничной крепости древнего Хорезма Дзу-кала (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
187. План жилого дома хорезмской усадьбы Ильгельды (по Муравьеву).
188. План караван-сарая Дая-хатын (древний Хорезм).
189. План помещения каптар-хана.
190. Каптар-хана близ малого Гульдурсуна (древний Хорезм).
191. Главный фасад каптар-хана усадьбы № 22 района Кават-кала (реконструкция В. Пентмана).
192. Декоративная обработка стены главного фасада каптар-хана усадьбы № III района Кават-кала.

193. Обработка декоративными нишками внутренних стен каптар-ха́на усадьбы № III района Кават-кала.
194. Обработка декоративными нишками внутренних стен жилого дома в Маргелане.
195. Орнаментированные пилоны парадного зала загородного дворца в древнем Термезе.
196. Схематический план загородного дворца в древнем Термезе (по материалам термезской комплексной археологической экспедиции).
197. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений полуколоннами.
198. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений аркадами.
199. Мотив полуколонн наружной стены караван-сарая Рабат-и-малик.
200. Мотив декоративной арии наружной стены караван-сарая Дая-хатын.
201. Угловая башня жилой усадьбы Наиб-кала (древний Хорезм).
202. Угловая башня жилого дома-усадьбы № III района Кават-кала.
203. Схема плана Самарканда.
204. Общий вид центральной части Самарканда.
205. Застройка торговой улицы в Самарканде.
206. Купола и минарет медресе Шир-дор на Регистанской площади Самарканда.
207. Медресе Улуг-бек на Регистанской площади Самарканда.
208. Минарет мечети Биби-ханым в Самарканде.
209. Мавзолей Гур-Эмир в Самарканде.
210. Общий вид центральной части Бухары.
211. Схема плана Бухары.
212. Общий вид застройки жилого района Бухары.
213. Минарет у мечети Калян в Бухаре.
214. Схема плана Коканда.
215. Схема плана Герата.
216. Силуэт центральной части Хивы.
217. Схема плана Хивы.
218. Общий вид застройки центральной части Хивы.
219. Общий вид застройки жилого района Хивы.
220. Схема плана Ташкента.
221. Схема плана Андижана.
222. Схема плана городища Абдулла-хана древнего Мерва.
223. Схема плана загородного дворца-сада Давлет-абад близ Самарканда (по материалам И. Сухарева).
224. Схема плана загородного дворца-сада Фарах-абад близ Исфгани (реконструкция Е. Beaudouin'a).
225. Схема плана застройки жилой улицы в центральной части Намангана.
226. Схема плана застройки жилой улицы в окраинной части Намангана.
227. Схема плана застройки перекрестка в центральной части Хивы.
228. Застройка жилой улицы в центральной части Самарканда.
229. Застройка жилой улицы в Самарканде.
230. Окраинная улица Самарканда.
231. Окраинная улица Маргелана.
232. Схема плана мавзолея-ханака Ахмед-Ясеви (Туркестан).
233. Схема плана ханака Абдулла-хана в Бахауддине близ Бухары.
234. Схема плана ханака Мухамед-яр-атталык в Бухаре.
235. Схема плана караван-сарая (впоследствии медресе) Диван-беги в Бухаре.
236. Архитектурные приемы обработки стен монументальных сооружений арочным мотивом.
237. Ханака Файзабад в Бухаре.
238. Основные схемы планов жилых ячеек и усадеб хорезмского типа.
239. Схематические планы и разрезы загородных жилых усадеб хорезмского типа (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР и другим источникам).
240. Схема плана дворца Таш-хаули в Хиве.
241. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб хорезмского типа (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР и другим источникам).
242. Один из внутренних дворов в хивинском дворце Таш-хаули.
243. Основные схемы планов жилых ячеек и усадеб бухарского типа.
244. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб бухарского типа (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР и другим источникам).
245. Схема плана и разрез дворца Гаукушан в Бухаре.
246. Схематические планы и разрезы загородных жилых усадеб бухарского типа (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
247. Основные схемы планов жилых ячеек и усадеб ферганского типа.
248. Схематические планы и разрезы жилых усадеб ферганского типа (обмеры В. Ворониной, по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
249. Схема плана загородного ханского дворца в селеении Аим (Фергана).
250. Схема плана кокандского дворца Худояр-хана (по материалам Центрального военно-исторического архива).
251. Основные схемы планов жилых ячеек и усадеб самаркандского типа.
252. Схематические планы и разрезы городских жилых усадеб самаркандского типа (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР и другим источникам).
253. Схематические планы загородных жилых усадеб самаркандского типа.
254. Приемы декоративной обработки фасада хорезмской жилой усадьбы (по обмеру Т. Страмцовой).
255. Приемы декоративной обработки ограждающих стен самаркандской загородной жилой усадьбы.
256. Часть главного фасада кокандского дворца Худояр-хана.
257. Архитектурно-композиционные приемы объединения двух или трех зданий в одну группу. (Здания поставлены по взаимно перпендикулярным осям.)
258. Внутренний двор медресе-мечети Тилля-кари в Самарканде.
259. Архитектурно-композиционные приемы объединения двух или трех зданий в одну группу. (Здания поставлены по параллельным осям.)
260. Мавзолей Казы-заде-Руми из некрополя Шах-и-Зинда близ Самарканда.
261. Главные фасады медресе Улуг-бек и Абдул-азиз-хан в Бухаре.
262. Схема плана парной группы медресе Улуг-бек и Абдул-азиз-хан в Бухаре.
263. Главные фасады медресе Абдулла-хан и Модери-хан в Бухаре.

264. Схема плана парной группы медресе Абдулла-хан и Модери-хан (Кош-медресе) в Бухаре.
265. Схема плана парной группы медресе Мир-араб и мечети Калян в Бухаре.
266. Внутренний двор мечети Калян в Бухаре.
267. Схема плана группы медресе Улуг-бек, Шир-дор и медресе-мечети Тилля-кари на Регистанской площади в Самарканде.
268. Общий вид Регистанской площади со стороны медресе Улуг-бек.
269. Главный фасад медресе-мечети Тилля-кари, обращенный на Регистанскую площадь.
270. Общий вид Регистанской площади со стороны медресе Шир-дор.
271. Схема плана группы медресе Диван-беги, Кукельташ и ханака Диван-беги на площади Ляби-хауз в Бухаре.
272. Главные фасады медресе Кукельташ и Диван-беги, обращенные на площадь Ляби-хауз.
273. Общий вид водоема на площади Ляби-хауз.
274. Фасад ханака Диван-беги на площади Ляби-хауз.
275. Схема плана квартальной мечети Карганча в Самарканде (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
276. Схема плана квартальной мечети в махалля «Красный Восток» в Самарканде (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
277. Схема плана мечети-медресе Ишан-Имло в Бухаре (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
278. Схема плана мечети-мавзолея Наринджан-баба в Хорезме (по материалам хорезмской экспедиции А. Н. СССР).
279. Схема плана квартальной мечети Ходжа-Зайнеддин в Бухаре (по материалам Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР).
280. Схема плана мечети-медресе Халиф-Худойдод в Бухаре.
281. Схема плана мечети-мавзолея Ходжа-абди-дарун в Самарканде (по обмеру Ю. Яралова и Е. Быкова).
282. Схема плана мечети-мавзолея Ходжа-Даниар близ Самарканда (по обмеру Ю. Яралова и Е. Быкова).
- 283—284. Декоративная обработка стен мавзолеев из группы Шах-и-Зинда.
285. Схема плана группы мавзолеев Шах-и-Зинда близ Самарканда.
286. Общий вид группы мавзолеев Шах-и-Зинда близ Самарканда.
287. Верхняя площадка группы мавзолеев Шах-и-Зинда.
288. Общий вид ханака и входной группы мавзолеев Султан-Саадат.
289. Общий вид боковой группы мавзолеев Султан-Саадат.
290. Схема плана группы мавзолеев Султан-Саадат близ Термеза.
291. Мечеть и ханака кладбища-некрополя Чор-бакр.
292. Схема плана загородного кладбища-некрополя Чор-бакр в окрестностях Бухары.
293. Айван летней мечети загородного кладбища-некрополя Бахауддин.
294. Схема плана загородного кладбища-некрополя Бахауддин в окрестностях Бухары.
295. Схема плана застройки главной торговой улицы Бухары.
296. Торговое купольное помещение на перекрестке главных улиц Бухары.
297. Схема плана застройки главной улицы шахристана (Ичан-кала) в Хиве.
298. Застройка центра Хивы в районе главной улицы шахристана (Ичан-кала).
299. Ворота Шейх-Джалял бухарской крепостной стены.
300. Двойные ворота хивинской крепостной стены.
301. Основные типы торговых купольных сооружений на главных улицах и перекрестках.
302. Торговое купольное помещение Чор-су у Регистанской площади в Самарканде.
303. Торговое купольное помещение Заргарон на перекрестке главных улиц Бухары.
304. Основные типы площадей среднеазиатского города.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
Предисловие	3	VIII. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих раннего средневековья	61
Раздел первый. Первичные формы населенных мест Средней Азии	8	Примечания	64
I. Средняя Азия — «страна тысячи городов»	—	Раздел четвертый. Среднеазиатские города домонгольского периода	66
II. Общинные дома — «городища с жилыми стенами»	9	I. Возникновение и рост пригородов-рабадов	—
III. Общинные дома — «городища со сплошной застройкой» (городища-тепе)	11	II. Архитектурно-планировочное устройство городов домонгольского периода	68
IV. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих древнего периода	14	III. Пограничные укрепления-рибаты	78
Примечания	15	IV. Сельскохозяйственный район-рустак	80
Раздел второй. Среднеазиатские города античного периода	16	V. Крепости — центры сельскохозяйственных районов-рустаков	81
I. Раннеантичный город. Отражение дуальной организации в плане города	—	VI. Жилая усадьба, квартал и жилой дом	82
II. Позднеантичный город	20	VII. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих домонгольского периода	93
III. Сельскохозяйственный район-рустак	25	Примечания	97
IV. Жилой квартал, усадьба и жилой дом	26	Раздел пятый. Среднеазиатские города тимуридов и шейбанидов	98
V. Крепости — центры сельскохозяйственных районов-рустаков и крепости-рибаты	31	I. Тимуридовский Самарканд	—
VI. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих античного периода	32	II. Шейбанидовская Бухара	104
Примечания	35	III. Города Средней Азии послемонгольского периода	110
Раздел третий. Среднеазиатские города раннего средневековья	36	IV. Пригородные дворцы-парки	113
I. Усадьбы-крепости	—	V. Жилая усадьба, квартал и жилой дом	116
II. Жилой район-рустак	38	VI. Архитектурно-планировочные приемы среднеазиатских зодчих периода тимуридов и шейбанидов	141
III. Укрепленная усадьба-кед и жилые здания	39	Примечания	167
IV. Центральное жилое сооружение — кёшк	43	Заключение	168
V. Зарождение города-шахристана	50	Перечень иллюстраций	173
VI. Развитой город-шахристан	52		
VII. «Длинные стены» пригородов и районов-государств	60		

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

* * *

Редактор А. З. Гимпельсон
Технический редактор Т. В. Печковская
Корректор Т. В. Леонова

* * *

Подп. в печ. 10/VIII-1950 г.
Т 06316. Ф. б. 84 × 108¹/₁₆.
Печ. л. 22¹/₂. Уч.-изд. л. 20,5.
Изд. № 200. Заказ № 219.
Тираж 3000 экз. Цена 23 руб.

* * *

2-я тип. Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка и колонка	Напечатано	Следует читать
21		Рис. 27 перевернут	
44	Правая 2 сверху	низких	узких
73	Подпись под рис. 156	Сарыг	Баласагун
73	Подпись под рис. 157	Баласагун	Сарыг
89	экспликация к рис. 187	10) Загон для скота	10) уборная 11) загон для скота
152	экспликация к рис. 277	1) минарет	1) мечеть

К книге В. А. Лаврова „Градостроительная культура Средней Азии“

ДВАДЦАТЬ ТРИ РУБЛЯ